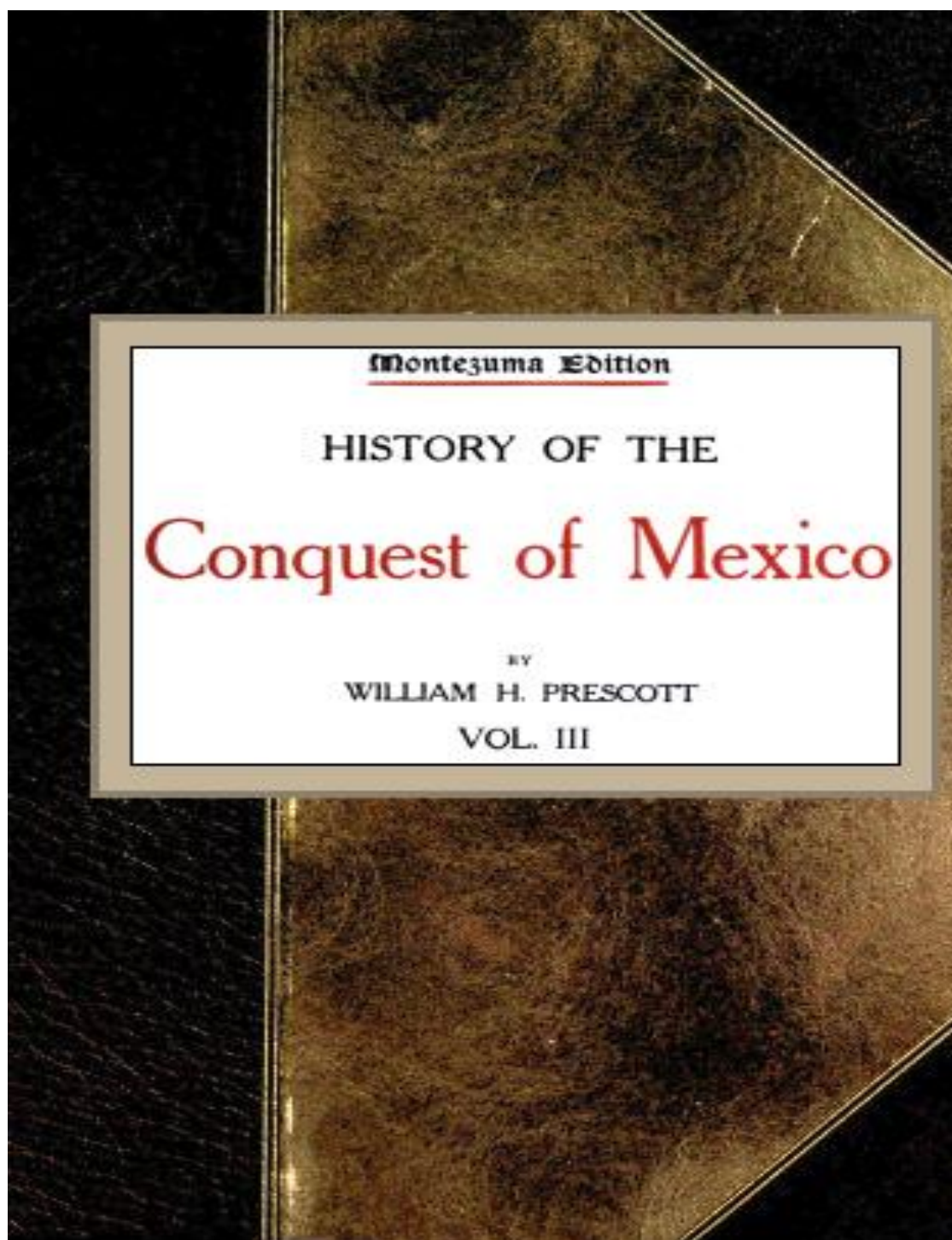

История завоевания Мексики. Том 3 из 4

Уильям Хиклинг Прескотт

Содержание

[ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ МЕКСИКИ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ ТОМА III](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[КНИГА IV ПРОЖИВАНИЕ В МЕКСИКЕ \(ПРОДОЛЖЕНИЕ\)](#)

[КОНКИСТАДОРА МЕКСИКИ](#)

[ГЛАВА V](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ГЛАВА VII](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[КНИГА V ИЗГНАНИЕ ИЗ МЕКСИКИ](#)

[ГЛАВА I](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ГЛАВА V](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ГЛАВА VII](#)

[КНИГА VI ОСАДА И КАПИТУЛЯЦИЯ МЕКСИКИ](#)

[ГЛАВА I](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта «Гутенберг» « » («Слуги короля») История завоевания Мексики; т. 3/4

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История завоевания Мексики; т. 3/4

Автор: Уильям Хиклинг Прескотт

Дата выпуска: 28 июня 2019 г. [электронная книга № 59830]

Последнее обновление: 24 января 2021 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров

<http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, доступных в Интернет-архиве)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ
МЕКСИКИ; ТОМ 3/4» ***

[Содержание тома III.](#)

[Список иллюстраций](#)

[Сноски](#)

(примечание переписчика электронного текста)

Издание Монтесумы
ПРОИЗВЕДЕНИЯ УИЛЬЯМА Х. ПРЕСКОТТА

ДВАДЦАТЬ ДВА ТОМА

Том III

*Издание произведений Уильяма Х. Прескотта «Монтесума» ограничено тысячей экземпляров, из
которых это*

№ 345

МОНТЕСУМА ПРИСЯГАЕТ НА ВЕРНОСТЬ ИСПАНИИ

[Страница 4](#)

Издание Монтесумы

ИСТОРИЯ **Завоевания Мексики**

УИЛЬЯМ Х. ПРЕСКОТТ

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ УИЛФРЕДА ХАРОЛДА МУНРО
ПРОФЕССОР ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ В БРАУНОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

**И СОСТОЯЩИЙ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ К ИЗДАНИЮ
ДЖОНА ФОСТЕРА КИРКА**

«Victrices aquilas alium laturus in orbem»

ЛУКАН, «Фарсалия», кн. V, ст. 238

Том III

ФИЛАДЕЛЬФИЯ И ЛОНДОН J. B. LIPPINCOTT COMPANY

Авторское право, 1843, Уильям Х. ПРЕСКОТТ

Авторское право, 1871, Уильям Г. ПРЕСКОТТ

Авторское право, 1873 г., принадлежит J. B. LIPPINCOTT & CO.

Авторское право, 1904 г., принадлежит J. B. LIPPINCOTT COMPANY

Электротипия и печать

J. B. Lippincott Company, Филадельфия, США

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА III

КНИГА IV

ПРЕБЫВАНИЕ В МЕКСИКЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ГЛАВА V

МОНТЕСУМА ПРИСЯГАЕТ НА ВЕРНОСТЬ ИСПАНИИ — КОРОЛЕВСКИЕ СОКРОВИЩА — ИХ РАЗДЕЛЕНИЕ —
ХРИСТИАНСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В ТЕОКАЛЛИ — НЕДОВОЛЬСТВО АЦТЕКОВ

	СТРАНИЦА
Монтесума созывает своих вельмож	<u>3</u>
Присягает на верность Испании	<u>4</u>
Его отчаяние	<u>4</u>
Его влияние на испанцев	<u>5</u>
Имперские сокровища	<u>7</u>
Великолепные украшения	<u>7</u>
Пятая часть RoSal	<u>9</u>
Количество сокровищ	<u>9</u>
Разделение добычи	<u>11</u>
Ропот солдат	<u>11</u>
Кортес успокаивает бурю	<u>12</u>
Прогресс в обращении	<u>14</u>
Кортес требует Теокалли	<u>15</u>

Христианское богослужение в святилище	17
Национальная привязанность к религии	18
Недовольство ацтеков	19
Предупреждение Монтесумы	20
Ответ Кортеса	20
Небезопасность кастильских кварталов	22

[ГЛАВА VI](#)

СУДЬБА ПОСЛАННИКОВ КОРТЕСА — ПРОЦЕДУРЫ В КАСТИЛЬСКОМ СУДЕ — ПОДГОТОВКА ВЕЛАСКЕСА — НАВАЭС ВЫСАЖИВАЕТСЯ В МЕКСИКЕ — ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОРТЕСА — ОН ПОКИДАЕТ СТОЛИЦУ

Послы Кортеса прибывают в Испанию	24
Их судьба	25
Судебное разбирательство	26
Епископ Бургоса	27
Император откладывает свое решение	28
Веласкес обдумывает месть	29
Посылает Нарваэса против Кортеса	30
Аудиенция вмешивается	31
Нарваэс отправляется в Мексику	33
Он бросает якорь у Сан-Хуан-де-Улуа	33
Хвастовство Нарваэса	34
Сандоваль готовится к обороне	36
Его отношение к захватчикам	36
Кортес узнает о Нарваэсе	37
Он подкупает своих посланников	38
Посылает посланника в его лагерь	40
Интриги монаха	41
Смущение Кортеса	43
Он готовится к отъезду	43
Он покидает столицу	46

[ГЛАВА VII](#)

КОРТЕС СПУСКАЕТСЯ С ПЛАТО — ВЕДЕТ ПЕРЕГОВОРЫ С НАРВАЭСОМ — ГОТОВИТСЯ К НАПАДЕНИЮ — КАЗАРМЫ НАРВАЭСА — НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ — НАРВАЭС ПОТЕРПЕЛ ПОРАЖЕНИЕ

Кортес пересекает долину	48
Получает подкрепление в Чолуле	49
Встречается со своим посланником	49

Объединяется с Сандовалом	51
Он осматривает свои войска	52
Посольство от Нарваэса	53
Его письмо генералу	54
Срок полномочий Кортеса	54
Переговоры с Нарваэсом	56
Испанцы возобновляют свой поход	57
Готовится к штурму	58
Кортес обращается к солдатам	58
Их энтузиазм по поводу его дела	59
Он делит свои силы	60
Квартиры Нарваэса в Семпоалле	60
Кортес пересекает реку Каноас	62
Ночной сюрприз для Нарваэса	63
Беспорядки в лагере	65
Нарваэс ранен и взят в плен	66
Святылище в огне	66
Гарнизоны сдаются	67
Кортес принимает своих пленников	69
Размышления о предприятии	70

[ГЛАВА VIII](#)

НЕДОВОЛЬСТВО ВОЙСК — ВОССТАНИЕ В СТОЛИЦЕ — ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРТЕСА — ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ ГОСТЕПРИИМСТВА — РЕЗНЯ, УСТРОЕННАЯ АЛЬВАРАДО — ВОССТАНИЕ АЦТЕКОВ

Недовольство войск Нарваэса	74
Политика Кортеса	75
Он вызывает недовольство своих ветеранов	76
Он разделяет свои силы	77
Новости о восстании в столице	78
Кортес готовится к возвращению	79
Прибытие в Тласкалу	80
Красивый пейзаж	81
Характер местных жителей	82
Новости от испанцев в Мексике	83
Кортес марширует на столицу	84
Признаки отчуждения у ацтеков	84
Испанцы вновь входят в столицу	84
Причина восстания	85

Резня, устроенная Альварадо	87
Его оправдание за содеянное	88
Его вероятные мотивы	90
Восстание ацтеков	92
Нападение на гарнизон	92
Кортес отчитывает своего офицера	94
Его холодность по отношению к Монтесуме	95
Кортес освобождает брата Монтесумы	96
Он возглавляет ацтеков	97
Город под оружием	98
Уведомление Овейдо	98
Его жизнь и труды	100
История Камарго	102

[КНИГА V](#)

ИЗГНАНИЕ ИЗ МЕКСИКИ

[ГЛАВА I](#)

ОТЧАЯННОЕ НАПАДЕНИЕ НА КАЗАРМЫ — ЯРОСТЬ МЕКСИКАНЦЕВ — ВЫХОД ИСПАНЦЕВ — МОНТЕСУМА ОБРАЩАЕТСЯ К НАРОДУ — ОПАСНО РАНЕННЫЙ

Квартиры испанцев	107
Отчаянное нападение ацтеков	108
Канонада осажденных	109
Индийцы обстреливают фортификационные сооружения	111
Ярость мексиканцев	113
Появление их войск	114
Вылазка испанцев	115
Ацтеки обрушивают град снарядов с <i>Azoteac</i>	116
Их жилища в огне	117
Испанцы сигнализируют об отступлении	118
Галлантность Кортеса	118
Решительность ацтеков	119
Кортес просит Монтесуму вмешаться	121
Он поднимается на башню	123
Обращается к своим подданным	123
Получает опасную рану	124
Его горе и унижение	125

ГЛАВА II

ШТУРМ ВЕЛИКОГО ХРАМА — ДУХ АЦТЕКОВ — СТРАДАНИЯ ГАРНИЗОНА — ОЖЕСТОЧЕННЫЕ БОИ В ГОРОДЕ — СМЕРТЬ МОНТЕСУМЫ

Ацтеки удерживают Великий храм	127
Он штурмуется испанцами	128
Энергичное сопротивление	129
Кровавые бои в этом районе	130
Героизм Кортеса	131
Победа испанцев	132
Пожар в храме	133
Кортес предлагает переговоры	134
Он обращается к ацтекам	135
Дух ацтеков	135
Испанцы в смятении	136
Бедствия гарнизона	137
Военная машина Кортеса	140
Препятствия в виде каналов	141
Ожесточенные бои в городе	142
Смелое поведение Кортеса	143
Явление святого Иакова	145
Попытка обратить Монтесуму в христианство	147
Ее провал	148
Последние часы Монтесумы	149
Его характер	151
Его потомство	155
Влияние его смерти на испанцев	156
Похороны Монтесумы	157

ГЛАВА III

ВОЕННЫЙ СОВЕТ — ИСПАНЦЫ ЭВАКУИРУЮТ ГОРОД — НОЧЬ ПЕЧАЛИ, ИЛИ «МЕЛАНХОЛИЧНАЯ НОЧЬ» — УЖАСНАЯ РЕЗНЯ — ОСТАНОВКА НА НОЧЬ — РАЗМЕР ПОТЕРЬ

Военный совет	158
Предсказания астролога	159
Их влияние на Кортеса	160
Он решает покинуть столицу	160
Организует свой поход	162
Испанцы покидают город	163

Noche Triste, или «Печальная ночь»	164
Столица пробуждается	165
Испанцы подверглись нападению на дамбе	166
Мост застрял в камнях	166
Отчаяние испанцев	167
Ужасная бойня	167
Разрушение тел и сокровищ	169
Испанцы прибывают к третьему пролому	169
Кавалеры возвращаются на помощь	170
Состояние тыла	171
Прыжок Альварадо	172
Печальное зрелище выживших	174
Чувства Кортеса	174
Испанцы проходят через Такубу	176
Штурм храма	176
Ночевка	177
Размышления генерала	178
Потеря испанцев	179

[ГЛАВА IV](#)

ОТСТУПЛЕНИЕ ИСПАНЦЕВ — Бедствия армии — Пирамиды Теотиуакана — Великая битва при ОТУМБЕ

Спокойствие мексиканцев	183
Испанцы возобновляют отступление	184
Бедствия армии	186
Их героическая стойкость	188
Пирамиды Теотиуакана	189
Рассказ о них	189
Их вероятное назначение	191
(<i>Микоатль</i> , или Путь мертвых)	193
Расы, которые их воспитали	193
Индийское племя в долине Отумба	194
Ощущения испанцев	195
Инструкции Кортеса	196
Он возглавляет атаку	197
Великая битва при Отумбе	198
Доблесть испанцев	198
Их войска в беспорядке	199

Отчаянные усилия Кортеса	<u>200</u>
Убийство вождя ацтеков	<u>201</u>
Варвары обращены в бегство	<u>201</u>
Богатая добыча для победителей	<u>202</u>
Размышления о сражении	<u>203</u>

[ГЛАВА V](#)

ПРИБЫТИЕ В ТЛАСКАЛУ — ДРУЖЕСКИЙ ПРИЕМ — НЕДОВОЛЬСТВО АРМИИ — РЕВНОСТЬ ТЛАСКАЛЬЦЕВ — ПОСОЛЬСТВО ИЗ МЕХИКО

Испанцы прибывают в Тласкалу	<u>206</u>
Семейный прием	<u>207</u>
Чувства тласкальцев	<u>208</u>
Испанцы собирают силы	<u>210</u>
Их дальнейшие несчастья	<u>210</u>
Вести из Вилья-Рики	<u>211</u>
Неукротимый дух Кортеса	<u>211</u>
Недовольство армии	<u>212</u>
Их протест	<u>212</u>
Решительный ответ генерала	<u>214</u>
Ревность тласкальцев	<u>216</u>
Кортес стремится ее успокоить	<u>217</u>
События в Мехико	<u>217</u>
Подготовка к обороне	<u>218</u>
Посольство ацтеков в Тласкале	<u>219</u>
Бурные дебаты в сенате	<u>220</u>
Мексиканский союз отвергнут	<u>222</u>

[ГЛАВА VI](#)

ВОЙНА С СОСЕДНИМИ ПЛЕМЕНАМИ — УСПЕХИ ИСПАНЦЕВ — СМЕРТЬ МАКСИСКА — ПРИБЫТИЕ ПОДКРЕПЛЕНИЯ — ТРИУМФАЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТЛАСКАЛУ

Война с соседними племенами	<u>223</u>
Сражение с тепеаками	<u>225</u>
Их клеймят как рабов	<u>225</u>
Возобновление военных действий с ацтеками	<u>227</u>
Подозрения союзников	<u>228</u>
Кортес возглавляет свои войска	<u>229</u>
Захват Куаукечоллана	<u>229</u>
Мексиканцы разгромлены	<u>230</u>

Испанцы наносят ответный удар	231
Отношение Кортеса к своим союзникам	232
Состояние его ресурсов	233
Строительство бригадин	233
Смерть Максиска	234
Оспа в Мексике	234
Недовольные солдаты покидают армию	236
Прибытие подкрепления	237
Дальнейшая удача Кортеса	238
Его письмо императору	239
Мемориал армии	241
Политика Кортеса	242
Триумфальное возвращение в Тласкалу	243
Подготовка к последней кампании	245

[ГЛАВА VII](#)

ГУАТЕМОЗИН, ИМПЕРАТОР АЦТЕКОВ — ПОДГОТОВКА К ПОХОДУ — ВОЕННЫЙ КОДЕКС — ИСПАНЦЫ ПЕРЕСЕКАЮТ СЬЕРРУ — ВХОД В ТЕЦКУКО — ПРИНЦ ИКСТИЛЬШОЧИТЛЬ

Смерть ацтекского монарха	246
Выборщики назначают другого	246
Молитва верховного жреца	247
Гуатемозин избран императором	249
Подготовка к войне	249
Численность испанских войск	250
Кортес осматривает свои войска	251
Его оживленная речь	251
Число индейских союзников	252
Их блестящее вооружение	253
Военный кодекс Кортеса	254
Его цель	255
Его благотворные положения	255
Войска начинают свой марш	258
Замыслы Кортеса	258
Он выбирает маршрут	259
Пересекает Сьерру	260
Великолепный вид на долину	261
Энергия Кортеса	263
Дела в Тецкуко	264

Испанцы прибывают туда	265
Предложения тецкуканцев	266
Испанские кварталы в Тецкуко	267
Жители покидают город	268
Принц Икстильшочитль	269
Его юношеские эксцессы	270
Споры о престолонаследии	272
Становится верным другом испанцев	272
Жизнь и труды Гомары	272
О Бернале Диасе	274

[КНИГА VI](#)

ОСАДА И КАПИТУЛЯЦИЯ МЕКСИКИ

[ГЛАВА I](#)

ДОГОВОРЕННОСТЬ В ТЕЦКУКО — РАЗГРАБЛЕНИЕ ИСТАПАЛАПАНА — ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПАНЦЕВ — МУДРАЯ ПОЛИТИКА КОРТЕСА — ПЕРЕВОЗКА БРИГАНТИН

Штаб в Тецкуко	281
Кортес не доверяет туземцам	282
Переговоры с ацтеками	283
Город Истапалапан	284
Испанцы маршируют на него	285
Разграбление города	286
Местные жители разрушают дамбы	287
Испанцы борются с наводнением	288
Возвращаются в свои кварталы в Тецкуко	288
Индийские города приносят присягу на верность	289
Некоторые просят защиты	289
Кортес отправляет Сандоваля на помощь	290
Трудная ситуация Кортеса	291
Его мудрая политика	293
Делает предложения Гуатемозину	295
Дух индийского императора	295
Бригантины готовы	297
Сандовал отправлен для их транспортировки	297
Признаки массового убийства в Зольтепеке	298
Достигает Тласкалы	299

Перевозка бригантин	299
Радость по поводу их прибытия	301
Размышления	301

[ГЛАВА II](#)

КОРТЕС РАЗВЕДЫВАЕТ СТОЛИЦУ — ЗАНИМАЕТ ТАКУБУ — СТЫЧКИ С ВРАГОМ — ЭКСПЕДИЦИЯ САНДОВАЛЯ — ПРИБЫТИЕ ПОДКРЕПЛЕНИЙ

Кортес разведывает столицу	304
Сражение при Ксалтокане	305
Испанцы переправляются через озеро	306
Города опустели по мере их продвижения	307
Красивые окрестности Мехико	308
Кортес занимает Такубу	308
Союзники поджигают город	310
Засада ацтеков	311
Переговоры с врагом	312
Одиночные бои	313
Позиция сторон	314
Испанцы возвращаются в Тецкуко	314
Посольство из Чалько	316
Сандовал отправлен на его защиту	317
Захватывает Уастпек	318
Штурмует Хакапичтла	319
Убивает гарнизон	320
Контрмарш на Чалько	321
Хладнокровие Кортеса по отношению к Сандовалу	322
Его примирение	322
Прибытие подкрепления	323
Доминиканский монах	324

[ГЛАВА III](#)

ВТОРАЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ — СРАЖЕНИЯ В СЬЕРРЕ — ЗАХВАТ КУЭРНАВАКИ — СРАЖЕНИЯ В СОЧИМИЛЬКО — УДАЧНОЕ СПАСЕНИЕ КОРТЕСА — ОН ВХОДИТ В ТАКУБУ

Вторая разведывательная экспедиция	325
Подготовка к походу	326
Испанцы входят в Сьерру	326
Сражения в перевалах	327
Камни, сброшенные ацтеками	327

Враг разгромлен	328
Испанцы разбили лагерь в тутовом роще	329
Штурм утесов	329
Марш через горы	331
Прибытие в Куэрнаваку	332
Пейзажи окрестностей	332
Смелый переход через ущелье	334
Захват города	335
Кортес вновь пересекает Сьерру	336
Прекрасный вид на долину	336
Поход на Сочимилько	337
Кортес чудом спасся	339
Рыцарский дух эпохи	340
Кортес осматривает страну	342
Бдительность в своих апартаментах	342
Сражения в Сочимилько	343
Испанцы — хозяева города	344
Пожар в Сочимилько	346
Армия прибывает в Кохоуакан	347
Засада индейцев	349
Испанцы входят в Такубу	350
Вид с Теокалли	350
Сильные эмоции Кортеса	351
Возвращение из Тецкуко	352

[ГЛАВА IV](#)

ЗАГОВОР В АРМИИ — СПУСК НА ВОДУ БРИГАНТИН — СБОР ВОЙСК — КАЗНЬ ШИКОТЕНКАТЛЯ — ПОХОД АРМИИ — НАЧАЛО ОСАДЫ

События в Испании	354
Заговор в лагере	356
Ее план	357
Раскрытие Кортесу	358
Казнь главаря	359
Политика Кортеса	360
Охрана генерала	362
Спуск на воду бригантин	363
Впечатление на зрителей	364
Сбор войск	364

Инструкции союзникам	366
Кортес распределяет свои войска	367
Его вдохновенная речь	368
Правила, зачитанные армии	369
Дезертирство Шикотенкатля	369
Его казнь	371
Его характер	372
Поход армии	373
Ссоры Олида и Альварадо	373
Испанцы разрушают акведук	374
Начало осады	376

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	СТРАНИЦА
<u>МОНТЕСУМА ПРИСЯГАЕТ НА ВЕРНОСТЬ ИСПАНИИ</u>	<u>Фронтиспис</u>
Из картины, специально написанной для этого издания Л. Ковальски.	
<u>ШТУРМ ВЕЛИКОГО ХРАМА</u>	<u>130</u>
По картине В. де Лефтовича-Доджа	
<u>НОЧЬ ПЕЧАЛИ</u>	<u>168</u>
По картине в Академии изящных искусств в Мехико.	
<u>ВЕЛИКАЯ БИТВА ПРИ ОТУМБЕ</u>	<u>196</u>
По картине М. Рамиреса.	
<u>АДРИАН ИЗ УТРЕХТА (ПАПА АДРИАН VI)</u>	<u>354</u>
По картине из галереи Уффици во Флоренции.	

КНИГА IV

ПРЕБЫВАНИЕ В МЕКСИКЕ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ

ГЛАВА V

МОНТЕСУМА ПРИСЯГАЕТ НА ВЕРНОСТЬ ИСПАНИИ — КОРОЛЕВСКИЕ СОКРОВИЩА —
ИХ РАЗДЕЛ — ХРИСТИАНСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В ТЕОКАЛЛИ — НЕДОВОЛЬСТВО
АСТЕКОВ

1520

КОРТЕС теперь чувствовал свою власть достаточно упроченной, чтобы потребовать от Монтесумы официального признания верховной власти испанского императора. Индийский монарх дал понять свою готовность согласиться с этим еще во время их первой встречи. Поэтому он не возражал против созыва своих главных вождей для этой цели. Когда они собрались, он обратился к ним с речью, кратко изложив цель встречи. Он сказал, что все они знакомы с древней традицией, согласно которой великое Существо, когда-то правившее этой землей, при своем уходе объявило, что в будущем оно вернется и возобновит свое правление. Это время настало. Белые люди пришли из тех мест, где восходит солнце, за океаном, куда удалился добрый бог. Их послал их господин, чтобы вернуть послушание его древних подданных. Что касается него самого, то он готов признать его власть (). «Вы были моими верными вассалами, — продолжал Монтесума, — в течение многих лет, пока я сидел на троне моих отцов. Теперь я ожидаю, что вы проявите мне последний акт повиновения, признав великого короля за водами своим господином, и что вы будете платить ему дань так же, как до сих пор платили мне».^[1] Когда он закончил, его голос был почти заглушен эмоциями, и слезы быстро текли по его щекам.

Его вельможи, многие из которых, прибыв издалека, не успевали следить за изменениями, происходившими в столице, были потрясены, слушая его слова и видя добровольное унижение своего господина, которого до сих пор почитали всемогущим повелителем Анауака. Поэтому вид его страданий еще больше потряс их.^[2] Они сказали ему, что его воля всегда была для них законом. Так должно быть и теперь; и если он считает, что правитель чужеземцев является древним господином их страны, они готовы признать его таковым и впредь. Затем с должной торжественностью были принесены клятвы верности, заверенные присутствующими испанцами, и королевский нотариус составил полный отчет о происшедшем, который должен был быть отправлен в Испанию.^[3] В этой церемонии было что-то глубоко трогательное: независимый и абсолютный монарх, подчиняясь скорее велениям совести, чем страха, таким образом отказался от своих наследственных прав в пользу неизвестной и загадочной силы. Это тронуло даже тех жестоких людей, которые беззастенчиво пользовались доверчивым невежеством туземцев; и, хотя «это было в порядке вещей для их дела», как пишет старый летописец, «не было ни одного испанца, который мог бы смотреть на это зрелище без слез на глазах»!^[4]

Слухи об этих странных событиях быстро распространились по столице и всей стране. Люди видели в них руку Провидения. Древняя традиция Кетцалькоатля была знакома всем, и там, где она почти не замечалась в памяти, теперь возродилась со многими преувеличенными

обстоятельствами. Говорили, что часть традиции гласила, что королевская линия ацтеков должна была закончиться с Монтесумой, и его имя, буквальное значение которого «печальный» или «сердитый господин», было истолковано как предзнаменование его злой судьбы.^[5]

Таким образом обеспечив короне Кастилии этого великого вассала, Кортес предложил ацтекским вождям послать его повелителю такую дань, которая примирила бы его добрую волю, убедив его в лояльности его новых вассалов.^[6] Монтесума согласился, чтобы его сборщики посетили главные города и провинции в сопровождении нескольких испанцев, чтобы получить обычные дани от имени кастильского повелителя. Через несколько недель большинство из них вернулись, привезя с собой большое количество золотых и серебряных изделий, богатых тканей и различных товаров, которыми обычно платили налоги.

К этому запасу Монтесума добавил, по собственному решению, сокровища Аксайакатля, о которых упоминалось ранее и часть которых уже была передана испанцам. Это было плодом долгого и тщательного накопления — возможно, вымогательства — со стороны принца, который и не подозревал о конечном назначении этих сокровищ. Когда их принесли в казармы, одного только золота хватило на три больших кучи. Часть его состояла из необработанных зерен, часть была переплавлена в слитки, но большая часть находилась в виде утвари, различных украшений и любопытных игрушек, а также имитаций птиц, насекомых или цветов, выполненных с необычайной точностью и изяществом. Было также множество ожерелий, браслетов, жезлов, вееров и других безделушек, в которых золото и перья были богато украшены жемчугом и драгоценными камнями. Многие из этих предметов были еще более замечательны своим мастерством, чем стоимостью материалов;^[7] такие, действительно, — если мы можем поверить отчету Кортеса тому, кто сам вскоре будет иметь возможность судить о его правдивости и с кем не стоит шутить, — как ни один монарх в Европе не мог похвастаться в своих владениях!^[8]

Несмотря на всю великолепие сокровищ, Монтесума выразил сожаление, что их количество не больше. Но, по его словам, он уменьшил их, подарив часть белым людям. «Возьми их, — добавил он, — Малинче, и пусть в твоих анналах будет записано, что Монтесума послал этот подарок твоему господину».^[9]

Испанцы жадно смотрели на богатства,^[10] теперь принадлежавшие им, которые намного превосходили все, что они видели до сих пор в Новом Свете, и ничем не уступали *Эльдорадо*, которое рисовало их воображение. Возможно, они чувствовали себя несколько упрекнутыми контрастом между своей собственной алчностью и великодушной щедростью варварского вождя. По крайней мере, они, казалось, свидетельствовали о своем чувстве его превосходства, оказывая ему уважительную дань, изливая всю свою благодарность.^[11] Однако они не были настолько щепетильны, чтобы проявлять деликатность в присвоении себе подарков, небольшая часть которых должна была попасть в королевскую казну. Они громко требовали немедленного раздела добычи, который генерал хотел отложить до тех пор, пока не будут собраны дани из более отдаленных провинций. Золотых дел мастера из Аскапосалько были посланы, чтобы забрать крупные и грубые украшения, оставив нетронутыми те, которые были более тонкой работы. На эту работу ушло три дня, после чего кучи золота были переплавлены в слитки и проштампованы королевским гербом.

Некоторые трудности возникли при разделе сокровищ из-за отсутствия весов, которые, как ни странно, учитывая их прогресс в искусстве, были, как уже отмечалось, неизвестны ацтекам. Однако этот недостаток был вскоре восполнен испанцами с помощью весов и гирь собственного производства, вероятно, не самых точных. С их помощью они установили, что стоимость королевской пятой части составляет тридцать две тысячи четыреста *песо де oro*.^[12] Диас увеличивает эту сумму почти в четыре раза.^[13] Но их желание обеспечить себе благосклонность императора делает маловероятным, что испанцы могли бы обмануть казну на какую-либо часть причитающейся ей суммы; в то же время, поскольку Кортес был ответственен за сумму,

указанную в его письме, он еще менее мог бы ее завесить. Его оценку можно считать достоверной.

Таким образом, общая сумма составила сто шестьдесят две тысячи *песо де oro*, не считая драгоценных украшений и ювелирных изделий, стоимость которых Кортес оценивает в пятьсот тысяч дукатов. Кроме того, было пятьсот марок серебра, в основном в виде посуды, кубков и других предметов роскоши. Незначительное количество серебра по сравнению с золотом образует странный контраст с относительными пропорциями этих двух металлов со времени оккупации страны европейцами.^[14] Общая сумма сокровищ, пересчитанная в нашу валюту и с учетом изменения стоимости золота с начала XVI века, составляла около шести миллионов трехсот тысяч долларов, или одного миллиона четырехсот семнадцати тысяч фунтов стерлингов; эта сумма достаточно велика, чтобы показать неверность распространенного мнения о том, что в Мексике было мало или вообще не было богатств.^[15] Действительно, она была невелика по сравнению с , полученной завоевателями Перу. Но лишь немногие европейские монархи того времени могли похвастаться более крупными сокровищами в своих казначействах.^[16]

Раздел добычи был делом довольно сложным. При абсолютно равном разделе между завоевателями каждый из них получил бы более трех тысяч фунтов стерлингов — великолепная добыча! Но одна пятая часть должна была быть удержана для короны. Равная часть была зарезервирована для генерала в соответствии с условиями его комиссии. Затем была выделена крупная сумма для компенсации ему и губернатору Кубы расходов на экспедицию и потерю флота. Также необходимо было обеспечить гарнизон Веракруса. Основные кавалеры получили щедрую компенсацию. Кавалерия, аркебузиры и арбалетчики получили двойную плату. Так что, когда настала очередь простых солдат, на каждого осталось не более ста *песо де oro*; сумма настолько незначительная по сравнению с их ожиданиями, что некоторые отказались ее принимать.^[17]

Среди солдат поднялся громкий ропот. «Неужели для этого, — говорили они, — мы покинули наши дома и семьи (), рисковали жизнью, подвергались усталости и голоду, и все это за такую ничтожную сумму? Лучше бы мы остались на Кубе и довольствовались доходами от безопасной и легкой торговли. Когда мы отказались от своей доли золота в Веракрусе, это было с уверенностью, что в Мексике мы получим щедрую награду. Мы действительно нашли ожидаемые богатства, но едва их увидели, как они были вырваны из наших рук теми самыми людьми, которые дали нам слово чести!» Недовольные дошли даже до того, что обвинили своих лидеров в присвоении себе нескольких самых богатых украшений до того, как было произведено разделение; это обвинение подтверждается спором, который возник между Мексией, казначеем короны, и Веласкесом де Леоном, родственником губернатора и фаворитом Кортеса. Казначей обвинил этого кавалера в краже некоторых предметов из серебра до того, как они были представлены королевской печати. Словесная перепалка переросла в драку. Оба были хорошими фехтовальщиками; обе стороны получили несколько ранений, и дело могло закончиться фатально, если бы не вмешательство Кортеса, который арестовал обоих.

Затем он использовал весь свой авторитет и убедительную красноречивость, чтобы успокоить своих людей. Это был деликатный кризис. Он сказал, что ему жаль видеть, как они забывают о долге верных солдат и рыцарей Креста и дерутся за добычу, как обычные бандиты. Он заверил их, что разделение было произведено по совершенно справедливому и равноправным принципам. Что касается его собственной доли, то она не превышала того, что ему полагалось по его званию. Однако, если они считали, что это слишком много (), он был готов отказаться от своих законных прав и поделиться с самым бедным солдатом. Золото, как бы оно ни было желанно, не было главной целью его амбиций. Если оно принадлежало им, они все равно должны были помнить, что нынешнее сокровище было ничтожным по сравнению с тем, что их ждало в будущем; ведь разве не вся страна и ее рудники были в их распоряжении? Необходимо было только не дать врагу повода, своим раздором, обмануть и разгромить их. Этими сладкими словами , которых он имел в

запасе на все случаи жизни, говорит старый солдат,^[18] для которого они были частично предназначены, ему удалось на время успокоить бурю; в то же время в частном порядке он прибег к более эффективным средствам, разумно распределяя подарки, чтобы смягчить недовольство назойливых и непокорных. И хотя было несколько человек с более упрямым характером, которые запомнили это на будущее, войска вскоре вернулись к своему обычному подчинению. Это был один из тех критических моментов, которые требовали от Кортеса всего его таланта и личного авторитета. Он никогда не уклонялся от них, но в таких случаях оставался верен себе. В Веракрусе он убедил своих последователей отказаться от того, что было лишь залогом будущих доходов. Здесь он убедил их отказаться от этих завоеваний. Это было как вырвать добычу из пасти льва. Почему он не обернулся и не разорвал его?

Для многих солдат, по сути, не имело значения, будет ли их доля добычи больше или меньше. Азартные игры — глубоко укоренившаяся страсть испанцев, и внезапное приобретение богатства давало им как средства, так и мотив для ее удовлетворения. Из старых пергаментных барабанных мембран легко делались карты, и через несколько дней большая часть призовых денег, полученных с таким трудом и страданиями, перешла из рук в руки, и многие из недалёковидных солдат закончили кампанию такими же бедными, какими были в ее начале. Другие, более благоразумные, последовали примеру своих офицеров, которые с помощью королевских ювелиров превратили свое золото в цепи, столовое серебро и другие переносные предметы украшения или быта.^[19]

Кортес, казалось, достиг главных целей экспедиции. Индийский монарх провозгласил себя вассалом испанцев. Его власть и доходы были в распоряжении генерала. Завоевание Мексики, казалось, было завершено, и без единого выстрела. Но до этого было еще далеко. Оставался еще один важный шаг, в котором испанцы до сих пор не добились большого прогресса, — обращение туземцев в христианство. Несмотря на все усилия отца Ольмедо, поддержанные полемическими талантами генерала (^[20]), ни Монтесума, ни его подданные не проявляли никакого желания отречься от веры своих отцов (^[21]). Напротив, кровавые обряды их религии () отмечались со всеми обычными обрядами и пышностью жертвоприношений на глазах у испанцев.

Не в силах больше терпеть эти мерзости, Кортес в сопровождении нескольких своих кавалеристов явился к Монтесуме. Он сказал императору, что христиане больше не могут соглашаться на то, чтобы их религиозные обряды были ограничены узкими стенами гарнизона. Они желают распространить свет своей веры далеко за пределы гарнизона и дать людям возможность в полной мере участвовать в благах христианства. С этой целью они просили, чтобы великий *теокалли* был передан им в качестве подходящего места, где они могли бы проводить свои богослужения в присутствии всего города.

Монтесума выслушал это предложение с видимым смятением. Во всех своих бедах он опирался на свою веру, и именно в послушании ей он проявил такое почтение к испанцам, как к таинственным посланникам, предсказанным оракулами. «Почему, — сказал он, — Малинче, почему ты доводишь дело до крайности, что непременно вызовет гнев наших богов и вызовет восстание среди моего народа, который никогда не потерпит такого осквернения своих храмов?»^[22]

Кортес, видя, как сильно он взволнован, дал знак своим офицерам удалиться. Оставшись наедине с переводчиками, он сказал императору, что воспользуется своим влиянием, чтобы умерить рвение своих последователей и убедить их довольствоваться одним из святилищ *теокалли*. Если это не будет разрешено, они будут вынуждены взять его силой и сбросить изображения его ложных божеств на глазах у всего города. «Мы не боимся за свои жизни, — добавил он, — потому что, хотя нас и мало, рука истинного Бога над нами». Монтесума, сильно взволнованный, сказал ему, что посоветуется со священниками.

Результат совещания был благоприятным для испанцев, которым было разрешено занять одно из святилищ в качестве места поклонения. Эта весть вызвала большую радость во всем лагере.

Теперь они могли выйти на свет и проповедовать свою религию собравшимся в столице. Они не теряли времени и сразу же воспользовались этим разрешением. Святилище было очищено от отвратительных нечистот. Был воздвигнут алтарь, увенчанный распятием и изображением Девы Марии. Вместо золота и драгоценных камней, которые сияли на соседнем языческом святилище, его стены были украшены свежими гирляндами из цветов; а старый солдат был поставлен на стражу, чтобы охранять часовню и защищать ее от вторжения.

Когда все приготовления были завершены, вся армия торжественной процессией поднялась по извилистому подъему пирамиды. Войдя в святилище и собравшись у его входа, они с благоговением слушали мессу, которую проводили отцы Ольмедо и Диас. И когда прекрасное *Te Deum* вознеслось к небу, Кортес и его солдаты, стоя на коленях на земле, со слезами на глазах, изливали свою благодарность Всевышнему за этот славный триумф Креста.^[23]

Это было поразительное зрелище — эти грубые воины, возносящие свои молитвы на вершине этого горного храма, в самой столице язычества, на месте, специально посвященном его нечестивым тайнам. Бок о бок испанец Эль- и ацтек преклонили колени в молитве, и христианский гимн смешал свои сладкие звуки любви и милосердия с диким песнопением, вознесенным индейским жрецом в честь бога войны Анауака! Это было неестественное союз, который не мог длиться долго.

Нация скорее перенесет любое оскорбление, чем оскорбление своей религии. Это оскорбление как ее принципов, так и ее предрассудков; идей, привитых ей с детства, которые укреплялись по мере ее роста, пока не стали частью ее природы, — идей, связанных с ее высшими интересами здесь и с ужасом будущего. Любое насилие над религиозными чувствами затрагивает всех одинаково: старых и молодых, богатых и бедных, знатных и простолюдинов. Прежде всего, оно затрагивает священников, чье личное уважение зависит от уважения к их религии и которые в полумодернизованном обществе обычно обладают безграничной властью. Так было с брахманами в Индии, магами в Персии, римско-католическим духовенством в средневековье, священниками Древнего Египта и Мексики.

Народ терпеливо сносил все обиды и оскорбления, наносимые ему до сих пор испанцами. Они видели, как их правителя утащили в плен из его собственного дворца, как на его глазах убили его министров, как захватили и присвоили его сокровища, как его самого, по сути, лишили королевской власти. Они видели все это, не пытаясь этому помешать. Но осквернение их храмов задело их за живое, и священники не замедлили воспользоваться этим ().^[24]

Первые признаки этой перемены в настроении были замечены у самого Монтесумы. Вместо обычной веселости он казался серьезным и погруженным в свои мысли, и вместо того, чтобы, как обычно, искать общества испанцев, он, казалось, скорее избегал его. Также было замечено, что он чаще проводил совещания с вельможами, особенно со священниками. Его маленький паж Ортегиля, который к тому времени уже достаточно хорошо выучил язык ацтеков, вопреки обычной практике Монтесумы, не был допущен на эти встречи. Эти обстоятельства не могли не вызвать у испанцев самые неприятные опасения.

Однако прошло не много дней, прежде чем Кортес получил приглашение, или, скорее, вызов, от императора явиться к нему в его апартаменты. Генерал отправился туда с некоторым беспокойством и недоверием, взяв с собой Олида, капитана гвардии, и двух или трех других верных кавалеров. Монтесума принял их с холодной вежливостью и, обращаясь к генералу, сказал ему, что все его предсказания сбылись. Боги его страны были оскорблены осквернением их храмов. Они пригрозили жрецам, что покинут город, если кощунственные чужеземцы не будут изгнаны из него, или, вернее, принесены в жертву на алтарях в искупление своих преступлений.^[25] Монарх заверил христиан, что он сообщает об этом из соображений их безопасности, и, «если вы сами заботитесь о ней, — заключил он, — то без промедления покинете страну. Мне достаточно поднять палец, и все ацтеки в стране поднимутся на вас с оружием в руках ». Не было никаких оснований сомневаться в его искренности. Монтесума, какое бы зло ни принесли ему белые люди,

почитал их как расу, более одаренную, чем его собственная, а к некоторым из них, как мы видели, он питал привязанность, несомненно, вытекающую из их личного внимания и почтения к нему.

Кортес слишком хорошо владел своими чувствами, чтобы показать, насколько он был потрясен этой новостью. Он ответил с замечательным хладнокровием, что ему будет очень жаль так поспешно покидать столицу, когда у него нет кораблей, которые могли бы вывезти его из страны. Если бы не это, ничто не помешало бы ему уехать немедленно. Он также сожалел бы о другом шаге, к которому его вынудили бы обстоятельства, если бы он уехал в таких условиях, — о том, что ему пришлось бы взять с собой императора.

Монтесума был явно обеспокоен этим последним предложением. Он поинтересовался, сколько времени потребуется на постройку судов, и в конце концов согласился отправить на побережье достаточное количество рабочих, которые должны были действовать под командованием испанцев; тем временем он собирался использовать свою власть, чтобы сдержать нетерпение народа, заверив его, что белые люди покинут страну, как только будут созданы для этого условия. Он сдержал свое слово. Большая группа ацтекских ремесленников покинула столицу вместе с самыми опытными кастильскими кораблями и, спустившись в Веракрус, сразу же приступила к вырубке леса и строительству достаточного количества кораблей для перевозки испанцев обратно в свою страну. Работа шла с заметной быстротой. Но те, кто руководил ею, как говорят, получали от генерала тайные инструкции как можно больше затягивать процесс, в надежде получить тем временем из Европы подкрепление, которое позволило бы ему удержать свои позиции.^[26]

Теперь в кастильских кварталах все изменилось. Вместо безопасности и покоя, которыми недавно наслаждались войска, они испытывали мрачное предчувствие опасности, не менее угнетающее дух, чем то, что было едва заметно для глаз, — как слабое пятно, только что замеченное путешественником в тропиках над горизонтом, которое для обычного взгляда казалось лишь летним облаком, но для опытного моряка предвещало приближение урагана. Были приняты все меры предосторожности, которые только могла придумать благоразумие. Солдаты, ложась на маты для отдыха, не снимали доспехов. Они ели, пили и спали с оружием под рукой. Их лошади стояли готовые, с седлами и уздечками, висящими на стремянах, днем и ночью. Пушки были тщательно установлены так, чтобы контролировать главные проходы. Число часовых было удвоено, и каждый человек, независимо от звания, по очереди стоял на страже. Гарнизон находился в состоянии осады.^[27] Таково было неудобное положение армии, когда в начале мая 1520 года, через шесть месяцев после их прибытия в столицу, с побережья пришли вести, которые вызвали у Кортеса еще большую тревогу, чем угроза восстания ацтеков.

ГЛАВА VI

СУДЬБА ПОСЛАНЦЕВ КОРТЕСА — СОБЫТИЯ В КАСТИЛЬСКОМ ДВОРЕ — ПОДГОТОВКА ВЕЛАСКЕСА — ПРИБЫТИЕ НАРВАЭСА В МЕКСИКУ — ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОРТЕСА — ОН ПОКИДАЕТ СТОЛИЦУ

1520

Прежде чем объяснить суть известий, упомянутых в предыдущей главе, необходимо кратко остановиться на некоторых событиях более раннего периода. Судно, которое, как читатель, возможно, помнит, везло послов Пуэртокарреро и Монтехо с депешами из Веракруса, после того как, вопреки приказам, зашло на северное побережье Кубы и распространило новости о недавних открытиях, продолжило свой путь в Испанию без перерывов и в начале октября 1519 года достигло небольшого порта Сан-Лукар. Его прибытие и привезенные им вести вызвали огромный резонанс, почти не уступающий тому, который вызвало первоначальное открытие Колумба. Ведь теперь, впервые, все великолепные ожидания, связанные с этим миром, казались обреченными на осуществление.

К сожалению, в Севилье в это время находился человек по имени Бенито Мартин, капеллан Веласкеса, губернатора Кубы. Как только этот человек узнал о прибытии послов и подробностях их рассказа, он подал жалобу в *Casa de Contratacion*, Королевский индийский дом, обвинив тех, кто

находился на борту судна, в мятеже и восстании против властей Кубы, а также в измене короне.^[28] В результате его заявлений корабль был захвачен государственными служащими, а тем, кто находился на борту, было запрещено выносить с него свои вещи или что-либо еще. Посланцам не разрешили даже забрать средства, необходимые для покрытия расходов на путешествие, а также значительную сумму, переведенную Кортесом его отцу, дону Мартину. В этой затруднительной ситуации у них не было иного выбора, как как можно скорее явиться к императору, передать ему письма, которые им поручила доставить колония, и добиваться удовлетворения своих жалоб. Сначала они разыскали Мартина Кортеса, проживавшего в Медельине, и вместе с ним как можно быстрее отправились ко двору.

Карл Пятый тогда впервые посетил Испанию после своего вступления на престол. Визит был недолгим, но достаточным, чтобы вызвать отвращение у его подданных и в значительной степени отчудить их от себя. Недавно он получил известие о своем избрании на императорский престол Германии. С того момента его взоры были обращены в ту сторону. Его пребывание на Пиренейском полуострове продлилось только для того, чтобы он мог собрать средства для великолепного появления на великой европейской арене. Каждое его действие слишком явно показывало, что он не придавал большого значения короне своих предков по сравнению с императорской короной, к которой ни его соотечественники, ни его собственные потомки не испытывали ни малейшего интереса. Этот интерес был исключительно личным.

Вопреки устоявшемуся обычаю, он созвал кастильские корты в Компостеле, отдаленном городе на севере, который не имел никаких других преимуществ, кроме близости к месту его отправления.^[29] По дороге туда он на некоторое время остановился в Тордесильяс, резиденции своей несчастной матери, Иоанны «Безумной». Именно здесь в марте 1520 года перед ним предстали послы из Веракруса. Примерно в то же время привезенные ими сокровища достигли двора, где вызвали безграничное восхищение.^[30] До сих пор доходы из Нового Света состояли в основном из растительных продуктов, которые, хотя и являются самым надежным, но и самым медленным источником богатства. Золота они видели пока очень мало, и то в естественном виде или в виде самых простых украшений. Придворные с изумлением смотрели на большие количества драгоценного металла и изящную работу различных предметов, особенно богато окрашенных изделий из перьев. И, слушая письменные и устные рассказы о великой империи ацтеков, они были уверены, что кастильские корабли наконец достигли золотых Индий, которые до сих пор казались недостижимыми.

В этом благоприятном настроении нет сомнений, что монарх удовлетворил бы просьбу послов и подтвердил неправомерные действия завоевателей, если бы не противодействие человека, занимавшего высшую должность в индийском департаменте. Им был Хуан Родригес де Фонсека, бывший декан Севильи, а ныне епископ Бургоса. Он был человеком благородного происхождения и был уполномочен руководить колониальными делами после открытия Нового Света. После создания Фердинандом Католическим Королевского совета Индий он был назначен его президентом и занимал эту должность с тех пор. Его долгое пребывание на столь важной и сложной должности свидетельствует о его деловых способностях. В ту эпоху не было ничего необычного в том, что священнослужители занимали высокие гражданские и даже военные должности. Фонсека, по-видимому, был активным, эффективным человеком, более подходящим для светской, чем для религиозной профессии. В его характере действительно было мало религиозного: он быстро обижался и медленно прощал. Его обиды, по-видимому, питались и сохранялись как часть его собственной натуры. К сожалению, его особое положение позволяло ему проявлять их по отношению к некоторым из самых выдающихся людей своего времени. Из-за обиды на реальное или мнимое пренебрежение со стороны Колумба (bus) он постоянно мешал планам великого мореплавателя. Он проявлял такое же недружелюбное отношение к сыну адмирала, Диего, наследнику его почестей, и теперь, с этого момента и впредь, проявлял подобный настрой по отношению к завоевателю Мексики. Непосредственной причиной этого

были его личные отношения с Веласкесом, с которым была помолвлена его близкая родственница.^[31]

Благодаря представлениям этого прелата Карл, вместо того чтобы дать благоприятный ответ послам, отложил свое решение до прибытия в Корунью, место отправления.^[32] Но здесь он был сильно озабочен проблемами, которые вызвало его недальновидное поведение, а также подготовкой к путешествию. Дела колониального бизнеса, которые долго откладывались и значительно накопились, были отложены на последнюю неделю пребывания в Испании. Но дела «молодого адмирала» отняли столько времени, что у него не осталось времени на дела Кортеса, за исключением того, что он поручил совету в Севилье перечислить послам столько средств, сколько было необходимо для покрытия расходов на путешествие. 16 мая 1520 года нетерпеливый монарх простился со своим раздираемым противоречиями королевством, не предприняв ни одной попытки урегулировать спор между своими воюющими вассалами в Новом Свете и не сделав ни одного шага для продвижения великолепного предприятия, которое должно было обеспечить ему владение империей. Какой контраст с политикой его прославленных предшественников, Фердинанда и Изабеллы!^[33]

Тем временем губернатор Кубы, не дожидаясь поддержки из дома, принял меры для исправления положения своими силами. В предыдущей главе мы видели, как глубоко его взволновали сообщения о действиях Кортеса и о сокровищах, которые его корабль вез в Испанию. Ярость, унижение, разочарованная алчность одурманили его разум. Он не мог простить себе, что доверил это дело таким людям. В ту же неделю, когда Кортес расстался с ним, чтобы принять командование флотом, Карл V подписал *капитуляцию*, присвоив Веласкесу титул *алантадо* и значительно увеличив его первоначальные полномочия.^[34] Губернатор решил без промедления отправить на мексиканское побережье такие силы, которые позволили бы ему в полной мере утвердить свою новую власть и отомстить своему мятежному офицеру. Он начал подготовку еще в октябре.^[35] Сначала он предложил взять командование на себя. Но его неповоротливость, которая делала его непригодным для тягот такой экспедиции, или, по его собственному объяснению, забота о своих индейских подданных, тогда измученных эпидемией, побудили его передать командование другому.^[36]

Им был выбран кастильский идальго по имени Панфило де Нарваэс. Он помогал Веласкесу в покорении Кубы, где его поведение нельзя полностью оправдать от обвинений в бесчеловечности, которые слишком часто предъявляются ранним испанским авантюристам. С тех пор он продолжал занимать важные посты в правительстве и был явным фаворитом Веласкеса. Он был человеком с некоторыми военными способностями, хотя и небрежным и слабым в дисциплине. Он обладал несомненной храбростью, но она смешивалась с высокомерием, или, скорее, с чрезмерной уверенностью в своих силах, что делало его глухим к советам других, более мудрых, чем он сам. Ему совершенно не хватало той осторожности и расчетливой дальновидности, которые требовались от лидера, который должен был справиться с таким противником, как Кортес.^[37]

Губернатор и его заместитель неустанно трудились над созданием армии. Они посетили все крупные города острова, оснастили корабли, запаслись провизией и боеприпасами и поощряли добровольцев вступать в армию щедрыми обещаниями. Но самым эффективным поощрением было обещание богатых сокровищ, которые ждали их в золотых краях Мексики. Они были настолько уверены в этом, что все классы и возрасты соперничали друг с другом в желании принять участие в экспедиции, так что казалось, будто все белое население покинет остров и оставит его его первобытным обитателям.^[38]

Сообщение об этих событиях быстро распространилось по островам и привлекло внимание Королевской аудиенции Санто-Доминго. В то время этот орган был наделен не только высшей судебной властью в колониях, но и гражданской юрисдикцией, которая, как жаловался «адмирал», посягала на его собственные права. Трибунал с тревогой воспринял предложенную экспедицию Веласкеса, которая, каким бы ни был ее исход для сторон, не могла не поставить под угрозу

интересы короны (). В связи с этим они выбрали одного из своих членов, лиценциата Айльона, человека благоразумного и решительного, и отправили его на Кубу с поручением использовать свою власть и, по возможности, остановить действия Веласкеса.^[39]

По прибытии он застал губернатора в западной части острова, занятого подготовкой флота к выходу в море. Лиценциат объяснил ему суть своей миссии и точку зрения Королевской аудиенции на предлагаемое предприятие. Завоевание такой могущественной страны, как Мексика, требовало всех сил испанцев, и если половина из них будет направлена против другой, это приведет только к гибели. Обязанностью губернатора, как хорошего подданного, было отказаться от всех личных враждебных настроений и поддержать тех, кто сейчас занимался великим делом, отправив им необходимые припасы. Он мог, конечно, провозгласить свою власть и требовать повиновения ей. Но если бы ему отказали, он должен был бы оставить решение своего спора уполномоченным судам и использовать свои ресурсы для продолжения открытий в другом направлении, вместо того чтобы рисковать всем, вступая в вражду со своим соперником.

Это предупреждение, каким бы разумным и полезным оно ни было, совсем не понравилось губернатору. Он, конечно, заявлял, что не имеет намерения вступать в вражду с Кортесом. Он намеревался лишь утвердить свою законную юрисдикцию над территориями, открытыми под его покровительством. В то же время он отрицал право Айльона или Королевской аудиенции вмешиваться в это дело. Нарваэс был еще более непоколебим и, поскольку флот был уже готов, объявил о своем намерении отплыть через несколько часов. В этой ситуации лиценциат, не сумевший достичь своей первоначальной цели — остановить экспедицию, — решил сопровождать ее лично, чтобы своим присутствием предотвратить, по возможности, открытый разрыв между сторонами.^[40]

Эскадра состояла из восемнадцати судов, больших и малых. На ней находилось девятьсот человек, из которых восемьдесят были кавалеристами, еще восемьдесят — аркебузирами, сто пятьдесят — арбалетчиками, а также было несколько тяжелых орудий и большой запас боеприпасов и военного снаряжения. Кроме того, на борту находилось тысяча индейцев, уроженцев острова, которые, вероятно, выполняли подсобные работы.^[41] Такая доблестная армада — за одним исключением,^[42] — никогда прежде не плавала по индийским морям. Ничто подобное никогда не было оснащено в западном мире.

Покинув Кубу в начале марта 1520 года, Нарваэс держал почти тот же курс, что и Кортес, и, проплыв мимо того, что тогда называлось «островом Юкатан»,^[43] после сильной бури, в которой некоторые из его небольших судов затонули, 23 апреля бросил якорь у Сан-Хуан-де-Улуа. Это было место, где впервые высадился Кортес; песчаная пустошь, покрытая нынешним городом Веракрус.

Здесь командир встретил испанца, одного из тех, кого генерал послал из Мехико, чтобы выяснить ресурсы страны, особенно ее минеральные продукты. Этот человек поднялся на борт флота, и от него испанцы узнали подробности всего, что произошло с момента отправления послов из Веракруса: о походе вглубь страны, кровавых сражениях с тласкальцами (), оккупации Мехико, найденных там богатых сокровищах и захвате монарха, благодаря чему, как заключил солдат, «Кортес правит этой землей как свой собственный суверен, так что испанец может путешествовать без оружия от одного конца страны до другого, не подвергаясь оскорблениям или насилию».^[44] Его слушатели слушали этот удивительный отчет в безмолвном изумлении, и лояльное возмущение Нарваэса становилось все сильнее и сильнее, когда он узнал о ценности трофея, который был отнят у его работодателя.

Теперь он открыто провозгласил свое намерение выступить против Кортеса и наказать его за мятеж. Он так громко заявлял об этом, что туземцы, которые в большом количестве стекались в лагерь, вскоре образовавшийся на берегу, ясно поняли, что новоприбывшие были не друзьями, а врагами предыдущих. Нарваэс также решил — вопреки совету испанца, который привел в пример Кортеса — основать поселение на этом малообещающем месте и принял необходимые меры для

организации муниципалитета. Солдат сообщил ему о существовании соседней колонии в Вилья-Рика, которой командовал Сандовал и которая состояла из нескольких инвалидов, которые, как ему заверили, сдадутся по первому призыву (). Однако вместо того, чтобы выступить на это место, он решил отправить мирную делегацию, чтобы продемонстрировать свою власть и потребовать подчинения гарнизона.^[45]

Эти последовательные шаги вызвали серьезное недовольство Айльона, который понимал, что они неизбежно приведут к столкновению с Кортесом. Но его протесты и угрозы доложить о действиях Нарваэса правительству были тщетны. Последний, раздраженный его постоянным сопротивлением и резкими упреками, решил избавиться от спутника, который шпионил за его действиями. Он приказал арестовать его и отправить обратно на Кубу. Лиценциат сумел убедить капитана судна изменить курс на Санто-Доминго, и, когда он прибыл туда, был подготовлен официальный отчет о его действиях, в котором ярко описывалось нелояльное поведение губернатора и его лейтенанта, и отправлен Королевской аудиенцией в Испанию.^[46]

Тем временем Сандовал не остался равнодушным к действиям Нарваэса. С момента его первого появления на побережье этот бдительный офицер, не доверяя целям вооружения, не спускал с него глаз. Как только он узнал о высадке испанцев, командир Вилья-Рика () отправил своих немногих небоеспособных солдат в безопасное место поблизости. Затем он привел свои укрепления в наилучшее состояние обороны и приготовился защищать это место до последнего. Его люди пообещали остаться с ним, и, чтобы еще более укрепить решимость тех, кто мог бы засомневаться, он приказал установить виселицу в заметном месте города! Однако стойкость его людей не подверглась испытанию.

Единственными захватчиками этого места были священник, нотариус и четверо других испанцев, отобранных для миссии, о которой уже упоминал Нарваэс. Священника звали Гевара. Представшись Сандовалу, он произнес торжественную речь, в которой помпезно перечислил заслуги и права Веласкеса, обвинил Кортеса и его сторонников в мятеже и потребовал от Сандовала подчиниться, как верный подданный, новому правительству Нарваэса.

Командир Ла-Вилья-Рика был настолько возмущен этим бесцеремонным упоминанием о своих соратниках, что заверил почтенного посланника, что только уважение к его сану спасло его от заслуженного наказания. Теперь Гевара в свою очередь пришел в ярость и призвал нотариуса зачитать прокламацию. Но Сандовал вмешался, пообещав этому чиновнику, что если он попытается это сделать, не предъявив сначала ордера на свою власть от короны, то будет жестоко выпорочен. Гевара потерял самообладание и, топая ногой по земле, повторил свой приказ более категоричным тоном, чем раньше. Сандовал не был человеком многословным. Он просто заметил, что документ должен быть зачитан генералу лично в Мехико. В то же время он приказал своим людям нанять нескольких крепких *таманов*, или индейских носильщиков, на спины которых несчастный священник и его спутники были привязаны, как грузы. Затем их поставили под охрану двадцати испанцев, и весь караван отправился в столицу. Они шли днем и ночью, останавливаясь только для смены носильщиков; и когда они проходили через густонаселенные города, леса и возделанные поля, исчезая, как только появлялись, испанцы, ошеломленные странностью происходящего, а также необычным способом передвижения, едва ли понимали, во сне они или наяву. Таким образом, в конце четвертого дня они достигли озера Тецукан, откуда была видна столица ацтеков.^[47]

Его обитатели уже были ознакомлены с новым прибытием белых людей на побережье. Действительно, непосредственно после их высадки информация была передана Монтесуме, который, как говорят (это кажется маловероятным), несколько дней скрывал ее от Кортеса.^[48] Наконец, пригласив его на собеседование, он сказал ему, что больше нет никаких препятствий для его отъезда из страны, поскольку флот для него готов. На расспросы изумленного генерала Монтесума ответил, указав на иероглифическую карту, присланную ему с побережья, на которой были детально обозначены корабли, сами испанцы и все их снаряжение. Кортес, подавляя все

эмоции, кроме удовольствия, воскликнул: “Да будет благословен Искупитель за его милости!” Вернувшись в свои покои, войска встретили эту весть громкими криками, пушечной пальбой и другими проявлениями радости. Они приветствовали вновь прибывших как подкрепление из Испании. Но не их командир. С самого начала он подозревал, что они подсланы его врагом, губернатором Кубы. Он поделился своими подозрениями со своими офицерами, через которых они постепенно проникли в ряды солдат. Волна радости была немедленно подавлена. Тревожные предчувствия увенчались успехом, поскольку они сосредоточились на вероятности этого предположения и на силе захватчиков. И все же постоянство не покинуло их, и они поклялись оставаться верными своему делу и, что бы ни случилось, поддерживать своего лидера. Это был один из тех случаев, который доказал все влияние, которое Кортес имел на этих диких авантюристов. Все сомнения вскоре были развеяны прибытием заключенных с Виллы Рика.

Один из конвоев, оставив партию в пригороде, вошел в город и доставил генералу письмо от Сандовала, в котором ознакомил его со всеми подробностями. Кортес немедленно послал за пленными, приказал освободить их и снабдил лошадьми, чтобы они могли въехать в столицу, — более надежным средством передвижения, чем спины таманеса. По прибытии он принял их с подчеркнутой вежливостью, извинился за грубое поведение своих офицеров и, казалось, желал самым усердным вниманием успокоить их раздражение. Он еще больше продемонстрировал свою добрую волю, щедро одарив Гевару и его соратников подарками, пока постепенно не добился такого изменения в их настроении, что из врагов превратил их в друзей, и выяснил много важных подробностей, касающихся не только намерений их лидера, но и чувств его армии. По их словам, солдаты в целом отнюдь не стремились к разрыву с солдатами Кортеса, а охотно сотрудничали бы с ними, если бы не их командир. У них не было чувства обиды, которое можно было бы удовлетворить. Их целью было золото. Личное влияние Нарваэса было невелико, а его высокомерие и скупой нрав уже настолько далеко зашли, что оттолкнули от него симпатии его последователей. Эти намеки не остались незамеченными для генерала.

Он направил своему сопернику письмо в самых примирительных выражениях. Он умолял его не объявлять об их враждебности всему миру и, разжигая в туземцах дух неповиновения, нарушать все, что было до сих пор обеспечено. Жестокое столкновение должно быть пагубным даже для победителя и может оказаться фатальным для обоих. Только в союзе они могли рассчитывать на успех. Он был готов приветствовать Нарваэса как брата по оружию, разделить с ним плоды завоеваний и, если тот сможет получить королевское поручение, подчиниться его власти. Кортес хорошо знал, что у него нет такого поручения, которое он мог бы предъявить.^[49]

Вскоре после отъезда Гевары и его товарищей,^[50] генерал решил направить собственного специального посланника. Человеком, избранным на эту деликатную должность, был отец Ольмедо, который в ходе предвыборной кампании проявил практический здравый смысл и талант к ведению дел, которые не всегда можно найти у человека его духовного призвания. Ему было доверено другое послание к Нарваэсу, аналогичное по важности предыдущему. Кортес написал также лиценциату Айлону, об уходе которого он не был знаком, и Андресу де Дуэро, бывшему секретарю Веласкеса и своему собственному другу, который перешел на сторону нынешнего флота. Ольмедо было поручено побеседовать с этими людьми наедине, а также со старшими офицерами и солдатами и, насколько это возможно, вселить в них дух согласия. Чтобы придать больший вес своим аргументам, он был снабжен щедрым запасом золота.

За это время Нарваес отказался от своего первоначального замысла основать колонию на морском побережье и пересек страну в Семпоалу, где поселился. Он был здесь, когда вернулся Гевара и вручил письмо Кортеса.

Нарваес окинул его презрительным взглядом, который сменился выражением сурового неудовольствия, когда его посланник подробно рассказал о ресурсах и грозном характере своего соперника, посоветовав ему во что бы то ни стало принять его предложения о дружбе. Иное впечатление это произвело на войска, которые жадными ушами слушали рассказы о Кортесе, о его

откровенных и либеральных манерах, которые они невольно противопоставляли манерам своего собственного командира, о богатстве в его лагере, где самый скромный рядовой мог поставить на кон свой слиток и золотую цепочку, где все пировали вволю, и жизнь солдата казалась одним долгим праздником. Гевару допустили только к светлой стороне картины.

Впечатление, произведенное этими рассказами, было подтверждено присутствием Ольмедо. Священнослужитель передал свои послания Нарваэсу, который изложил их содержание с чувством гнева, нашедшим выход в самых оскорбительных высказываниях в адрес своего соперника; в то время как один из его капитанов, по имени Сальватьерра, открыто заявил о своем намерении отрезать уши мятежника и поджарить их себе на завтрак!^[51] Такие бессильные вылазки не встревожили мужественного монаха, который вскоре вступил в общение со многими офицерами и солдатами, которых он нашел более склонными к компромиссу. Его вкрадчивое красноречие, подкрепленное его либеральной щедростью, постепенно проложило путь в их сердца, и под самым присмотром их вождя образовалась партия, больше отвечавшая интересам его соперника, чем его собственным. Интрига не могла вестись настолько тайно, чтобы полностью ускользнуть от подозрений Нарваэса, который арестовал бы Ольмедо и поместил его под стражу, если бы не вмешательство Дуэро. Он положил конец его дальнейшим махинациям, отправив его обратно к хозяину. Но яд остался делать свое дело.

Нарваэс так же, как и при высадке, хвастался своим намерением выступить против Кортеса и схватить его как предателя. Семпоалльцы с удивлением узнали, что их новые гости, хотя и были соотечественниками, были врагами их прежних. Нарваэс также объявил о своем намерении освободить Монтесуму из плена и восстановить его на троне. Говорят, что он получил богатый подарок от императора ацтеков, который вступил с ним в переписку.^[52] То, что Монтесума должен был относиться к нему со своей обычной щедростью, предполагая, что он друг Кортеса, весьма вероятно. Но то, что он вступил в тайное общение, враждебное интересам генерала, слишком противоречит всему характеру его поведения, чтобы с легкостью допустить это.

Эти действия не ускользнули от бдительного ока Сандовала. Он собрал подробности частично от дезертиров, бежавших на Вилья-Рику, а частично от своих собственных агентов, которые под видом туземцев проникли во вражеский лагерь. Он послал полный отчет о них Кортесу, ознакомил его с растущим числом дезертиров среди индейцев и призвал его принять срочные меры для защиты Вилья-Рики, если он не хочет, чтобы она попала в руки врага. Генерал почувствовал, что пришло время действовать.

Однако выбор курса, которым следовало следовать, был крайне затруднительным. Если бы он остался в Мексике и ожидал там нападения своего соперника, это дало бы последнему время собрать вокруг себя все силы империи, включая силы самой столицы, все желающие, без сомнения, служить под знаменами вождя, который предложил освободить их хозяина. Шансы были слишком велики, чтобы рисковать.

Если он выступит против Нарваэса, он должен либо покинуть город и императора, плод всех своих трудов и триумфов, либо, оставив гарнизон, чтобы внушать им страх, подорвать свои силы, и без того слишком слабые, чтобы справиться с силами своего противника. И все же он решился на это последнее. Возможно, он меньше полагался на открытое столкновение с оружием в руках, чем на влияние своего личного обращения и предыдущих интриг, которые могли привести к любовному соглашению. Но он приготовил себя к любому результату.

В предыдущей главе упоминалось, что Веласкеса де Леона послали со ста пятьюдесятью людьми основать колонию на одной из больших рек, впадающих в Мексиканский залив. Кортес, узнав о прибытии Нарваэса, отправил гонца к своему офицеру, чтобы проинформировать его об этом факте и пресечь его дальнейшее продвижение. Но Веласкес уже получил уведомление об этом от самого Нарваэса, который в письме, написанном вскоре после высадки, заклинал его от имени своего родственника, губернатора Кубы, оставить знамена Кортеса и перейти к нему. Этот офицер, однако, давно похоронил чувство обиды, которое он когда-то питал к своему генералу, к

которому теперь был преданно привязан и который на протяжении всей кампании оказывал ему особое уважение. Кортес рано понял, как важно заручиться поддержкой этого кавалера в своих интересах. Не дожидаясь приказов, Веласкес отказался от своей экспедиции и предпринял контрмарш на столицу, когда получил приказ генерала ждать его в Чолуле.

Кортес также послал в отдаленную провинцию Чинантла, расположенную далеко к юго-востоку от Чолулы, подкрепление в две тысячи туземцев. Они были смелой расой, враждебно относившейся к мексиканцам, и предлагали ему свои услуги с тех пор, как он поселился в метрополии. В бою они использовали длинное копье, действительно более длинное, чем у испанской или немецкой пехоты. Кортес приказал изготовить для него триста их двуглавых копий с медными наконечниками вместо *ицтли*. С помощью этого грозного оружия он намеревался разбить кавалерию своего врага.

Командование гарнизоном в свое отсутствие он доверил Педро де Альварадо, *Тонатлиу* мексиканцев, человеку, обладавшему многими командирскими качествами, бесстрашным, хотя и несколько высокомерным характером, и своему сердечному личному другу. Он привил ему умеренность и терпимость. Он должен был пристально следить за Монтесумой, поскольку на владении царственной особой зиждилась вся их власть в стране. Он должен был оказывать ему уважение, как обусловленное его высоким положением, так и требуемое политикой. Он должен был с неизменным уважением относиться к обычаям и предрассудкам народа, помня, что, хотя его небольшой отряд будет достаточно велик, чтобы внушать им благоговейный страх во времена затишья, все же, если они однажды пробудятся, это будет сметено, как мякина перед ураганом.

От Монтесумы он потребовал обещания поддерживать со своим лейтенантом такие же дружеские отношения, какие тот сохранил по отношению к самому себе. За это, сказал Кортес, он был бы очень благодарен своему собственному хозяину, испанскому суверену. Если ацтекский принц поступит иначе и поддастся какому-либо враждебному движению, он должен быть убежден, что станет его первой жертвой.

Император заверил его в своей неизменной доброй воле. Однако он был сильно озадачен недавними событиями. Были ли испанцы при его дворе или те, кто только что высадился, истинными представителями своего государя? Кортес, который до сих пор держался сдержанно по этому поводу, теперь сказал ему, что последние действительно были его соотечественниками, но предателями его господина. Таким образом, его тягостным долгом было выступить против них, и, когда он подавит их мятеж, он должен будет вернуться перед своим отъездом из страны с триумфом в столицу. Монтесума предложил поддержать его пятью тысячами ацтекских воинов, но полководец отклонил это предложение, не желая обременять себя отрядом сомнительных, возможно, недовольных вспомогательных войск.

Он оставил в гарнизоне под командованием Альварадо сто сорок человек, две трети всего своего войска.^[53] С ними осталась вся артиллерия, большая часть небольшого кавалерийского отряда и большая часть аркебузирова. Он взял с собой всего семьдесят солдат, но это были самые отважные люди в армии и его стойкие приверженцы. Они были легко вооружены и взяли с собой как можно меньше багажа. Все зависело от быстроты движений.

Монтесума в своих королевских носилках, которые несли на плечах его вельможи, в сопровождении всей испанской пехоты проводил генерала до дамбы. Там, обняв его самым сердечным образом, они расстались со всеми внешними знаками взаимного уважения. Была примерно середина мая 1520 года, более шести месяцев с момента вступления испанцев в Мексику. За это время они безраздельно властвовали на этой земле. Теперь они покидали город во враждебном строю, но не против врага-индейца, а против своих собственных соотечественников. Это было началом долгого пути бедствий, — перемежаемого, правда, случайными триумфами, — который еще предстояло пройти, прежде чем Завоевание могло быть завершено.^[54]

ГЛАВА VII

КОРТЕС СПУСКАЕТСЯ С ПЛОСКОГОРЬЯ-ВЕДЕТ ПЕРЕГОВОРЫ С НАРВАЭСОМ—
ГОТОВИТСЯ НАПАСТЬ НА НЕГО—КВАРТАЛЫ НАРВАЭСА—АТАКА НОЧЬЮ—НАРВАЭС
ПОБЕЖДЕН

1520

ТДВИГАЯСЬ по южной дамбе, по которой они вошли в столицу, маленький отряд вскоре был уже в пути по прекрасной долине. Они взобрались на горный заслон, который Природа так неумело воздвигла вокруг него, прошли между огромными вулканами, которые, подобно неверным сторожевым псам на своих постах, давно погрузились в сон, миновали запутанные ущелья, где им прежде приходилось сталкиваться с такой суровой и ненастной погодой, и, выйдя с другой стороны, спустились по западному склону, открывающемуся на широкое пространство плодородного плато Чолула.

Они мало обращали внимания на то, что видели во время своего быстрого марша, и на то, было холодно или жарко. Беспокойство, царившее в их душах, сделало их равнодушными к внешним неприятностям; и, к счастью, им не приходилось сталкиваться ни с какими неприятностями со стороны туземцев, ибо имя испанца само по себе было обаянием — для носителя оно было лучшей защитой, чем шлем или щит.

В Чолуле Кортес испытал невыразимое удовлетворение, встретив Веласкеса де Леона со ста пятьюдесятью солдатами, вверенными его командованию для создания колонии. Этот верный офицер некоторое время находился в Чолуле, ожидая подхода генерала. Если бы он потерпел неудачу, предприятие Кортеса тоже должно было потерпеть неудачу.^[55] Идея сопротивления с его собственной горсткой последователей была бы химерической. Как бы то ни было, его маленький отряд теперь увеличился втрое и обрел уверенность в пропорциях.

Сердечно обняв своих товарищей по оружию, теперь сплоченных более тесно, чем когда-либо, ощущением великой и общей опасности, объединенные войска быстрыми шагами прошли по улицам священного города, где множество темных груд развалин говорили об их катастрофическом посещении прошлой осенью. Они держались большой дороги на Тласкалу и, находясь на расстоянии нескольких лиг от этой столицы, встретились с отцом Ольмедо и его спутниками, возвращавшимися из лагеря Нарваэса, куда, как мы помним, они были отправлены в качестве посланников. Священнослужитель привез письмо от этого командующего, в котором тот призывал Кортеса и его последователей подчиниться его власти как генерал-капитана страны, угрожая им достойным наказанием в случае отказа или промедления. Ольмедо рассказал много любопытных подробностей о состоянии вражеского лагеря. Нарваэса он описал как возгордившегося властью и пренебрегшего мерами предосторожности против врага, к которому он относился с презрением. Он был окружен несколькими напыщенными, самодовольными офицерами, которые потакали его тщеславию, и чьему хвастливому тону добрый отец, у которого был глаз на смешное, подражал, к немалому удовольствию Кортеса и солдат. Многие солдаты, по его словам, не проявляли особого пристрастия к своему командиру и были решительно не склонны к разрыву со своими соотечественниками; такому настроению во многом способствовали отчеты, которые они получили о Кортесе, его собственные аргументы и обещания, а также щедрая раздача золота, которым он был снабжен. В дополнение к этим вопросам Кортес собрал много важных разведанных, касающихся расположения сил противника и его общего плана операций.

В Тласкале испанцев приняли с искренним и дружеским гостеприимством.* Не сказано, сопровождал ли их кто-либо из союзников Тласкалы из Мексики. Если они и пошли, то не дальше своего родного города. Кортес запросил подкрепление в шестьсот человек, чтобы сопровождать его в нынешней экспедиции. Это было с готовностью принято, но прежде чем армия продвинулась на много миль по своему маршруту, индийские вспомогательные части один за другим отступили и вернулись в свой город. У них не было личного чувства враждебности, которое можно было бы удовлетворить в данном случае, как в войне против Mexico. Возможно также, что, хотя они и были

бесстрашны в поединке с храбрейшими представителями индейской расы, они имели слишком роковой опыт доблести белых людей, чтобы снова померяться с ними силами. Во всяком случае, они дезертировали в таком количестве, что Кортес сразу же отпустил остальных, добродушно сказав: “Он предпочел расстаться с ними тогда, чем в час испытания”.

{*} [В большинстве источников говорится, что Кортес сам не посещал Тласкалу, а поспешил к побережью более южным маршрутом. Он послал одного из своих офицеров в этот город попросить несколько *тысяч* воинов. Берналь Диас, Hist. На стр. 91 написано: “Эмбио Кортес из Тласкалы, рогар ... quatro mil hombres.”—М.]

Вскоре войска вступили в эту дикую местность по соседству с Пероте, усеянную обломками вулканических пород, которые составляют столь разительный контраст с общей красотой пейзажа. Вскоре их взору предстало приближение Сандовала и примерно шестидесяти солдат из гарнизона Вера-Крус, в том числе нескольких дезертиров от врага. Это было самое важное подкрепление, не столько из-за численности людей, сколько из-за характера командира, во всех отношениях одного из самых способных капитанов на службе. Он был вынужден сделать круг, чтобы не столкнуться с врагом, и пробирался сквозь густые леса и дикие горные перевалы, пока, к счастью, без происшествий не добрался до назначенного места встречи и снова встал под знамена своего вождя. [\[56\]](#)

Там же Кортеса встретил испанец Тобильос, которого он послал за копьями из Чинантлы. Они были прекрасно сделаны по приведенному образцу — двуглавые копья с медными наконечниками большой длины. Тобильос обучал солдат владению этим оружием, грозное применение которого, особенно против конницы, было в полной мере продемонстрировано к концу прошлого столетия швейцарскими батальонами в их столкновениях с бургундским рыцарством, лучшим в Европе. [\[57\]](#)

Теперь Кортес произвел смотр своей армии, — если столь ничтожные силы можно назвать армией, — и обнаружил, что их численность составляет двести шестьдесят шесть человек, только пятеро из которых были верхом. Среди них было разбросано несколько мушкетов и арбалетов. С защитными доспехами у них был печальный недостаток. По большей части они были облачены в деревенские стеганные камзолы, туго набитые хлопком, - *escarpil*, рекомендованные за свою исключительную легкость, но которые, хотя и могли отвести стрелу индейца, были бессильны против мушкетной пули. Большая часть этой хлопчатобумажной кольчуги была сильно потрепана, и ее неприглядные прорехи свидетельствовали о грубом обслуживании и сильных ударах. Немногие в этой чрезвычайной ситуации отдали бы почти любую цену — лучшую из золотых цепей, которые они носили напоказ поверх своего бедного одеяния, — за стальной морион или кирасу, которые заменили бы их собственные изрубленные и потрепанные доспехи. [\[58\]](#)

Однако под этим грубым покровом они скрывали сердца, крепкие и отважные, какие никогда не бились в человеческих сердцах. Ибо они были героями, все еще непобедимыми, на многих полях тяжелых сражений, где шансы были неисчислимо против них. У них был большой опыт общения со страной и туземцами, и они хорошо знали характер своего собственного командира, под присмотром которого они были обучены до тех пор, пока каждое движение не стало повиноваться ему. Все это тело, казалось, представляло собой всего лишь единую личность с точки зрения единства замысла и действия. Таким образом, его реальная эффективная сила была невероятно увеличена; и, что было не менее важно, самый скромный солдат почувствовал, что это так.

Теперь войска возобновили свой марш по плоскогорью, пока, достигнув восточного склона, не облегчили свои труды, когда они спустились к широким равнинам *огненной земли*, раскинувшимся под ними подобно бескрайнему зеленому океану. Примерно в пятнадцати лигах от Семпоаллы, где Нарваэс, как уже было замечено, обосновался, их встретило другое посольство от этого военачальника. Она состояла из священника Гевары, Андреса де Дуэро и еще двух или трех человек. Дуэро, близкий друг Кортеса, изначально сыграл наибольшую роль в получении им

заказа от Веласкеса. Теперь они тепло обнялись, и только после долгой предварительной беседы на личные темы секретарь раскрыл цель своего визита.

Он привез письмо от Нарваэса, изложенное в выражениях, несколько отличающихся от предыдущего. Этот офицер действительно требовал признания его высшей власти на земле, но предложил свои суда для перевозки всех, кто этого пожелает, из страны вместе с их сокровищами и имуществом без приставаний и расспросов. Более либеральный смысл этих терминов, несомненно, можно было приписать влиянию Дуэро. Секретарь настоятельно призвал Кортеса согласиться с ними, как с наиболее благоприятным вариантом, который только можно было получить, и как с единственной альтернативой, дающей ему шанс на спасение в его отчаянном положении. “Ибо, какими бы доблестными ни были ваши люди, как они могут ожидать, - спросил он, - что столкнутся с силами, настолько превосходящими их по численности и оснащению, что у их противника?” Но Кортес поставил свое состояние на актерский состав, и он был не из тех, кто откажется от этого. “Если Нарваес получит королевское поручение, ” ответил он, - я с готовностью подчинюсь ему. Но он не произвел ни одного. Он заместитель моего соперника, Веласкеса. Что касается меня, то я слуга короля; я завоевал страну для него; и ради него я и мои храбрые последователи, будьте уверены, будем защищать ее до последней капли нашей крови. Если мы падем, то для нас будет достаточно славы погибнуть при исполнении нашего долга”.^[59]

Его друг, возможно, был бы несколько озадачен, поняв, почему авторитет Кортеса зиждется на иной почве, чем авторитет Нарваэса; и если они оба опирались на одного и того же начальника, губернатора Кубы, то почему этот сановник не должен быть уполномочен в случае недовольства заменить своего офицера и назначить замену.^[60] Но Кортес здесь в полной мере воспользовался этой юридической фикцией, если ее можно так назвать, благодаря которой его полномочия, переданные самоуправляющемуся муниципалитету Вера-Крус, снова были получены через этот орган от короны. Устройство, действительно, было слишком ощутимым, чтобы его можно было применить кому угодно, кроме тех, кто предпочел ослепнуть. Большая часть армии была из этого числа. Им казалось, что это придавало дополнительную уверенность, подобно тому, как полоса раскрашенного холста, замененная, как это иногда бывало, настоящим каменным парашютом, не просто обескураживала врага, но и придавала своего рода искусственное мужество защитникам, укрывшимся за ним.^[61]

Когда Дуэро принял командование экспедицией на Кубе, он договорился со своим другом, что ему самому достанется щедрая доля прибыли. Говорят, что Кортес подтвердил эту договоренность на данном этапе и ясно дал понять, что в интересах противника он должен одержать верх в борьбе с Нарваэсом. Это был важный момент, учитывая позицию госсекретаря.^[62] Из этого достоверного источника генерал почерпнул много информации о замыслах Нарваэса, которая ускользнула от Ольмедо. После отъезда послов Кортес доверил им письмо для своего соперника, аналогичное тому, которое он получил от него. Эта демонстрация переговоров намекала на желание с его стороны отложить, если не избежать, военные действия, что могло бы лучше усыпить бдительность Нарваэса. В письме он призывал этого командира и его сторонников без промедления предстать перед ним и признать его власть как представителя своего суверена. В противном случае он был бы вынужден выступить против них как против мятежников короны!^[63] С этим посланием, хвастливый тон которого предназначался в равной степени как его собственным войскам, так и противнику, Кортес отпустил послов. Они вернулись, чтобы распространить среди своих товарищей свое восхищение генералом и его безграничной щедростью, о которой он позаботился, чтобы они испытали ее в полной мере, и они рассказали о богатстве его приверженцев, которые поверх своей убогой одежды с показным изобилием демонстрировали драгоценные камни, золотые украшения, ошейники и массивные цепи, несколько раз обвивавшие их шеи и тела, - богатую добычу из сокровищницы Монтесумы.

Теперь армия шла по ровным равнинам *огненной земли*, на которой природа исчерпала все чудеса творения; тогда она была покрыта более густыми, чем в наши дни, благородными лесами,

где высокий тополь, вековая поросль, соседствовал с легким бамбуком или бананом, продуктом определенного сезона, каждый по-своему свидетельствуя о чудесной плодородности почвы, в то время как бесчисленные ползучие цветы, обвивающие гигантские ветви деревьев, яркими гирляндами развевались над головой. их головы наполняли воздух запахами. Но чувства испанцев не были открыты восхитительному влиянию природы. Их умы были заняты одной идеей.

Выйдя на открытый участок луга, они, наконец, были остановлены рекой, или, скорее, ручьем, называемым *Рио-де-Каноас*, "Река каноэ", обычно не имеющая большого объема, но в это время разлившаяся от обильных дождей. В тот день шел сильный дождь, хотя время от времени с невыносимой силой проглядывало солнце, являя собой хороший образец тех чередований тепла и влаги, которые придают такую активность растительности в тропиках, где процесс выгонки, по-видимому, продолжается постоянно.

Река находилась примерно в лиге от лагеря Нарваэса. Прежде чем найти удобный брод, по которому можно было бы пересечь его, Кортес позволил своим людям восстановить свои истощенные силы, растянувшись на земле. Вокруг сгустились вечерние тени, и восходящая луна, пробиваясь сквозь темные массы облаков, сияла неуверенным и прерывистым светом. Было очевидно, что буря еще не израсходовала свою ярость.^[64] Кортес не пожалел об этом. Он решил напасть той же ночью, и в темноте и реве бури его передвижения будут наиболее эффективно скрыты.

Прежде чем раскрыть свой замысел, он обратился к своим людям с одной из тех волнующих солдатских речей, к которым прибегал в критических ситуациях, как бы для того, чтобы затронуть глубины их сердец и, если кто-то колебался, оживить их своим собственным героическим духом. Он вкратце рассказал о великих событиях кампании, об опасностях, которые они преодолели, о победах, которых они добились при самых ужасающих обстоятельствах, о великолепной добыче, которую они завоевали. Но теперь они были обмануты; не людьми, имеющими законный ордер от короны, а авантюристами, не имевшими лучшего титула, чем обладание превосходящей силой. Они претендовали на благодарность своей страны и своего суверена. Теперь это требование должно было быть опозорено, сами их заслуги были превращены в преступления, а их имена были заклеены позором как имена предателей. Но, наконец, пришло время для мести. Бог не покинул бы воина креста. Те, кого он победоносно провел через еще большие опасности, теперь не потерпят неудачу. И, если они потерпят неудачу, лучше умереть как храбрецы на поле битвы, чем, лишившись славы и богатства, бесславно погибнуть, как рабы, на виселице. Этот последний пункт он довел до сведения своих слушателей, прекрасно зная, что среди них нет ни одного настолько тупого, чтобы его это не тронуло.

Они ответили сердечными возгласами, а Веласкес де Леон и де Луго от имени остальных заверили своего командира, что если они потерпят неудачу, то это будет его вина, а не их. Они последуют за ним, куда бы он ни повел. Генерал был полностью доволен характером своих солдат, поскольку чувствовал, что его трудность заключается не в пробуждении их энтузиазма, а в том, чтобы придать ему правильное направление. Примечательно одно. Он ни словом не обмолвился о дезертирстве, которое, как он знал, существовало во вражеском лагере. Он хотел, чтобы его солдаты в этом последнем испытании не полагались ни на что, кроме самих себя.

Он объявил о своем намерении напасть на врага той же ночью, когда тот погрузится в сон, а дружественная темнота сможет набросить покров на их собственные передвижения и скрыть малочисленность. Войска, хотя и были измучены непрерывным маршем и полуголодны, с радостью согласились. В их ситуации неизвестность была худшим из зол. Затем он разошелся скомандирами среди своих капитанов. Гонсало де Сандовалю он поручил важную миссию по взятию Нарваэса. Ему, как *мэру альгуасиля*, было приказано схватить этого офицера как мятежника против своего государя и, если он окажет сопротивление, убить его на месте.^[65] Ему предоставили шестьдесят отборных людей, чтобы помочь ему в этой трудной задаче, при поддержке нескольких самых способных капитанов, среди которых были двое Альварадо, де Авила и Ордас. Самое

крупное подразделение вооруженных сил находилось под командованием Кристофеля де Олида, или, согласно некоторым источникам, Писарро, одного из членов семьи, столь прославившейся при последующем завоевании Перу. Он должен был завладеть артиллерией и прикрывать штурм Сандовала, держа на расстоянии тех из противника, кто мог бы помешать ему. Кортес оставил для себя только отряд из двадцати человек, чтобы действовать в любой момент, который может потребоваться в случае необходимости. Лозунгом был "*Эспириту Санту*", поскольку это был вечер Троицы. Сделав эти приготовления, он приготовился переправляться через реку. ^[66]

В течение того промежутка времени, который занимал Кортес, Нарваэс оставался в Семпоалле, проводя свои дни в праздности и легкомысленных развлечениях. От этого его, наконец, отвлекли, после возвращения Дуэро, увещевания старого городского касика. "Почему вы так беспечны?" - воскликнул тот. "Вы думаете, Малинче такая? Положитесь на это, он точно знает вашу ситуацию, и, когда вы меньше всего об этом мечтаете, он будет рядом с вами". ^[67]

Встревоженный этими предложениями и предложениями своих друзей, Нарваэс в конце концов встал во главе своих войск и в тот самый день, когда Кортес прибыл к Реке Каноз, выступил ему навстречу. Но, достигнув этого барьера, Нарваэс не увидел никаких признаков врага. Дождь, который лил как из ведра, вскоре промочил солдат до нитки. Ставшие несколько женоподобными из-за своего долгого и роскошного проживания в Семпоалле, они роптали на свое неудобное положение. "Какой смысл было оставаться там, сражаясь со стихией? Не было никаких признаков врага, и не было особых причин опасаться его приближения в такую бурную погоду. Было бы разумнее вернуться в Семпоаллу, а утром все они будут готовы к действиям, если Кортес появится".

Нарваэс прислушался к советам этих советчиков, или, скорее, к своим собственным склонностям. Прежде чем вернуться по своим следам, он предусмотрел внезапность, выставив пару часовых на небольшом расстоянии от реки, чтобы предупредить о приближении Кортеса. Он также направил отряд из сорока всадников в другом направлении, с помощью которого, по его мнению, не было ничего невероятного в том, что противник может наступать на Семпоаллу. Приняв эти меры предосторожности, он еще до наступления ночи снова вернулся в свою каюту.

Он там занимал главный *теокалли*. Он состоял из каменного здания на обычном пирамидальном основании; подъем осуществлялся по нескольким крутым ступеням на одной из граней пирамиды. В здании или святилище наверху он расположился с сильным отрядом аркебузирова и арбалетчиков. Два других *теокаллиса* в том же районе были расквартированы крупными отрядами пехоты. Свою артиллерию, состоящую из семнадцати или восемнадцати небольших орудий, он разместил в районе ниже и защищал ее остатками своей кавалерии. Распределив таким образом свои силы, он вернулся к себе и вскоре после этого улегся отдыхать с таким безразличием, как если бы его соперник находился по другую сторону Атлантики, а не в соседнем притоке.

Теперь этот ручей был превращен водным потоком в бешеный поток. С трудом удалось найти подходящий брод. Скользкие камни, перекатывающиеся под ногами, проваливались при каждом шаге. Трудность перехода значительно увеличивалась из-за темноты и непрекращающейся бури. Тем не менее, благодаря своим длинным пикам испанцы ухитрились прочно удержаться на ногах - по крайней мере, все, кроме двоих, которых унесло вниз яростным течением. Когда они достигли противоположной стороны, им пришлось столкнуться с новыми препятствиями при переходе дороги, которая никогда не была хорошей, а теперь стала вдвойне трудной из-за глубокой трясины и спутанного кустарника, которым она была завалена.

Здесь они встретили крест, который был поднят ими во время их предыдущего похода в глубь страны. Они приветствовали это как доброе предзнаменование, и Кортес, преклонив колени перед благословенным знаком, исповедался в своих грехах и объявил, что его великой целью является торжество святой католической веры. Армия последовала его примеру и, совершив всеобщую исповедь, получила отпущение грехов от отца Ольмеда, который призвал благословение Небес на

воинов, посвятивших свои мечи во славу Креста. Затем, встав и обняв друг друга, как товарищи в благом деле, они почувствовали себя удивительно бодрыми и отдохнувшими. Этот инцидент любопытен и хорошо иллюстрирует характер того времени, в котором война, религия и грабеж были так тесно переплетены воедино. К дороге примыкала небольшая рощица; и Кортес, и те немногие, у кого были лошади, спешившись, привязали животных к деревьям, где они могли найти какое-нибудь укрытие от непогоды. Они также сдали туда свой багаж и те лишние предметы, которые могли бы затруднить их передвижение. Затем генерал дал им несколько последних советов. “Все, “ сказал он, - зависит от послушания. Пусть ни один человек из желания отличиться не нарушает своих рядов. От молчания, расторопности и, прежде всего, повиновения вашим офицерам зависит успех нашего предприятия”.

Тихо и незаметно они продолжали свой путь, без боя в барабан или звука трубы, когда внезапно наткнулись на двух часовых, которых Нарваэс выставил, чтобы предупредить об их приближении. Это было так бесшумно, что пятеродетей были застигнуты врасплох на своем посту, и только одному из них с трудом удалось спастись бегством. Другой предстал перед Кортесом. Было приложено все усилия, чтобы вытянуть из него хоть какой-то отчет о нынешнем положении Нарваэса. Но этот человек упрямо молчал, и, хотя ему угрожали виселицей и петля действительно была затянута у него на шее, его спартанскому героизму не было предела. К счастью, никаких изменений в действиях Нарваэса не произошло с тех пор, как ранее были получены разведданные от Дуэро.

Другой сбежавший часовой принес в лагерь весть о приближении врага. Но ленивые солдаты, чей сон он потревожил, не поверили его сообщению. “Он был обманут своими страхами, - сказали они, - и принял шум бури и колыхание кустов за врага. Кортес и его люди находились достаточно далеко на другом берегу реки, которую им было бы нелегко переправить в такую ночь. Сам Нарваэс разделял такое же слепое увлечение, и дискредитированный страж смущенно поплелся в свои покои, тщетно угрожая им последствиями их недоверия.^[68]

Кортес, не сомневаясь, что сообщение часового должно встревожить вражеский лагерь, ускорил шаг. Подойдя ближе, он различил свет в одной из высоких башен города. “Это кварталы Нарваэса, ” воскликнул он Сандовалю, “ и этот свет должен быть вашим маяком”. Войдя в пригород, испанцы были удивлены, не обнаружив ни малейшего движения и никаких признаков тревоги. Не было слышно ни звука, кроме размеренной поступи их собственных шагов, наполовину заглушаемых воем бури. И все же они не могли передвигаться так незаметно, чтобы полностью ускользнуть от внимания, когда дефилировали по улицам этого густонаселенного города. Весть об этом была быстро передана в расположение противника, где в одно мгновение воцарились суматоха и замешательство. Трубы протрубили к оружию. Драгуны вскочили на коней, артиллеристы - к своим орудиям. Нарваэс поспешно застегнул доспехи, собрал вокруг себя своих людей и призвал жителей соседнего *теокаллиса* присоединиться к нему в этом районе. Он хладнокровно отдавал приказы, ибо, несмотря на недостаток благоразумия, ему не хватало присутствия духа или храбрости.

Все это заняло несколько минут. Но за эти минуты испанцы достигли аллеи, ведущей к лагерю. Кортес приказал своим людям держаться поближе к стенам зданий, чтобы пушечный выстрел мог попасть между двумя шеренгами.^[69] Не успели они предстать перед оградой, как артиллерия Нарваэса открыла общий огонь. К счастью, шашки были направлены так высоко, что большинство мячей пролетело над их головами, и только трое мужчин были сражены. Они не дали противнику времени перезарядиться. Кортес выкрикивает дежурное слово ночи: “*Espíritu Santo! Espíritu Santo!* На них!” через мгновение Олид и его подразделение бросились на артиллеристов, которых они пронзили или сбили с ног своими пиками, и завладели их орудиями. Другая дивизия вступила в бой с кавалерией и совершила отвлекающий маневр в пользу Сандовала, который со своим доблестным маленьким отрядом взбежал по главной лестнице храма. Они были встречены градом метательных снарядов — стрел и мушкетных ядер, которые при поспешном прицеливании и в

ночной темноте не причинили особого вреда. В следующую минуту нападавшие были на платформе, сражаясь врукопашную со своими противниками. Нарваес храбро сражался в центре, подбадривая своих сторонников. Его знаменосец упал рядом с ним, пронзенный насквозь. Сам он получил несколько ран, поскольку его короткий меч не мог противостоять длинным пикам нападавших. Наконец он получил удар копьем, выбивший ему левый глаз. “*Санта Мария!*” воскликнул несчастный. “Я убит!” Этот клич был мгновенно подхвачен последователями Кортеса, которые прокричали “Победа!”

Искалеченный и наполовину обезумевший от боли, вызванной раной, Нарваес был уведен своими людьми в святилище. Нападавшие попытались прорваться к входу, но он был стойко защищен. Наконец какой-то солдат, раздобыв факел или головешку, бросил ее на соломенную крышу, и через несколько мгновений горючие материалы, из которых она была сделана, были объаты пламенем. Те, кто был внутри, были изгнаны удушающей жарой и дымом. Солдат по имени Фарфан схватился с раненым командиром и легко повалил его на землю; затем его быстро стащили вниз по ступенькам и заковали в кандалы. Его последователи, видя участь своего вождя, больше не сопротивлялись.^[70]

В это время Кортес и войска Олида вступили в бой с кавалерией и привели ее в замешательство после нескольких безуспешных попыток последней прорваться сквозь плотный строй пик, в результате чего несколько человек из их числа были выбиты из коней, а некоторые убиты. Затем генерал приготовился атаковать другой *теокаллис*, предварительно приказав гарнизонам сдаться. Поскольку они отказались, он направил на них тяжелые орудия, тем самым повернув артиллерию против ее собственных хозяев. Он сопровождал это угрожающее движение предложениями самого либерального содержания: амнистией за прошлое и полным участием во всех преимуществах Завоевания. Одним из гарнизонов командовал Сальватьерра, тот самый офицер, который говорил о том, чтобы отрезать уши Кортесу. С того момента, как он узнал о судьбе своего собственного генерала, героя охватил жестокий приступ болезни, который лишил его возможности действовать дальше. Гарнизон дождался только одного залпа артиллерии, когда они приняли условия капитуляции. Говорят, что в этом случае Кортес получил поддержку от неожиданного вспомогательного подразделения. Воздух был наполнен *кокуйосами* - разновидностью крупных жуков, которые испускают своим телом интенсивный фосфоресцирующий свет, достаточно сильный, чтобы с его помощью можно было читать. Эти блуждающие огни, видневшиеся во тьме ночи, были превращены возбужденным воображением осажденных в армию со фитильными замками! Таково сообщение очевидца.^[71] Но легкость, с которой враг сдался, с такой же вероятностью может быть отнесена к трусости командира и недовольству солдат, не отказавшихся встать под знамена Кортеса.

Кавалерийский корпус, выставленный, как следует помнить, Нарваэсом на одной из дорог, ведущих в Семпоаллу, чтобы перехватить своего соперника, узнав о том, что происходит, не заставил себя долго ждать и выразил свою покорность. От каждого солдата побежденной армии требовалось в знак своего послушания передать свое оружие в руки альгуасилей и принести присягу Кортесу как верховному судье и генерал-капитану колонии.

Сообщается по-разному о количестве убитых. Представляется вероятным, что со стороны побежденных погибло не более двенадцати, а со стороны победителей - половина этого числа. Небольшое количество может быть объяснено короткой продолжительностью действия и случайным прицеливанием ракет в темноте. Число раненых было гораздо более значительным.^[72]

Теперь поле было полностью выиграно. Нескольких коротких часов было достаточно, чтобы Кортес превратился из бродячего разбойника во главе горстки нуждающихся авантюристов, мятежника, за голову которого назначена награда, в независимого вождя, располагающего силами, достаточными не только для обеспечения его нынешних завоеваний, но и для того, чтобы сделать карьеру для еще более возвышенных амбиций. В то время как воздух оглашался одобрительными криками солдат, победоносный генерал, приняв вид, соответствующий перемене в его судьбе,

занял свое почетное место в парадном кресле и в накинутой на плечи богатой расшитой мантии принимал одного за другим офицеров и солдат, подходивших выразить свои поздравления. Рядовым было любезно разрешено поцеловать ему руку. Офицеров он приветствовал словами комплимента или учтивости; и когда Дуэро, Бермудес, казначей и некоторые другие из побежденной партии, его старые друзья, представились, он сердечно обнял их. ^[73]

Нарваэса, Сальватьерру и двух или трех других вражеских лидеров привели к нему в цепях. Для бывшего командира это был момент глубокого унижения, когда телесные страдания, какими бы острыми они ни были, должны были быть забыты в душевных муках. “У вас есть веская причина, сеньор Кортес, - сказал смущенный воин, - поблагодарить Судьбу за то, что она так легко одарила вас и отдала меня в вашу власть”. “Мне есть за что быть благодарным, - ответил генерал, - но за мою победу над вами я считаю ее одним из наименьших моих достижений с момента моего приезда в страну!” ^[74] Затем он приказал позаботиться о ранах заключенных и отправил их под усиленной охраной в Вера-Крус.

Несмотря на гордую скромность своего ответа, Кортес не мог не считать свою победу над Нарваэсом одним из самых блестящих достижений в своей карьере. С несколькими десятками сторонников, плохо одетый, еще хуже накормленный, истощенный форсированными маршами, испытывающий всевозможные личные неудобства, лишенный оружия и военных припасов, он атаковал в их собственных кварталах, разгромил и взял в плен все силы противника, вдвое превосходящие его численностью, хорошо обеспеченный кавалерией и артиллерией, превосходно экипированный и в полном боевом снаряжении! Количество войск, задействованных с обеих сторон, действительно было незначительным. Но на пропорции это не повлияло; и относительная сила сторон сделала результат, столь решающий, одним из самых замечательных событий в анналах войны.

Это правда, что были некоторые непредвиденные обстоятельства, от которых зависела судьба дня, но нельзя сказать, что они были полностью в его власти. Что-то было работой случая. Если бы, например, предположение Веласкеса де Леона оказалось ложным, экспедиция, должно быть, провалилась. ^[75] Если бы погода в ночь атаки была хорошей, противник наверняка заметил бы его приближение и был бы готов к нему. Но это те шансы, которые в той или иной степени присущи каждому предприятию. Он искусный полководец, который знает, как привлечь их к ответу; снискать улыбку Фортуны и заставить даже стихии сражаться на его стороне.

Если Веласкес де Леон был, как оказалось, тем самым офицером, которому генерал должен был доверить командование, то именно его проницательность изначально определила это и выбрала его для этого. Именно его обращение превратило этого опасного врага в друга, причем так быстро, что в час нужды он предпочел положиться на свое отчаянное положение, чем на губернатора Кубы, каким бы могущественным тот ни был, и своего ближайшего родственника. Это было то же самое обращение, которое принесло Кортесу такое влияние на его солдат и привязало их к нему так тесно, что в самый тяжелый момент ни один человек не предложил покинуть его. ^[76] Если успех штурма можно приписать главным образом темной и штормовой погоде, которая накрыла его, то именно благодаря ему он оказался в состоянии воспользоваться этим. Между замыслом его плана и его исполнением прошло самое короткое время. Всего за несколько дней он совершал необычные переходы из столицы к морскому побережью. Он обрушился подобно потоку с гор, обрушиваясь на вражеский лагерь и сметая все на своем пути, прежде чем удалось воздвигнуть барьер, чтобы остановить его. Эта быстрота движений, результат ясной головы и решительной воли, вошла в стратегию величайших полководцев и является характерной чертой их самых блестящих военных подвигов. Несомненно, в данном случае это было большой причиной успеха.

Но было бы ограниченным взглядом на предмет рассматривать битву, решившую судьбу Нарваэса, как сражение при Семпоалле. Оно началось в Мексике. Обладая той исключительной властью, которую он применял ко всем, кто оказывался рядом с ним, Кортес превратил самих

эmissаров Нарваэса в своих друзей и агентов. Донесения Гевары и его товарищей, интриги отца Ольмедо и золото генерала - все это было сделано для того, чтобы поколебать лояльность солдат, и битва была наполовину выиграна еще до того, как был нанесен удар. Борьба велась в равной степени золотом, как и сталью. Кортес понимал это настолько хорошо, что поставил своей главной целью схватить Нарваэса. В таком случае у него была полная уверенность, что безразличие к их собственному делу и пристрастие к нему самому быстро приведут остальную армию под его знамена. Он не обманулся. Поэтому через несколько лет после этого события Нарваэс достаточно правдиво сказал, что “он был разбит своими собственными войсками, а не войсками своего соперника; что его сторонники были подкуплены, чтобы предать его”.^[77] Это дает единственное объяснение их краткого и безрезультатного сопротивления.

ГЛАВА VIII

НЕДОВОЛЬСТВО ВОЙСК—ВОССТАНИЕ В СТОЛИЦЕ—ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРТЕСА— ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ ВРАЖДЕБНОСТИ—РЕЗНЯ АЛЬВАРАДО—ВОССТАНИЕ АЦТЕКОВ

1520

Т Буря, которая так неистово бушевала ночью, утихла вместе с утром, которое встало ярким и безоблачным на поле битвы. По мере того как свет приближался, он все более разительно выявлял несоответствие двух сил, так недавно противостоявших друг другу. Жители Нарваэса не могли скрыть своего огорчения; и стал слышен ропот неудовольствия, поскольку они противопоставляли свое собственное численное превосходство и безупречное оснащение изношенным лицам и грубой одежде своих горстки врагов! Поэтому генерал с некоторым удовлетворением наблюдал, как его смуглые союзники из Чинантлы числом в две тысячи человек прибыли на поле боя. Это были прекрасные, атлетически сложенные люди; и, поскольку они продвигались, так сказать, беспорядочным порядком, со своими яркими знаменами, расшитыми перьями, и длинными копьями, на наконечниках которых *ицтли* и медь блестела на утреннем солнце, у них было что-то вроде военной дисциплины. Действительно, они пришли слишком поздно для начала акции, но Кортес не пожалел продемонстрировать своим новым последователям масштабы своих ресурсов в стране. Поскольку теперь у него не было повода обращаться к своим индийским союзникам, после вежливого приема и щедрого вознаграждения он отпустил их по домам.^[78]

Затем он приложил все усилия, чтобы утихомирить недовольство войск. Он обращался к ним самым мягким и вкрадчивым тоном и ни в коей мере не скупился на обещания.^[79] Он соответствовал слову “действие”. Их было немного, но они потеряли свое снаряжение, или багаж, или лошадей, захваченных и присвоенных победителями. Этот последний предмет пользовался большим спросом у последних, и многие солдаты, утомленные длительными переходами, которые до сих пор совершались пешком, обеспечили себя, как они себе представляли, гораздо более удобным и достойным транспортом на оставшуюся часть кампании. Теперь генерал приказал все восстановить.^[80] “Они были вовлечены в одно и то же дело, - сказал он, - и должны делиться друг с другом в равной степени”. Он пошел еще дальше и раздал солдатам Нарваэса некоторое количество золота и других драгоценных предметов, собранных у соседних племен или найденных в жилищах его соперника.^[81]

Эти действия, какими бы политическими они ни были по отношению к его новым последователям, вызывали сильное отвращение у его старых. “Наш командир, - кричали они, - оставил своих друзей ради врагов. Мы были рядом с ним в трудный час и были вознаграждены ударами и ранами, в то время как добыча достается нашим врагам!” Возмущенные солдаты поручили священнику Ольмедо и Алонсо де Авиле изложить свои жалобы Кортесу. Послы высказали их без утайки, сравнив поведение своего полководца с неблагодарностью Александра, который, одерживая победу, обычно отдавал больше своим врагам, чем войскам, позволившим ему победить их. Кортес был сильно озадачен. Казалось, что его путь - победоносный или побежденный - одинаково полон трудностей.

Он попытался смягчить их раздражение, сославшись на необходимость этого дела. “Наши новые товарищи, ” сказал он, “ настолько многочисленны, что даже сейчас мы находимся в гораздо большей их власти, чем они в нашей. Наша единственная гарантия безопасности - сделать их не просто сообщниками, но и друзьями. По любому поводу, вызывающему отвращение, нам придется начинать всю битву заново, и, если они объединятся, в гораздо более невыгодных условиях, чем раньше. Я учитывал ваши интересы, ” добавил он, - так же, как и свои собственные. Все, что у меня есть, принадлежит вам. Но почему должны быть какие-то основания для недовольства, когда перед нами вся страна с ее богатствами? И наша возросшая мощь отныне должна обеспечивать его беспрепятственный контроль ”.

Но Кортес не полагался полностью на аргументы в пользу восстановления спокойствия. Он знал, что это несовместимо с бездействием, и принял меры к тому, чтобы немедленно разделить свои силы и использовать их для дальних служб. Он отобрал отряд из двухсот человек под командованием Диего де Ордаса, которому приказал сформировать поселение, прежде чем медитировать на Коацакуалько. Такое же количество было отправлено с Веласкесом де Леоном для охраны провинции Пануко, расположенной примерно в трех градусах к северу, на берегу Мексиканского залива. Двадцать человек в каждом отряде были набраны из его собственных ветеранов.

Двести человек он отправил в Вера-Крус с приказом перевезти на берег такелаж, железо и все, что было на борту флота Нарваэса, а суда полностью разобрать. Он назначил человека по имени Каваллеро суперинтендантом морской пехоты с инструкциями, согласно которым, если в дальнейшем какие-либо корабли войдут в порт, они должны быть демонтированы аналогичным образом, а их офицеры заключены в тюрьму на берегу.^[82]

Но пока он был таким образом занят новыми планами открытий и завоеваний, он получил из Мексики такие поразительные сведения, которые заставили его сосредоточить все свои способности и силы на этом одном пункте. Город был охвачен восстанием. Не успел решиться вопрос о борьбе со своим соперником, как Кортес отправил курьера с известием в столицу. Менее чем через две недели гонец вернулся с письмом от Альварадо, сообщавшим тревожную информацию о том, что мексиканцы были вооружены и яростно атаковали испанцев в их собственных кварталах. Враг, добавил он, сжег бригантины, с помощью которых Кортес обеспечил себе пути отступления в случае разрушения мостов. Они попытались прорвать оборону, и им удалось частично подорвать их, и они обрушили на гарнизон шквал снарядов, в результате которого несколько человек были убиты и множество ранено. Письмо заканчивалось просьбой к командиру поспешить на помощь своим людям, если он хочет спасти их или удержать столицу.

Эти известия были тяжелым ударом для генерала, тем более тяжелым, что они пришли в час триумфа, когда он думал, что все его враги будут у его ног. Не было места колебаниям. Потерять опору в столице, самом благородном городе Западного мира, означало бы потерять саму страну, которая считала его своим главой.^[83] Он полностью раскрыл этот вопрос своим солдатам, призвав всех, кто хочет спасти своих соотечественников, следовать за ним. Все заявили о своей готовности уйти; по словам Диаса, демонстрируя готовность, которую некоторые проявили бы не сразу, если бы предвидели будущее.

Теперь Кортес готовился к немедленному отъезду. Он отменил приказы, ранее отданные Веласкесу и Ордасу, и приказал им присоединиться к нему со своими силами в Тлашкале. Он вызвал войска из Вера-Крус, оставив там в гарнизоне всего сотню человек под командованием некоего Родриго Рангре, поскольку в этот критический момент он не мог обойтись без услуг Сандовала. Он оставил своих больных и раненых в Семпоалле под командованием небольшого отряда, распорядившись, чтобы они последовали за ним, как только построятся в походный порядок. Покончив с этими приготовлениями, он отправился из Семпоаллы, хорошо снабженный провизией от ее гостеприимного касика, который сопровождал его в нескольких лигах пути.

Вождь тотонаков, по-видимому, обладал приятной способностью приспосабливаться к силам, находившимся на подъеме.

В течение первой части марша не произошло ничего заслуживающего внимания. Войска повсюду встречали дружеский прием со стороны крестьян, которые с готовностью удовлетворяли их потребности. В течение некоторого времени, прежде чем достичь Тлашкалы, путь пролегал по малонаселенной местности, и армия испытывала значительные страдания от нехватки продовольствия и еще больше от нехватки воды. Их отчаяние возросло до тревожной степени, поскольку в спешке своего форсированного марша они путешествовали под яростными лучами меридианного солнца, пекущего им головы. Несколько человек дрогнули по дороге и, упав на обочину, казались неспособными к дальнейшим усилиям и почти безразличными к жизни.

Оказавшись в безвыходном положении, Кортес выслал вперед небольшой конный отряд, чтобы закупить провизию в Тласкале, и быстро последовал за ним лично. Прибыв на место, он обнаружил, что гостеприимные туземцы уже приготовили обильные припасы. Их отправили обратно в войска; борцов собирали одного за другим; раздавали угощение; и армия, восстановившая силы и боевой дух, вошла в столицу республики.

Здесь они собрали немного дополнительных новостей о событиях в Мексике, которые народная молва приписывала тайному поощрению и махинациям Монтесумы. Кортес был удобно размещен в покоях Максишки, одного из четырех вождей республики. Они с готовностью предоставили ему две тысячи солдат. Когда шла война с их древним врагом ацтеками, недостатка в сердечности не было.^[84]

Испанский командующий, проведя смотр своим силам после соединения со своими двумя капитанами, обнаружил, что они насчитывают около тысячи пеших и сотни всадников, не считая тлашкаланских рекрутов.^[85] В пехоте было около сотни аркебузирова и столько же арбалетчиков; и часть армии, приведенная Нарваэсом, была превосходно вооружена. Однако он уступал своим собственным ветеранам в том, что лучше любых внешних назначений, — в военной подготовке и знакомстве со специфической службой, которой они были заняты.

Покинув эти дружественные места, испанцы направились более северным путем, как более прямым, чем тот, которым они ранее проникали в Долину. Это была дорога в Тецкоко. Это все еще заставляло их взбираться на тот же отвесный хребет Кордильер, который достигает наибольшей высоты среди двух могучих *вулканов*, у подножия которых они путешествовали ранее. Склоны сьерры были покрыты темными сосновыми, кипарисовыми и кедровыми лесами,^[86] сквозь которые время от времени проглядывали бездонные лощины и долины, глубины которых далеко внизу, в знойном климате тропиков, терялись в сверкающей дикой растительности. С вершины горного хребта взгляд скользил по широкому пространству страны, которое они недавно пересекли, далеко-далеко до зеленых равнин Чолулы. На запад они смотрели вниз, на Мексиканскую долину, с точки зрения, совершенно отличной от той, которую они занимали раньше, но все еще предлагающей то же прекрасное зрелище, с ее озерами, дрожащими в лучах солнца, с ее веселыми городами и виллами, парящими на их груди, с ее полированным *теокаллисом*, тронутым огнем, с его возделанными склонами и темными холмами из порфира, простирающимися в неясной перспективе до края горизонта. У их ног лежал город Тецкоко, который, скромно скрываясь за густыми кипарисовыми рощами, составлял контраст с ее более амбициозной соперницей по другую сторону озера, которая, казалось, гордилась своим неприкрытым величием как Хозяйка Долины.

Когда они спустились на густонаселенные равнины, прием, оказанный им туземцами, сильно отличался от того, который они испытали во время предыдущего визита. Не было видно групп любопытствующих крестьян, глазевших на них, когда они проходили мимо, и предлагавших свое простое гостеприимство. В припасах, которые они просили, им не отказали, но предоставили с нелюбезным видом, который показывал, что благословение дарителя их не сопровождало. Эта атмосфера сдержанности стала еще более заметной, когда армия вошла в пригороды древней

столицы аколхуанов. Никто не вышел поприветствовать их, и население, казалось, уменьшилось — так много из них было выведено на соседнюю арену боевых действий в Мексику.^[87] Их холодный прием был ощутимым разочарованием для ветеранов Кортеса, которые, судя по прошлому, хвастались своим новым товарищам сенсацией, которую их присутствие вызовет у местных жителей. Местный касик, который, как можно помнить, был создан под влиянием Кортеса, сам отсутствовал. Генерал усмотрел во всех этих обстоятельствах дурное предзнаменование, которое даже вызвало у него неприятные опасения относительно судьбы гарнизона в Мексике.^[88]

Но его сомнения вскоре рассеялись, когда в каноэ прибыл гонец из того города, откуда он бежал по небрежности врагов или, возможно, при их попустительстве. Он привез депеши из Альварадо, в которых сообщалось своему командиру, что мексиканцы в течение последних двух недель воздерживались от активных боевых действий и превратили свои операции в блокаду. Гарнизон сильно пострадал, но Альварадо выразил уверенность, что осада будет снята и спокойствие восстановлено при приближении его соотечественников. Монтесума тоже послал гонца с той же целью. В то же время он снял с себя ответственность за любое участие в недавних военных действиях, которые, по его словам, велись не только без его ведома, но и вопреки его склонностям и усилиям.

Испанский генерал, остановившись достаточно надолго, чтобы подкрепить свои утомленные войска, продолжил свой марш вдоль южного берега озера, который привел его по той же дамбе, по которой он ранее вошел в столицу. Это был день, посвященный святому Иоанну Крестителю, 24 июня 1520 года. Но насколько сцена отличалась от той, что была представлена при его прежнем входе!^[89] Теперь на дорогах не было толп, по озеру не сновали лодки, заполненные восхищенными зрителями. Время от времени вдалеке можно было увидеть одинокую пирогу, которая, словно шпион, украдкой наблюдала за их передвижениями и убегала, как только привлекала к себе внимание. Мертвая тишина нависла над сценой — тишина, которая отзывалась в сердце громче, чем одобрительные возгласы толпы.

Кортес мрачно ехал во главе своих батальонов, несомненно, находя обильную пищу для размышлений в этой перемене обстоятельств. Словно желая развеять эти мрачные размышления, он приказал затрубить своим трубам, и их чистые, пронзительные звуки, разнесшиеся над водами, возвестили обитателям осажденной крепости, что их друзья близко. Им ответил радостный артиллерийский залп, который, казалось, на мгновение придал бодрости войскам, когда они ускорили шаг, пересекли огромные разводные мосты и снова оказались в стенах имперского города.

Вид здешних вещей был не таков, чтобы развеять их опасения. В некоторых местах они видели снятые мосты поменьше, слишком явно намекая, что теперь, когда их бригаантины уничтожены, им будет легко отрезать путь к отступлению.^[90] Городок казался еще более пустынным, чем Тецкоко. Его некогда оживленное и многолюдное население таинственным образом исчезло. И когда испанцы дефилировали по пустым улицам, топот копыт их лошадей по мостовой отзывался глухим и меланхоличным эхом, которое тяжело отдавалось в их сердцах. С опечаленными чувствами они подошли к большим воротам дворца Аксаякатль. Ворота распахнулись, и Кортес и его ветераны, ворвавшись внутрь, были сердечно обняты своими товарищами по оружию, в то время как обе стороны вскоре забыли о настоящем, увлекшись интересным перепросмотром прошлого.^[91]

Первые запросы генерала касались источника беспорядков. Сообщения были разными. Некоторые приписывали это желанию мексиканцев освободить своего монарха из заточения; другие — намерению отрезать гарнизон, пока он страдает из-за отсутствия Кортеса и их соотечественников. Однако все согласились с тем, что непосредственную причину следует искать в насилии Альварадо. У ацтеков было принято отмечать ежегодный фестиваль в мае в честь их бога войны-покровителя. Это называлось “воскурение Уицилопочтли”, и в память о нем

устраивались жертвоприношения, религиозные песни и танцы, в которых участвовало большинство знати, поскольку это был один из великих праздников, демонстрировавший пышность ацтекского ритуала. Поскольку оно проходило во дворе *теокалли*, в непосредственной близости от испанских кварталов, и поскольку часть самого храма была отведена под христианскую часовню, касики попросили разрешения Альварадо совершать там свои обряды. Говорят также, что они просили разрешить им присутствие Монтесумы. Это последнее ходатайство Альварадо отклонил, повинуясь предписаниям Кортеса; но согласился с первым при условии, что ацтеки не будут совершать человеческих жертвоприношений и придут без оружия.

Соответственно, в назначенный день они собрались в количестве шестисот человек, по самым скромным подсчетам.^[92] Они были одеты в свои самые великолепные праздничные костюмы, в изящные мантии из перьев, усыпанные драгоценными камнями, а их шеи, руки и ноги были украшены ошейниками и золотыми браслетами. Они любили кричащую роскошь, свойственную полудивилизованным нациям, и в этих случаях демонстрировали всю пышность и изобилие своего варварского гардероба.

Альварадо и его солдаты присутствовали в качестве зрителей, некоторые из них как бы случайно заняли свое место у ворот, а другие смешались с толпой. Все они были вооружены — обстоятельство, которое, как обычно, не привлекло никакого внимания. Вскоре ацтеки были поглощены захватывающими движениями танца, сопровождаемого их религиозными песнопениями и дикими, нестройными песнопениями менестрелей. Пока они были заняты этим, Альварадо и его люди по согласованному сигналу бросились с обнаженными мечами на своих жертв. Не защищенные ни доспехами, ни каким-либо другим оружием, они были зарублены без сопротивления нападавшими, которые в своей кровавой работе, по словам современника, не проявляли ни капли жалости или раскаяния.^[93] Некоторые бежали к воротам, но были пойманы на длинные пики солдат. Другие, пытавшиеся взобраться на *коатепантли*, или Змеиную стену, как ее называли, которая окружала этот район, разделили ту же участь, или были изрублены на куски, или расстреляны безжалостными солдатами. По мостовой, говорит писатель того времени, текли потоки крови, как вода в сильном ливне.^[94] Ни один ацтек из всей этой веселой компании не остался в живых! Это повторяло ужасную сцену при Чолуле, с позорным добавлением, что испанцы, не довольствуясь забоем своих жертв, срывали с них драгоценные украшения! В этот печальный день пал цвет знати ацтеков. Это была не очень известная семья, но в ее стенах царили траур и запустение.^[95] И многие печальные баллады, повторяющие трагические эпизоды истории и адаптированные к жалобным национальным песням, продолжали распеваться местными жителями еще долго после порабощения страны.^[96]

Этому чудовищному деянию были даны различные объяснения. Но лишь немногие историки согласились признать вину самого Альварадо. Согласно этому, через его шпионов — некоторые из них были мексиканцами — были получены разведданные о готовящемся восстании индейцев. Празднование этого праздника было определено как период его проведения, когда касики собирались вместе и легко поднимали народ на поддержку. Альварадо, осведомленный обо всем этом, запретил им носить оружие на их собрании. Делая вид, что подчиняются, они спрятали свое оружие в соседних арсеналах, откуда могли легко его изъять. Но его собственный удар, предвосхитивший их удар, разрушил замысел и, как он уверенно надеялся, удержит ацтеков от подобных попыток в будущем.^[97]

Таков отчет Альварадо по этому поводу. Но, если это правда, почему он не подтвердил свое утверждение, показав спрятанное таким образом оружие? Почему он не оправдал свое поведение в глазах мексиканцев в целом, публично признав измену знати, как это сделал Кортес в Чолуле? Все это очень похоже на извинения, придуманные после совершения преступления, чтобы скрыть его жестокость.

Некоторые современники приписывают этой резне совсем другой мотив, который, по их мнению, проистекал из алчности завоевателей, о чем свидетельствует то, что они разграбляли тела

своих жертв.^[98] Берналь Диас, который, хотя и не присутствовал, фамильярно беседовал с теми, кто присутствовал, снимает с них обвинение в этом недостойном мотиве. По его словам, Альварадо нанес удар для того, чтобы запугать ацтеков от любого повстанческого движения.^[99] Но были ли у него основания предполагать такое или он даже сделал вид, что сделал это перед резней, старый хронист нам не сообщает.

Поразмыслив, кажется едва ли возможным, чтобы столь гнусное деяние, сопряженное со столь большим риском для самих испанцев, было совершено из простого желания завладеть побрякушками, которые носили на себе туземцы. Более вероятно, что это была запоздалая мысль, подсказанная алчным солдатам демонстрацией добычи перед ними. Не исключено, что Альварадо мог собрать слухи о заговоре среди знати — слухи, возможно, полученные от тлашкаланцев, их заклятых врагов, и по этой причине мало заслуживающие доверия.^[100] Он предложил победить его, подражая примеру своего командира при Чолуле. Но он не стал подражать своему лидеру в принятии мер предосторожности против последующего восстания населения. И он жестоко просчитался, когда спутал смелого и воинственного ацтека с женоподобным Чолуланом.^[101]

Как только была совершена резня, весть об этом распространилась по столице подобно лесному пожару. Люди едва могли поверить своим чувствам. Все, что они до сих пор выстрадали: осквернение их храмов, заключение в тюрьму их государя, оскорбления, нанесенные его персоне, - все было забыто в этом единственном действии.^[102] Все чувства долго сдерживаемой враждебности и озлобленности теперь вырвались наружу в крике о мести. Все прежние чувства суеверного страха слились в чувство неугасимой ненависти. Священникам не потребовалось никаких усилий — хотя в этом и не было недостатка — чтобы раздуть эти страсти в пламя. Город поднялся с оружием в руках, и на следующем рассвете, почти прежде чем испанцы смогли укрепиться, на них с отчаянной яростью напали. Некоторые из нападавших пытались взобраться на стены; другим удалось частично подорвать и поджечь сооружения. Сомнительно, удалось бы им взять здание штурмом. Но по молитвам гарнизона вмешался сам Монтесума и, взобравшись на зубчатую стену, обратился к населению, чей гнев он пытался смягчить, настаивая на соображениях собственной безопасности. Они уважали своего монарха настолько, что воздержались от дальнейших попыток штурма крепости, но превратили свои операции в обычную блокаду. Они устроили беспорядки вокруг дворца, чтобы помешать выходу испанцев. Они приостановили работу *tianguetz*, или рынка, чтобы исключить возможность получения припасов их врагом; а затем они спокойно сели, с чувством угрюмого отчаяния ожидая часа, когда голод отдаст их жертвы в их руки.

Между тем положение осажденных было достаточно удручающим. Их запасы провизии, правда, не были исчерпаны; но они сильно страдали от нехватки воды, которая внутри ограды была чрезвычайно солоноватой, так как почва была насыщена солью окружающей стихии. Говорят, что на этой оконечности они обнаружили в этом районе источник пресной воды. Такие источники были известны в некоторых других частях города; но, обнаруженный первым при таких обстоятельствах, он был расценен как не что иное, как чудо. Тем не менее, они сильно пострадали от своих прошлых встреч. Пали семь испанцев и много тлашкаланцев, и едва ли был хоть один представитель обеих наций, кто не получил бы нескольких ран. В этой ситуации, вдали от своих соотечественников, без надежды на помощь из-за рубежа, у них, казалось, не было иного выбора, кроме медленной смерти от голода или еще одной, более ужасной, на алтаре жертвоприношения. Из этого мрачного состояния их вывел приход их товарищей.^[103]

Кортес спокойно выслушал объяснение Альварадо. Но, прежде чем оно было закончено, в его голове, должно быть, сформировалось убеждение, что он сделал неправильный выбор на этот важный пост. И все же ошибка была естественной. Альварадо был кавалером из знатной семьи, галантным и рыцарственным, и его теплым личным другом. У него были способности к действию, он обладал твердостью и бесстрашием, в то время как его откровенные и ослепительные манеры сделали *Тонатлиу* особым фаворитом мексиканцев. Но под этой эффектной внешностью будущий

завоеватель Гватемалы скрывал опрометчивое, алчное и жестокое сердце. Он был совершенно лишен той умеренности, которая в том деликатном положении, которое он занимал, была качеством более ценным, чем все остальные.

Когда Альварадо закончил отвечать на несколько вопросов Кортеса, лоб последнего омрачился, и он сказал своему лейтенанту: “Вы плохо справились. Вы обманули оказанное вам доверие. Ваше поведение было поведением сумасшедшего! И, резко повернувшись на каблуках, он покинул его с нескрываемым неудовольствием.

Однако сейчас было не время порывать с таким популярным и во многих отношениях таким важным для него человеком, как этот капитан, не говоря уже о том, чтобы подвергать его заслуженному наказанию. Испанцы были подобны морякам, боровшимся во время сильного шторма, чью посудину ничто, кроме ловкости лоцмана и сердечного сотрудничества команды, не может спасти от затопления. Разногласия в такой момент должны быть фатальными. Кортес, это правда, чувствовал себя сильным благодаря своим нынешним ресурсам. Теперь он оказался во главе войска, которое едва ли могло насчитывать менее тысячи двухсот пятидесяти испанцев и восьми тысяч местных воинов, в основном тлашкаланцев.^[104] Но, хотя полагались на это, чтобы внушить страх сопротивлению, само увеличение численности увеличивало трудности с пропитанием. Недовольный собой, испытывающий отвращение к своему офицеру и смущенный катастрофическими последствиями, к которым привела его неводержанность Альварадо, он стал раздражительным и позволил себе капризность, отнюдь не обычную; ибо, хотя по натуре он был человеком бурных страстей, он обычно держал их под контролем.^[105]

В день прибытия Кортеса Монтесума вышел из своих покоев, чтобы поприветствовать его. Но испанский командующий, не доверяя, как могло бы показаться, пусть и необоснованно, его доброй воле, принял его так холодно, что индийский монарх удалился, недовольный и удрученный, в свои апартаменты. Поскольку мексиканское население не демонстрировало покорности и не поставляло припасов для армии, неприязнь генерала к императору продолжалась. Поэтому, когда Монтесума послал нескольких вельмож попросить о встрече с Кортесом, последний, повернувшись к своим офицерам, высокомерно воскликнул: “Какое мне дело до этого королевского пса, который заставляет нас умирать с голоду у него на глазах?”

Его капитаны, среди которых были Олид, Де Авила и Веласкес де Леон, попытались смягчить его гнев, напомнив ему в уважительных выражениях, что, если бы не император, гарнизон, возможно, уже сейчас был бы разбит врагом. Это замечание разозлило его еще больше. “Разве собака, - спросил он, повторив оскорбительный эпитет, - не предала нас в своих сообщениях с Нарваэзом?” И разве теперь он не терпит, чтобы его рынки были закрыты, а мы умирали с голоду?” Затем, яростно повернувшись к мексиканцам, он сказал: “Идите и скажите своему хозяину и его людям, чтобы они открыли рынки, или мы сделаем это за них, за их счет!” Вожди, которые поняли смысл его предыдущей насмешки над своим сувереном по его тону и жестам или, возможно, по некоторому пониманию его языка, покинули его присутствие, переполненные негодованием, и, передавая его послание, позаботились о том, чтобы оно не утратило своего эффекта.^[106]

Вскоре после этого Кортес, как говорят, по предложению Монтесумы, освободил своего брата Куитлауа, правителя Истапалапана, который, как следует помнить, был схвачен по подозрению в сотрудничестве с вождем Тецкоко в его планируемом восстании.^{*} Считалось, что он мог бы быть полезен в усмирении нынешних беспорядков и приведении населения в лучшее самочувствие. Но в крепость он больше не возвращался.^[107] Он был смелым, амбициозным принцем, и раны, полученные им от испанцев, терзали его до глубины души. Он был предполагаемым наследником короны, которая, согласно ацтекским законам наследования, гораздо чаще передавалась по побочной, чем по прямой линии. Народ приветствовал его как представителя своего государя и избрал его на место Монтесумы во время его пленения. Куитлауа охотно принял почетный и опасный пост. Он был опытным воином и приложил все усилия, чтобы

реорганизовать беспорядочные отряды и разработать более эффективный план операций. Вскоре эффект был замечен.

{*} [Это была огромная ошибка, допущенная Кортесом из-за его незнания обычаев племени ацтеков, о чем упоминалось в примечании на стр. 346, том ii. Освобождая Куитлауа из плена, Кортес отказался от последней гарантии безопасности, которой обладали его войска. Куитлауа был следующим в очереди наследования среди тех, из кого был выбран священник-командир. Тлатокан, или совет племени, был властью, которая контролировала все дела племени. Этот совет, который избирал правителя, также мог в чрезвычайных обстоятельствах сместить его и поставить на его место другого человека. Как только он был освобожден, Куитлауа созвал тлатоканцев. Этот орган сразу же сместил Монтесуму и назначил командующего священниками Куитлауа. Испанцы охраняли не плененного *монарха*, а всего лишь свергнутого *священнослужителя-командира*, личность которого больше не была священной. Когда немного позже Монтесума был выдвинут вперед, чтобы обратиться к толпе, бушевавшей у стен текпана, другой человек носил золотой клюв бога войны. Ацтекские воины метали свои снаряды не против своего наследственного правителя, а только против дискредитированного агента, который когда-то руководил делами племени. Свергнутый Монтесума значил для них не больше, чем любой член совета племени. Чары, защищавшие захватчиков, были разрушены, когда у него отняли должность.—М.]

Тем временем Кортес настолько не сомневался в своей способности внушить страх повстанцам, что написал об этом гарнизону Вилья-Рики теми же депешами, в которых уведомлял их о своем благополучном прибытии в столицу. Но не прошло и получаса, как его посланец вернулся, задыхаясь от ужаса и покрытый ранами. “Весь город, “ сказал он, - был вооружен! Подъемные мосты были подняты, и враг скоро будет на них! Он говорил правду. Прошло совсем немного времени, прежде чем стал слышен хриплый, угрюмый звук, похожий на рев далеких вод. Он становился все громче и громче, пока с парапета, окружавшего ограду, не стало видно, как широкие улицы, ведущие к ней, потемнели от толп воинов, которые беспорядочной волной катились к крепости. В то же время террасы и *азотеи*, или плоские крыши, по соседству были заполнены бойцами, размахивающими своими ракетами, которые, казалось, поднялись вверх как по волшебству!^[108] Это было зрелище, способное привести в ужас самых стойких. Но мрачная буря, к которой это было прелюдией и которая все больше и больше сгущалась вокруг испанцев в течение оставшегося времени их пребывания в столице, должна стать предметом отдельной книги.

Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес родился в 1478 году. Он принадлежал к старинному роду Астурийцев. Действительно, каждая семья утверждает, что она древняя в этом последнем пристанище бесстрашных готов. Он рано был представлен ко двору и был назначен пажом принца Хуана, единственного сына Фердинанда и Изабеллы, на которого заслуженно возлагались их надежды и надежды нации. Овьедо сопровождал лагерь в последних кампаниях Мавританской войны и присутствовал при памятной осаде Гранады. После безвременной кончины своего королевского господина в 1496 году он переехал в Италию и поступил на службу к королю Неаполя Фредерику. После смерти этого принца он вернулся в свою страну, и в начале шестнадцатого века мы находим его снова обосновавшимся в Кастилии, где он занимал место хранителя драгоценностей короны. В 1513 году Фердинанд католический назначил его *видором*, или инспектором золотодобывающих предприятий в американских колониях. Овьедо, соответственно, перебрался в Новый Свет, где вскоре получил назначение под началом Педрариаса, губернатора Дариена, и разделил катастрофическую судьбу этой колонии. Он получил некоторые ценные привилегии от короны, построил крепость на Огненной земле и вступил в торговые отношения с местными жителями. В этом мы можем предположить, что он был преуспевающим, поскольку мы находим, что он наконец обосновался с женой и семьей на Эспаньоле, или Фернандине, как ее тогда называли. Хотя он продолжал делать свою основную резиденцию в Новом Свете, время от времени он совершал визиты в Испанию, а в 1526 году опубликовал в Мадриде свой *"Сумарио"*. Она посвящена императору Карлу Пятому и содержит рассказ о Вест-Индии, ее географии, климате, населявших их расах, а также об их животных и растениях. Этот предмет представлял большой интерес для пытливых умов Европы, и об одном из них они ранее получили лишь скудную информацию. В 1535 году, во время последующего визита в Испанию, Овьедо представил миру первый том своего великого труда, над составлением которого он работал много лет, — *"История Западной Индии"*. В том же году Карл Пятый назначил его алькайдом крепости Эспаньола. Он оставался на острове десять последующих лет, активно занимаясь своими историческими исследованиями, а затем в последний раз вернулся на родину. Ученый-ветеран был хорошо принят при дворе и получил почетное назначение летописцем Индии. Он занимал этот пост до самой своей смерти, которая произошла в Вальядолиде в 1557 году, на семьдесят девятом году его жизни, в то самое время, когда он был занят подготовкой остатков своей истории для печати.

Учитывая тесные отношения, в которых Овьедо жил с выдающимися личностями своего времени, удивительно, что так мало сохранилось о его личной истории и характере. Ник. Антонио отзывался о нем как о "человеке с большим опытом, вежливыми манерами и большой честностью". Его долгая и активная жизнь является достаточным подтверждением его опыта, и вряд ли кто-то усомнится в его хорошем воспитании, когда мы узнаем, в каком высшем обществе он вращался. Он оставил большое количество рукописей, охватывающих широкий спектр как гражданской, так и естественной истории. Безусловно, наиболее важной является его *"Генеральная история Индии"*. Она разделена на три части и содержит пятьдесят книг. Первая часть, состоящая из девятнадцати книг, как уже отмечалось, была опубликована при его жизни. В нем в более расширенной форме излагаются подробности географической и естественной истории, воплощенные в его *Сумарио*, а также рассказывается об открытиях и завоеваниях Островов. Перевод этой части произведения был сделан ученым Рамузио, с которым Овьедо состоял в переписке, и опубликован в третьем томе его бесценного собрания сочинений. Две оставшиеся части относятся к завоеваниям Мексики, Перу и других стран Южной Америки. Это та часть работы, к которой обращались для написания этих страниц. После его смерти рукопись была передана на хранение в *Каса-де-ла-Контрасьон*в Севилье. Впоследствии он перешел во владение доминиканского монастыря Монсеррат. Со временем изуродованные копии попали в несколько частных коллекций; когда в 1775 году дон Франсиско Серда-и-Рико, офицер департамента по делам индейцев, выяснил место, где хранился оригинал, и, движимый своим литературным рвением, получил от правительства заказ на его публикацию. Под его руководством работа была подготовлена к печати, и биограф Овьедо, Альварес-и-Базна, уверяет нас, что полное издание этой книги, подготовленное с величайшей тщательностью, вскоре будет представлено миру. (Hijos de Madrid (Мадрид, 1790), том ii. стр. 354-361.) Это все еще остается в рукописи. {*}

{*} [The *Historia General y Natural de las Indias, Islas y Tierrafirme del Mar Océano, por El Capitan Gonzalo Fernandez de Oviedo y Valdéz, Primer Cronista del Nuevo Mundo*, was published in four volumes at Madrid, 1851-55, by the Real Academia de la Historia.—M.]

Ни одна страна не была более плодотворной в области исторической композиции, чем Испания. Ее баллады представляют собой хроники в стихах. Сами хроники датируются двенадцатым и тринадцатым веками. В каждом городе, в каждом маленьком городке, в каждой великой семье и во многих мелких есть свой летописец. Часто это были простые монашеские хроникеры, которые в уединении монастыря находили досуг для литературных занятий. Или, что нередко случалось, это были люди, принимавшие участие в делах, которые они описывали, более искусные в обращении с мечом, чем с пером. Сочинения этого последнего класса в целом характеризуются тем безразличием к изящному письму, которое показывает ум, сосредоточенный на фактах, которыми он занят, гораздо больше, чем на формах выражения. Монашеские хронисты, с другой стороны, часто педантично демонстрируют устаревшую эрудицию, что довольно причудливо контрастирует с домашней текстурой повествования.

Хроники как того, так и другого класса писателей часто могут претендовать на живописные и оживленные детали, показывающие, что предмет вызывал живой интерес и что сердце писателя было отдано своему предмету.

Многие из характерных недостатков, о которых я говорил, могут быть приписаны Овьедо. Его стиль отлит не по классическим образцам. Его мысли находят выход в утомительных, нескончаемых высказываниях, которые могут наполнить читателя отчаянием; а нить повествования прерывается дерзкими эпизодами, которые ни к чему не приводят. Говорили, что его стипендия была несколько скудной. Вряд ли кто-то усомнится в этом, судя по безвкусоному набору латинских цитат, которыми он украшает свои страницы, словно бедный кавалер, желающий максимально использовать свой небольшой запас нарядов. Он сделал вид, что взял за образец Плиния старшего, как явствует из предисловия к его "*Сумарио*". Но его собственная работа была далека от того образца эрудиции и красноречия, который завещал нам этот великий естествоиспытатель.

Тем не менее, при своих очевидных недостатках Овьедо проявил просвещенное любопытство и проницательную наблюдательность, которые ставят его намного выше обычного круга хронистов. Можно даже сказать, что он проявляет философский тон в своих размышлениях, хотя его философию следует рассматривать как холодную и беспринципную везде, где ставятся под сомнение права аборигенов. Он был неутомим в сборе материалов для своих рассказов и с этой целью поддерживал переписку с самыми выдающимися людьми своего времени, принимавшими участие в событиях, о которых он вспоминает. Он даже снизошел до сбора информации из более скромных источников, из народных преданий и отчетов простых солдат. Поэтому его работы часто представляют собой мешанину непоследовательных и противоречивых деталей, которые затрудняют суждение, чрезвычайно затрудняя на таком расстоянии во времени выяснение истины. Возможно, именно по этой причине Лас Касас похвалил автора, заявив, что "его работы были сплошной выдумкой, такой же полной лжи, как и страницы!" Еще одно объяснение столь сурового суждения можно найти в разных характерах этих двух людей. Овьедо разделял мирские чувства, общие для испанских завоевателей, и, хотя он всегда был готов превозносить подвиги своих соотечественников, легкомысленно относился к притязаниям и страданиям несчастных аборигенов. Он был неспособен оценить щедрую филантропию Лас Касаса или разделять его возвышенные взгляды, которые он, несомненно, высмеивал как взгляды, может быть, и доброжелательного, но дальновидного фанатика. Лас Касас, с другой стороны, чей голос постоянно звучал против злоупотреблений завоевателей, был преисполнен отвращения к чувствам, которые признавал Овьедо, и было естественно, что его отвращение к принципам распространилось на человека, который их исповедовал. Вероятно, нельзя было найти двух мужчин, менее компетентных в том, чтобы составить правильную оценку друг друга.

Овьедо проявлял такую же активность в сборе материалов для естественной истории, как и для иллюстрации гражданской. Он собирал различные растения Островов в своем саду и одомашнил многих животных или держал их в заточении под своим присмотром, где мог изучать их своеобразные повадки. Таким образом, если он сам и не соперничал с Плинием и Эрнандесом в науке, то, по крайней мере, смог снабдить человека науки фактами высочайшего интереса и важности.

Помимо этих исторических трудов, Овьедо оставил труд в шести томах, названный причудливым названием *Квинкуагенас*. Она состоит из воображаемых диалогов между самыми выдающимися испанцами того времени, касающихся их личной истории, их семей и генеалогии. Это произведение неопределимой ценности для историка времен Фердинанда и Изабеллы, а также Карла Пятого. Но оно привлекло мало внимания в Испании, где до сих пор находится в рукописи. Полный экземпляр "Истории Индии" Овьедо находится в архиве Королевской академии истории в Мадриде, и, как предполагается, этот орган подготовил издание для печати. Те части, которые буквально переписаны из предыдущих повествований, например, Письма Кортеса, которые Овьедо без колебаний перенес целиком и без искажений на свои собственные страницы, хотя и оживленные, правда, его собственной критикой, с таким же успехом могли бы быть опущены. Но остальная часть великого труда содержит массу разнообразной информации, которая внесла бы важный вклад в колониальную историю Испании.

Авторитетным лицом, на которое часто ссылаются на этих страницах, является Диего Муньос Камарго. Он был знатным тлашкаланским *мести* и жил во второй половине шестнадцатого века. Он был воспитан в христианской вере и рано выучился кастильскому, на этом языке он написал свою *Историю Тласкалы*. В этой работе он знакомит читателя с различными членами великой семьи науатлаков, которые последовательно поднимались на Мексиканское плато. Камарго родился и вырос среди аборигенов страны, когда обычаи языческой эпохи еще не полностью устарели, и был в состоянии в совершенстве понять состояние древних жителей; и его работа содержит много любопытной и достоверной информации, касающейся социальных и религиозных институтов страны во время завоевания. Его патриотизм усиливается, когда он рассказывает о давней вражде своих соотечественников с ацтеками; и удивительно наблюдать, как ненависть соперничающих народов пережила их общее подчинение кастильскому игу.

Камарго включает в свой рассказ описание этого великого события и последующего заселения страны. Как член индийской семьи, мы могли бы ожидать, что его хроника отразит предрассудки или, по крайней мере, пристрастия индейцев. Но новообращенный христианин так же свободно выражал свои симпатии Завоевателям, как и своим собственным соотечественникам. Желание преувеличить подвиги последних и в то же время отдать полную справедливость доблести белых людей иногда создает на его страницах самый причудливый контраст, придавая рассказу сильную противоречивость. С точки зрения литературного исполнения это произведение имеет мало достоинств; однако настолько больших, насколько можно было ожидать от коренного индейца, обязанного своим знанием языка такому несовершенному обучению, какое он смог получить от миссионеров. Тем не менее, по стилю изложения она может сравниться с трудами некоторых самих миссионеров.

Оригинальная рукопись долгое время хранилась в монастыре *Сан Фелипе Нери* в Мексике, где Торквемада, как явствует из случайных ссылок, имел к ней доступ. Она ускользнула от внимания других историков, но была включена Муньосом в его великолепную коллекцию и передана на хранение в архив Королевской академии истории в Мадриде; из этого источника был получен экземпляр, находящийся в моем распоряжении. Она носит название "*Руководство по истории вердадеры*", без имени автора и без деления на книги или главы.

КНИГА V

ИЗГНАНИЕ ИЗ МЕКСИКИ

ГЛАВА I

ОТЧАЯННАЯ АТАКА На ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ —ЯРОСТЬ МЕКСИКАНЦЕВ—ВЫЛАЗКА
ИСПАНЦЕВ—МОНТЕСУМА ОБРАЩАЕТСЯ К НАРОДУ—ОПАСНО РАНЕН

1520

Дворец аксаякатль, в котором были расквартированы испанцы, представлял собой, как читатель, возможно, помнит, обширное, неправильной формы нагромождение каменных зданий, имевших всего один этаж, за исключением центра, где был пристроен еще один этаж, состоящий из анфилады апартаментов, которые подобно башенкам возвышались над главным зданием здания. Вокруг простиралась обширная территория, окруженная каменной стеной небольшой высоты. Оно поддерживалось башнями или фальшбортами с определенными интервалами, что придавало ему некоторую степень прочности, конечно, не сравнимую с европейскими укреплениями, но достаточную, чтобы противостоять грубой таранной технике индейцев. В бруствере кое-где были проделаны амбразуры для артиллерии, которая состояла из тринадцати орудий; в других частях были проделаны отверстия поменьше для удобства аркебузирова. Испанские войска разместились в огромном здании; но многочисленный отряд тлашкаланских вспомогательных войск не мог найти другого укрытия, кроме того, что предоставляли казармы или сараи, наспех построенные для этой цели в просторном внутреннем дворе. Большинство из них, вероятно, расположились бивуаками под открытым небом, в климате более мягком, чем тот, к которому они привыкли среди грубых холмов своей родины. Сгрудившись таким образом на небольшом и компактном пространстве, вся армия могла быть собрана в любой момент; и, поскольку испанский командующий следил за соблюдением строжайшей дисциплины и бдительности, было едва ли возможно, что его можно было застать врасплох. Поэтому, как только прозвучал призыв к оружию, поскольку было объявлено о приближении врага, каждый солдат оказался на своем посту, кавалерия вскочила на коней, артиллеристы у своих орудий, а лучники и аркебузиры были расставлены так, чтобы оказать нападающим теплый прием.

Они наступали отрядами, или нерегулярными массами, на которые была разделена толпа, устремляясь вперед каждая своей плотной колонной, со многими развевающимися знаменами и множеством ярких отблесков света, отражавшихся от шлемов, стрел и наконечников копий, когда их бросало из стороны в сторону в их беспорядочном строю. Приблизившись к ограде, ацтеки издали отвратительный вопль, или, скорее, тот пронзительный свист, которым пользовались в бою народы Анауака, который намного превосходил звуки шелла, атабала и других их грубых инструментов с воинственной мелодией. За этим последовал шквал несчастий— камней, дротиков и стрел, — которые густым дождем посыпались на осажденных, в то время как залпы того же рода раздавались с переполненных террас по соседству.^[109]

Испанцы подождали, пока передовая колонна приблизится на наилучшее расстояние, чтобы открыть огонь, когда общий залп артиллерии и аркебуз смел ряды нападавших и косил их сотнями.^[110] Мексиканцы были знакомы с сообщениями об этих грозных двигателях, поскольку они были безвредно разряжены на каком-то праздничном празднике; но никогда до сих пор они не были свидетелями их смертоносной мощи. На мгновение они застыли в ужасе, с растерянными взглядами пошатываясь под яростью огня;^[111] но, вскоре собравшись с силами, отважные варвары

издали пронзительный крик и бросились вперед, перешагивая через распростертые тела своих товарищей. Второй и третий залпы остановили их продвижение и привели в беспорядок, но они все равно продолжали наступать, выпуская тучи стрел; в то время как их товарищи на крышах домов более тщательно целились в сражающихся во дворе. Мексиканцы были особенно искусны в использовании пращи;^[112] и камни, которые они бросали со своих возвышенностей на головы своих врагов, приносили даже больший эффект, чем стрелы. Они действительно смотрели с покрытых кольчугами тел кавалеристов и с тех, кто был укрыт хлопковыми доспехами или *эскаутилем*. Но некоторые солдаты, особенно ветераны Кортеса, и многие из их индейских союзников имели лишь незначительную защиту и сильно пострадали от этой каменистой бури.

Тем временем ацтеки подошли вплотную к стенам укреплений, их ряды были разбиты и дезорганизованы, а конечности искалечены непрекращающимся огнем христиан. Но они все равно продвигались вперед, под самыми дулами орудий. Они пытались взобраться на бруствер, что, учитывая его умеренную высоту, само по себе не представляло большой трудности. Но в тот момент, когда они показывали свои головы над крепостным валом, их сбивали с ног безошибочные стрелки, находившиеся внутри, или распростертые на земле от удара тлашкаланского *макуауитля*. Никто не дрогнул, и вскоре на место павших пришли другие и попытались преодолеть преграду, поднимаясь по корчащимся телам своих умирающих товарищей или воткнув свои копья в щели стены. Но попытка оказалась столь же тщетной.

Потерпев здесь поражение, они попытались пробить брешь в парапете, забарабанив по нему тяжелыми обломками дерева. Работы не были построены на тех научных принципах, с помощью которых одна часть должна игнорировать и защищать другую. Таким образом, осаждающие могли действовать по своему усмотрению, почти не испытывая беспокойства со стороны внутреннего гарнизона, чьи орудия нельзя было привести в положение, позволяющее вести по ним огонь, и которые не могли построить ни одной части своих собственных укреплений для своей защиты, не подвергая себя обстрелу всей осаждающей армии. Однако парапет оказался слишком прочным для усилий нападавших. В своем отчаянии они пытались поджечь христианские кварталы, пуская в них горящие стрелы и взбираясь наверх, чтобы забрасывать головни через амбразуры. Основное здание было каменным. Но временные укрепления индейских союзников и другие части внешних сооружений были деревянными. Некоторые из них загорелись, и пламя быстро распространилось среди легких горючих материалов. Это была катастрофа, к которой осажденные оказались совершенно не готовы. У них было мало воды, ее едва хватало для их собственного потребления. Они пытались погасить пламя, засыпая его землей. Но тщетно. К счастью, великое здание было построено из материалов, которые не поддавались разрушительной стихии. Но огонь бушевал в некоторых флигелях, соединенных с парапетом, с яростью, которую можно было остановить, только обрушив часть самой стены, образовав таким образом огромную брешь. Это место, по приказу генерала, было быстро защищено батареей тяжелых орудий и шеренгой аркебузирова, которые вели непрерывный огонь через отверстие по нападавшим.^[113]

Теперь битва бушевала с яростью с обеих сторон. Стены вокруг дворца изрыгали непрерывную завесу пламени и дыма. Стоны раненых и умирающих потонули в более яростных боевых кликах сражающихся, грохоте артиллерии, более резком грохоте мушкетной стрельбы и свисте индейских снарядов. Это был конфликт европейца с американцем; цивилизованного человека с варваром; науки одного с грубым оружием и воинственностью другого. И когда древние стены Теночтитлана содрогнулись под грохотом артиллерии, это возвестило о том, что белый человек, разрушитель, ступил на ее территорию.^[114]

Наконец наступила ночь и набросила свою дружескую мантию на состязание. Ацтеки редко сражались ночью. Однако это не принесло покоя испанцам, ежечасно ожидавшим нападения; и они нашли много занятий в восстановлении брешей в своей обороне и в починке своих потрепанных доспехов. Осаждающее войско всю ночь лежало сложа руки, время от времени подавая знак своего присутствия, посылая камень или стрелу через зубчатые стены, или одиноким

криком вызова от какого-нибудь воина, более решительного, чем остальные, пока все остальные звуки не затерялись в неясном ропоте, который плывет в воздухе по соседству с огромным собранием.

Свирепость, проявленная мексиканцем, похоже, была тем, к чему Кортес был совершенно не готов. Его прошлый опыт, его непрерывная победоносная карьера с гораздо более слабыми силами под его командованием привели к тому, что он недооценил военную эффективность, а также доблесть индейцев. Очевидная легкость, с которой мексиканцы смирились с оскорблениями, нанесенными их суверену и им самим, заставила его, в частности, слишком легкомысленно относиться к их мужеству. Он не мог поверить, что нынешнее нападение было чем-то большим, чем временное возбуждение населения, которое вскоре истощит себя собственной яростью. И он предложил на следующий день совершить вылазку и подвергнуть своих врагов такому наказанию, которое привело бы их в чувство и показало, кто в столице хозяин.

С ранним рассветом испанцы были на ногах и при оружии; но не раньше, чем их враги засвидетельствовали свою враждебность случайными выстрелами, которые время от времени посылались в ограду. С наступлением серого утреннего света стало видно, что армия осаждающих отнюдь не уменьшилась в численности, а заполнила большую площадь и соседние проспекты более плотным строем, чем предыдущим вечером. Вместо сбитого с толку, беспорядочного сброда, это имело вид чего-то вроде регулярных войск, с их батальонами, распределенными под своими соответствующими знаменами, устройство которых свидетельствовало о вкладе основных городов и округов Долины. Высоко над остальными бросался в глаза древний штандарт Мексики с его хорошо известным изображением орла, набрасывающегося на оцелота, украшенного богатой мантией из перьев. Тут и там можно было видеть, как жрецы вливаются в ряды осаждающих и неистовыми жестами побуждают их отомстить за своих оскорбленных божеств.

У большей части врагов не было никакой одежды, кроме *макстлатля*, или пояса вокруг чресел. Они были по-разному вооружены, длинными копьями с медными или кремневыми наконечниками, а иногда просто заостренными и закаленными в огне. Некоторые были снабжены пращами, а другие - дротиками с двумя или тремя наконечниками, к которым были прикреплены длинные веревки, с помощью которых при выстреле их можно было снова оторвать от тела раненого. Это было грозное оружие, которого испанцы очень боялись. Люди более высокого порядка получили ужасный *макуауитльс* его острыми и хрупкими лезвиями из обсидиана. Среди разношерстных отрядов воинов было видно много тех, чья эффектная одежда и властный вид выдавали людей высокого военного положения. Их груди были защищены металлическими пластинами, поверх которых были наброшены веселые накидки из перьев. Они носили шлемы, напоминающие по своей форме голову какого-то дикого и свирепого животного, покрытую щетинистой шерстью или поверхзатененные высокими и изящными перьями самых ярких цветов. Некоторые из них были украшены красной лентой, обвязанной вокруг волос, к которой были прикреплены хлопчатобумажные пряди, что обозначало их количеством одержанные ими победы и их собственное выдающееся положение среди воинов нации. Пестрое собрание ясно показывало, что священник, воин и горожанин объединились, чтобы раздуть беспорядки.

Прежде чем солнце осветило своими лучами кастильские кварталы, враг пришел в движение, очевидно, готовясь возобновить атаку предыдущего дня. Испанский командующий решил опередить их энергичной вылазкой, для которой он уже составил необходимую диспозицию. Артиллерийский залп и мушкетная пальба послали смерть повсюду в ряды противника, и, прежде чем они успели оправиться от замешательства, ворота распахнулись, и Кортес, совершив вылазку во главе своей кавалерии, при поддержке большого отряда пехоты и нескольких тысяч тлашкаланцев, на полном скаку поскакал против них. Захваченный таким образом врасплох, он едва ли мог оказать серьезное сопротивление. Те, кто это делал, были растоптаны копытами лошадей, разрублены на куски палашами или пронзены копьями всадников. Пехота последовала за ударом, и на данный момент разгром был всеобщим.

Но ацтеки бежали только для того, чтобы укрыться за баррикадой или прочным сооружением из дерева и земли, которое было перекинуто поперек главной улицы, по которой их преследовали. Сплотившись на другой стороне, они отважно встали в стойку и, в свою очередь, обрушили залп из своих легких орудий на испанцев, которые, одновременно салютуя градом снарядов с террас домов, были остановлены на своем пути и приведены в некоторое замешательство. ^[115]

Оказавшийся в таком затруднительном положении Кортес приказал подвести несколько единиц тяжелой артиллерии, которые вскоре снесли баррикады и расчистили проход для армии. Но она утратила импульс, приобретенный при быстром продвижении. У противника было время собраться и встретиться с испанцами на более равных условиях. По мере продвижения они также подвергались нападению с фланга со стороны свежих батальонов, которые хлынули с прилегающих улиц и переулков. Каналы кишели лодками, наполненными воинами, которые своими грозными дротиками обшаривали каждую щель или слабое место в непробиваемых доспехах и сеяли хаос в незащищенных телах тлашкальцев. Повторными и энергичными атаками испанцам удалось оттеснить индейцев от себя; хотя многие с отчаянием, которое показывало, что они любят месть больше жизни, пытались затруднить движение своих лошадей, цепляясь за их ноги, или, что более успешно, пытались стащить всадников с седел. И горе несчастному всаднику, который был таким образом спешен, — быть убитым жестоким *макауитлем* или быть затащенным на борт каноэ к окровавленному алтарю жертвоприношения!

Но наибольшие неприятности, с которыми столкнулись испанцы, были вызваны метательными снарядами из *азотеаса*, часто состоящими из больших камней, которые швырялись с силой, способной выбить самого крепкого всадника из седла. Доведенный до крайности этими разрядами, от которых даже их щиты не давали достаточной защиты, Кортес приказал поджечь здания. Это было не очень сложно, поскольку, хотя они были сделаны в основном из камня, они были заполнены циновками, плетенками из тростника и другими горючими материалами, которые вскоре загорелись. Но здания стояли отделенные друг от друга каналами и подъемными мостами, так что пламя нелегко распространялось на соседние здания. Следовательно, труд испанцев неисчислимо возрос, и их прогресс в разрушительной работе — к счастью для города — был сравнительно медленным. ^[116] Однако они не ослабляли своих усилий до тех пор, пока не сгорело несколько сотен домов, и к прочим ужасам этой сцены добавились страдания от пожара, в котором несчастные обитатели погибли наравне с защитниками.

День был уже далеко позади. Испанцы повсюду одерживали победы. Но враг, хотя и был отброшен на каждом рубеже, все еще удерживал поле боя. Сломленный яростными атаками кавалерии, он вскоре сплотился за временными укреплениями, которые через разные промежутки времени были переброшены через улицы, и, развернувшись, возобновил бой с неослабевающим мужеством, пока орудийный огонь нападавших не снес заграждения, оставив свободный проход для передвижения их конницы. Таким образом, сражение представляло собой череду сближений и отступлений, в ходе которых обе стороны сильно пострадали, хотя потери, нанесенные индейцам, были, вероятно, в десять раз больше, чем у испанцев. Но ацтеки лучше могли позволить себе потерять сотню жизней, чем их противники — одну. И в то время как испанцы представляли собой разбитый и явно поредевший отряд, мексиканская армия, пополнявшаяся за счет рекрутов, которые стекались к ней с соседних улиц, при всех своих потерях не проявляла никаких признаков уменьшения. Наконец, пресытившись резней, измученный тяжелым трудом и голодом, испанский командующий отвел своих людей и дал сигнал к отступлению. ^[117]

Возвращаясь к себе на квартиру, он увидел на соседней улице своего друга секретаря Дуэро, выбитого из седла и вступившего в горячую схватку с отрядом мексиканцев, от которых он отчаянно защищался своим кинжалом. Кортес, воодушевленный этим зрелищем, издал свой боевой клич и, ворвавшись в гущу врагов, яростным натиском разметал их, как мякину; затем, подобрав лошадь своего друга, он позволил ему снова сесть в седло, и оба кавалериста, вонзив шпоры в своих коней, прорвались сквозь ряды противников и присоединились к основным силам

армии.^[118] Подобные проявления благородной храбрости не были редкостью в этих сражениях, которые требовали больше личных подвигов, чем сражений с противниками, более искушенными в науке войны. Рыцарской выправке генерала в полной мере подражали Сандовал, Де Леон, Олид, Альварадо, Ордас и другие его храбрые товарищи, которые снискали такую славу под руководством своего лидера, что подготовили путь для независимых командований, которые впоследствии предоставили в их распоряжение провинции и королевства.

Неустрасимые ацтеки наступали в тыл своим отступающим врагам, досаждая им на каждом шагу новыми полетами камней и стрел; и когда испанцы снова вошли в свою крепость, индейское войско расположилось лагерем вокруг нее, проявляя ту же упорную решимость, что и предыдущим вечером. Хотя они были верны своим древним привычкам бездействовать по ночам, они нарушили тишину этого часа оскорбительными криками и угрозами, которые достигли ушей осажденных. “Боги, наконец, отдали тебя в наши руки”, - сказали они. “Уицилопочтли долго зывал о своих жертвах. Жертвенный камень готов. Ножи наточены. Дикие звери во дворце рычат, требуя своих потрохов. А клетки, - добавили они, дразня тлашкаланцев своей худобой, - ждут фальшивых сынов Анауака, которых откармливают к празднику!” Эти мрачные угрозы, которые устрашающе звучали в ушах осажденных, слишком хорошо понимавших их значение, смешивались с жалобными причитаниями по своему государю, которого они призывали испанцев выдать им.

Кортес сильно страдал от тяжелой раны, полученной им в руку в последнем бою. Но душевная мука, должно быть, была еще сильнее, когда он размышлял о мрачной перспективе, открывшейся перед ним. Он неправильно истолковал характер мексиканцев. Их долгая и терпеливая выносливость была насилием над их природным характером, который, как доказывает вся их история, был высокомерным и свирепым, превосходящим таковой у большинства рас Анауака. Сдержанность, которую они так долго накладывали на свою натуру больше из уважения к своему монарху, чем к собственным страхам, была однажды снята, и их страсти вырвались наружу с накопившейся силой. Испанцы столкнулись в тлашкале с открытым врагом, которому не на что было жаловаться, не за что было исправлять зло. Он сражался, руководствуясь лишь смутным предчувствием какого-то грядущего зла для его страны. Но ацтек, до сих пор гордый властелин страны, был подстрекаем к оскорблениям и увечьям, пока не достиг той степени самоотверженности, которая делала жизнь дешевой по сравнению с мексиканской. Вооруженный, таким образом, энергией отчаяния, дикарь почти не уступает цивилизованному человеку; и целая нация, движимая до глубины души общим чувством, которое заглушает все эгоистичные соображения личной заинтересованности и безопасности, становится, каковы бы ни были ее ресурсы, подобно землетрясению и торнадо, самым грозным из сил природы.

Соображения такого рода, возможно, приходили в голову Кортесу, когда он размышлял о собственном бессилии сдержать ярость мексиканцев и решил, несмотря на свое недавнее высокомерное обращение с Монтесумой, использовать свой авторитет, чтобы утихомирить беспорядки, — авторитет, столь успешно применявшийся в интересах Альварадо на более ранней стадии восстания. Он еще больше утвердился в своей цели на следующее утро, когда нападавшие, удвоив свои усилия, преуспели в преодолении укреплений в одном квартале и проделали вход в ограду. Это правда, они были встречены с такой решимостью, что ни один человек из вошедших не остался в живых. Но из-за стремительности штурма на несколько мгновений показалось, что это место вот-вот будет взято штурмом.^[119]

Теперь Кортес послал к императору ацтеков с просьбой вмешаться в дела своих подданных от имени испанцев. Но Монтесума был не в том настроении, чтобы подчиниться. С тех пор как вернулся генерал, он угрюмо сидел в своей каюте. Испытывая отвращение к обращению, которому он подвергся, он имел еще больше причин для унижения, обнаружив себя союзником тех, кто был открытыми врагами его нации. Из своих покоев он наблюдал трагические сцены в своей столице и видел другого, предполагаемого наследника его трона, занимающего место, которое он должен

был занимать во главе своих воинов, и сражающегося в битвах за свою страну.^[120] Огорченный своим положением, возмущенный теми, кто поставил его в такое положение, он холодно ответил: “Какое я имею отношение к Малинче? Я не желаю слышать о нем. Я желаю только умереть. До какого состояния довела меня моя готовность служить ему!”^[121] Когда Олид и отец Ольмедо еще раз призвали его подчиниться, он добавил: “Это бесполезно. Они не поверят ни мне, ни лживым словам и обещаниям Малинче. Ты никогда не покинешь эти стены живым.” Однако, получив заверения, что испанцы охотно уйдут, если их враги откроют им путь, он, наконец, — движимый, вероятно, больше желанием пощадить кровь своих подданных, чем христиан, — согласился выступить перед своим народом.^[122]

Чтобы придать больший эффект своему присутствию, он облачился в императорские одежды. *тильматли*, его бело-голубая мантия, ниспадала на плечи, удерживаемая богатой застежкой из зеленого *чалчивитля*. Такой же драгоценный камень, с изумрудами необычного размера, оправленными в золото, обильно украшал другие части его платья. Его ноги были обуты в золотые сандалии, а брови покрывала *копилли*, или мексиканская диадема, напоминающая по форме папскую тиару. Одетый таким образом, окруженный охраной из испанцев и нескольких знатных ацтеков и сопровождаемый золотым жезлом, символом суверенитета, индийский монарх поднялся на центральную башню дворца. Его присутствие было мгновенно распознано народом, и по мере того, как королевская свита продвигалась вдоль зубчатых стен, на сцене, словно по волшебству, произошла перемена. Лязг инструментов, яростные крики нападавших смолкли, и гробовая тишина воцарилась во всем собрании, всего несколько мгновений назад столь яростно взбудораженном диким шумом войны! Многие пали ниц на землю; другие преклонили колена; и все в нетерпеливом ожидании повернулись к монарху, которого их учили почитать с рабским благоговением и от лица которого они привыкли отворачиваться, как от невыносимого великолепия божества. Монтесума увидел свое преимущество; и, пока он стоял таким образом лицом к лицу со своим охваченным благоговейным страхом народом, к нему, казалось, вернулись весь его прежний авторитет и уверенность, поскольку он все еще чувствовал себя королем. Спокойным голосом, легко слышимым в безмолвном собрании, он, по словам кастильских писателей, обратился к ним так:

“Почему я вижу мой народ здесь с оружием в руках против дворца моих отцов? Ты считаешь своего государя пленником и хочешь освободить его?” Если так, то вы поступили правильно. Но вы ошибаетесь. Я не пленник. Незнакомцы - мои гости. Я остаюсь с ними только по собственному выбору и могу покинуть их, когда захочу. Вы пришли, чтобы изгнать их из города? В этом нет необходимости. Они уйдут сами по себе, если вы откроете им путь. Тогда возвращайтесь по домам. Сложите оружие. Покажите свою покорность мне, у кого есть на это право. Белые люди вернутся на свою землю, и все снова будет хорошо в стенах Теночтитлана”.

Когда Монтесума объявил себя другом ненавистных чужеземцев, по толпе пробежал ропот; ропот презрения к малодушному правителю, который мог показать себя таким нечувствительным к оскорблениям, из-за которых нация взялась за оружие. Нахлынувшая волна их страстей смела все преграды древнего почитания и, приняв новое направление, обрушилась на голову несчастного монарха, так далеко выродившегося по сравнению со своими воинственными предками. “Подлый ацтек, - восклицали они, - женщина, трус! белые люди превратили тебя в женщину, годную только на то, чтобы ткать и прясть!” За этими горькими насмешками вскоре последовали еще более враждебные демонстрации. Говорят, вождь высокого ранга натягивал лук или размахивал дротиком с видом вызова императору,^[123] когда в одно мгновение туча камней и стрел обрушилась на то место, где собрался королевский кортеж. Испанцы, назначенные охранять его особу, были сбиты с толку почтительным поведением людей во время обращения их господина. Теперь они поспешно подставили свои щиты. Но было слишком поздно. Монтесума был ранен тремя снарядами, один из которых, камень, упал ему на голову рядом с храмом с такой силой, что он без чувств рухнул на землю. Мексиканцы, потрясенные собственным

кошунственным поступком, испытали внезапное отвращение и, издав жалобный крик, в панике разбежались в разные стороны. На большой площади перед дворцом не осталось ни одного из этого многочисленного множества!

Тем временем слуги отнесли несчастного принца в его покои внизу. Когда он оправился от бесчувственности, вызванной ударом, жалость его положения обрушилась на него. Он вкусил последнюю горечь унижения. Он был оскорблен, отвергнут своим народом. Самый подлый сброд поднял на него руки. Ему больше не для чего было жить. Напрасно Кортес и его офицеры пытались унять душевную муку и внушить ему лучшие мысли. Он не произнес ни слова в ответ. Его рана, хотя и опасная, все же могла при умелом лечении оказаться не смертельной. Но Монтесума отказался от всех назначенных для нее средств. Он срывал бинты так же часто, как они накладывались, сохраняя все это время самое решительное молчание. Он сидел с удрученным взглядом, размышляя о своем падении, об образе древнего величия и нынешнем унижении. Он пережил свою честь. Но искра его древнего духа, казалось, зажглась в его груди, поскольку было ясно, что он не собирался переживать свой позор. С этой мучительной сцены испанский генерал и его сторонники вскоре были отозваны новыми опасностями, угрожавшими гарнизону.^[124]

ГЛАВА II

ШТУРМ ВЕЛИКОГО ХРАМА—ДУХ АЦТЕКОВ—БЕДСТВИЯ ГАРНИЗОНА— ОЖЕСТОЧЕННЫЕ БОИ В ГОРОДЕ—СМЕРТЬ МОНТЕСУМЫ

1520

О Напротив испанских кварталов, всего в нескольких метрах от них, стоял великий *теокалли* из Уицилопочтли. Этот пирамидальный курган со святилищами, венчавшими его, поднимаясь в целом на высоту около ста пятидесяти футов, обеспечивал возвышенное положение, которое полностью господствовало над дворцом Аксаякатль, занимаемым христианами. Отряд из пятисот или шестисот мексиканцев, многие из которых были дворянами и воинами высшего ранга, овладел *теокалли*, откуда они обрушили на гарнизон такой град стрел, что никто не мог ни на минуту покинуть свои укрепления без неминуемой опасности; в то время как мексиканцы, укрывшись в святилищах, были полностью укрыты от огня осажденных. Очевидно, было необходимо выбить противника, если испанцы хотели дольше оставаться в своих кварталах.

Кортес поручил эту услугу своему камергеру Эскобару, выделив ему для этой цели сотню человек с приказом штурмовать *теокалли* и поджечь святилища. Но попытка этого офицера была трижды отбита, и после самых отчаянных усилий он был вынужден вернуться со значительными потерями и без достижения своей цели.

Кортес, видевший настоятельную необходимость захватить это место, решил сам возглавить штурмующий отряд. В то время он сильно страдал от раны в левой руке, которая в настоящее время вывела ее из строя. Однако он привел руку в порядок, прикрепив к ней свой щит,^[125] и, таким образом искалеченный, выступил в вылазку во главе трехсот отборных кавалеристов и нескольких тысяч своих вспомогательных войск.

Во дворе храма он обнаружил многочисленную группу индейцев, готовых оспорить его проход. Он быстро атаковал их, но плоские гладкие камни мостовой были такими скользкими, что лошади сбивались с ног, и многие из них падали. Поспешно спешившись, они отослали животных обратно в их жилища, и, возобновив атаку, испанцам без особого труда удалось рассеять индейских воинов и открыть для себя свободный проход к *теокалли*. Это здание, как читатель, возможно, помнит, представляло собой огромное пирамидальное сооружение, площадью около трехсот квадратных футов у основания. Пролет каменных ступеней снаружи, под одним из углов насыпи, вел к платформе, или террасной дорожке, которая огибала здание, пока не достигала аналогичного лестничного пролета прямо над предыдущим, который вел на другую площадку, как и раньше. Поскольку *теокалли* состоял из пяти корпусов или подразделений, возникла необходимость обогнуть его по всей протяженности четыре раза, или почти милю, чтобы достичь

вершины, которая, как следует помнить, представляла собой открытую местность, увенчанную только двумя святилищами, посвященными ацтекским божествам.^[126]

Кортес, расчистив путь для штурма, взбежал по нижней лестнице, сопровождаемый Альварадо, Сандовалем, Ордасом и другими доблестными кавалерами из своего маленького отряда, оставив шеренгу аркебузирова и сильный отряд союзников-индейцев сдерживать врага у подножия памятника. На первой площадке, а также на нескольких галереях выше и на самом верху выстроились ацтекские воины, чтобы оспорить его проход. Со своей возвышенности они обрушили вниз залпы более легких снарядов вместе с тяжелыми камнями, балками и горящими стропилами, которые, прогрохотав по лестнице, опрокинули поднимавшихся испанцев и принесли опустошение в их ряды. Более удачливым, уклоняясь от этих препятствий или перепрыгивая их, удавалось достичь первой террасы; где, бросившись на своих врагов, они заставляли их, после короткого сопротивления, отступать. Нападавшие продолжали наступление, эффективно поддерживаемые снизу яростным огнем мушкетеров, который так сильно раздражал мексиканцев в их уязвимом положении, что они были рады укрыться на широкой вершине *теокалли*.

Кортес и его товарищи были у них в тылу, и вскоре обе стороны оказались лицом к лицу на этом воздушном поле боя, вступив в смертельную схватку в присутствии всего города, а также войск во дворе, которые, словно по взаимному согласию, прекратили свои боевые действия, в молчаливом ожидании наблюдая за исходом тех, кто находился наверху. Площадь, хотя и несколько меньшая, чем у основания *теокалли*, была достаточно велика, чтобы обеспечить справедливое поле боя для тысячи бойцов. Она была вымощена широкими плоскими камнями. На ее поверхности не было никаких препятствий, за исключением огромной жертвенной плиты и каменных храмов, которые поднимались на высоту сорока футов в дальнем конце арены. Одно из них было посвящено Кресту. Другое все еще занимал мексиканский бог войны. Христиане и ацтеки боролись за свои религии в самой тени своих соответствующих святилищ; в то время как индийские священники, бегавшие взад и вперед, с растрепанными волосами, разметающимися по их соболиным мантиям, казалось, парили в воздухе, подобно множеству демонов тьмы, побуждающих к убийству!

Стороны сошлись с отчаянной яростью людей, у которых не было другой надежды, кроме победы. Пощады никто не просил и не давал; и бежать было невозможно. Край площадки не был защищен парапетом или зубчатой стеной. Малейшее скольжение могло быть смертельным, и иногда было видно, как сражающиеся, борясь в смертельной агонии, переваливались через отвесную

ШТУРМ ВЕЛИКОГО ХРАМА

Гутиль и С°. Париж

стороны пропасти вместе.^[127] Говорят, что сам Кортес чудом избежал этой ужасной участи. Два воина крепкого, мускулистого телосложения схватили его и яростно потащили к краю пирамиды. Зная об их намерении, он сопротивлялся изо всех сил и, прежде чем они смогли достичь своей цели, сумел вырваться из их хватки и перебросить одного из них через стену собственной рукой! История сама по себе не невероятна, поскольку Кортес был человеком необычайной ловкости и силы. Это часто повторялось, но не в современной истории.^[128]

Битва длилась с неослабевающей яростью в течение трех часов. Численность врага была вдвое больше, чем у христиан; и казалось, что это было состязание, которое должно определяться численностью и грубой силой, а не превосходством науки. Но это было не так. Неуязвимые доспехи испанца, его несравненный по силе меч и умение им пользоваться давали ему преимущества, которые намного перевешивали превосходство в физической силе и численности. После того, как ацтеки сделали все, на что только могла позволить им отвага отчаяния, сопротивление становилось все слабее и слабее со стороны ацтеков. Они пали один за другим. Выжили только два или три священника, которых победители с триумфом увели. Все остальные бойцы были распростерты трупами на кровавой арене или сброшены с головокружительной высоты. И все же потери испанцев были немалыми. Это составило сорок пять их лучших людей; и почти все остальные были более или менее ранены в отчаянном бою.^[129]

Победоносные всадники устремились к святилищам. Нижний этаж был каменным, два верхних - деревянными. Проникнув в их тайники, они с ужасом обнаружили, что изображение Богородицы и Крест сняты.^[130] Но в другом здании они все еще видели мрачную фигуру Уицилопочтли с его кадилом из дымящихся сердечек и стенами его ораторского зала, пропитанными кровью, — не исключено, что их собственных соотечественников! С торжествующими криками христиане оторвали неотесанное чудовище от его ниши и сбросили его в присутствии пораженных ужасом ацтеков со ступеней *теокалли*.{*} Затем они подожгли проклятое здание. Пламя быстро взметнулось вверх по стройным башням, разливая зловещий свет по городу, озеру и долине, добравшись до самой отдаленной хижины среди гор. Это был погребальный костер язычества, возвещавший о падении той кровавой религии, которая так долго висела, подобно темному облаку, над прекрасными районами Анауака!^[131]

{*} [Сэр Артур Хелпс довольно странно говорит о том, что Кортес поджег это изображение. Ни сам Кортес, ни Берналь Диас не упоминают о какой—либо подобной попытке сжечь то, что описывается как “огромный блок базальта, покрытый скульптурными фигурами”. -К.]

Завершив это доброе дело, испанцы спустились по извилистым склонам *теокалли* более свободным и жизнерадостным шагом, словно сознавая, что благословение Небес теперь почilo на их плечах. Они прошли сквозь стройные ряды индейских воинов во дворе, слишком встревоженные ужасающими сценами, свидетелями которых они стали, чтобы оказать сопротивление, и благополучно добрались до своих покоев. В ту же ночь они предприняли вылазку на спящий город и сожгли триста домов, причем ужасы пожара были еще более впечатляющими из-за того, что произошли в час, когда ацтеки, исходя из их собственной системы ведения войны, были наименее подготовлены к ним. ^[132]

Надеясь, что эти неудачи несколько смягчат характер туземцев, Кортес теперь решил, следуя своей обычной политике, сделать из них выгодную площадку для предложения условий размещения. Соответственно, он пригласил врага на переговоры, и, когда главные вожди в сопровождении своих сторонников собрались на большой площади, он поднялся на башню, которую раньше занимал Монтесума, и сделал знак, что обратится к ним. Марина, как обычно, заняла свое место рядом с ним в качестве переводчицы. Толпа с искренним любопытством смотрела на индианку, чье влияние на испанцев было хорошо известно и чья связь с генералом, в частности, побудила ацтеков называть его ее мексиканским именем Малинче. ^[133] Кортес, говоря мягким, музыкальным тоном своей любовницы, сказал своей аудитории, что они теперь должны убедиться, что им больше нечего надеяться на противостояние испанцам. Они видели, как их боги были повержены в прах, их алтари разрушены, их жилища сожжены, их воины падали со всех сторон. “Все это, - продолжал он, - вы навлекли на себя своим восстанием. И все же, ради любви, которую государь, с которым вы так недостойно обошлись, все еще питает к вам, я охотно воздержусь, если вы сложите оружие и снова вернетесь к своему повиновению. Но если вы этого не сделаете, - заключил он, - я превращу ваш город в груды развалин и не оставлю в живых ни единой души, которая могла бы оплакивать его!”

Но испанский военачальник еще не понял характера ацтеков, если думал запугать их угрозами. Внешне спокойные и неторопливые в движениях, они были тем более трудноумолимы, когда их будили; и теперь, когда они были взволнованы до глубины души, никакой человеческий голос не мог утихомирить бурю. Возможно, однако, что Кортес не так уж сильно неверно представлял себе характер этого народа. Возможно, он чувствовал, что авторитетный тон был единственным, который он мог использовать с какими-либо шансами на эффект в своем нынешнем положении, в котором более мягкие и примирительные высказывания, намекая на сознание неполноценности, слишком определенно нанесли бы ущерб его собственной цели.

Это правда, отвечали они, он разрушал их храмы, разбивал на куски их богов, массапочитал их соотечественников. Несомненно, многим еще предстояло пасть от их ужасных мечей. Но они были довольны до тех пор, пока за каждую тысячу мексиканцев они могли пролить кровь одного белого человека! ^[134] “Посмотрите, - продолжали они, - на наши террасы и улицы; посмотрите, они все еще заполнены воинами, насколько хватает глаз. Наши потери едва ли уменьшают нашу численность. Ваши, напротив, уменьшаются с каждым часом. Вы погибаете от голода и болезней. Ваши запасы провизии и воды на исходе. Вы скоро попадете в наши руки. *Мосты разрушены, и вам не сбежать!*” ^[135] Вас останется слишком мало, чтобы утолить жажду мести наших богов! Закончив, они обрушили на зубчатые стены град стрел, что вынудило испанцев спуститься и укрыться за их укреплениями.

Свирепый и неукротимый дух ацтеков поверг осажденных в уныние. Таким образом, все, что они делали и от чего страдали, их дневные битвы, их ночные бдения, опасности, которым они подвергались, даже победы, которые они одерживали, были бесполезны. Было слишком очевидно, что в сердцах туземцев больше не действовал источник древних суеверий, которые, подобно дикому зверю, разорвавшему путы своего сторожа, казалось, теперь раздувались и ликовали от полного сознания своей силы. Благовещение о мостах прозвучало как колокольный звон в ушах

христиан. Все, что они слышали, было слишком правдой, и они смотрели друг на друга с тревогой и смятением.

Последовали те же последствия, которые иногда имеют место среди экипажа потерпевшего кораблекрушение судна. Субординация была утрачена из-за ужасающего чувства опасности. Вспыхнул дух мятежа, особенно среди недавно набранных рекрутов из армии Нарваэса. Они приехали в страну не из честолюбивых побуждений, а привлеченные просто восторженными рассказами о ее богатстве, и они наивно надеялись вернуться через несколько месяцев с карманами, набитыми золотом ацтекского монарха. Но как по-разному сложилась их судьба! С первого часа своего приземления они испытывали только неприятности и бедствия, всевозможные лишения, беспримерные страдания, и теперь их ждала в перспективе еще более ужасная участь. Горько оплакивали они тот час, когда покинули солнечные поля Кубы и отправились в эти каннибальские края! И от всего сердца проклинали они собственную глупость, послушавшись призыва Веласкеса, и еще больше - встав под знамена Кортеса!^[136]

Теперь они с шумной яростью требовали, чтобы их немедленно вывели из города, и отказались дольше защищать место, где они были заперты, как овцы на развалинах, ожидая только того, чтобы их потащили на бойню. Во всем этом их упрекало более упорядоченное, солдатское поведение ветеранов Кортеса. Эти последние разделили со своим генералом день его процветания и не были расположены покидать его во время бури. После небольшого размышления было действительно очевидно, что единственный шанс на безопасность в существующем кризисе зиждется на подчинении и союзе, и что даже этот шанс должен быть значительно уменьшен при любом другом лидере, кроме их нынешнего.

Оказавшись под давлением внешних врагов и внутренних группировок, этот лидер, как обычно, остался верен себе. Обстоятельства, столь ужасные, что парализовали бы обычный разум, только стимулировали его к более высоким действиям и задействовали все его ресурсы. Что самое редкое, в нем сочетались исключительное хладнокровие и целеустремленность с духом предприимчивости, который вполне можно было бы назвать романтическим. Присутствие духа и сейчас не покинуло его. Он спокойно оценил свое состояние и взвесил трудности, которые его окружали, прежде чем прийти к решению. Независимо от опасности отступления перед лицом бдительного и отчаявшегося врага, для него было глубоким унижением сдать город, где он так долго правил как хозяин; отказаться от богатых сокровищ, которые он приберег к рукам для себя и своих последователей; отказаться от тех самых средств, с помощью которых он надеялся снискать благосклонность своего государя и добиться амнистии за свои незаконные действия. Он хорошо знал, что это, в конце концов, должно зависеть от успеха. Бежать сейчас означало признать, что он еще дальше от победы, чем когда-либо. Каким завершением была столь благоприятно начавшаяся карьера! Какой контраст с его великолепными похвалами! Какой триумф это принесло бы его врагам! Губернатор Кубы был бы спокоен отомщен.

Но, если такие унижительные размышления теснились в его голове, альтернатива остаться в его нынешнем искаленном состоянии казалась еще более отчаянной.^[137] Поскольку силы и численность его людей с каждым днем уменьшались, их провиант был настолько мал, что небольшая дневная порция хлеба была единственным средством к существованию, предоставляемым солдату при его чрезвычайной усталости,^[138] с каждым днем бреши в его слабых укреплениях расширялись, а боеприпасы, в общем, почти израсходованы, было бы невозможно долго поддерживать это место дольше — и никто, кроме людей с железным телосложением и характером, таких как испанцы, не смог бы продержаться так долго — против врага. Главная трудность заключалась в том, когда и каким образом было бы целесообразно эвакуировать город. Лучшим маршрутом, по-видимому, был маршрут через Тлакопан (Такуба). Ибо дамба, самый опасный участок дороги, имела в этом направлении всего две мили в длину и, следовательно, гораздо раньше, чем любой другой большой путь, вывела бы беглецов на твердую землю. Однако перед своим окончательным отбытием Кортес предложил совершить еще одну

вылазку, чтобы разведать местность и в то же время отвлечь внимание противника от его истинной цели демонстрацией активных действий.

В течение нескольких дней его рабочие были заняты конструированием военной машины его собственного изобретения. Это называлось *манта*, и было изготовлено в некоторой степени по принципу мантилетов, использовавшихся в войнах Средневековья. Он был, однако, более сложным и состоял из башни, сделанной из легких балок и досок, с двумя камерами, расположенными одна над другой. Они должны были быть заполнены мушкетерами, а по бокам были проделаны отверстия-петли, через которые можно было вести огонь по врагу. Огромное преимущество этого изобретения состояло в том, что оно обеспечивало войскам защиту от снарядов, сбрасываемых с террас. Эти машины, которых было изготовлено три, опирались на ролики и были снабжены прочными веревками, за которые тлашкальские вспомогательные силы должны были тащить их по улицам. [\[139\]](#)

Мексиканцы с изумлением смотрели на эту боевую машину, и, когда подвижные крепости двинулись вперед, изрыгая огонь и дым из своих внутренностей, враг, неспособный произвести впечатление на тех, кто находился внутри, в смятении отступил. Подведя *манты* под стены домов, испанцы получили возможность вести прицельную стрельбу по озорным обитателям *азотеаса*, а когда это не заставило их замолчать, сбросив лестницу или легкий подъемный мост на крышу с вершины *манты*, они открыли проход на террасу и сомкнулись с сражающимися врукопашную. Однако они не могли таким образом приблизиться к более высоким зданиям, с которых индейские воины сбрасывали такие тяжелые массы камня и дерева, что выбивали доски, прикрывавшие машины, или, ударяясь об их борта, сотрясали хрупкие здания до основания, угрожая всем внутри беспорядочным разрушением. Действительно, успех эксперимента был сомнителен, когда вмешательство канала остановило их дальнейшее продвижение.

Теперь испанцы убедились, что утверждение их врагов слишком хорошо подтвердилось. Мост, пересекавший проход, был разрушен; и, хотя каналы, пересекавшие город, в целом не были ни большой ширины, ни глубины, демонтаж мостов не только затруднил передвижение неуклюжих машин генерала, но и привел в замешательство его кавалерию. Решив оставить *манты*, он приказал засыпать расщелину камнем, бревнами и другим мусором, собранным из разрушенных зданий, и проложить новый проход для армии. Пока продолжалась эта работа, ацтекские пращники и лучники по другую сторону отверстия продолжали вести ожесточенный огонь по христианам, тем более беззащитным из-за характера их занятий. Когда работа была завершена и безопасный проход был обеспечен, испанские кавалеристы стремительно двинулись на врага, который, не в силах противостоять удару закованной в сталь колонны, стремительно отступил туда, где другой канал обеспечивал такую же сильную позицию для обороны. [\[140\]](#)

Таких каналов, пересекающих главную улицу Тлакопана, было не менее семи, [\[141\]](#) и на каждом из них возобновлялась одна и та же сцена: мексиканцы храбро защищались и в каждом случае наносили некоторые потери своим стойким противникам. Эти операции заняли два дня, когда после невероятных усилий испанский генерал с удовлетворением обнаружил, что линия коммуникаций полностью восстановлена по всей длине проспекта, а основные мосты находятся под контролем сильных отрядов пехоты. В этот момент, когда он загнал стоявшего перед ним врага в самый дальний конец улицы, где она выходит на дамбу, ему сообщили, что мексиканцы, обескураженные своим поражением, желают начать с ним переговоры об условиях соглашения и что их вожди ожидают его возвращения с этой целью в крепости. Обрадованный полученным известием, он немедленно поскакал обратно, в сопровождении Альварадо, Сандовала и примерно шестидесяти кавалеристов, в свои покои.

Мексиканцы предложили ему освободить двух священников, захваченных в храме, которые могли бы быть носителями его условий и служить агентами для ведения переговоров. Соответственно, они были отправлены с необходимыми инструкциями к своим соотечественникам. Но они не вернулись. Все это было уловкой врага, стремившегося добиться

освобождения своих религиозных лидеров, одним из которых был их *теотевктли*, или первосвященник, чье присутствие было необходимо в вероятном случае новой коронации.

Тем временем Кортес, полагаясь на перспективы скорейшего заключения соглашения, спешно подкреплялся со своими офицерами после утомительного дня, когда получил тревожное известие о том, что враг снова взялся за оружие, причем с большей яростью, чем когда-либо; что они одолели отряды, размещенные под командованием Альварадо у трех мостов, и были усердно заняты их разрушением. Охваченный стыдом за легкость, с которой он был обманут своим коварным врагом, или, скорее, за свои собственные оптимистические надежды, Кортес вскочил в седло и, сопровождаемый своими храбрыми спутниками, во весь опор поскакал обратно к месту действия. Мексиканцы отступили перед стремительной атакой испанцев. Мосты были снова восстановлены, и Кортес со своими рыцарями проехал по всей главной улице, загоня врага, как испуганного оленя, на остриях своих копий. Но прежде чем он смог вернуться по своим следам, он с огорчением обнаружил, что неутомимый враг, собравшийся в прилегающих переулках, снова приблизился к его пехоте, которая, измученная усталостью, была не в состоянии удержать свою позицию на одном из главных мостов. Новые толпы воинов хлынули теперь со всех сторон, осыпая маленький отряд христианских кавалеристов градом камней, дротиков и стрел, которые, как град, стучали по их доспехам и по доспехам их хорошо гнедых лошадей. Большинство снарядов, действительно, выглядели безвредными из-за хорошей брони из стали или толстого стеганого хлопка, но время от времени один, более меткий, пробивал шарниры сбруи и растягивал всадника на земле.

Неразбериха вокруг разрушенного моста усилилась. Несколько всадников были сброшены в канал, и их кони дико барахтались без всадника. Сам Кортес в этот критический момент сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы прикрыть отступление своих последователей. Пока ремонтировали мост, он смело ворвался в самую гущу варваров, поражая врага на каждом шагу своего коня, подбадривая своих людей и сея ужас в рядах своих противников хорошо известным звуком своего боевого клича. Никогда он не проявлял большей отваги и не выставлял свою персону напоказ так свободно, подражая, как говорит старый хронист, подвигам римского Кокла.^[142] Таким образом он сдерживал натиск нападавших до тех пор, пока последний человек не пересек мост, когда некоторые доски подались, и он был вынужден перепрыгнуть через пропасть шириной в целых шесть футов среди облака снарядов, прежде чем смог укрыться в безопасности.^[143] По армии прошел отчет о том, что генерал убит. К великой радости мексиканцев, слух вскоре распространился по городу и достиг крепости, где осажденные были повергнуты в не меньший ужас. Но, к счастью для них, он оказался ложным. Он, действительно, получил два серьезных ушиба колена, но в остальном остался невредим. Однако никогда еще он не подвергался такой крайней опасности, и его спасение, как и спасение его товарищей, считалось немногим меньше, чем чудом. Не один серьезный историк относит сохранение испанцев к неусыпной заботе их апостола-покровителя Святого Иакова, который в этих отчаянных битвах был замечен скачущим на своем молочно-белом коне во главе христианских эскадронов, с мечом, сверкающим молниями, в то время как рядом с ним отчетливо была видна дама в белом — предположительно, Пресвятая Дева — которая пускала пыль в глаза неверным! Этот факт засвидетельствован как испанцами, так и мексиканцами, причем последними после их обращения в христианство. Несомненно, никогда еще не было такого времени, когда вмешательство их святого-покровителя требовалось так сильно.^[144]

Наступление ночи рассеяло индейские батальоны, которые, улетев с поля боя, как птицы дурного предзнаменования, оставили хорошо защищенный перевал во владении испанцев. Однако они возвращались в свою цитадель без каких-либо радостных чувств победителей, но медленным шагом и в унынии, с изрубленным оружием, разбитыми доспехами и падающими в обморок от потери крови, голодания и усталости. В таком состоянии им еще предстояло узнать весть о новом несчастье, связанном со смертью Монтесумы.^[145]

Индийский монарх быстро приходил в упадок с тех пор, как получил ранение, однако страдал не столько от душевных мук, сколько от болезни. Он продолжал пребывать в том же угрюмом состоянии бесчувственности, что и уже описанное; мало общался с окружающими, был глух к утешениям, упрямо отвергал все медицинские средства, а также пищу. Чувствуя приближение его конца, некоторые из находившихся в крепости кавалеров, которых лично привязала к нему доброта его манер, стремились спасти душу умирающего принца от печальной участи тех, кто погибает во тьме неверия. Соответственно, они явились к нему во главе с отцом Ольмедо и самым искренним образом умоляли его открыть глаза на ошибочность его вероучения и согласиться креститься. Но Монтесума — что бы ни говорили об обратном — похоже, никогда не колебался в своей унаследованной вере и не помышлял о том, чтобы стать отступником; ибо, несомненно, он заслуживает этого имени в самом отвратительном его применении, поскольку, будь то христианин или язычник, отрекается от своей религии, не будучи убежденным в ее ложности.^[146] Действительно, именно слишком безоговорочная вера в своих оракулов побудила его так легко довериться испанцам. Общение с ними, несомненно, не обострило его желания принять их участие; и бедствия, постигшие его страну, он мог рассматривать как посланные его богами в наказание за гостеприимство к тем, кто осквернил и разрушил их святыни.^[147]

Поэтому, когда отец Ольмедо, преклонив колени рядом с ним с поднятым распятием, нежно умолял его принять знак искупления человека, он холодно оттолкнул священника, воскликнув: “Мне осталось жить всего несколько мгновений, и в этот час я не оставлю веру моих отцов”.^[148] Однако одна вещь, казалось, сильно давила на разум Монтесумы. Такова была судьба его детей, особенно трех дочерей, которых он имел от двух своих жен; ибо существовали определенные брачные обряды, отличавшие законную жену от наложницы. Призвав Кортеса к своей постели, он искренне поручил этих детей его заботам, как “самые драгоценные драгоценности, которые он мог ему оставить”. Он умолял генерала заинтересовать своего господина, императора, в их интересах и позаботиться о том, чтобы они не остались без средств к существованию, но им была предоставлена какая-то часть их законного наследства. “Ваш господин сделает это, - заключил он, “ если бы это было только из-за дружеских услуг, которые я оказал испанцам, и из-за любви, которую я проявил к ним, хотя это и довело меня до такого состояния! Но за это я не держу на них зла”.^[149] Таковы, по словам самого Кортеса, были слова умирающего монарха. Вскоре после этого, 30 июня 1520 г.,^[150] он скончался на руках нескольких своих вельмож, которые все еще оставались верными в своей заботе о нем. “Так, ” восклицает местный историк, один из его врагов, глашкаланец, “ так умер несчастный Монтесума, который управлял скипетром с такой непревзойденной политикой и мудростью, и который пользовался большим почтением и трепетом, чем любой другой принц из его рода или, более того, любой, кто когда-либо сидел на троне в этом Западном мире. Можно сказать, что с ним прекратился королевский род ацтеков, и слава покинула империю, которая при нем достигла зенита своего расцвета”.^[151] “Весть о его смерти, — говорит старый кастильский хронист Диас, - была воспринята с неподдельной скорбью каждым кавалером и солдатом в армии, имевшим доступ к его персоне; ибо все мы любили его как отца, и неудивительно, учитывая, каким хорошим он был”.^[152] Это простое, но выразительное свидетельство о его дезертирстве в такое время само по себе является лучшим опровержением подозрений, которые время от времени возникали относительно его верности христианам.^[153]

Нелегко изобразить портрет Монтесумы в его истинных красках, поскольку он предстал перед нами в двух аспектах, самых противоположных и противоречивых по характеру. В рассказах, собранных о нем испанцами по прибытии в страну, он неизменно изображался смелым и воинственным, беспринципным в отношении средств удовлетворения своих амбиций, пустым и вероломным, наводящим ужас на своих врагов, с надменной осанкой, которая заставляла бояться его даже собственный народ. Напротив, они нашли его не просто приветливым и милостивым, но склонным отказаться от всех преимуществ своего положения и поставить их на одну доску с самим собой; сделав их желания законом; мягким даже до изнеженности в своем поведении и

неизменным в своей дружбе, в то время как вся его нация ополчилась против них. И все же эти черты, столь противоречивые, были нарисованы достаточно правдиво. Их следует объяснить чрезвычайными обстоятельствами его положения.

Когда Монтесума вззошел на трон, ему едва исполнилось двадцать три года. Молодой и стремящийся расширить свою империю, он постоянно был вовлечен в войну и, как говорят, лично участвовал в девяти крупных сражениях.^[154] Он был широко известен своей военной доблестью, поскольку принадлежал к *Квачиктину*, высшему военному ордену своей страны, в который были допущены лишь немногие даже из ее монархов.^[155] В дальнейшей жизни он предпочитал интриги насилию, как более соответствующие его характеру и священническому образованию. В этом он был таким же великим знатоком, как любой принц своего времени, и с помощью не очень почетных для него самого приемов преуспел в том, чтобы отхватить большую часть территории своего царственного родственника Тецкоко. Суровый в отправлении правосудия, он провел важные реформы в организации трибуналов. Он ввел другие нововведения в королевском доме, назначив новых офицеров, внедрив пышное величие и формы придворного этикета, неизвестные его более грубым предшественникам. Короче говоря, он был самым внимательным ко всему, что касалось внешней территории и помпезности королевской семьи.^[156] Величественный и благопристойный, он заботился о собственном достоинстве и, можно сказать, был таким же великим “актером величия” среди варварских властителей Нового Света, каким Людовик Четырнадцатый был среди утонченных принцев Европы.

Более того, он был глубоко пропитан тем духом фанатизма, который бросал такую тень на последние дни правления французского монарха. Он принял испанцев как существ, предсказанных его оракулами. Тревожный страх, с которым он уклонился от предложенного им визита, был основан на тех же чувствах, которые заставили его так слепо подчиниться им при их приближении. Он почувствовал себя осужденным их превосходящим гением. Он сразу же уступил все, чего они требовали, — свои сокровища, свою власть, даже свою личность. Ради них он отказался от своих привычных занятий, удовольствий, самых привычных привычек. Можно сказать, что он отказался от своей природы и, как утверждали его подданные, сменил пол и стал женщиной. Если мы не можем отказаться от нашего презрения к малодушию ацтекского монарха, оно должно быть смягчено соображением, что это малодушие проистекало из его суеверия, а суеверие у дикаря заменяет религиозный принцип у цивилизованного человека.

Нелегко размышлять о судьбе Монтесумы без чувства сильнейшего сострадания — видеть, как его несет по течению событий, которые он не в силах предотвратить или контролировать; видеть его, подобно некоему величественному дереву, гордости его собственных индийских лесов, возвышающемуся в пышности и величии своих ветвей, самой своей высотой служащему меткой для молнии, первой жертвы бури, которая должна была пронестись над его родными холмами! Когда мудрый король Тецкоко обратился к своему царственному родственнику во время его коронации, он воскликнул: “Счастлива империя, которая сейчас находится в зените своего процветания, ибо скипетр вручен тому, кого Всемогуший держит под своим присмотром; и народы будут относиться к нему с почтением!”^[157] Увы! субъект этого благоприятного призыва дожил до того, чтобы увидеть, как его империя тает, как зимний венок; увидеть, как чужая раса, так сказать, падает с облаков на его землю; оказаться пленником во дворце своих отцов, спутником тех, кто был врагами его богов и его народа; быть оскорбленным, поруганным, втоптаным в пыль самыми ничтожными из его подданных, теми, кто несколько месяцев назад трепетал при одном его взгляде; испустить свой последний вздох в залах чужака — одиноким изгоем в сердце своего народа. собственный капитал! Он был печальной жертвой судьбы, судьбы столь же мрачной и непреодолимой в своем движении, как та, что витает в мифических легендах древности!^[158]

Монтесуме на момент его смерти был около сорока одного года, из которых он правил восемнадцать. Его личность и манеры уже были описаны. Он оставил многочисленное потомство

от своих различных жен, большинство из которых, потеряв свое внимание после Завоевания, канули в безвестность, поскольку смешались с массой индийского населения.^[159] Однако двое из них, сын и дочь, принявшие христианство, стали основателями благородных домов Испании.^[160] Правительство, желая выразить свою благодарность за обширную империю, унаследованную от их предка, пожаловало им обширные поместья и важные наследственные почести; а графы Монтесума и Тула, породнившиеся с представителями лучшей кастильской крови, намекнули своими именами и титулами на свое прославленное происхождение от королевской династии Мексики.^[161]

Смерть Монтесумы стала несчастьем для испанцев. Пока он был жив, в их руках был драгоценный залог, который в крайнем случае они, возможно, смогли бы использовать. Теперь оборвалась последняя ниточка, связывавшая их с коренными жителями страны. Но, независимо от заинтересованности, Кортес и его офицеры были сильно затронуты его смертью из личных соображений, и, когда они смотрели на холодные останки злополучного монарха, они, возможно, испытывали естественное раскаяние, поскольку сравнивали его нынешнее цветущее состояние с тем, до которого довела его дружба с ними.

Испанский командующий проявил все уважение к его памяти. Его тело, облаченное в королевские одежды, было пристойно положено на носилки и передано на плечах его знати его подданным в городе. Какие почести, если таковые действительно были, были оказаны его останкам, неизвестно. Плач, отчетливо слышимый в западных кварталах столицы, был истолкован испанцами как стоны похоронной процессии, несущей тело, которое должно было быть положено среди тел его предков, под королевской сенью Чаполтепека.^[162] Другие утверждают, что он был перенесен на место захоронения в городе под названием Копалько и там сожжен с обычными церемониями и признаками оплакивания его вождями, но не без некоторых недостойных оскорблений со стороны мексиканского населения.^[163] Как бы то ни было, люди, занятые волнующими сценами, в которых они были вовлечены, вероятно, недолго помнили о монархе, который не принимал участия в их последних патриотических движениях. Нет ничего странного и в том, что сама память о его могиле была стерта в результате ужасной катастрофы, которая впоследствии обрушилась на столицу и стерла с лица земли все достопримечательности.

ГЛАВА III

ВОЕННЫЙ СОВЕТ—ИСПАНЦЫ ЭВАКУИРУЮТ ГОРОД—NOSCH TRISTE, ИЛИ “МЕЛАНХОЛИЧЕСКАЯ НОЧЬ”—УЖАСНАЯ РЕЗНЯ—ОСТАНОВКА НА НОЧЬ— КОЛИЧЕСТВО ПОТЕРЬ

1520

ТЗдесь уже не было никаких сомнений относительно целесообразности эвакуации столицы. Единственное сомнение касалось времени совершения этого преступления и маршрута. Испанский командующий созвал совет офицеров для обсуждения этих вопросов. Его целью было отступить к Тласкале и в этой столице принять решение, в зависимости от обстоятельств, о своих будущих операциях. После некоторого обсуждения они сошлись на дамбе Тлакопана как проспекте, по которому можно покинуть город. Это действительно привело бы их обратно круглым путем, значительно более длинным, чем любой из тех, по которым они приближались к столице. Но по этой причине было бы менее вероятно, что его будут охранять, поскольку он вызывал наименьшие подозрения; а сама дамба, будучи короче любого из других входов, скорее обеспечила бы армии сравнительную безопасность на материковой части.

Были некоторые расхождения во мнениях относительно часа отправления. Некоторые утверждали, что дневное время было бы предпочтительнее, поскольку оно позволило бы им увидеть природу и масштабы грозящей им опасности и подготовиться к ней. Темнота с гораздо большей вероятностью затруднила бы их собственные передвижения, чем передвижения противника, который был знаком с местностью. Ночью возникнут тысячи препятствий, которые

могут помешать им действовать согласованно, или повиноваться, или даже удостовериться в приказах командира. Но, с другой стороны, утверждалось, что ночь дает много очевидных преимуществ в борьбе с врагом, который редко ведет боевые действия дальше дня. Недавние активные действия испанцев застали мексиканцев врасплох, и было маловероятно, что они могли предвидеть столь быстрое отступление своих врагов. Поэтому, проявляя быстроту и осторожность, они могли бы преуспеть в бегстве из города, возможно, по дамбе, прежде чем их отступление было бы обнаружено; и, если бы они однажды преодолели этот опасный путь, они не испытывали бы особых опасений за остальных.

Говорят, что эти взгляды были подкреплены советами солдата по имени Ботелло, который исповедовал таинственную науку судебной астрологии. Он снискал доверие армии благодаря некоторым предсказаниям, которые были подтверждены событиями; тем удачным совпадениям, которые заставляют легковверную толпу принимать случай за расчет.^[164] Этот человек рекомендовал своим соотечественникам во что бы то ни стало покинуть это место ночью, как наиболее благоприятный для них час, даже если он погибнет в нем. Это событие доказало, что астролог лучше знаком со своим собственным гороскопом, чем с чужим.^[165]

Возможно, предсказания Ботелло имели некоторый вес при определении мнения Кортеса. Суеверие было характерной чертой той эпохи, и испанский генерал, как мы видели, в полной мере ощутил его фанатизм. Более того, периоды уныния располагают разум к готовому согласию с чудесным. Однако столь же вероятно, что он воспользовался мнением астролога, обнаружив, что оно совпадает с его собственным, чтобы повлиять на мнение своих людей и внушить им большую уверенность. Как бы то ни было, было решено покинуть город той же ночью.

Первой заботой генерала было обеспечить безопасную транспортировку сокровища. Многие из простых солдат превратили свою долю добычи, как мы видели, в золотые цепи, ошейники или другие украшения, которые они легко носили при себе. Но королевская пятая часть, как и пятерка самого Кортеса, и большая часть богатой добычи главных кавалеристов были превращены в слитки и клинья чистого золота и помещены в одном из укрепленных помещений дворца. Кортес передал долю, принадлежащую короне, королевским офицерам, выделив им для транспортировки одну из самых сильных лошадей и охрану из кастильских солдат.^[166] Тем не менее, большая часть сокровищ, принадлежавших как короне, так и частным лицам, была вынужденно заброшена из-за отсутствия надлежащих средств транспортировки. Металл блестящими кучами лежал на полу, возбуждая алчность солдат. “Берите с него все, что хотите”, - сказал Кортес своим людям. - Лучше пусть это будет у тебя, чем у этих мексиканских гончих.^[167] Но будьте осторожны, чтобы не перегружать себя. Темной ночью безопаснее всего путешествует тот, кто путешествует налегке. Его собственные, более осторожные последователи прислушались к его совету, взяв себе несколько предметов наименьшего объема, хотя, возможно, и имеющих наибольшую ценность.^[168] Но войска Нарваэса, жаждавшие богатств, о которых они так много слышали и до сих пор так мало видели, не проявили подобной осмотрительности. Им казалось, что перед ними открылись сами рудники Мексики, и, набросившись на предательскую добычу, они с жадностью нагрузили себя ею столько, не только сколько могли вместить при себе, но и сколько могли спрятать в кошельки, коробки или любое другое средство передвижения, имевшееся в их распоряжении.^[169]

Затем Кортес определил порядок марша. Авангард, состоявший из двухсот испанских пехотинцев, он отдал под командование доблестного Гонсало де Сандовалья, которого поддерживали Диего де Ордас, Франсиско де Лухо и около двадцати других кавалеристов. Арьергард, составлявший силу пехоты, был доверен Педро де Альварадо и Веласкесу де Леону. Генерал сам возглавил “битву”, или центр, в который отправился обоз, несколько тяжелых орудий, большая часть которых, однако, осталась в тылу, сокровища и пленные. Они состояли из сына и двух дочерей Монтесумы, Какамы, свергнутого лорда Тецкоко, и нескольких других дворян, которых Кортес оставил у себя в качестве важных залогов в своих будущих переговорах с врагом.

Тласкаланцы были распределены примерно поровну между тремя дивизиями; и Кортес имел под своим непосредственным командованием сотню отборных солдат, своих собственных ветеранов, наиболее преданных его службе, которые вместе с Кристофелем де Олидом, Франсиско де Морлой, Алонсо де Авиллой и двумя или тремя другими кавалерами сформировали отборный корпус, готовый действовать везде, где того требуют обстоятельства.

Генерал уже руководил строительством переносного моста, который должен был быть проложен через открытые каналы на дамбе. Это было поручено офицеру по имени Магарино, под его командованием находилось сорок солдат, все они поклялись защищать проход до последнего. Мост должен был быть взят, когда вся армия преодолеет одну из брешей, и переправлен к следующей. В дамбе было три таких отверстия, и экспедиции очень повезло бы, если бы предусмотрительный командир предусмотрел такое же количество мостов. Но труд был бы велик, а времени оставалось в обрез.^[170]

В полночь войска были при оружии, готовые к маршу. Мессу отслужил отец Ольмедо, который возвал к защите Всевышнего во время ужасных ночных опасностей. Ворота были распахнуты, и первого июля 1520 года испанцы в последний раз совершили вылазку со стен древней крепости, ставшей ареной стольких страданий и такого неукротимого мужества.^[171]

Ночь была пасмурной, и моросящий дождь, ливший без перерыва, усугублял темноту. Большая площадь перед дворцом была пустынна, как, впрочем, и со времен падения Монтесумы. Упорно и как можно бесшумнее испанцы прокладывали себе путь по главной улице Тлакопана, которая совсем недавно оглашалась шумом сражения. Теперь все погрузилось в тишину, и о прошлом им напоминало лишь случайное присутствие какого-нибудь одинокого трупа или темной кучи убитых, которые слишком ясно говорили о том, где борьба была самой горячей. Когда они проходили по переулкам, которые выходили на главную улицу, или смотрели на каналы, чья полированная поверхность отливала каким-то эбеновым блеском во мраке ночи, им легко представлялось, что они различают темные фигуры своего врага, притаившегося в засаде и готового напасть на них. Но это была всего лишь фантазия, и город спал, не потревоженный даже продолжительным эхом конского топота и хриплым грохотом артиллерии и обозов. Наконец более светлое пространство за темной линией зданий показало, что армейский фургон выезжает на открытую дамбу. Они вполне могли бы поздравить себя с тем, что таким образом избежали опасности нападения в самом городе и что через короткое время они окажутся в сравнительной безопасности на противоположном берегу. Но не все мексиканцы спали.

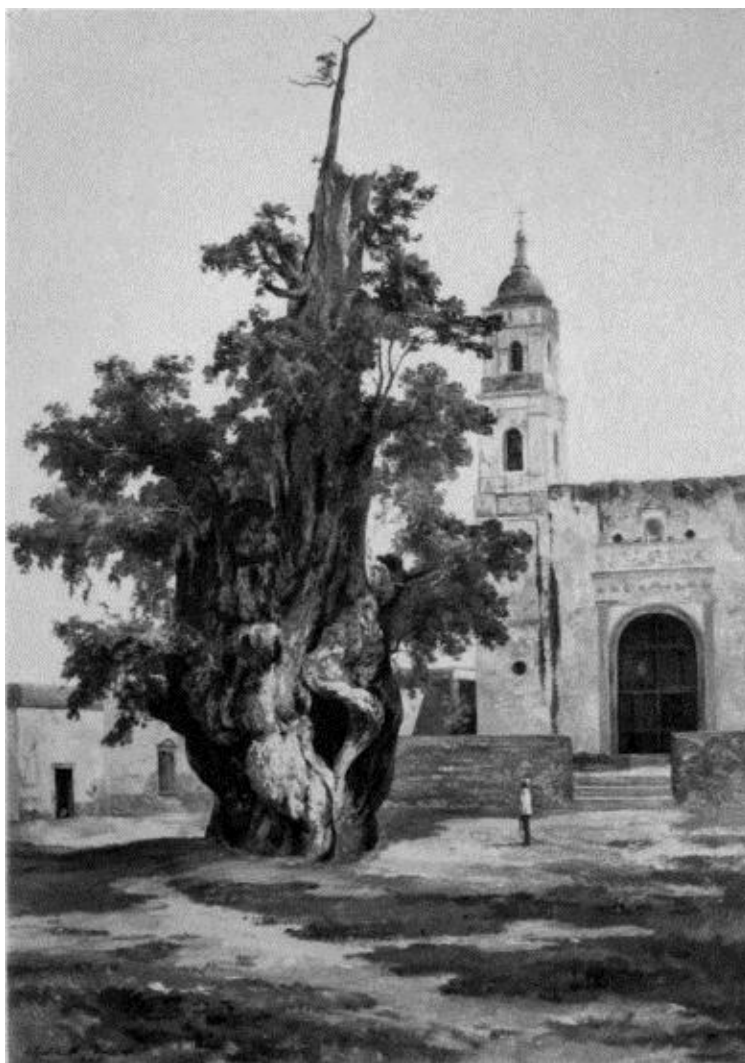
Когда испанцы приблизились к месту, где улица выходила на дамбу, и готовились перекинуть переносной мост через неприкрытую брешь, которая теперь предстала их взору, несколько индейских часовых, которые были расставлены на этом, как и на других подступах к городу, подняли тревогу и обратились в бегство, разбудив своих соотечественников криками. Жрецы, несшие ночную вахту на вершине *теокаллиса*, мгновенно уловили весть и затрубили в свои раковины, в то время как огромный барабан в заброшенном храме бога войны издавал те торжественные звуки, которые, будучи слышны только в периоды бедствий, вибрировали в каждом уголке столицы. Испанцы понимали, что нельзя терять времени. Мост был выдвинут и оборудован со всей возможной быстротой. Сандовал был первым, кто попробовал свои силы, и, переправившись через реку, за ним последовал его небольшой рыцарский отряд, его пехота и союзники-тлашкаланцы, которые сформировали первую дивизию армии. Затем прибыл Кортес и его эскадроны с багажом, повозками с боеприпасами и частью артиллерии. Но прежде чем они успели пробраться по узкому проходу, послышался нарастающий шум, похожий на шум могучего леса, взволнованного ветрами. Он становился все громче и громче, пока по темным водам озера не донесся плеск, как от множества весел. Затем несколько камней и стрел наугад ударили по спешащим войскам. С каждым мгновением они обрушивались все быстрее и яростнее, пока не превратились в ужасную бурю, в то время как сами небеса разрывались от воплей и боевых кличей myriad сражающихся, которые, казалось, все разом заполонили сушу и озера!

Испанцы упорно продвигались вперед сквозь этот пронизывающий насквозь мокрый снег, хотя варвары, разбивая свои каноэ о бортики дамбы, вскарабкались наверх и ворвались в их ряды. Но христиане, озабоченные только одним - спастись бегством, отказались от любого сражения, кроме как из соображений самосохранения. Кавалеристы, пришпорив коней, отбросили нападавших и проскакали по их расprostертым телам, в то время как пешие воины своими хорошими мечами или прикладами ружей снова гнали их сломя голову вниз по склону плотины.

Но продвижение нескольких тысяч человек, марширующих, вероятно, фронтом не более пятнадцати-двадцати в ряд, неизбежно требовало много времени, и передовые отряды уже достигли второй бреши в дамбе, прежде чем те, кто находился в тылу, полностью преодолели первую.^[172] Здесь они остановились, поскольку у них не было средств для осуществления прохода, и все это время они страдали под непрерывными залпами противника, который густо сгрудился в воде вокруг этого второго отверстия. Крайне обеспокоенный, охранник фургона неоднократно посылал сообщения в тыл с требованием установить переносной мост. Наконец последняя часть армии переправилась, и Магарино и его крепкие спутники попытались поднять тяжелый каркас. Но он прочно застрял в стенах дамбы. Напрасно они напрягали каждый нерв. Вес стольких людей и лошадей, и прежде всего тяжелой артиллерии, так прочно вклинил бревна в камни и землю, что расколоть их было выше их сил. Они все еще сражались под градом снарядов, пока, когда многие из них были убиты и все ранены, они не были вынуждены отказаться от попытки.

Эта весть вскоре распространилась от человека к человеку, и как только был понят ее ужасный смысл, раздался крик отчаяния, который на мгновение заглушил весь шум конфликта. Все пути к отступлению были отрезаны. Надежды почти не оставалось. Единственная надежда заключалась в таких отчаянных усилиях, какие каждый мог предпринять сам. Порядку и субординации пришел конец. Сильная опасность порождала сильный эгоизм. Каждый думал только о своей собственной жизни. Продвигаясь вперед, он топтал слабых и раненых, не обращая внимания, друг это или враг. Передовые отряды, подгоняемые арьергардом, столпились на краю пропасти. Сандовал, Ордац и другие кавалеристы бросились в воду. Некоторым удалось переплыть ее на своих лошадях. Другие потерпели неудачу, а некоторые, добравшись до противоположного берега, опрокинулись при подъеме и кубарем скатились вместе со своими конями в озеро. Пехота следовала за пелмеллом, беспорядочно наседавая друг на друга, часто пронзенная стрелами или сраженная боевыми дубинками ацтеков; в то время как многих несчастных жертв наполовину оглушенными затаскивали на борт своих каноэ, чтобы приберечь для долгой, но более ужасной смерти.^[173]

Кровавая бойня бушевала по всей длине дамбы. Его темная громада представляла собой достаточно отчетливый след для вражеских снарядов, которые часто повергали своих соотечественников ниц в слепой ярости урагана. Те, кто был ближе всего к дамбе, гнали свои каноэ рядом с собой с силой, которая разнесла их вдребезги, выпрыгивали на сушу и сцеплялись с христианами, пока оба вместе не покатались вниз по дамбе. Но ацтек пал среди своих друзей, в то время как его противника с триумфом унесли на заклание. Борьба была долгой и смертельной. Мексиканцев можно было узнать по их белым хлопчатобумажным туникам, которые едва различались в темноте. Над сражающимися поднялся дикий и нестройный шум, в котором ужасные крики о мести смешивались со стонами агонии, с воззваниями к святым и пресвятой Деве, а также с воплями женщин;^[174] ибо там было несколько женщин, как местных, так и испанок, которые сопровождали христианский лагерь. Среди них одна по имени Мария де Эстрада особенно известна своей храбростью, которую она проявила, сражаясь с палахом и мишенью, как самый стойкий из воинов.^[175]

НОЧЬ СВИДАНИЯ

Гутиль и Др., Париж

Отверстие в дамбе тем временем было завалено обломками материи, которые были втиснуты в нее, фургонами с боеприпасами, тяжелыми орудиями, тюками с дорогими товарами, разбросанными по воде, ящиками с твердыми слитками и телами людей и лошадей, пока над этими мрачными развалинами постепенно не образовался проход, по которому те, кто находился в тылу, смогли перебраться на другую сторону.^[176] Говорят, что Кортес нашел место, которое можно было перейти вброд, где, остановившись, когда вода доходила ему до подпруг седла, он попытался прекратить беспорядок и повести своих последователей более безопасным путем на противоположный берег. Но его голос потонул в диком реве, и, наконец, поспешив дальше по течению, он с несколькими верными кавалеристами, которые оставались рядом с ним, устремился к фургону; но не раньше, чем увидел своего любимого пажа Хуана де Салазара, поверженного трупом рядом с собой. Здесь он нашел Сандовала и его товарищей, остановившихся перед третьим и последним проломом и пытавшихся подбодрить своих последователей, чтобы они преодолели его. Но их решимость поколебалась. Он был широким и глубоким, хотя пролив не был так плотно окружен врагом, как предыдущие. Кавалеристы снова подали пример, нырнув в воду. Конные и пешие следовали за ними, как могли, одни плыли, другие смертельной хваткой цеплялись за гривы и хвосты сопротивляющихся животных. Как и предсказывал генерал, лучше всего повезло тем, кто путешествовал налегке; и многие были несчастными, которые, отягощенные роковым золотом, которое они так любили, были погребены вместе с ним в соленых водах озера.^[177] Кортес со своими доблестными товарищами Олидом, Морлой, Сандовалем и некоторыми другими все еще

держался в авангарде, уводя свои разбитые остатки с роковой дороги. Шум битвы вдалеке стих, когда до них дошел слух, что арьергард будет полностью разбит без скорой помощи. Это казалось почти актом отчаяния, но великодушные сердца испанских кавалеристов не остановились, чтобы просчитать опасность, когда до них донесся крик о помощи. Взяв под уздцы своих лошадей, они галопом поскакали обратно к месту боевых действий, пробились сквозь толпу, переплыли канал и оказались в самой гуще схватки на противоположном берегу.^[178]

Над водами уже поднимался первый серый утренний свет. Он показывал отвратительный беспорядок сцены, которая была окутана мраком ночи. Были видны темные массы сражающихся, растянувшихся вдоль дамбы, которые боролись за господство, пока сама дамба, на которой они стояли, казалось, не задрожала и не закачалась взад и вперед, как будто сотрясаемая землетрясением; в то время как дно озера, насколько хватал глаз, было затемнено каноз, битком набитыми воинами, чьи копья и дубинки, вооруженные лезвиями из “вулканического стекла”, поблескивали в утреннем свете.

Кавалеры обнаружили, что Альварадо выбит из седла и с жалкой горсткой сторонников обороняется от подавляющего натиска врага. Его добрый конь, который вынес его через множество тяжелых сражений, пал под ним.^[179] Он сам был ранен в нескольких местах и тщетно пытался сплотить свою рассеянную колонну, которая была оттеснена к берегу канала яростью противника, а затем овладела всем тылом дамбы, где они каждый час подкреплялись свежими бойцами из города. Артиллерия в начале сражения не бездействовала, и ее железный ливень, пронесшийся вдоль дамбы, косил нападавших сотнями. Но ничто не могло противостоять их стремительности. Передние ряды, подталкиваемые теми, кто был сзади, были, наконец, разбиты вдребезги и, обрушившись на них подобно потоку, превратили людей и орудия в одно общее крушение. Решительная атака испанских кавалеристов, которые только что прибыли, создала временную помеху и дала время их соотечественникам организовать слабое объединение. Но они были быстро унесены возвращающимся потоком. Кортес и его спутники были вынуждены снова нырнуть в озеро, хотя спаслись не все. Альварадо мгновение постоял на краю, не зная, что делать. Выбитый из седла, броситься в воду перед лицом враждебных каноз, которые теперь кишели вокруг отверстия, давало лишь отчаянный шанс на спасение. У него была всего секунда на раздумья. Он был человеком мощного телосложения, и отчаяние придавало ему неестественную энергию. Твердо уперев свое длинное копьё в обломки, устилавшие дно озера, он изо всех сил рванулся вперед и одним прыжком преодолел широкую брешь! Ацтеки и тлашкаланцы смотрели в тупом изумлении, восклицая при виде невероятного подвига: “Это действительно *Тонатиух*, дитя Солнца!”^[180] Ширина открытия не указана. Но это было так здорово, что доблестный капитан Диас, который хорошо помнил это место, говорит, что прыжок был невозможен ни для одного человека.^[181] Другие современники, однако, не дискредитируют эту историю.^[182] Несомненно, в то время это было предметом народного поверья; оно и по сей день хорошо известно каждому жителю столицы; и название *Сальто де Альварадо*, “Прыжок Альварадо”, данное этому месту, все еще увековечивает подвиг, который соперничал с подвигами полубогов из греческих сказок.^[183]

Кортес и его спутники теперь выехали вперед, на фронт, где войска в беспорядке маршировали с роковой дамбы. Лишь немногие из врагов нависали у них в тылу или досаждали им случайными полетами стрел с озера. Внимание ацтеков было отвлечено богатой добычей, усеявшей поле битвы; к счастью для испанцев, которые, если бы их врага преследовали с такой же яростью, с какой он сражался, были бы, в их искалеченном состоянии, перебиты, вероятно, до одного человека. Поэтому, когда к ним почти не приставали, им разрешили пройти через соседнюю деревню, или, если можно так выразиться, пригород Попотлы.^[184]

Тамошний испанский военачальник спешил со своего измученного коня и, усевшись на ступеньках индейского храма, печально смотрел на разбитые папки, проплывавшие перед ним. Какое зрелище они представляли! Кавалерия, большинство из которых спешили, смешалась с пехотой, которая с трудом волочила свои слабые конечности; их разорванные кольчуги и

изодранные одежды были пропитаны соленой жижей, сквозь прорехи виднелись многочисленные синяки и ужасные раны; их блестящее оружие было запачкано, их гордые гербы и знамена исчезли, обоз, артиллерия - короче говоря, все, что составляло гордость и доспехи славной войны, было навсегда утрачено. Кортес, с тоской глядя на их редкие и беспорядочные ряды, тщетно искал многие знакомые лица и упустил не одного дорогого товарища, который стоял бок о бок с ним во время всех опасностей Завоевания. Хотя он привык контролировать свои эмоции или, по крайней мере, скрывать их, это зрелище оказалось для него непосильным. Он закрыл лицо руками, и слезы, которые текли ручьем, слишком ясно показывали душевную муку его. [\[185\]](#)

Однако он находил некоторое утешение в присутствии нескольких кавалеров, на которых больше всего полагался. Альварадо, Сандовал, Олид, Ордас, Авила все еще были в безопасности. Он также испытал невыразимое удовлетворение, узнав о безопасности переводчицы с индийского Марины, такой дорогой для него и такой важной для армии. Вместе с дочерью тлашкальского вождя она была отправлена к нескольким представителям этого народа. К счастью, ее поместили в фургон, и верный эскорт благополучно перенес ее через все опасности этой ночи. Агилар, другой переводчик, тоже сбежал. И с не меньшим удовлетворением Кортес узнал о безопасности судостроителя Мартина Лопеса. [\[186\]](#) Забота генерала о судьбе этого человека, столь необходимого, как он доказал, для успеха его последующих операций, показала, что, несмотря на все его невзгоды, его неукротимый дух с нетерпением ожидал часа отмщения.

Тем временем наступающая колонна достигла соседнего города Тлакопан (Такуба), некогда являвшегося столицей независимого княжества. Там он остановился на главной улице, словно сбитый с толку и совершенно не знающий, что предпринять; подобно стаду охваченных паникой оленей, которые, убегая от охотников, с криком собаки и рогом, все еще звенящим у них в ушах, дико озираются в поисках какой-нибудь лощины или рощицы, в которую можно было бы нырнуть в поисках укрытия. Кортес, который поспешно вскочил в седло и снова поехал на фронт, понял опасность оставаться в густонаселенном месте, где жители могли сильно досаждать войскам из *азотеи*, практически не рискуя для себя. Поэтому, продвигаясь вперед, он вскоре привел их в деревню. Там он попытался реформировать свои дезорганизованные батальоны и привести их к чему-то вроде порядка. [\[187\]](#)

Совсем рядом, на небольшом расстоянии слева, возвышался холм, обращенный к горной цепи, огораживающей долину с запада. Его называли Холмом Отонкальполко, а иногда и холмом Монтесумы. [\[188\]](#) Он был увенчан индийским *теокалли*, с его большими каменными укреплениями, занимавшими обширное пространство, и благодаря своей сильной позиции, господствовавшей над соседней равниной, обещавшей хорошее убежище для измотанных войск. Но люди, обескураженные недавними неудачами, на мгновение показали способность к дальнейшим действиям, и это место удерживалось отрядом вооруженных индейцев. Кортес видел необходимость вытеснить их, если он хотел спасти остатки своей армии от полного уничтожения. Это событие показало, что он все еще контролировал их волю сильнее, чем сами обстоятельства. Подбадривая их и поддерживаемый своими доблестными кавалерами, он преуспел в том, чтобы вложить в самых медлительных что-то от своего собственного бесстрашного нрава, и повел их вверх по склону лицом к лицу с врагом. Но последние оказали слабое сопротивление и после нескольких слабых залпов ракет, не причинивших особого вреда, оставили землю нападавшим.

Он был покрыт зданием значительных размеров и представлял собой достаточно просторное помещение для уменьшившегося числа испанцев. Они нашли там кое-какую провизию; и еще больше, как говорят, им доставили в течение дня из нескольких дружественных отоми деревень по соседству. Во дворах также имелось некоторое количество топлива, предназначенного для нужд храма. С этими словами они развели костры, чтобы высушить свою промокшую одежду, и деловито занялись перевязкой ран друг друга, затекших и чрезвычайно болезненных от переохлаждения и длительного напряжения. Освеженные таким образом, усталые воины

бросились ничком на пол и во внутренние дворы храма и вскоре обрели временное забвение, в котором Природа редко отказывает даже в величайших страданиях. ^[189]

Однако в этом собрании был один глаз, который, как мы вполне можем полагать, закрылся не так быстро. Ибо какие тревожные мысли, должно быть, теснились в голове их командира, когда он созерцал жалкие остатки своих последователей, сбившихся в кучу на этом жалком бивуаке! И это было все, что уцелело от блестящего воинства, с которым всего несколько недель назад он вступил в столицу Мексики! Где теперь были его мечты о завоеваниях и империи? И кто он такой, как не неудачливый авантюрист, на которого был бы поднят презрительный перст как на сумасшедшего? Куда бы он ни повернулся, горизонт был почти таким же мрачным, и едва ли хоть одно светлое пятнышко могло его подбодрить. Ему все еще предстояло утомительное путешествие по опасным и неизвестным тропам с проводниками, в верности которых он не мог быть уверен. И как он мог рассчитывать на то, что его примут в Тлашкале, месте его назначения, — стране его древних врагов, где раньше как враг, а теперь как друг он принес разорение каждой семье в пределах ее границ?

Однако эти волнующие и мрачные размышления, которые могли бы сокрушить обычный разум, не имели силы над разумом Кортеса; или, скорее, они лишь освежили его энергию и обострили восприятие, подобно тому как борьба стихий очищает и придает эластичность атмосфере. Он немигающим взглядом смотрел на свои прошлые неудачи; но, уверенный в собственных силах, он увидел свет сквозь мрак, которого не смогли увидеть другие. Даже в разбитых реликвиях, которые лежали вокруг него, напоминая своим изможденным видом и дикой одеждой орду изголодавшихся разбойников, он различал материалы, из которых можно было восстановить свое разрушенное состояние. В самый час смятения и всеобщего уныния нет сомнений, что его героический дух обдумывал план операций, который он впоследствии проводил с таким бесстрашным постоянством.

О потерях, понесенных испанцами в эту роковую ночь, как и о любом другом событии в истории Завоевания, сообщается с величайшими расхождениями. Если верить собственному письму Кортеса, в нем участвовало не более ста пятидесяти испанцев и двух тысяч индейцев. Но бюллетени генерала, хотя и отдают полную должную трудностям, которые предстоит преодолеть, и важности результатов, менее скрупулезны в указании объема его средств или его потерь. Тоан Кано, один из присутствующих кавалеров, оценивает убитых в тысячу сто семьдесят испанцев и восемь тысяч союзников. Но это больше, чем мы учитывали для всей армии. Возможно, мы сможем приблизиться к истине, воспользовавшись вычислениями Гомары, который был капелланом Кортеса и, несомненно, имел свободный доступ не только к бумагам генерала, но и к другим достоверным источникам информации. По его словам, число убитых и пропавших без вести христиан составляло четыреста пятьдесят, а туземцев - четыре тысячи. Это, с учетом потерь, понесенных в боях предыдущей недели, могло сократить численность первых более чем на треть, а вторых - на четвертую или, возможно, пятую часть от первоначальных сил, с которыми они вошли в столицу. ^[190] Основная тяжесть боя пришлась на арьергард, немногим из которых удалось спастись. Она была сформирована в основном из солдат Нарваэса, которые в какой-то мере пали жертвами своей алчности. ^[191] Сорок шесть кавалерийских частей были отрезаны, что с учетом предыдущих потерь сократило численность в этом роде войск до двадцати трех, причем некоторые из них в очень плохом состоянии. Большая часть сокровищ, багажа, бумаг генерала, включая его счета, и подробный дневник операций с момента отъезда с Кубы, — которые, по крайней мере, для потомков были бы ценнее, чем золото, — были поглощены водами. ^[192] Боеприпасы, прекрасный маленький артиллерийский обоз, с которым Кортес вошел в город, все исчезли. Не осталось даже мушкета, мужчины выбросили его, стремясь избавиться от всего, что могло задержать их бегство в ту ужасную ночь. Короче говоря, от их военной техники не осталось ничего, кроме их мечей, искалеченной кавалерии и нескольких поврежденных арбалетов, чтобы утвердить превосходство европейца над варваром.

Все пленники, включая, как уже отмечалось, детей Монтесумы и касика Тецкоко, погибли от рук своих невежественных соотечественников, как утверждает, в беспорядочной ярости нападения. Были также несколько уважаемых лиц среди испанцев, чьи имена были вписаны в тот же кровавый список убитых. Таков был Франсиско де Морла, который пал рядом с Кортесом, вернувшись вместе с ним на помощь. Но самой большой потерей был Хуан Веласкес де Леон, который вместе с Альварado командовал тылом. В ту ночь это был опасный пост, и он пал, храбро защищая его, в начале отступления. Он был превосходным офицером, обладавшим многими рыцарскими качествами, хотя и несколько надменным в своей осанке, будучи одним из самых влиятельных кавалеров в армии. Будучи ближайшим родственником губернатора Кубы, он поначалу холодно отнесся к притязаниям Кортеса; но, то ли из убеждения, что с последним поступили несправедливо, то ли из личных предпочтений, впоследствии он ревностно отстаивал интересы своего лидера. Генерал отплатил за это великодушным доверием, назначив ему, как мы видели, отдельное и независимое командование, где неправильное поведение или даже ошибка были бы фатальными для экспедиции. Веласкес доказал, что достоин этого доверия, и в армии не было ни одного кавалера, за исключением, возможно, Сандовалья и Альварado, потеря которых была бы так глубоко опечалена командующим. Таковы были катастрофические последствия этого ужасного перехода по дамбе; более катастрофические, чем те, которые были вызваны любой другой неудачей, запятнавшей испанский герб в Новом Свете; и которые закрепили за ночью, в которую это произошло, в национальных анналах название *noche triste*, “печальная или меланхолическая ночь”.^[193]

ГЛАВА IV

ОТСТУПЛЕНИЕ ИСПАНЦЕВ—БЕДСТВИЯ АРМИИ—ПИРАМИДЫ ТЕОТИУАКАНА— ВЕЛИКАЯ БИТВА ПРИ ОТУМБЕ

1520

В течение дня, последовавшего за отступлением испанцев, мексиканцы по большей части оставались спокойными в своей столице, где они были заняты очисткой улиц и дамб от трупов, которые лежали гниющими кучами и могли вызвать эпидемию. Возможно, они также были заняты тем, что отдавали последние почести тем из своих павших воинов, совершая погребальные обряды принесением в жертву своих несчастных пленников, которые, размышляя о своей собственной участи, вполне могли позавидовать участи своих товарищей, оставивших свои кости на поле битвы. Испанцам, оказавшимся в отчаянном положении, очень повезло, что враг предоставил им эту передышку. Но Кортес знал, что он не может рассчитывать на ее продолжение, и, чувствуя, как важно опередить своего бдительного врага, он приказал своим войскам быть готовыми возобновить марш к полуночи. Костры оставили гореть, чтобы лучше ввести в заблуждение врага; и в назначенный час маленькая армия, без звука барабанов или труб, но с обновленным духом, выступила из ворот *теокалли*, в гостеприимных стенах которого они нашли столь своевременную помощь. На это место теперь указывает христианская церковь, посвященная Пресвятой Богородице, под названием *Нуэстра Сеньора де лос Ремедиос*, чей чудотворный образ — тот самый, *говорят*, который привезли последователи Кортеса^[194] — все еще распространяет свое благотворное влияние на соседнюю столицу; и путешественник, остановившийся в пределах освященного храма, может почувствовать, что он стоит на берегу моря. место запомнилось тем убежищем, которое оно предоставило Завоевателям в час их глубочайшего уныния.^[195]

Было решено, что больные и раненые займут центр, их перевезут на носилках или на спинах *таманцев*, в то время как те, кто был достаточно силен, чтобы удержаться на своих местах, сядут позади кавалерии. Трудоспособным солдатам было приказано идти впереди и в тыл, в то время как другие защищали фланги, обеспечивая таким образом инвалидам максимально возможную безопасность.

Отступающая армия беспрепятственно продолжала свой путь под покровом темноты. Но когда забрезжило утро, они увидели отряды туземцев, перебирающихся через возвышенности или висящих на расстоянии, как туча саранчи, у них за спиной. Они не принадлежали к столице, но были собраны из соседней страны, куда уже проникла весть об их разгроме. Очарование, которое до сих пор окутывало белых людей, исчезло. Ужасные *теулы* больше не были непобедимыми.^[196]

Испанцы под руководством своих проводников-тлашкаланцев пошли кружным путем на север, пройдя через Куаутитлан и обогнув озеро Цомпанко (Зумпанго), таким образом удлинив свой марш, но держась на расстоянии от столицы. Проходя мимо, индейцы сбрасывали с возвышенностей тяжелые камни вперемешку с залпами дротиков на головы солдат. Некоторые были даже достаточно смелы, чтобы спуститься на равнину и напасть на крайние части колонны. Но вскоре они были отброшены лошадей и вынуждены укрыться среди холмов, где почва была слишком неровной, чтобы всадник мог за ними следовать. На самом деле испанцы не стремились к этому, их целью было скорее летать, чем сражаться.

Таким образом, они медленно продвигались вперед, время от времени останавливаясь, чтобы отогнать нападавших, когда тестановились слишком назойливыми и сильно страдали от их метательных снарядов и беспорядочных атак. На ночь войска обычно находили убежище в каком-нибудь городе или деревушке, откуда жители, в ожидании их подхода, позаботились унести всю провизию. Вскоре испанцы оказались в крайне стесненных условиях. Их основной пищей была дикая вишня, которая росла в лесах или на обочинах дорог. Им повезло, если они нашли несколько несорванных початков кукурузы. Чаще всего ничего не оставалось, кроме стеблей; и вместе с ними и подобной нездоровой пищей они с удовольствием утоляли жажду. Когда случайно убивали лошадь, это устраивало необычайный пир; и сам Кортес описывает тот факт, что он был одним из участников вечеринки, которые таким образом роскошно угощались, съев животное даже до шкуры.^[197]

Иногда видели, как несчастные солдаты, падавшие в обморок от голода и усталости, бездыханными падали на дорогу. Другие отставали, не поспевая за маршем, и попадали в руки врага, который следовал по пятам за армией, как стая изголодавшихся стервятников, жаждущих наброситься на умирающих и мертвецов. Другие, опять же, которые забрели слишком далеко в своем стремлении добыть пропитание, разделили ту же участь. Количество их, в конце концов, и сознание жестокой участи, которая им уготована, вынудили Кортеса ввести более строгую дисциплину и усилить ее более суровыми наказаниями, чем он применял до сих пор, — хотя слишком часто безрезультатно, таково было безразличие к опасности под непреодолимым давлением нынешнего бедствия.

В своих затянувшихся страданиях солдаты перестали придавать значение тем самым вещам, ради которых они когда-то были готовы рисковать самой жизнью. Не один из тех, кто благополучно пронес свое золотое сокровище сквозь опасности *ночной охоты*, теперь бросал его как непосильную ношу; и грубый индийский крестьянин с удивленным восторгом подбирал яркие осколки столичной добычи.^[198]

В течение этих утомительных дней Кортес проявлял свое обычное спокойствие и силу духа. Он постоянно находился на опасном посту, открыто подвергая себя опасности в стычках с врагом; в одной из которых он получил тяжелое ранение в голову, которое впоследствии доставило ему много хлопот.^[199] Дела у него шли не лучше, чем у самого скромного солдата, и он старался своим жизнерадостным видом и советами укрепить мужество тех, кто колебался, уверяя их, что их страданиям скоро придет конец с их прибытием в гостеприимную “хлебную страну”.^[200] Его верные офицеры сотрудничали с ним в этих усилиях; и действительно, следует признать, что рядовые, особенно его собственные ветераны, по большей части продемонстрировали в полной мере постоянство и силу выносливости, столь характерные для их нации, что оправдывает честное хвастовство старого хрониста, “что не было народа, столь способного переносить голод, как испанцы, и никто из них не подвергался более суровым испытаниям, чем солдаты Кортеса”.^[201]

Подобную стойкость проявили тлашкальцы, прошедшие суровую школу, которая приучила их к трудностям и лишениям. Хотя они иногда бросались на землю, испытывая крайний голод, умоляя своих богов не покидать их, они выполняли свой воинский долг и, отнюдь не проявляя холодности по отношению к испанцам как к причине своих бед, казались лишь еще крепче связанными с ними чувством общего страдания.

На седьмое утро армия достигла горного вала, возвышающегося над равнинами Отомпан, или Отумба, как их обычно называют по названию индийского города — ныне деревни, — расположенного в них. Расстояние от столицы едва ли составляет девять лиг. Но испанцы преодолели это расстояние более чем втрое в своем обходном походе вокруг озер. Это делалось так медленно, что потребовало недели, две ночи из которых были проведены в одних и тех же помещениях, из-за абсолютной необходимости отдыха. Таким образом, только седьмого июля они достигли высот, господствующих над равнинами, которые простирались далеко до территории Тлашкалы, откуда открывался вид на древние пирамиды Теотиуакана, два самых замечательных памятника древней американской цивилизации, ныне существующих к северу от Перешейка. В течение всего предыдущего дня они видели отряды врага, которые темными тучами нависали над горной местностью, размахивая оружием и мстительно выкрикивая: “Вперед! Скоро вы окажетесь там, откуда вам не сбежать!” слова таинственного значения, которые они полностью осознали на следующее утро.^[202]

Памятники Сан-Хуана Теотиуакана являются, за исключением храма Чолула, вероятно, самыми древними остатками на мексиканской земле. Согласно их традициям, они были найдены ацтеками при въезде в страну, когда Теотиуакан, *обитель богов*, ныне жалкая деревушка, был процветающим городом, соперником Тулы, великой столицы тольтеков.^[203] Две главные пирамиды были посвящены *Тонатиуху*, Солнцу, и *Мезтли*, Луне. Первый, который значительно больше, по последним измерениям достигает шестисот восьмидесяти двух футов в длину у основания и ста восьмидесяти футов в высоту, что не уступает размерам некоторых родственных памятников Египта.^[204] Они были разделены на четыре этажа, из которых сейчас различимы три, в то время как следы промежуточных ступеней почти стерлись. Фактически, время обошлось с ними так грубо, а материалы были настолько вытеснены коварной тропической растительностью, скрывающей своим цветочным покровом причиняемые ею разрушения, что нелегко сразу различить пирамидальную форму сооружений.^[205] Огромные массивы имеют такое сходство с североамериканскими курганами, что некоторые считают их всего лишь естественными возвышенностями, приданными рукой человека правильной форме и украшенными храмами и террасами, остатки которых до сих пор покрывают их склоны. Но другие, не видя примера подобной возвышенности на широкой равнине, на которой они стоят, с большей вероятностью заключают, что они полностью искусственного сооружения.^[206]

Интерьер состоит из глины, смешанной с галькой, инкрустированной на поверхности легким пористым камнем, *тецонтли*, которого так много в соседних карьерах. Поверх него был нанесен толстый слой штукатурки, напоминающий по своему красноватому цвету ту, что нашли в руинах Паленке. Согласно традиции, пирамиды полые; но до сих пор попытки обнаружить полость в пирамиде, посвященной Солнцу, не увенчались успехом. В меньшем кургане было обнаружено отверстие на южной стороне, на двух третях высоты. Он образован узкой галереей, которая, пройдя на расстояние нескольких ярдов, заканчивается двумя ямами или колодцами. Самый большой из них имеет глубину около пятнадцати футов,^[207] а стены облицованы необожженным кирпичом; но для какой цели он был предназначен, не осталось ничего, что могло бы показать. Возможно, это было для хранения праха какого-нибудь могущественного вождя, как в уединенном помещении, обнаруженном в великой египетской пирамиде. В том, что эти памятники предназначались для религиозных целей, нет никаких сомнений; и только в соответствии с практикой древности на Восточном континенте они должны были служить не только храмами, но и гробницами.^[208]

Говорят, что отчетливые следы последнего назначения видны на вершине меньшей пирамиды, состоящей из остатков каменных стен, свидетельствующих о значительных размерах и прочности здания.^[209] На вершине пирамиды Солнца нет останков. Но путешественник, который возьмет на себя труд подняться на его лысую вершину, будет с лихвой вознагражден великолепным видом, который откроется ему с нее; на юго—востоке - холмы Тлашкалы, окруженные зелеными плантациями и возделанными кукурузными полями, посреди которых стоит маленькая деревушка, некогда гордая столица республики. Несколько дальше на юг взгляд проходит по прекрасным равнинам, лежащим вокруг города Пуэбла-де-лос-Анхелес, основанного древними испанцами и все еще соперничающего великолепием своих церквей с самыми блистательными столицами Европы; а далеко на западе он может увидеть долину Мехико, раскинувшуюся подобно карте, с ее уменьшившимися озерами, ее величественной столицей, поднимающейся в еще большей славе из руин, и скалистыми холмами, мрачно сгущающимися вокруг нее, как во времена Монтесумы.

Говорят, что вершина этого более крупного кургана была увенчана храмом, в котором находилась колоссальная статуя главного божества, Солнца, сделанная из цельного каменного блока и обращенная на восток. Грудь его была защищена пластиной из полированного золота и серебра, на которую падали первые лучи восходящего светила.^[210] Антиквар, живший в начале прошлого века, говорит, что видел некоторые фрагменты статуи. Согласно сообщениям, он все еще стоял во время вторжения испанцев и был снесен неутомимым епископом Зумаррагой, чья рука обрушилась на памятники ацтеков сильнее, чем рука самого Времени.^[211]

Вокруг главных пирамид расположено множество пирамид поменьше, редко превышающих тридцать футов в высоту, которые, согласно традиции, были посвящены звездам и служили усыпальницами для великих людей нации. Они расположены симметрично в виде аллей, заканчивающихся по бокам великих пирамид, которые обращены по сторонам света. Равнина, на которой они стоят, называлась *Микоатль*, или “Тропа мертвых”. Рабочий, копающий землю, все еще находит там многочисленные наконечники стрел и лезвия из обсидиана, свидетельствующие о воинственном характере этого первобытного населения.^[212]

Какие мысли, должно быть, теснятся в голове путешественника, когда он бродит среди этих памятников прошлого; когда он ступает по праху поколений, взрастивших эти колоссальные ткани, которые переносят нас из настоящего в самые глубины времен! Но кто были их строители? Были ли это таинственные ольмеки, чья история, как и история древних Титанов, теряется в тумане легенд? или, как обычно сообщают, мирные и трудолюбивые толтеки, о которых все, что мы можем почерпнуть, основано на традициях, едва ли более надежных? Что стало с расами, которые их построили? Остались ли они на земле, смешались ли и объединились ли со свирепыми ацтеками, которые пришли им на смену? Или же они двинулись дальше на Юг и нашли более широкое поле для развития своей цивилизации, о чем свидетельствует более высокий характер архитектурных памятников в отдаленных регионах Центральной Америки и Юкатана? Все это тайна, на которую время набросило непроницаемую завесу, которую не под силу поднять ни одной смертной руке. Ушла из жизни нация — могущественная, густонаселенная и далеко продвинувшаяся в утонченности, о чем свидетельствуют их памятники, — но она исчезла без имени. Оно умерло и не подало никакого знака!

Однако подобные рассуждения, по-видимому, не взволновали умы Завоевателей, которые не оставили ни единой строчки об этих освященных веками сооружениях, хотя проходили у них на виду — возможно, в самой их тени. В страданиях настоящего у них было мало свободного времени, чтобы посвятить его прошлому. Действительно, новое и опасное положение, в котором они оказались на этом самом месте, естественно, должно было вытеснить из их груди все другие мысли, кроме мысли о самосохранении.

Когда армия поднималась по горным кручам, которые заканчивались в долине Отомпан, пришли ведетты с разведанными о том, что на другой стороне расположился лагерь мощный отряд, очевидно, ожидающий их подхода. Эти сведения вскоре подтвердились их собственными

глазами, когда они обогнули гребень сьерры и увидели внизу могучее воинство, заполнявшее всю глубину долины и придававшее ей вид, судя по белым хлопковым кольчугам воинов, покрытого снегом.^[213] Она состояла из рекрутов из окружающей страны, и особенно с густонаселенной территории Тецкоко, собранных по просьбе Куитлауа, преемника Монтесумы, и теперь сосредоточенных в этом пункте, чтобы оспорить проход испанцев. Каждый выдающийся военачальник вышел на поле боя со всем своим войском, собранным под его знаменем, с гордостью демонстрируя всю помпезность и грубое величие своего военного снаряжения. Насколько хватало глаз, были видны щиты и развевающиеся знамена, фантастические шлемы, леса сверкающих копий, яркая кольчуга из перьев вождя и грубые хлопчатобумажные доспехи его спутника - все смешалось в диком беспорядке и металось взад и вперед, подобно волнам беспокойного океана.^[214] Это было зрелище, способное наполнить самые стойкие сердца христиан тревогой, усиленной предыдущим ожиданием скорого прибытия в дружественную землю, которая должна была положить конец их утомительному паломничеству. Даже Кортес, противопоставляя огромное войско перед собой своим собственным уменьшившимся эскадрильям, истощенным болезнями и ослабевшим от голода и усталости, не мог отделаться от убеждения, что настал его последний час.^[215]

Но у него было не такое сердце, чтобы впасть в уныние, и он черпал силы в самой крайности своего положения. У него не было места колебаниям; ибо у него не осталось альтернативы. Бежать было невозможно. Он не мог отступить в столицу, из которой был изгнан. Он должен наступать, прорваться сквозь ряды врага или погибнуть. Он поспешно составил диспозицию для боя. Он развернул свои силы как можно шире фронтом, защищая их с каждого фланга своим небольшим конным отрядом, численность которого теперь сократилась до двадцати человек. К счастью, в течение последних двух дней он не позволял инвалидам садиться позади всадников из желания пощадить лошадей, так что теперь они были в сносном состоянии; и, действительно, вся армия получила подкрепление, остановившись, как мы видели, на две ночи и день в одном и том же месте, однако эта задержка дала противнику время собраться с такими силами, чтобы помешать его продвижению.

Кортес приказал своим кавалеристам не расставаться с копьями и направлять их в лицо. Пехота должна была колоть, а не наносить удары своими мечами, сразу же протыкая их сквозь тела своих врагов. Они должны были, прежде всего, нацеливаться на лидеров, поскольку полководец хорошо знал, как много зависит от жизни полководца в войнах с варварами, чье стремление к подчинению делает их нетерпимыми к любому контролю, кроме того, к которому они привыкли.

Затем он обратился к своим войскам с несколькими ободряющими словами, как это было принято у него накануне сражения. Он напомнил им о победах, которые они одержали с почти такими же шансами

ВЕЛИКАЯ БИТВА ПРИ ОТУМБЕ

Гупиль и Др., Париж

обескураживающий, как настоящее; таким образом, утверждается превосходство науки и дисциплины над цифрами. Цифры, действительно, не имели значения, когда рука Всемогущего была на их стороне. И он внушил им полную уверенность в том, что Тот, кто благополучно провел их через столько опасностей, теперь не бросит их и свое собственное правое дело на погибель от руки неверного. Его обращение было кратким, потому что он прочел в их взглядах ту непоколебимую решимость, которая делала ненужными слова. Обстоятельства их положения отзывались в сердце каждого солдата сильнее, чем могло бы сделать любое красноречие, наполняя его тем чувством отчаяния, которое делает слабую руку сильной и превращает труса в героя. Таким образом, после того, как они искренне верили себя защите Бога, Пресвятой Девы и Святого Иакова, Кортес повел свои батальоны прямо на врага.^[216]

Это был торжественный момент, когда преданный маленький отряд с непоколебимыми лицами и своим обычным бесстрашным шагом спустился на равнину, чтобы быть, так сказать, поглощенным безбрежным океаном своих врагов. Последние с порывистостью бросились им навстречу, заставляя горы звенеть от их нестройных воплей и боевых кличей, и посылая вперед залпы камней и стрел, которые на мгновение закрыли дневной свет. Но когда передовые ряды двух армий сомкнулись, стало ощущаться превосходство христиан, поскольку их противники, отступая перед атаками кавалерии, были приведены в замешательство собственной численностью, которая напирала на них сзади. Испанская пехота последовала за ударом, и в рядах противника образовалась широкая полоса, которые, отступая со всех сторон, казалось, были готовы дать свободный проход своим противникам. Но им предстояло обрушиться на них с накопленной силой, когда, сплотившись, они хлынули на христиан, окружая маленькую армию со всех сторон, которая, ошестинившись длинными мечами и дротиками, стояла твердо, — по словам современника, — подобно островку, на который с ревом обрушиваются волны, растрачивая свою ярость напрасно.^[217] Борьба человека против человека была отчаянной. Глашкаланец, казалось, восстановил свои силы, поскольку сражался почти на виду у своих родных холмов, как и испанец, имея перед глазами ужасную участь пленника. Кавалеристы хорошо выполнили свой долг в тот день; небольшими отрядами по четыре-пять человек в ряд они атаковали глубоко вражеские ряды, объезжая разбитые шеренги и благодаря этому временному преимуществу придавая силу и

мужество пехоте. Не было ни одного копья, которое не провоняло бы кровью неверных. Среди остальных молодой капитан Сандовал особенно известен своей отвагой. Легко управляя своим огненным скакуном, он бросался, когда этого меньше всего ожидали, в самую гущу *схватки*, опрокидывая самых стойких воинов и радуясь опасности, как будто это была его естественная стихия. [\[218\]](#)

Но эти галантные проявления героизма привели лишь к тому, что испанцы все глубже и глубже увязали в массе противника, имея едва ли больше шансов прорваться сквозь его плотные и бесконечные батальоны, чем прорубить мечами проход через горы. Многие тласкаланцы и некоторые испанцы пали, и ни один из них не был ранен. Сам Кортес получил вторую рану в голову, а его лошадь была так сильно изранена, что он был вынужден спешиться и взять одну из обозных лошадей - крепкоостное животное, которое хорошо перенесло его в суматохе дня. [\[219\]](#) Конкурс длился уже несколько часов. Солнце стояло высоко в небесах и заливало равнину нестерпимым жаром. Христиане, ослабленные предыдущими страданиями и теряющие сознание от потери крови, начали расслабляться в своих отчаянных усилиях. Их враги, постоянно поддерживаемые свежими подкреплениями с тыла, все еще пребывали в добром расположении духа и, быстро осознав свое преимущество, с удвоенной силой наседали на испанцев. Лошадь отступила, наступив на пеших, и последние, тщетно ища прохода среди темных толп противника, которые теперь окружали их с тыла, пришли в некоторое замешательство. Ход битвы быстро поворачивался против христиан. Судьба этого дня скоро будет решена, и все, что им теперь оставалось, - это продать свои жизни как можно дороже.

В этот критический момент Кортес, чей беспокойный взгляд блуждал по полю в поисках любого предмета, который мог бы дать ему возможность остановить надвигающееся разорение, приподнялся в стремени и издали заметил в гуще толпы вождя, который, как он понял по его одежде и военному кортежу, должен был быть командующим войсками варваров. Он был одет в богатый плащ, расшитый перьями, а над его головой развевались великолепные перья, великолепно оправленные золотом и драгоценными камнями. Над ним и прикрепленный к его спине, между плечами, был короткий посох с золотой сеткой вместо знамени — необычный, но обычный символ власти ацтекского военачальника. Касика, которого звали Чиуака, несли на носилках, а группа молодых воинов, чьи яркие и украшенные одежды выдавали в них цвет индийской знати, стояла вокруг, охраняя его особу и священный герб.

Как только орлиный взор Кортеса упал на эту личность, он загорелся торжеством. Быстро обернувшись к кавалерам, стоявшим рядом с ним, среди которых были Сандовал, Олид, Альварадо и Авила, он указал на вождя, воскликнув: “Вот наш след! Следуйте за мной и поддержите меня! Затем, выкрикнув свой боевой клич и ударив железной пятой уставшего коня, он стремглав ринулся в самую гущу толпы. Его враги отступили, захваченные врасплох и обескураженные яростью атаки. Те, кто не успел, были пронзены его копьем насквозь или сбиты с ног весом его боевого коня. Кавалеристы следовали за ним в арьергарде. Они неслись вперед с яростью молнии, раскалывая сплоченные ряды на части, усеивая свой путь умирающими и убитыми и перепрыгивая все препятствия на своем пути. Через несколько минут они оказались в присутствии индейского командира, и Кортес, опрокинув своих сторонников, бросился вперед с силой льва и, пронзив его насквозь своим копьем, повалил на землю. Молодой кавалерист Хуан де Саламанка, который держался рядом со своим генералом, быстро спешился и расправился с поверженным вождем. Затем, сорвав свое знамя, он преподнес его Кортесу как трофей, на который тот имел наибольшее право. [\[220\]](#) Все это было делом одного мгновения. Гвардейцы, ошеломленные внезапностью нападения, почти не сопротивлялись, но, обратившись в бегство, сообщили о своей панике своим товарищам. Весть о потере вскоре распространилась по полю. Индейцы, охваченные ужасом, теперь думали только о бегстве. В слепом ужасе их численность увеличивала замешательство. Они топтали друг друга, воображая, что это враг у них в тылу. [\[221\]](#)

Испанцы и тлашкаланцы не замедлили воспользоваться чудесной переменной в своих делах. Их усталость, раны, голод, жажда - все было забыто в жажде мести; и они преследовали бегущего врага, нанося смерть каждым ударом и получая щедрое возмездие за все, что они перенесли в кровавых болотах Мексики.^[222] Долго они преследовали, пока враг не покинул поле боя, и они вернулись, насытившись резней, чтобы забрать оставленную им добычу. Зрелище было грандиозное, ибо земля была усеяна телами вождей, в которых испанцы, повинаясь указаниям генерала, особенно целились; и их одежды демонстрировали всю варварскую пышность украшений, которая так нравилась индейским воинам.^[223] Когда его люди таким образом в какой-то степени возместили себе недавние неудачи, Кортес снова призвал их под свои знамена; и, вознеся Господу Саваофу благодарность за их чудесное спасение,^[224] они возобновили свой марш по ныне опустевшей долине. Солнце клонилось к закату, но еще до того, как вокруг сгустились вечерние тени, они достигли индийского храма на возвышенности, который обеспечивал надежное и удобное положение для ночлега.

Такова была знаменитая битва при Отомпане, или Отумбе, как ее обычно называют, от испанского искажения названия. Она произошла восьмого июля 1520 года. Общая численность индейских войск оценивается кастильскими писателями в двести тысяч человек! убитых - в двадцать тысяч! Те, кто признает первую часть оценки, без труда получают последнюю.^[225] Составить точный расчет численности беспорядочной толпы дикарей примерно так же сложно, как подсчитать камешки на пляже или разбросанные листья осенью. И все же это была, несомненно, одна из самых замечательных побед, когда-либо достигнутых в Новом Свете. И это не только из-за неравенства сил, но и из-за их неравного положения. Ибо индейцы были во всей своей силе, в то время как христиане были истощены болезнями, голодом и затяжными страданиями; у них не было пушек или огнестрельного оружия, и им не хватало военного аппарата, который так часто наводил ужас на их врагов—варваров, - им не хватало даже ужаса перед именем победителя. Но на их стороне были дисциплина, отчаянная решимость и безоговорочная уверенность в своем командире. То, что они должны были одержать победу при таком неравенстве сил, позволяет сделать вывод того же рода, что и победы европейцев над полудициplinизованными ордами Азии.

Однако даже здесь нельзя все сводить к высшей дисциплине и тактике. Битва, несомненно, была бы проиграна, если бы не счастливая смерть индийского генерала. И, хотя выбор жертвы можно назвать результатом расчета, все же именно по самой зыбкой случайности он оказался на пути испанцев. Это, действительно, один из многих примеров влияния фортуны на судьбу военных операций. Звезда Кортеса была в зените. Если бы было иначе, ни один испанец не выжил бы в тот день, чтобы рассказать кровавую историю битвы при Отумбе.

ГЛАВА V

ОН на следующее утро армия рано свернула свой лагерь. Противник, похоже, не предпринял попытки сплотиться. Однако утром были замечены тучи стрелков, которые держались на почтительном расстоянии, хотя время от времени подходили достаточно близко, чтобы приветствовать испанцев ракетным залпом.

На возвышенности они обнаружили фонтан - благословение, не слишком часто встречающееся в этих засушливых регионах, и христиане с благодарностью вспоминают его за освежение, которое он давал своими прохладными и обильными водами.^[226] Чуть дальше они описали грубые сооружения, которые служили оплотом и границей территории Тлашкаланцев. При виде этого союзники разразились радостными поздравительными криками, к которым от души присоединились испанцы, так как они чувствовали, что скоро окажутся на дружественной и гостеприимной земле.

Но за этими чувствами быстро последовали другие, иного характера; и по мере того, как они приближались к этой территории, их умы тревожили самые болезненные опасения относительно того, как их примут люди, среди которых они приносили опустошение и скорбь, и которые могли бы так легко, если бы были настроены недоброжелательно, воспользоваться их нынешним тяжелым положением. “Подобные мысли, - говорит Кортес, - так же тяжело давили на мой дух, как и все, что я когда-либо испытывал, отправляясь на битву с ацтеками”.^[227] Тем не менее, он, как обычно, сделал хорошее лицо в этом вопросе и призвал своих людей доверять своим союзникам, чье поведение в прошлом давало все основания полагаться на их верность в будущем. Однако он предостерег их, поскольку их собственные силы были сильно подорваны, быть предельно осторожными и не давать повода для зависти своим пылким союзникам. “Будьте настороже, - продолжал бесстрашный генерал, - у нас все еще есть отважные сердца и сильные руки, которые помогут нам пройти через это!”^[228] С этими тревожными предположениями, попрощавшись с владениями ацтеков, христианская армия пересекла границу и снова ступила на землю Республики.

Первым местом, где они остановились, был город Уэджотлипан с населением около двенадцати-пятнадцати тысяч жителей.^[229] Они были любезно встречены людьми, которые вышли их встретить, пригласив войска в свои жилища и оказав все услуги своего простого гостеприимства. Однако, по мнению некоторых испанцев, это было не настолько бескорыстно, чтобы помешать им рассчитывать в награду на долю добычи, захваченной в ходе последней акции.^[230] Здесь измученные войска оставались два или три дня, когда весть об их прибытии достигла столицы, расположенной не более чем в четырех-пяти лигах от них, старый вождь Максикска, их верный друг во время их предыдущего визита, и Ксикотенкатль, молодой воин, который, как следует помнить, командовал войсками своего народа в их кровавых столкновениях с испанцами, пришли с многочисленной толпой горожан приветствовать беглецов в Тлашкале. Максикска, сердечно обняв испанского командующего, выразил глубочайшее сочувствие к его несчастьям. То, что белые люди могли так долго противостоять объединенной мощи ацтеков, было достаточным доказательством их удивительной доблести. “Мы вместе сделали общее дело, - сказал правитель Тлашкалы, - и нам нужно отомстить за общие обиды; и, будь-то удачлив или несчастлив, будьте уверены, мы окажемся настоящими и верными друзьями и будем стоять рядом с вами до самой смерти”.^[231]

Это сердечное заверение и сочувствие от человека, который осуществлял контроль над общественными советами лучше, чем любой другой правитель, эффективно рассеяло сомнения, которые еще оставались в голове Кортеса. Он с готовностью принял его приглашение немедленно продолжить свой поход в столицу, где он нашел бы гораздо лучшие условия для своей армии, чем

в маленьком городке на границе. Больных и раненых, уложенных в гамаки, несли на плечах дружелюбные туземцы; и когда войска приблизились к городу, жители толпами высыпали им навстречу, оглашая воздух радостными возгласами и дикими взрывами своих грубых индейских менестрелей. Однако среди общего торжества были слышны звуки плача и печальных причитаний, когда какой-нибудь несчастный родственник или друг, пристально вглядываясь в уменьшившиеся ряды своих соотечественников, тщетно искал какое-нибудь дорогое и знакомое лицо, и, когда они разочарованно отворачивались, выражали свою скорбь тоном, который трогал сердце каждого солдата в армии. Под эти смешанные звуки радости и горя — пестрой паутины человеческой жизни — измученные колонны Кортесов наконец вернулись в столицу республики.^[232]

Генерал и его свита разместились в грубом, но просторном дворце Максикска. Остальная часть армии разместилась в районе, которым правил тлашкальский лорд. Здесь они оставались несколько недель, пока благодаря вниманию гостеприимных горожан и тому медицинскому лечению, которое могла предоставить их скромная наука, раны солдат не были залечены, и они не оправились от слабости, до которой их довели долгие и беспримерные страдания. Кортес был одним из тех, кто серьезно пострадал. Он потерял два пальца на левой руке.^[233] Кроме того, он получил две травмы головы; одна из которых была настолько вызвана его последующей усталостью и душевным волнением, что приобрела тревожный вид. Часть кости пришлось удалить.^[234] Началась лихорадка, и в течение нескольких дней герой, смело встретивший опасность и смерть в их самых ужасных проявлениях, лежал, растянувшись на своей кровати, беспомощный, как младенец. Однако его превосходное телосложение взяло верх над болезнью, и он, наконец, снова смог возобновить свою обычную деятельность. Испанцы с политической щедростью отплатили за гостеприимство своих хозяев, поделившись с ними трофеями своей недавней победы, и Кортес особенно порадовал сердце Максикски, подарив ему военный трофей, который он выиграл у индейского командира.^[235]

Но пока испанцы восстанавливали таким образом свое здоровье и бодрость духа под дружеским обращением своих союзников и вновь обретали уверенность и спокойствие духа, которые были подорваны их тяжелыми испытаниями, время от времени до них доходили вести, свидетельствующие о том, что их недавнее бедствие не ограничилось мексиканской столицей. Возвращаясь из Мексики, чтобы встретиться с Нарваэсом, Кортес привез с собой некоторое количество золота, которое оставил на хранение в Тлашкале. К этому добавилась значительная сумма, собранная несчастным Веласкесом де Леоном в его экспедиции к побережью, а также пожертвования из других источников. Видя беспокойное состояние столицы, генерал счел за лучшее по возвращении туда оставить сокровище на попечении нескольких солдат-инвалидов, которые, будучи в походном состоянии, должны были присоединиться к нему в Мексике. Отряд из Вера-Круса, состоявший из пяти всадников и сорока пеших, прибыл в Тласкалу и, взяв на себя заботу об инвалидах и сокровищах, взялся сопровождать их в столицу. Теперь он узнал, что они были перехвачены на маршруте и все были отрезаны, с полной потерей сокровища. Двенадцать других солдат, шедших в том же направлении, были убиты в соседней провинции Тепеака; и постоянно поступали сообщения о каком-то несчастном кастильце, который, полагаясь на уважение, до сих пор оказываемое своим соотечественникам, и не зная о бедствиях в столице, пал жертвой ярости врага.^[236]

Эти печальные вести наполнили разум Кортеса мрачными опасениями за судьбу поселения на Вилья-Рике — последнего оплота их надежд. Он немедленно отправил туда верного гонца и испытал невыразимое удовлетворение, получив в ответ письмо от командира гарнизона, информирующее его о безопасности колонии и ее дружественных отношениях с соседними тотонаками. Лучшей гарантией верности последних было то, что они слишком глубоко оскорбили мексиканцев, чтобы их можно было простить.

В то время как снаружи дела Кортеса выглядели столь мрачно, ему пришлось испытать раздражение, едва ли не менее серьезное, вызванное недовольством его последователей. Многие из них воображали, что их недавние ужасные неудачи положат конец экспедиции или, по крайней мере, отложат на время все мысли о ее возобновлении. Но они мало знали о Кортесе, который так рассуждал. Даже ворочаясь на одре болезни, он вызревал в своем уме новые планы восстановления своей чести империи, которая была потеряна скорее из-за опрометчивости другого человека, чем из-за его собственной. Это стало очевидным, когда он выздоравливал, из новых правил, которые он ввел в отношении армии, а также из приказов, отправленных в Вера-Крус за свежим подкреплением.

Знание всего этого вызвало большое беспокойство у недовольных солдат. По большей части это были древние последователи Нарваэса, на которых, как мы видели, пала самая тяжкая тяжесть войны. Многие из них владели собственностью на Островах и отправились в эту экспедицию главным образом из желания приумножить ее. Но в Мексике они не приобрели ни золота, ни славы. Нынешняя служба вызывала у них только отвращение; и те немногие, кому сравнительно повезло выжить, томились желанием вернуться в свои богатые рудники и уютные фермы на Кубе, горько проклиная тот день, когда они покинули их.

Обнаружив, что генерал мало прислушивается к их жалобам, они подготовили письменный протест, в котором изложили свое требование более формально. Они олицетворяли опрометчивость упорствования в этом предприятии в его нынешнем нищенском состоянии, без оружия и боеприпасов, почти без людей; и это тоже против могущественного врага, который был более чем ровней ему со всей мощью его последних ресурсов. Думать об этом было безумием. Эта попытка привела бы их всех на плаху для жертвоприношений. Их единственным выходом было продолжить марш к Вера-Крус. Каждый час промедления мог стать роковым. Гарнизон в этом месте мог быть разбит из-за нехватки сил для самозащиты, и таким образом их последняя надежда была бы уничтожена. Но, оказавшись там, они могли бы в относительной безопасности дожидаться такого подкрепления, которое присоединилось бы к ним из-за границы; в то время как в случае неудачи им было бы легче совершить побег. В заключение они настояли на том, чтобы им разрешили немедленно вернуться в порт Вилья-Рика. Это прошение, или, скорее, протест, был подписан всеми недовольными солдатами и, после официального заверения королевским нотариусом, был представлен Кортесу.^[237]

Для него это было тяжелое обстоятельство. Больше всего его тронуло то, что в заголовке газеты он обнаружил имя своего друга, госсекретаря Дуэро, добрым услугам которого он был главным образом обязан своим назначением на эту должность. Однако его ни на мгновение нельзя было поколебать в достижении своей цели; и, хотя все внешние ресурсы, казалось, иссякали, а его собственные друзья колебались или подводили его, он все еще был верен себе. Он знал, что отступление в Вера-Крус означало бы отказ от предприятия. Оказавшись там, его армия вскоре нашла бы предлог и способ разделить и вернуться на Острова. Все его амбициозные планы пошли бы прахом. Великая награда, однажды уже оказавшаяся в его руках, была бы потеряна навсегда. Он был бы разоренным человеком.

В своем знаменитом письме Карлу Пятому он говорит, что, размышляя о своем положении, он почувствовал истинность старой пословицы: “удача благоволит храбрым”. Испанцы были последователями Креста; и, веря в бесконечную благодать и милосердие Бога, он не мог поверить, что Тот допустит, чтобы они и его собственное правое дело таким образом погибли среди язычников.^[238] Поэтому он был полон решимости не спускаться к побережью, а во что бы то ни стало вернуться по своим следам и снова сразиться с врагом в его столице”.

Таким же решительным тоном он отвечал своим недовольным последователям.^[239] Он приводил все аргументы, которые могли затронуть их гордость или честь как кавалеров. Он взывал к древней кастильской доблести, которая, как известно, никогда не колебалась перед врагом; умолял их не дискредитировать великие подвиги, прославившие их имя по всей Европе;

не оставлять предприятие наполовину достигнутым, чтобы его завершили другие, более смелые и предприимчивые. Как они могли с какой-либо честью, спрашивал он, покинуть своих союзников, которых они вовлекли в войну, и оставить их без защиты от мести ацтеков? Отступить хотя бы на один шаг в сторону Вилья-Рики означало бы заявить о собственной слабости. Это обескуражило бы их друзей и придало уверенности их врагам. Он умолял их восстановить ту уверенность в нем, которую они когда-либо проявляли, и подумать о том, что, если они недавно столкнулись с неудачами, он до этого момента выполнил все, и даже больше, чем все, что обещал. Теперь было бы легко возместить их потери, если бы они набрались терпения и оставались на этой дружественной земле до тех пор, пока подкрепление, которое было бы готово прибыть по его зову, не позволило бы им перейти в наступление. Если бы, однако, нашелся кто-нибудь настолько нечувствительный к мотивам, которые трогают сердце храброго человека, чтобы предпочесть легкость дома славе этого великого подвига, он не стал бы стоять у них на пути. Отпустите их, во имя Бога. Пусть они оставят своего генерала в бедственном положении. Он должен чувствовать себя сильнее, находясь на службе у нескольких храбрых духов, чем в окружении множества лживых или малодушных. ^[240]

Недовольная партия, как уже отмечалось, состояла в основном из войск Нарваэса. Когда ветераны генерала слышали этот призыв, ^[241] их кровь вскипела от негодования при мысли о том, чтобы бросить его или дело в такой критический момент. Они поклялись быть рядом с ним до последнего; и недовольные, которых это великодушное выражение чувств со стороны их товарищей заставило замолчать, если не убедило, согласились пока отложить свой отъезд под заверением, что когда наступит более благоприятное время года, на их пути не возникнет никаких препятствий. ^[242]

Едва эта трудность была устранена, как Кортесу угрожала еще одна серьезная - из-за ревности, возникшей между его солдатами и их союзниками-индейцами. Несмотря на демонстрацию уважения со стороны Максикски и его ближайших последователей, были и другие представители нации, которые недоброжелательно смотрели на своих гостей из-за бедствий, в которые они их втянули; и они насмешливо спрашивали, не должны ли они теперь вдобавок к этому быть обременены присутствием и содержанием чужаков. Эти вылазки недовольства не были настолько секретными, чтобы полностью ускользнуть от ушей испанцев, у которых они вызывали немалое беспокойство. Правда, они исходили по большей части от лиц, не заслуживающих особого внимания, поскольку четыре великих вождя республики, по-видимому, были неуклонно привержены интересам Кортеса. Но они придавали некоторое значение выражению лица воинственного Ксикотенкатля, в груди которого все еще тлели угольки той непримиримой враждебности, которую он так мужественно проявлял на поле битвы; и искорки этого вспыльчивого темперамента время от времени вспыхивали в интимных отношениях, в которые он теперь неохотно был вовлечен со своими давними противниками.

Кортес, с тревогой наблюдавший за растущим чувством отчуждения, которое должно было подорвать саму основу, на которую он должен был опереться в будущих операциях, использовал все возможные доводы, чтобы восстановить доверие своих людей. Он напомнил им о хороших услугах, которые они неизменно получали от великой части нации. У них был достаточный залог будущего постоянства тлашкаланцев в их давно лелеемой ненависти к ацтекам, которую недавние бедствия, постигшие их с той же стороны, могли только обострить. И он с большой силой настаивал на том, что, если бы они замыслили какие-либо злые умыслы против испанцев, тлашкальцы, несомненно, воспользовались бы их недавним увечьем и не ждали, пока те восстановят свои силы и средства сопротивления. ^[243]

Пока Кортес таким образом пытался, с несколько сомнительным успехом, заглушить свои собственные опасения, а также опасения в сердцах своих сторонников, произошло событие, которое, к счастью, привело дело к развязке и навсегда урегулировало отношения, в которых обе

стороны должны были находиться друг с другом. Это заставит обратить внимание на некоторые события, произошедшие в Мексике после изгнания испанцев.

После смерти Монтесумы его преемником был избран его брат Куитлауа, правитель Истапалапана, в соответствии с обычаем, регулирующим наследование короны ацтеков. Он был деятельным принцем, имевшим большой опыт в военных делах, и благодаря силе своего характера был вполне приспособлен для поддержания пошатнувшегося состояния монархии. Более того, он, по-видимому, был человеком либерального и, можно сказать, просвещенного вкуса, если судить по прекрасным садам, которые он наполнил редкой экзотикой и которые так сильно вызывали восхищение испанцев в его городе Истапалапан. В отличие от своего предшественника, он питал отвращение к белым людям и, вероятно, испытывал удовлетворение от того, что отпраздновал свою собственную коронацию, принеся в жертву многих из них. С момента своего освобождения из испанских кварталов, где он был задержан Кортесом, он присоединился к патриотическим движениям своего народа. Именно он руководил нападениями как на улицах города, так и в “Печальную ночь”; и именно по его наущению были собраны мощные силы, чтобы воспрепятствовать проходу испанцев в долину Отумба. [\[244\]](#)

С момента эвакуации столицы он был усердно занят устранением причиненного ей ущерба - восстановлением зданий и мостов и приведением города в наилучшие оборонительные условия. Он стремился улучшить дисциплину и вооружение своих войск. Он ввел среди них длинное копье и, прикрепив лезвия мечей, взятые у христиан, к длинным шестам, изобрел оружие, которое должно было быть грозным против кавалерии. Он призвал своих вассалов, далеких и близких, быть готовыми выступить на помощь столице, если потребуется, и, чтобы лучше заручиться их доброй волей, освободил их от некоторых тягот, которые обычно на них возлагались. Но теперь ему предстояло испытать на себе нестабильность правительства, которое держалось не на любви, а на страхе. Вассалы по соседству с Долиной остались верны своей верности; но другие держались в стороне, не зная, какой курс избрать; в то время как другие, опять же, в более отдаленных провинциях, вообще отказались от повиновения, считая это благоприятным моментом для того, чтобы сбросить иго, которое так долго их раздражало. [\[245\]](#)

В этой чрезвычайной ситуации правительство направило депутацию к своим давним врагам - тлашкальцам. Он состоял из шести знатных ацтеков, которые несли в подарок хлопчатобумажную ткань, соль и другие предметы, редко встречающиеся в республике в последние годы. Правители государства, пораженные этим беспрецедентным актом снисхождения со стороны их древнего врага, созвали совет или сенат великих вождей, чтобы дать посланцам аудиенцию.

Перед этим органом ацтеки изложили цель своей миссии. Они предложили тлашкальцам предать забвению все прошлые обиды и заключить с ними мирный договор. Все народы Анауака должны объединиться для защиты своей страны от белых людей. Тлашкаланцы навлекли бы на свои головы гнев богов, если бы они и дальше укрывали чужеземцев, осквернивших и разрушивших их храмы. Если они рассчитывают на поддержку и дружбу своих гостей, пусть узнают о судьбе Мексики, которая любезно приняла их в своих стенах и которую в ответ они наполнили кровью и пеплом. Они заклинали их, из уважения к их общей религии, не позволять белым людям, какими бы инвалидами они теперь ни были, вырваться из их рук, но немедленно принести их в жертву богам, храмы которых они осквернили. В этом случае они предложили им свой союз и возобновление дружественных отношений, которые вернули бы республике те удобства и роскошь, которых она была так долго лишена.

Предложения послов произвели разное впечатление на их аудиторию. Ксикотенкатль был за то, чтобы принять их сразу. Гораздо лучше, сказал он, было объединиться со своими сородичами, с теми, кто придерживался их собственного языка, их веры и обычаев, чем бросаться в объятия свирепых чужеземцев, которые, что бы они ни говорили о религии, не поклонялись никакому богу, кроме золота. Этому мнения придерживались и более молодые воины, которые с готовностью подхватили огонь его энтузиазма. Но старшие вожди, особенно его слепой старый

отец, один из четырех правителей государства, которые, похоже, всем сердцем поддерживали интересы испанцев, и один из них, Максикска, их верный друг, решительно выразили свое неприятие предполагаемого союза с ацтеками. Они всегда были одинаковы, сказал последний, — справедливы на словах и лживы сердцем. Теперь они предлагали дружбу тлашкальцам. Но именно страх толкнул их на это, и, когда этот страх исчезнет, они вернутся к своей старой враждебности. Кто же, как не эти коварные враги, так долго лишали страну самого необходимого для жизни, которое они теперь так щедро предлагали? Разве не благодаря белым людям нация в конце концов овладела ими? И все же они были призваны принести белых людей в жертву богам! — воинам, которые после сражений при тлашкаланцах теперь пользовались их гостеприимством. Но боги питали отвращение к вероломству. И не были ли их гости теми самыми существами, приход которых так давно предсказывали оракулы? “Давайте воспользуемся этим, - заключил он, - и объединимся, и будем действовать сообща с ними, пока не смирим нашего надменного врага”.

Эти рассуждения вызвали резкий протест со стороны Ксикотенкатля, пока страсть старшего вождя не переполнила его терпение, и, заменив доводы силой, он с некоторой яростью вытолкнул своего более молодого противника из зала совета. Предшествующее, столь противоречащее обычным приличиям индийских дебатов, заявление удивило ассамблею. Но оно не только не вызвало осуждения у его автора, но и фактически заставило замолчать оппозицию. Даже горячие последователи Ксикотенкатля воздержались от поддержки лидера, навлекшего на себя такой знак презрения со стороны правителя, которого они больше всего почитали. Его собственный отец открыто осудил его; и патриотически настроенный молодой воин, одаренный более верным предвидением будущего, чем его соотечественники, остался без поддержки в совете, как прежде был без поддержки на поле битвы. Предложенный мексиканцами союз был единодушно отвергнут, и послы, опасаясь, что даже священный статус, которым они были облечены, не защитит их от насилия, тайно бежали из столицы. ^[246]

Результат совещания имел последнее значение для испанцев, которые в своем нынешнем изуродованном состоянии, особенно если бы их застали врасплох, оказались бы, вероятно, во власти тлашкальцев. Во всяком случае, союз этих последних с ацтеками решил бы судьбу экспедиции; поскольку при бедности его собственных ресурсов Кортес мог в конечном счете надеяться на успех, только умело натравливая одну часть индейского населения на другую.

ГЛАВА VI

ВОЙНА С ОКРЕСТНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ—УСПЕХИ ИСПАНЦЕВ—СМЕРТЬ МАКСИКСКИ—ПРИБЫТИЕ ПОДКРЕПЛЕНИЯ—ТРИУМФАЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТЛАШКАЛУ

1520

Испанский командующий, успокоенный результатами обсуждений в сенате тлашкалы, теперь решился на активные операции, как на лучшее средство рассеять дух фракции и недовольства, неизбежно порождаемый праздной жизнью. Сначала он намеревался поупражняться со своими войсками против некоторых соседних племен, которые жестоко расправлялись с теми испанцами, которые, полагаясь на их дружелюбный дух, проходили через их территорию. Среди них были теписканцы, народ, часто враждовавший с тлашкальцами, и которые, как упоминалось в предыдущей главе, недавно убили двенадцать испанцев во время их похода к столице. Поход против них получил бы готовую поддержку его союзников и подтвердил бы достоинство испанского имени, сильно потускневшего в глазах туземцев из-за недавних бедствий.

Теписканы были могущественным племенем того же примитивного происхождения, что и ацтеки, которым они признавали свою преданность. Они передали это испанцам во время их первого похода в страну, запуганные кровавыми поражениями своих соседей-тлашкаланцев. Но после беспорядков в столице они снова подчинились скипетру ацтеков. Их столица, ныне небольшая деревушка, была процветающим городом во времена Завоевания, расположенным на плодородных равнинах, которые простираются далеко к подножию Орисабы. ^[247] Кроме того, в

провинции было несколько городов значительного размера, населенных смелым и воинственным населением.

Поскольку эти индейцы когда-то признали власть Кастилии, Кортес и его офицеры расценили их нынешнее поведение как восстание, и на военном совете было решено, что те, кто участвовал в недавней резне, справедливо обрекают себя на рабство.^[248] Однако, прежде чем возбудить против них дело, генерал отправил повестку, требующую их подчинения и предлагающую полное прощение за прошлое, но, в случае отказа, угрожающую им самым суровым возмездием. На это индейцы, теперь уже с оружием в руках, презрительно ответили, вызывая испанцев встретиться с ними в бою, поскольку им не хватало жертв для своих жертвоприношений.

Кортес без дальнейших промедлений выступил во главе своего небольшого отряда испанцев и большого подкрепления из тлашкаланских воинов. Их вел младший Ксикотенкатль, который теперь, казалось, забыл о своей недавней враждебности и желал поучиться военному делу у вождя, который так часто побеждал его в бою.^[249]

Тепиаканцы встретили врага на своих границах. Последовало кровопролитное сражение, в котором испанская конница была несколько сбита с толку высоким майсом, покрывавшим часть равнины. В конце концов они добились успеха, и тепиаканцы, удержав свои позиции как хорошие воины, в конце концов были разгромлены с большой резней. Второе сражение, состоявшееся несколько дней спустя, имело столь же решительные результаты; и победоносные испанцы со своими союзниками, двинувшись немедленным маршем на город Тепеака, вошли в него с триумфом.^[250] Противник больше не пытался оказывать сопротивления, и вся провинция, чтобы избежать дальнейших бедствий, с готовностью подчинилась. Кортес, однако, наложил продуманное наказание на места, замешанные в резне. Жители были заклеены каленым железом как рабы, и после того, как королевская пятая часть была оставлена, были распределены между его собственными людьми и союзниками.^[251] Испанцы были знакомы с системой *репартименто*, установленной на островах; но это был первый пример рабства в Новой Испании.^{*} По мнению генерала и его военных казуистов, это было оправдано тяжкими преступлениями партии. Приговор, однако, не был одобрен короной,^[252] который, как обильно показывает колониальное законодательство, всегда противоречил алчности и корыстолюбивому духу колониста.

^{*} [Возможно, это был первый случай обращения туземцев в рабство испанцами, но, по крайней мере, рабыни несколько раз ранее предоставлялись им мексиканскими вождями. Настоящий случай также не имеет отношения к системе *репартименто*, с помощью которой после завершения завоевания земля и ее жители были разделены между новыми владельцами. В случае с тепиаканцами не предпринималось никаких попыток поработить взрослых мужчин, в услугах которых не нуждались и которые привели бы только в замешательство своих похитителей. См. Берналь Диас, История. "Де ла Конкиста", глава 135.—К.]

Удовлетворенный этим проявлением своей мести, Кортес теперь разместил свою штаб-квартиру в Тепеаке, которая, будучи расположенной в возделанной стране, давала легкие средства для содержания армии, в то время как ее расположение на границе с Мексикой делало ее хорошим *пунктом назначения* для будущих операций.

Правительство ацтеков, с тех пор как оно узнало о результатах переговоров в Тлашкале, усердно укрепляло свою границу в этом районе. Гарнизоны, обычно содержавшиеся там, были усилены, и большие группы людей были отправлены маршем в том же направлении с приказом занять укрепленные позиции на границах. Поведение этих войск было в их обычном стиле высокомерия и вымогательства и вызвало сильное отвращение у жителей страны.

Среди мест, где ацтеки разместили гарнизоны, был Куаукечоллан,^[253] город с тридцатью тысячами жителей, согласно историкам, и лежащий к юго-западу в двенадцати лигах или более от испанских кварталов. Он стоял на краю глубокой долины, упираясь в широкую гряду холмов, или, скорее, гор, и по бокам его протекали две реки с чрезвычайно высокими и обрывистыми берегами.

Единственная улица, по которой можно было легко подойти к городу, была защищена каменной стеной высотой более двадцати футов и большой толщины.^[254] В это место, надежно защищенное как искусством, так и природой, император ацтеков бросил гарнизон из нескольких тысяч воинов, в то время как гораздо более грозные силы заняли высоты, господствующие над городом.

Касик этого укрепленного поста, недовольный мексиканским игом, послал к Кортесу письмо, приглашая его выступить к нему на помощь и обещая содействие горожан в нападении на кварталы ацтеков. Генерал с готовностью принял это предложение и отправил Кристовалья де Олида с двумя сотнями испанцев и сильным отрядом тлашкальцев на поддержку дружественного касика.^[255] По дороге к Олиду присоединились многие волонтеры из индийского города и из соседней столицы Чолулы, которые в равной степени настаивали на своих услугах. Численность и рвение этих вспомогательных сил возбудили подозрения в душе кавалера. Их укрепили догадки солдат Нарваэса, чье воображение, по-видимому, все еще терзали ужасы *ночи триста*, и которые увидели в дружелюбной готовности своих новых союзников свидетельство тайного соглашения с ацтеками. Олид, уловив это недоверие, предпринял контрмарш на Чолулу, где схватил подозреваемых вождей, которые наиболее настойчиво предлагали свои услуги, и отправил их под сильной охраной к Кортесу.

Генерал после тщательного расследования был убежден в честности подозреваемых сторон. Он, выразив свое глубокое сожаление по поводу обращения, которому они подверглись, загладил свою вину, насколько мог, щедрыми подарками, и, поскольку теперь он видел неуместность передачи дела такой важности в другие руки, встал во главе оставшихся сил и добился соединения со своим офицером в Чолуле. Он договорился с касиком города, против которого шел, что при появлении испанцев жители восстанут против гарнизона. Все прошло так, как он и планировал. Как только христианские батальоны появились на равнине перед городом, жители с величайшей яростью атаковали гарнизон. Последние, оставив внешнюю оборону этого места, отступили в свои собственные помещения в главном *теокалли*, где они вели упорную борьбу со своими противниками. В разгар драки Кортес во главе своего небольшого конного отряда въехал на место и лично руководил штурмом. Ацтеки предприняли ожесточенную оборону. Но на помощь нападавшим постоянно прибывали свежие войска, укрепления были взяты штурмом, и каждый из гарнизона был предан мечу.^[256]

Тем временем мексиканские войска, расквартированные на соседних возвышенностях, спустились вниз, чтобы поддержать своих соотечественников в городе, и построились в боевом порядке в пригороде, где их встретили тлашкальские новобранцы. “Они собрали, — говорит Кортес, говоря о враге, — по меньшей мере тридцать тысяч человек; и это было восхитительное зрелище для глаз — такой прекрасный строй воинов, сверкающих золотом, драгоценными камнями и пестрыми украшениями из перьев”.^[257] Сражение было ожесточенным между двумя индийскими армиями. Предместья были подожжены, и посреди пламени Кортес и его эскадроны, устремившись на врага, в конце концов прорвали их строй и вынудили их в беспорядке отступить в узкое горное ущелье, с которого они недавно спустились. Перевал был неровным и обрывистым. Испанцы и тлашкаланцы следовали за ними с тыла, а легкие войска, взобравшись на высокую стену долины, хлынули на фланги противника. Жара была невыносимой, и обе стороны были так измучены своими усилиями, что, по словам хрониста, одна с трудом могла преследовать, а другая бежать.^[258] Однако они были не слишком утомлены, чтобы убивать. Мексиканцы были разгромлены ужасной резней. Они не нашли жалости у своих врагов-индейцев, у которых был длинный счет нанесенным им увечьям, чтобы рассчитаться с ними. Несколько человек искали убежища, взлетев выше, в твердыни сьерры. Их неустоимый враг преследовал их до тех пор, пока на голой вершине хребта они не достигли лагеря мексиканцев. Он занимал широкий участок земли. Повсюду были разбросаны различная утварь, разукрашенные платья и предметы роскоши, а количество сопровождавших их рабов свидетельствовало о варварской пышности, с которой мексиканская знать отправлялась в свои походы.^[259] Это была богатая добыча для победителей,

которые рассредоточились по опустевшему лагерю и нагружали себя добычей, пока сгущающаяся темнота не предупредила их о необходимости спускаться.^[260]

Кортес продолжил удар, атаковав укрепленный город Ицокан, также удерживаемый мексиканским гарнизоном и расположенный в глубине зеленой долины, орошаемой искусственными каналами и улыбающейся во всем изобилии этого плодородного региона плато.^[261] Это место, хотя и стойко оборонялось, было взято штурмом; ацтеков прогнали через реку, протекавшую ниже города, и, хотя легкие мосты, пересекавшие его, были разрушены во время бегства, намеренно или случайно, испанцы, перейдя вброд и переплыв ручей, насколько могли, добрались до противоположного берега, продолжая погоню с рвением ищущих. Здесь добыча тоже была велика, и индейские вспомогательные войска тысячами стекались под знамена вождя, который так уверенно вел их к победе и грабежу.^[262]

Вскоре после этого Кортес вернулся в свою штаб-квартиру в Тепеаке. Оттуда он отправлял своих офицеров в экспедиции, которые обычно оказывались успешными. Сандовал, в частности, выступил против крупных сил противника, находившихся между лагерем и Вера-Крус, разбил их в двух решающих сражениях и таким образом восстановил сообщение с портом.

Результатом этих операций стало сокращение густонаселенной и возделанной территории, лежащей между великим *вулканом* на западе и могучими окраинами Орисабы на востоке. Многие места также в соседней провинции Миштекапан признали власть испанцев, и другие жители отдаленного региона Оахака обратились за их защитой. Поведение Кортеса по отношению к своим союзникам снискало ему большую славу за бескорыстие и справедливость. Индийские города на прилегающей территории обращались к нему как к своему арбитру в своих разногласиях друг с другом, и дела о спорном правопреемстве в их правительствах передавались на его рассмотрение. Своей осторожной и умеренной политикой он незаметно приобрел влияние на их советы, в котором было отказано свирепому ацтеку. Его власть с каждым днем распространялась все шире и шире, и в самом сердце страны выросла новая империя, ставшая противовесом колоссальному могуществу, которое так долго затмевало ее.^[263]

Теперь Кортес чувствовал себя достаточно сильным, чтобы привести в исполнение планы по возвращению столицы, над которыми он вынашивал с самого момента своего изгнания. Он сильно недооценил ресурсы монархии ацтеков. Теперь он по горькому опыту знал, что для победы над ним его собственные силы и все, что он мог надеяться собрать, были бы некомпетентны без очень широкой поддержки со стороны самих индейцев. Кроме того, большая армия потребовала бы больших припасов для своего содержания, а их невозможно было бы регулярно получать во время длительной осады без дружеского сотрудничества местных жителей. Теперь он мог смело рассчитывать на такую поддержку со стороны Тласкалы и других индейских территорий, воины которых так стремились служить под его знаменами. Его прошлое знакомство с ними дало ему представление об их национальном характере и системе ведения войны; в то время как туземцы, сражавшиеся под его командованием, если и мало что понимали в испанской тактике, то научились действовать заодно с белыми людьми и беспрекословно подчиняться ему как своему командиру. Это было значительным улучшением в таких диких и беспорядочных наборах и значительно увеличивало силу, получаемую за счет численности.

Опыт показал, что в будущем конфликте со столицей не стоит полагаться на дамбы, но для успеха он должен командовать озером. Поэтому он предложил построить несколько судов, подобных тем, что были построены по его приказу во времена Монтесумы и впоследствии разрушены местными жителями. Для этого он по-прежнему пользовался услугами все того же опытного кораблестроителя Мартина Лопеса, который, как мы видели, к счастью избежал бойни на "Меланхолической ночи". Теперь Кортес послал этого человека в Тласкалу с приказом построить тринадцать бригантин, которые можно было бы разобрать на части и нести на плечах индейцев, чтобы спустить на воду в озере Тецкоко. Паруса, такелаж и железные изделия должны были быть доставлены из Вера-Крус, где они хранились с тех пор, как их сняли с разобранных

кораблей. Это была смелая концепция - построить флот, который должен был пересекать леса и горы, прежде чем он будет спущен на воду! Но это устраивало дерзкого гения Кортеса, который при содействии своих стойких тлашкальских союзников не сомневался в своей способности привести это в исполнение.

В это время генерал с немалым сожалением узнал о смерти своего хорошего друга Максикски, старого сеньора Тласкалы, который так стойко поддержал его в час невзгод. Он пал жертвой той ужасной эпидемии, оспы, которая теперь охватывала страну, как пожар прерии, убивая принцев и крестьян и добавляя еще одно к длинной череде несчастий, следовавших за походом белых людей. Говорят, что он был ввезен в страну негром-рабом из флота Нарваэса.^[264] Впервые это произошло в Семпоалле. Бедные туземцы, не знавшие о наилучшем способе лечения этого отвратительного заболевания, искали облегчения в своей обычной практике купания в холодной воде, которая значительно усугубляла их болезнь. Из Семпоаллы она быстро распространилась по соседней стране и, проникнув через Тлашкалу, достигла столицы ацтеков, где преемник Монтесумы, Куитлауа, пал одной из ее первых жертв. Оттуда он устремился к берегам Тихого океана, оставляя свой путь усеянным трупами туземцев, которые, выражаясь сильным языком современников, гибли грудками, как скот, пораженный мурашом.^[265] По-видимому, это заболевание не было смертельным для испанцев, многие из которых, вероятно, уже страдали этим заболеванием и, во всяком случае, были знакомы с надлежащим методом его лечения.

Войска глубоко сожалели о смерти Максикски, потерявшего в его лице верного и самого эффективного союзника. При последнем вздохе он передал их своему сыну и преемнику как великих существ, приход которых в страну так давно был предсказан оракулами.^[266] Он выразил желание умереть, исповедуя христианскую веру. Кортес, как только узнал о его состоянии, отправил отца Ольмедо в Тлашкалу. Монах обнаружил, что Максишка уже распорядился поставить перед ложем его больного распятие в качестве объекта его обожания. Объяснив, насколько мог доходчиво, истины откровения, он крестил умирающего вождя; и испанцы с удовлетворением поверили, что душа их благодетеля была освобождена от обреченности на вечные муки, которая нависла над несчастным индейцем, погибшим в своем неверии.^[267]

Их недавние блестящие успехи, похоже, примирили большинство недовольных солдат с продолжением войны. Среди них все еще оставались несколько человек, министр Дуэро, казначей Бермудес и другие высокопоставленные лица или богатые идалго, которые с отвращением смотрели на очередную кампанию и теперь громко повторяли свое требование свободного проезда на Кубу. На это Кортес, довольный поддержкой, на которую он мог смело рассчитывать, больше не возражал. Однажды дав свое согласие, он сделал все, что было в его силах, чтобы облегчить их отъезд и обеспечить их комфорт. Он приказал предоставить в их распоряжение лучший корабль в Вера-Крус, чтобы его хорошо снабдили провизией и всем необходимым для путешествия, и отправил Альварадо на побережье руководить посадкой. Он простился с ними самым учтивым образом, заверив в своем неизменном уважении. Но, как показали события, те, кто мог расстаться с ним в этот критический момент, мало сочувствовали его судьбе; и вскоре мы находим Дуэро в Испании, поддерживающим требования Веласкеса перед императором в противовес требованиям его бывшего друга и командира.

Потеря этих нескольких человек была с лихвой компенсирована прибытием других, которых Фортуна — если не использовать более высокого термина — самым неожиданным образом бросила у него на пути. Первое из них прибыло на небольшом судне, присланном с Кубы губернатором Веласкесом с припасами для колонии в Вера-Крус. Он не знал о последних сделках в стране и о замешательстве своего сотрудника. На судне, как говорят, были депеши от Фонсеки, епископа Бургосского, в которых Нарваэсу предписывалось отправить Кортеса, если он еще не сделал этого, для суда в Испанию.^[268] Алькальд Вера-Крус, согласно инструкциям генерала, позволил капитану барка высадиться на берег, который не сомневался, что страна находится в руках Нарваэса. Он не был введен в заблуждение тем, что был схвачен вместе со своими людьми,

как только они ступили на берег. Затем судно было захвачено, и командира и его команду, осознавших свою ошибку, без особого труда убедили присоединиться к своим соотечественникам в Тлашкале.

Второе судно, отправленное вскоре после этого Веласкесом, постигла та же участь, и те, кто был на борту, также согласились рискнуть и отправиться в экспедицию под командованием Кортеса.

Примерно в то же время Гарай, губернатор Ямайки, снарядил три корабля с вооруженными силами, чтобы основать колонию на Пануко, реке, впадающей в Персидский залив в нескольких градусах севернее Вилья-Рики. Гарай настаивал на создании этого поселения, пренебрегая притязаниями Кортеса, который уже вступил в дружеские отношения с жителями этого региона. Но при высадке экипажи испытали такой грубый прием со стороны туземцев и потеряли так много людей, что были рады снова вернуться на свои суда. Одно из них затонуло во время шторма. Остальные отправились в порт Вера-Крус, чтобы восстановить силы людей, сильно ослабленных голодом и болезнями. Здесь их приняли по-доброму, их нужды были удовлетворены, раны залечены; щедрые обещания Кортеса побудили их отказаться от пагубной службы у своего нанимателя и встать под его собственное процветающее знамя. Подкрепление, полученное из этих источников, составило полных сто пятьдесят человек, хорошо обеспеченных оружием и амуницией, вместе с двадцатью лошадьми. Благодаря этому странному стечению обстоятельств Кортес увидел, что получил в свое распоряжение припасы, в которых он больше всего нуждался; и это тоже из рук его врагов, чьи дорогостоящие приготовления, таким образом, были обращены на благо того самого человека, которого они были призваны погубить.

На этом его удача не закончилась. Корабль с Канарских островов причалил к Кубе с грузом оружия и военных припасов для искателей приключений в Новом Свете. Их командир услышал там о недавних открытиях в Мексике и, решив, что это обеспечит ему выгодный рынок сбыта, направил свой курс в Вера-Крус. Он не ошибся. Алькальд по приказу генерала купил и корабль, и груз, и команды, охваченные духом приключений, последовали за своими соотечественниками в глубь страны. Казалось, в имени Кортеса была какая-то магия, которая привлекала под его знамена всех, кто о нем слышал.^[269]

Теперь, когда он завершил приготовления к обустройству своих новых завоеваний, казалось, больше не было причин откладывать его отъезд в Тлашкалу. Сначала жители Тепеаки попросили его оставить с ними гарнизон, чтобы защитить их от мести ацтеков. Кортес удовлетворил эту просьбу и, считая центральное положение города благоприятным для сохранения своих завоеваний, решил основать там колонию. Для этой цели он отобрал шестьдесят своих солдат, большинство из которых были инвалидами из-за ран или немощи. Он назначил алькальдов, регидоров и других должностных лиц гражданской магистратуры. Это место он назвал *Сегура-дела-Фронтера*, или Безопасность Границы.^[270] Несколько лет спустя он получил ценные привилегии как город от императора Карла Пятого,^[271] и приобрел некоторое значение в эпоху завоевания. Но вскоре после этого его последствия пошли на убыль. Даже его кастильское название, по той же прихоти, которая решила судьбу не одного названия в нашей стране, было постепенно вытеснено древним, и маленькая деревушка Тепеака - это все, что теперь напоминает о некогда процветающей столице индейцев и второй испанской колонии в Мексике.

Находясь в Сегуре, Кортес написал это знаменитое письмо императору — второе в серии, — которое так часто цитируется на предыдущих страницах. В нем повествование начинается с отъезда из Вера-Крус и в краткой и исчерпывающей форме рассказывается о событиях вплоть до того времени, о котором мы сейчас рассказываем..... На заключительной странице генерал, заметив трудности, в которых он работает, говорит в своем обычном мужественном духе, что он считает опасность и усталость незначительными по сравнению с достижением своей цели и

что он уверен, что за короткое время испанцы вернут себе прежнее положение и восполнят все свои потери.^[272]

Он замечает сходство Мексики во многих ее чертах и производствах с метрополией и просит впредь называть ее “Новой Испанией Океанского побережья”.^[273] Он наконец, просит немедленно направить комиссию для расследования его поведения и проверки точности его заявлений.

Это письмо, напечатанное в Севилье через год после его получения, с тех пор неоднократно переиздавалось и переводилось.^[274] Это вызвало большую сенсацию при дворе и среди друзей науки в целом. Предыдущие открытия в Новом Свете обманули ожидания, которые сформировались после решения великой проблемы его существования. Они выявили только грубые племена, которые, какими бы мягкими и безобидными ни были их нравы, все еще находились на примитивной стадии варварства. Это был подлинный рассказ об огромной нации, могущественной и густонаселенной, демонстрирующей сложное социальное устройство, хорошо развитой в искусстве цивилизации, занимающей землю, изобилующую минеральными сокровищами и безграничным разнообразием растительных продуктов, кладовых богатств, как природных, так и искусственных, которые, казалось, впервые воплотили в жизнь золотые мечты, которым великий первооткрыватель Нового Света так любовно, а в свое время так ошибочно предавался. Ученый того времени вполне мог бы возрадоваться открытию этих чудес, которые столь многие давно, но тщетно, желали увидеть.^[275]

Вместе с этим письмом императору было отправлено другое, подписанное, по-видимому, почти каждым офицером и солдатом в лагере. В нем подробно рассказывалось о препятствиях, воздвигнутых на пути экспедиции Веласкесом и Нарваэсом, и о том большом ущербе, который это нанесло королевским интересам. Затем он описал заслуги Кортеса и умолял императора утвердить его власть и не допустить какого-либо вмешательства в дела человека, который благодаря своему личному характеру, глубокому знанию страны и ее народа и преданности своих солдат был человеком, наиболее подходящим во всем мире для завоевания страны.^[276]

Немалое замешательство Кортеса усугубляло то, что он все еще находился в полном неведении относительно того, в каком свете его поведение рассматривалось в Испании. Он даже не слышал, были ли получены его депеши, отправленные годом ранее из Вера-Крус. Мексика была так далека от всех сношений с цивилизованным миром, как если бы ее поместили в антиподах. В его порты заходило мало судов, и ни одному не было разрешено покинуть их. Губернатор Кубы, острова, расположенного всего в нескольких днях плавания, все еще не знал, как мы видели, о судьбе своего вооружения. По прибытии каждого нового судна или флотилии к этим берегам Кортес вполне мог усомниться, приносит ли это помощь его предприятию или королевское поручение заменить его. Его жизнерадостный дух опирался на первое; хотя последнее было гораздо более вероятным, учитывая близость его врага, губернатора, к епископу Фонсеке, человеку, ревниво относившемуся к своей власти, и тому, кто, находясь во главе индийского департамента, осуществлял преобладающий контроль над делами Нового Света. Поэтому политика Кортеса заключалась в том, чтобы, не теряя времени, ускорить свои приготовления, чтобы другому не было позволено завладеть лавром, который теперь был почти у него в руках. Если бы он только смог захватить столицу ацтеков, он чувствовал, что был бы в безопасности, и что, в каком бы свете ни рассматривались его незаконные действия сейчас, его заслуги в этом деле с лихвой уравнивали бы их в глазах как короны, так и страны.

Генерал также написал письмо королевской аудиенции в Сан-Доминго, чтобы заинтересовать их своим делом. Он отправил четыре судна на тот же остров, чтобы получить дополнительный запас оружия и амуниции; и, чтобы лучше возбудить алчность искателей приключений и привлечь их к экспедиции, он добавил образцы прекрасных тканей этой страны и ее драгоценных металлов.^[277] Средства для закупки этих важных припасов были, вероятно, получены за счет добычи, собранной в последних сражениях, и золота, которое, как уже отмечалось, было спасено от общего крушения кастильским конвоем.

Была середина декабря, когда Кортес, завершив все свои приготовления, отправился обратно в Тлашкалу, находившуюся в десяти или двенадцати лигах отсюда. Он шел в авангарде армии и направился к Чолуле. Как отличалось его состояние от того, в котором он покинул столицу республики менее пяти месяцев назад! Его шествие было триумфальным шествием, демонстрирующим различные знамена и военные знаки, отобранные у врага, длинные вереницы пленных и все богатые трофеи конквеста, добытые на многих полях ожесточенных боев. Когда армия проходила через города и деревни, жители высыпали им навстречу, а когда они приблизились к Тлашкале, все население - мужчины, женщины и дети - вышло вперед, празднуя их возвращение песнями, танцами и музыкой. Улицы, по которым они проезжали, были украшены цветами, и тлашкальский оратор обратился к генералу при его въезде в город с высокопарным панегириком его недавним достижениям, провозгласив его “мстителем за нацию”. Среди этой помпезности и триумфального шоу Кортес и его главные офицеры были замечены одетыми в глубокий траур в честь своего друга Максикски. И эта дань уважения памяти их почитаемого правителя тронула тлашкальцев сильнее, чем вся гордая демонстрация военных трофеев. ^[278]

Первым действием генерала было утвердить сына своего покойного друга в престолонаследии, на которое претендовал незаконнорожденный брат. Юноше было всего двенадцать лет, и Кортес без труда уговорил его последовать примеру отца и принять крещение. Впоследствии он собственноручно посвятил его в рыцари; вероятно, это был первый случай, когда рыцарский орден был пожалован американскому индейцу. ^[279] Старейшину Ксикотенкатля также убедили принять христианство; и пример их правителей оказал свое заметное влияние на подготовку умов людей к принятию истины. Кортес, то ли по совету Ольмедо, то ли из-за поглощенности собственными делами, в это время не стал продолжать работу по обращению, но мудро оставил доброе семя, уже посеянное, созреть в тайне, пока время не принесет урожай.

Испанский командующий во время своего короткого пребывания в Тласкале настаивал на ускорении подготовки к кампании. Он пытался обучить тлашкаланцев и дать им некоторое представление о европейской дисциплине и тактике. Он приказал изготовить новое оружие и привести в порядок старое. Порох изготавливался с помощью серы, добываемой некоторыми предприимчивыми кавалерами из дымящегося горла Попокатепетля. ^[280] Строительство бригаantin шло успешно под руководством Лопеса и с помощью тлашкальцев. ^[281] Древесину рубили в лесах, а смолу, неизвестный индейцам продукт, добывали из сосен на соседней Сьерра-де-Малинче. Такелаж и другие принадлежности были перевезены индейцем *таманесом* с Вилья-Рики; и к Рождеству работы продвинулись настолько далеко, что Кортесу больше не было необходимости откладывать поход в Мексику.

ГЛАВА VII

КУАТЕМОЗИН, ИМПЕРАТОР АЦТЕКОВ—ПОДГОТОВКА К МАРШУ—ВОЕННЫЙ
КОДЕКС—ИСПАНЦЫ ПЕРЕСЕКАЮТ СЬЕРРУ—ВХОДЯТ В ТЕЦКОКО—ПРИНЦ
ИКСТЛИЛЬШОЧИТЛЬ

1520

W Пока происходили события, описанные в предыдущей главе, в монархии ацтеков произошли важные перемены. Брат и преемник Монтесумы, Куитлауа, внезапно умер от оспы после короткого четырехмесячного правления — короткого, но славного, поскольку оно стало свидетелем свержения испанцев и их изгнания из Мексики.^[282] После смерти своего воинственного вождя выборщики были созваны, как обычно, для замещения вакантного трона. Это была очень ответственная должность в трудный час их судьбы. *Теотевктли*, или первосвященник, призывал благословение верховного Бога на свои обсуждения. Его молитва сохранилась до наших дней. Это был последний раз, когда-либо сделанный по подобному случаю в Анауаке, и несколько выдержек из него могут заинтересовать читателя как образец красноречия ацтеков:

“О Господь! ты знаешь, что дни нашего владыки подошли к концу, ибо ты положил его к своим ногам. Он пребывает в месте своего уединения; он прошел путь, по которому нам всем предстоит пройти; он отправился в дом, куда мы все должны последовать, — в дом вечной тьмы, куда не проникает свет. Он почил, и отныне никто не потревожит его.... Все это были князья, его предшественники, которые восседали на императорском троне, управляя делами твоего королевства; ибо ты - всеобщий владыка и император, чьей волей и движением управляется весь мир; ты не нуждаешься в совете другого. Они сложили с себя невыносимое бремя правления и возложили его на него, своего преемника. И все же он пробыл всего несколько дней в своем королевстве, — но несколько дней мы наслаждались его присутствием, когда ты призвал его последовать за теми, кто правил землей до него. И у него есть великое основание для благодарности за то, что ты освободил его от столь тяжкого бремени и дал ему покой.... Кто теперь будет распорядиться делами на благо народа и королевства? Кто назначит судей для отправления правосудия над твоим народом? Кто теперь прикажет барабану и флейте зазвучать и соберет вместе ветеранов солдат и мужчин, сильных в битве? Наш Господь и наша Защита! изберешь ли ты в своей мудрости того, кто будет достоин воссесть на трон твоего королевства; того, кто понесет тяжкое бремя правления; кто будет утешать и лелеять твой бедный народ, как мать лелеет свое потомство?... О Господь все милостивый! излей свой свет и свое величие на эту твою империю!... Заказывай так, чтобы тебе подавали во всем и через все”.^[283]

Выбор пал на Квоутемоцин, или гватемаузин, как благозвучно искажают испанцы.^[284] Он был племянником двух последних монархов и женился на своей двоюродной сестре, прекрасной принцессе Текуичпо, дочери Монтесумы. “Ему было не более двадцати пяти лет, и для индейца он выглядел элегантно, - говорит один из тех, кто часто его видел, - отважный и такой грозный, что его последователи трепетали в его присутствии”.^[285] Он не уклонился от опасного поста, который ему предложили; и, когда он увидел, что вокруг сгущается буря, он приготовился встретить ее как мужчина. Несмотря на молодость, он обладал большим опытом в военных делах и больше всех отличился в кровавых конфликтах в столице. Он питал к испанцам своего рода религиозную ненависть, подобную той, в которой, как говорят, поклялся Ганнибал против своих римских врагов и которую он, безусловно, лелеял.

С помощью своих шпионов Куатемозин ознакомился с передвижениями испанцев и их намерением осадить столицу. Он подготовился к этому, отослав бесполезную часть населения, в то время как призвал своих могущественных вассалов из окрестностей. Он продолжил планы своего предшественника по укреплению обороны города, провел смотр своим войскам и поощрил их призами за успехи в упражнениях. Он обращался с речами к своим солдатам, чтобы пробудить в них дух отчаянного сопротивления. Он поощрял своих вассалов по всей империи нападать на

белых людей, где бы они ни встретились, назначая награду за их головы, а также за личности всех, кто должен быть доставлен к нему живым в Мексику.^[286] И для испанцев не было редкостью обнаруживать развешанным в храмах завоеванных мест оружие и амуницию своих несчастных соотечественников, которые были схвачены и отправлены в столицу для жертвоприношения.^[287] Таков был молодой монарх, который теперь был призван на шатающийся трон ацтеков; достойный, благодаря своей смелой и великодушной натуре, управлять скипетром своей страны в самый расцвет ее славы, и теперь, в ее бедственном положении, посвятивший себя в истинном духе принца-патриота, чтобы поддержать ее падающее состояние или храбро погибнуть вместе с ней.^[288]

Теперь мы должны вернуться к испанцам в Тласкале, где мы оставили их готовящимися возобновить поход на Мексику. Их командующий имел удовлетворение, увидев, что его войска сносно укомплектованы по назначению; они, конечно, различались в зависимости от состояния различных подкреплений, которые время от времени прибывали, но в целом превосходили те войска, с которыми он впервые вторгся в страну. Все его силы насчитывали немногим менее шестисот человек, сорок из которых были кавалеристами, а также восемьдесят аркебузирова и арбалетчиков. Остальные были вооружены мечами и мишенями, а также пиками с медным наконечником из Чинантлы. У него было девять пушек среднего калибра, и порохом его снабжали скудно.^[289]

Когда его войска выстроились в походном порядке, Кортес проехал по рядам, увещевая своих солдат, как обычно в таких случаях, быть верными себе и предприятию, в которое они были вовлечены. Он сказал им, что они должны выступить против *повстанцев*, которые когда-то признали верность испанскому суверену;^[290] против варваров, врагов их религии. Они должны были сражаться в битвах за Крест и корону; сражаться в своих собственных битвах, стереть пятно со своего оружия, отомстить за свои раны и потерю дорогих товарищей, которые были убиты на поле боя или на проклятом алтаре жертвоприношения. Никогда еще не было войны, которая давала бы рыцарю-христианину более высокие стимулы; войны, которая открыла ему богатство и славу в этой жизни и нетленную славу в грядущей.^[291]

Таким образом, политический вождь затронул все тайные пружины преданности, чести и честолюбия в сердцах своей боевой аудитории, пробудив мужество в самых нерасторопных, прежде чем повести их на опасное предприятие. Они ответили одобрительными возгласами, что готовы умереть, защищая Веру, и либо победят, либо оставят свои кости вместе с костями своих соотечественников в водах Тецкоко.

Армия союзников затем прошла смотр перед генералом. Авторы по-разному оценивают ее численность от ста десяти до ста пятидесяти тысяч солдат! Явное преувеличение, равно как и расхождение, показывает, что на какую-либо оценку можно полагаться мало. Несомненно, однако, что это был многочисленный отряд, состоявший не только из лучших воинов Тлашкалы, но и из тех, кто жил в Чолуле, Тепеаке и на соседних территориях, которые подчинились кастильской короне.^[292]

Они были вооружены на индейский манер луками и стрелами, стеклянными *макауитлями* длинными пиками - грозным оружием, которое Кортес, как мы видели, ввел в обиход в своих войсках. Они были разделены на батальоны, каждый из которых имел свое собственное знамя с соответствующим гербом или эмблемой своей роты. Четыре великих вождя нации маршировали в авангарде; трое из них были почтены для своих лет и в знаках отличия, украшавших их лица, свидетельствовали о многих славных ратных подвигах. На их шлемах развевались роскошные разноцветные перья, оправленные в изумруды или другие драгоценные камни. Их *эскаупиль*, или набивной дублет из хлопка, был покрыт изящным покрывалом из перьев, а ноги защищали сандалии, тисненные золотом. За ними следовали четверо юных пажей с оружием в руках, а еще четверо поддерживали столько же штандартов, на которых были изображены гербы четырех великих дивизий республики.^[293] Тлашкаланцы, хотя и были крайне бережливы и вели грубый

образ жизни, были столь же честолюбивы в своем военном облачении, как и любая другая раса на плато. Дефилируя перед Кортесом, они приветствовали его размахиванием своих знамен и громкой музыкой, на которую генерал ответил вежливым приподнятием фуражки, когда они проходили мимо.^[294] Тлашкальские воины, и особенно младший Ксикотенкатль, их командир, делали вид, что подражают своим европейским хозяевам не только в тактике, но и в мельчайших деталях военного этикета.

Кортес с помощью Марины обратился с кратким обращением к своим союзникам-индейцам. Он напомнил им, что собирается сражаться в их битвах против их древних врагов. Он призвал их поддержать его способом, достойным их прославленной республики. Тем, кто остался дома, он поручил помочь в достройке бригадин, от которых так сильно зависел успех экспедиции; и он просил, чтобы под его знамена не последовал никто из тех, кто не был готов остаться до окончательного взятия столицы.^[295] В ответ на это обращение раздались крики, или, скорее, вопли вызова, свидетельствующие о ликовании, испытываемом его индийскими союзниками при мысли о том, что они наконец отомстят за свои многочисленные обиды и смирят своего надменного врага.

Перед отправлением в экспедицию Кортес опубликовал свод постановлений, как он их называет, или устав для армии, слишком примечательный, чтобы его можно было обойти молчанием. В преамбуле говорится, что во всех институтах, будь то божественные или человеческие, — если последние имеют какую—либо ценность, — порядок является великим законом. Древние хроники сообщают нам, что величайшие военачальники прошлых времен были обязаны своими успехами не столько собственной доблести, сколько мудрости своих постановлений. Положение испанцев в высшей степени требовало такого кодекса; они были всего лишь горсткой людей среди бесчисленных врагов, наиболее искусных в обращении со своим оружием и в военном искусстве. Затем этот инструмент напоминает армии, что обращение язычников — это работа, наиболее приемлемая в глазах Всемогущего, и она обязательно получит его поддержку. Он призывает каждого солдата рассматривать это как главную цель экспедиции, *без которой война была бы явно несправедливой, а каждое приобретение, сделанное в результате нее, — грабежом.*^[296]

Генерал торжественно заявляет, что главным мотивом, действующим в его собственной груди, является желание отучить туземцев от их мрачного идолопоклонства и привить им знание более чистой веры; и, кроме того, вернуть своему повелителю, императору, владения, которые по праву принадлежат ему.^[297]

Таким образом, постановления запрещают всякое богохульство против Бога или святых; порок, гораздо более частый среди католических, чем протестантских народов, проистекающий, возможно, не столько из различий в религии, сколько из физического темперамента, — ибо теплое южное солнце, под которым преобладает католицизм, стимулирует чувствительность к более бурному проявлению страсти.^[298]

Другой закон направлен против азартных игр, к которым испанцы во все века испытывали особое пристрастие. Кортес, принимая во внимание сильную национальную склонность, разрешает это с определенными ограничениями, но полностью запрещает использование игровых костей.^[299] Затем следуйте другим законам, запрещающим драки и частные бои, личные насмешки и раздражающий сарказм конкурирующих компаний; правилам для более совершенной дисциплины в войсках, будь то в лагере или на поле боя. Среди других есть закон, запрещающий любому капитану под страхом смерти атаковать врага без приказа; практика, отмеченная как наиболее пагубная и слишком часто встречающаяся, — демонстрирующая порывистый дух и отсутствие истинной военной субординации у отважных кавалеристов, которые следовали за штандартом Кортеса.

Последнее постановление запрещает любому мужчине, офицеру или рядовому, использовать в своих целях какую-либо добычу, отнятую у врага, будь то золото, серебро, драгоценные камни,

изделия из перьев, материи, рабы или другие товары, добытые любым способом или где бы то ни было, в городе или в поле, и требует, чтобы он немедленно принес это в присутствие генерала или офицера, назначенного для получения этого. Нарушение этого закона каралось смертной казнью и конфискацией имущества. Можно считать, что столь суровый эдикт доказывает, что, как бы сильно ни влияли на *конкистадора* духовные соображения, он ни в коем случае не был нечувствителен к соображениям мирского характера. ^[300]

Эти положения не остались мертвой буквой. Испанский командующий вскоре после их провозглашения поставил в пример двух своих собственных рабов, которых он повесил за грабеж туземцев. Аналогичный приговор был вынесен солдату за аналогичное преступление, хотя он позволил зарубить его до того, как приговор был полностью приведен в исполнение. Кортес хорошо знал характер своих последователей: грубых и буйных духом, которые требовали, чтобы ими управляли железной рукой. И все же он не стремился утверждать свою власть по незначительным поводам. Близость, в которую их повергло их особое положение, опасности и страдания, которые все разделяли в равной степени, и общий интерес к приключению вызвали фамильярность между солдатами и офицерами, крайне неблагоприятную для военной дисциплины. Собственные манеры генерала, откровенные и либеральные, казалось, поощряли эту свободу, которую в обычных случаях он и не пытался подавлять; возможно, находя ее слишком трудной или, по крайней мере, невежливой, поскольку она служила предохранительным клапаном для духа распушенных солдат, которые при жестоком принуждении могли вылиться в открытый мятеж. Но пределы его терпения были четко определены, и любая попытка переступить их или нарушить установленные в лагере правила влекла за собой верное и быстрое наказание нарушителя. Таким образом, сочетая суровость со снисходительностью, маскируя железную волю под открытой выправкой солдата, Кортес установил контроль над своей бандой смелых и безрассудных авантюристов, которого педантичный солдафон, скрупулезный в соблюдении мелочей военного этикета, никогда бы не добился.

Постановления, датированные двадцать вторым декабря, были провозглашены собранной армией двадцать шестого. Два дня спустя войска выступили в поход, и Кортес во главе своих батальонов, с развевающимися знаменами и играющей музыкой вышел из ворот республиканской столицы, которая так великодушно приняла его в бедственном положении и которая теперь, во второй раз, снабдила его средствами для завершения его великого предприятия. Население города, мужчины, женщины и дети, держались в тылу армии, в последний раз прощаясь со своими соотечественниками и умоляя богов увенчать их оружие победой.

Несмотря на огромные силы, собранные индейскими конфедератами, испанский генерал позволил лишь небольшой их части сопровождать его. Он предложил разместить свою штаб-квартиру в каком-нибудь месте на озере Тецкукан, откуда он мог бы досажать столице ацтеков, сокращая окружающую местность, перекрывая поставки и, таким образом, вводя город в состояние блокады. ^[301]

Прямое нападение на саму Мексику, которое он намеревался отложить до прибытия бригадин, должно было позволить ему совершить его с наибольшим преимуществом. Между тем у него не было желания обременять себя лишней толпой, которую было бы трудно прокормить, и он предпочел оставить их в Тлашкале, откуда они могли бы доставить сосуды, когда они будут готовы, в лагерь и помочь ему в его будущих операциях.

Кортесу представились три пути, по которым он мог проникнуть в Долину. Он выбрал самый трудный путь - пересечь отвесную сьерру, которая отделяет восточное плато от западного и настолько неровная и обрывистая, что едва ли пригодна для марша армии. Он мудро рассудил, что у него будет меньше шансов испытать раздражение со стороны противника на этом направлении, поскольку они, естественно, могли бы полагаться на трудности местности для своей защиты.

В первый день войска продвинулись на пять или шесть лиг, Кортес ехал в авангарде, во главе своего небольшого отряда кавалерии. Они остановились в деревне Тецмеллокан, у подножия

горной цепи, пересекающей страну и упирающейся на южной границе в могучую Истаччихуатль, или “Белую женщину”, — белую от вековых снегов.^[302] В этой деревне им был оказан дружеский прием, и на следующее утро они начали восхождение на сьерру.

Тропинка была крутой и чрезвычайно неровной. Густой спутанный кустарник покрывал ее поверхность, а зимние ливни превратили ее в глубокие каменистые протоки, едва ли пригодные для проезда артиллерии, в то время как раскидистые ветви деревьев, горизонтально перекинутые через дорогу, создавали равные трудности для кавалерии. Холод, по мере того как они поднимались все выше, становился все сильнее. Это остро почувствовали испанцы, привыкшие в последнее время к теплоте или, по крайней мере, умеренному климату; хотя невероятный труд, с которым они пробивались наверх, был лучшим средством борьбы с непогодой. Единственной растительностью, которую можно было увидеть в этих высокогорных районах, были сосновые темные леса, покрывавшие склоны гор, пока даже они не превратились в жидкую и чахлую поросль. Наступила ночь, когда измученные дорогой солдаты достигли голого гребня сьерры, где они, не теряя времени, разожгли костры и, сгрудившись вокруг своих бивуаков, согрели замерзшие конечности и приготовили вечернюю трапезу.

С первым рассветом войска снова пришли в движение. Была отслужена месса, и они начали свой спуск, более трудный и болезненный, чем подъем накануне; ибо, помимо естественных препятствий на дороге, они обнаружили, что она усеяна огромными обломками бревен и деревьями, очевидно, срубленными для этой цели туземцами. Кортес приказал отрядить легкие войска для устранения препятствий, и армия снова возобновила свой марш, но с опасением, что враг подготовил засаду, чтобы застать их врасплох, когда они запутаются в проходе. Они осторожно двинулись вперед, напрягая зрение, чтобы разглядеть густой мрак леса, где мог скрываться коварный враг. Но они не увидели ни одного живого существа, кроме диких обитателей лесов и стай *зопилоа*, местного прожорливого стервятника, который в ожидании кровавого пиршества, подобно полчищу злых духов, кружил над марширующей армией.

Спускаясь, испанцы почувствовали ощутимое и весьма желанное изменение температуры. Характер растительности изменился вместе с ним и мрачной сосны, их единственным спутником поздно, не уступил дорогу крепкий дуб, клен, а пониже, на изящные перекладины смешавшись красные ягоды с темной листвой леса; в то же время, в еще меньшей глубине, в пестро-цветные лианы может рассматриваться бросая их гей-соцветий над филиалы и рассказывать мягче и более роскошным климатом.

Наконец армия вышла на открытое место, где глазу, не защищенному лесом или вершиной холма, открывался широкий обзор долины Мехико. Там он лежал, залитый золотым солнечным светом, растянувшись, так сказать, во сне, в объятиях гигантских холмов, которые, подобно фаланге гениев-хранителей, сгрудились вокруг него. Великолепное видение, новое для многих зрителей, наполнило их восторгом. Даже ветераны Кортеса не могли сдержать своего восхищения, хотя вскоре за ним последовало чувство горечи, поскольку они вспоминали страдания, выпавшие на их долю в этих прекрасных, но коварных стенах. Это заставило нас почувствовать, говорит Завоеватель с львиным сердцем в своих Письмах, что “у нас не было выбора, кроме победы или смерти; и, приняв решение, мы двинулись вперед таким легким шагом, как будто выполняли некое приятное поручение”.^[303]

Продвигаясь вперед, испанцы увидели, что вершины соседних холмов пылают сигнальными огнями, показывая, что страна уже встревожена и готовится выступить против них. Генерал призвал своих людей помнить об их высокой репутации; двигаться в порядке, сомкнув свои ряды, и беспрекословно подчиняться командам своих офицеров.^[304] На каждом повороте среди холмов они ожидали встретить силы противника, подтянувшиеся, чтобы воспрепятствовать их проходу. И поскольку им позволили беспрепятственно миновать ущелья и приблизиться к открытым равнинам, они были готовы увидеть их занятыми грозным войском, которое вынудит их снова сражаться в битве при Отумбе. Но, хотя время от времени были замечены тучи смуглых воинов,

парящих над горной местностью, словно наблюдая за их продвижением, им никто не мешал, пока они не достигли *барранки*, или глубокого ущелья, через которое протекала небольшая речка, пересеченная частично разрушенным мостом. На противоположной стороне был размещен значительный отряд индейцев, как будто для того, чтобы воспротивиться переправе; но, то ли не доверяя собственной численности, то ли уstraшенные неуклонным продвижением испанцев, они не оказали им никакого сопротивления и были быстро рассеяны несколькими решительными атаками кавалерии. Затем армия беспрепятственно проследовала к небольшому городку под названием Коатепек, где остановилась на ночлег. Прежде чем удалиться в свои покои, Кортес с несколькими верными спутниками обошел лагерь, чтобы убедиться, что все в безопасности.^[305] Казалось, что у него никогда не дремлющий глаз и тело, неспособное к усталости. Это был внутренний неукротимый дух, который поддерживал его.^[306]

И все же тревога и сомнения вполне могли не давать ему спать всю ночь напролет. Теперь он находился всего в трех лигах от Тецкоко, широко известной столицы аколхуанов. Он предложил разместить свою штаб-квартиру, если возможно, в этом месте. Его многочисленные жилища обеспечили бы достаточное размещение его армии. Удобное сообщение с Тласкалой другим путем, отличным от того, которым он двигался ранее, дало бы ему возможность быстро получать припасы из этой дружественной страны и обеспечить безопасную транспортировку бригантин, когда она будет закончена, для спуска на воду в водах Тецкоко. Но у него были веские причины не доверять приему, который он должен был встретить в столице, поскольку после изгнания испанцев из Мексики там произошла важная революция, о которой необходимо будет дать некоторый отчет.

Читатель, вероятно, помнит, что касик этого места по имени Какама был свергнут Кортесом во время его первого пребывания в столице ацтеков в результате планируемого восстания против испанцев, и что корона была возложена на голову младшего брата, Куикуицки. Свергнутый принц был среди пленников, увезенных Кортесом, и погиб вместе с другими в ужасном переходе дамба на *триумфальной ночи*. Его брат, вероятно, опасавшийся после бегства испанцев продолжать сотрудничество со своими собственными вассалами, чьи симпатии были полностью на стороне ацтеков, сопровождал своих друзей в их отступлении, и ему посчастливилось благополучно добраться до Тлашкалы.

Тем временем второй сын Несауальпилли по имени Коанако после смерти своего старшего брата заявил права на корону как на свое законное наследство. Поскольку он искренне присоединился к своим соотечественникам и ацтекам в их ненависти к белым людям, его притязания были одобрены мексиканским императором. Вскоре после своего восшествия на престол новому правителю Тецкоко представилась возможность эффективно продемонстрировать свою лояльность своему императорскому покровителю.

Отряд из сорока пяти испанцев, не знавших о бедствиях в Мексике, перевозил туда большое количество золота в то самое время, когда их соотечественники отступали в Тласкалу. Когда они проходили через территорию Тецкукана, по приказу Коанако на них напали, большинство из них были убиты на месте, а остальных отправили для жертвоприношения в Мексику. Оружие и амуниция этих несчастных были вывешены в качестве трофеев в храмах, а их шкуры, содранные с мертвых тел, были развешаны над окровавленными святилищами как наиболее приемлемое подношение оскорбленным божествам.^[307]

Через несколько месяцев после этого события изгнанный принц Куикуицка, уставший от своего пребывания в Тлашкале и тоскующий по своему прежнему королевскому положению, тайно вернулся в Тецкоко, надеясь, по-видимому, привлечь там партию в свою пользу. Но если таковы были его ожидания, то они были прискорбно обмануты, ибо не успел он ступить в столицу, как был предан своему брату, который по совету Куаутемозина предал его смерти как предателя своей страны.^[308] Таково было положение дел в Тецкоко, когда Кортес во второй раз

приблизился к его воротам; и он вполне мог сомневаться не только в характере оказанного ему там приема, но и в том, разрешат ли ему вообще войти в него без применения оружия.

Эти опасения развеялись на следующее утро, когда, еще до того, как войска были хорошо вооружены, было объявлено о прибытии посольства от правителя Тецкоко. Он состоял из нескольких дворян, некоторые из которых были известны спутникам Кортеса. Они несли золотой флаг в знак дружбы и подарок, не представлявший большой ценности для Кортеса. Они также привезли послание от касика, умолявшего генерала пощадить его территории, приглашавшего его поселиться в его столице и обещавшего по прибытии стать вассалом испанского монарха.

Кортес скрыл удовлетворение, с которым он выслушал эти предложения, и строго потребовал от послов отчета об убитых испанцах, настаивая в то же время на немедленном возвращении награбленного. Но индийская знать извинилась, возложив всю вину на императора ацтеков, по приказу которого было совершено это преступление и который теперь владел сокровищем. Они уговаривали Кортеса не входить в город в этот день, а провести ночь в пригороде, чтобы у их господина было время приготовить для него подходящее жилье. Испанский командующий, однако, не обратил внимания на это предложение, но продолжил свой марш и в полдень тридцать первого декабря 1520 года вступил во главе своих легионов к почтенным стенам Тецкоко, “места упокоения”, как это неуместно называется.^[309]

Как и в прошлый раз, когда он посетил этот густонаселенный город, он был поражен одиночеством и тишиной, которые царили на его улицах. Его проводили во дворец Несауальпилли, который был отведен под его покои. Это было неправильной формы нагромождение низких зданий, занимавших большое пространство земли, наподобие королевской резиденции, занятой войсками в Мексике. По словам Кортеса, он был достаточно просторным, чтобы обеспечить жильем не только всех испанцев, но и вдвое большее их количество.^[310] По прибытии он отдал приказ о том, что следует проявлять все внимание к личностям и имуществу граждан, и запретил любому испанцу покидать свои покои под страхом смерти.

{*} [Незауалькойтл. Согласно Икстлильшочитлю, единственному авторитету в этом вопросе, именно дворец Несауальпилли был сожжен тлашкальцами вскоре после их прибытия. —М.]

Его приказы оказались неэффективными для подавления некоторых бесчинств его индийских союзников, если верить сообщению тецкуканского хрониста, который утверждает, что тлашкаланцы сожгли дотла один из королевских дворцов вскоре после своего прибытия. Это было хранилище национального архива; и пожар, каким бы он ни был, вполне может вызвать сожаление у антикваров, которые могли найти в его иероглифических записях какой-нибудь ключ к миграциям таинственных рас, впервые поселившихся на высокогорье Анауак.^[311]

Встревоженный очевидным запустением этого места, а также тем фактом, что никто из его основных жителей не пришел поприветствовать его, Кортес приказал нескольким солдатам подняться на соседний *теокалли* и осмотреть город. Вскоре они вернулись с сообщением, что жители покидают его в большом количестве со своими семьями и пожитками, одни в каноэ плывут по озеру, другие пешком направляются в горы. Теперь генерал понял смысл предложения касика о том, чтобы испанцы провели ночь в пригороде, чтобы выиграть время для эвакуации из города. Он опасался, что сам вождь, возможно, сбежал. Он, не теряя времени, выделил войска для охраны главных улиц, где они должны были повернуть беглецов вспять и арестовать касика, если он окажется среди них. Но было слишком поздно. Коанако был уже далеко на пути через озеро в Мексику.

Теперь Кортес решил обратить это событие в свою пользу, посадив на трон другого правителя, который должен был бы в большей степени служить его интересам. Он созвал собрание немногих видных лиц, еще остававшихся в городе, и по их совету и под предлогом избрания выдвинул брата покойного государя на должность, которую они объявили вакантной. Этот принц, согласившийся принять крещение, был добровольным орудием в руках испанцев. Он прожил всего несколько месяцев,^[312] и ему наследовал другой член королевского дома по имени Икстлильшочитль,

который, действительно, как генерал своих армий, можно сказать, держал бразды правления в своих руках при жизни своего брата. Поскольку этот человек был тесно связан с испанцами в их последующих операциях, успеху которых он внес существенный вклад, уместно дать некоторый отчет о его ранней истории, которая, по правде говоря, так же окутана чудесами, как и история любого сказочного героя древности. [\[313\]](#)

Он был сыном от второй королевы великого Несауальпилли. Некоторые тревожные чудеса при его рождении и мрачный аспект планет побудили астрологов, составлявших его гороскоп, посоветовать королю, его отцу, лишить младенца жизни, поскольку, если он доживет до взросления, ему суждено объединиться с врагами своей страны и свергнуть ее институты и религию. Но старый монарх ответил, говорит хронист, что “пришло время, когда сыновья Кецалькоатля должны были прийти с Востока, чтобы завладеть землей, и, если Всемогуший избрал своего сына сотрудничать с ними в этой работе, Его воля будет исполнена”. [\[314\]](#)

По мере того как мальчик становился старше, он проявлял поразительно не по годам развитый не только талант, но и озорную активность, что давало тревожный прогноз на будущее. Когда ему было около двенадцати лет, он сформировал небольшой отряд последователей примерно своего возраста или несколько старше, с которыми он практиковал военные упражнения своей нации, проводя имитационные бои и время от времени нападая на мирных горожан и повергая весь город, а также дворец в смятение. Некоторые из древних советников его отца, связав такое поведение с предсказаниями при его рождении, увидели в нем такие тревожные симптомы, что повторили совет астрологов лишить принца жизни, если монарх не хочет, чтобы в один прекрасный день его королевство погрузилось в анархию. Этот неприятный совет был передан малолетнему преступнику, который был настолько взбешен им, что встал во главе отряда своих юных головорезов и, войдя в дома советников—нарушителей, вытащил их оттуда и применил к ним *гарроту*- способ, которым в Тецкоко применялась смертная казнь.

Его схватили и привели к отцу. Когда его спросили о его необычном поведении, он хладнокровно ответил, “что он сделал не больше, чем имел на это право. Виновные министры заслужили свою участь, попытавшись оттолкнуть от него привязанность его отца ни по какой иной причине, как по его чрезмерной любви к профессии военного — самой почетной профессии в государстве и наиболее достойной принца. Если они и потерпели смерть, то не больше, чем они предназначили для него.” Мудрый Несауальпилли, - говорит хронист, - нашел много силы в этих доводах; и, поскольку он не видел в этом поступке ничего низкого и подлого, а скорее кипение отважного духа, которое в загробной жизни могло привести к великим свершениям, он удовлетворился тем, что сделал серьезное предостережение малолетнему преступнику. [\[315\]](#) Оказало ли это предостережение какое-либо благотворное влияние на его последующее поведение, нам не сообщается. Говорят, однако, что, став старше, он принял активное участие в войнах своей страны и, когда ему было не более семнадцати, завоевал для себя знаки отличия доблестного и победоносного капитана. [\[316\]](#)

После смерти отца он оспорил право наследования со своим старшим братом Какамой. Стране угрожала гражданская война, когда дело пошло на спад из-за того, что его брат уступил ему ту часть своих территорий, которая лежала среди гор. По прибытии испанцев молодой вождь — ибо ему едва исполнилось двадцать лет — предпринял, как мы видели, множество дружеских демонстраций по отношению к ним, вызванных, без сомнения, его ненавистью к Монтесуме, который поддерживал притязания Какамы. [\[317\]](#) Однако только после своего продвижения к власти в Тецкоко он продемонстрировал всю степень своей доброй воли. С этого часа он стал верным другом христиан, поддерживая их своим личным авторитетом и всей мощью своих вооруженных сил и ресурсов, которые, хотя и были сильно утрачены со времен его отца, все еще были значительными и делали его самым ценным союзником. Кастильские историки с благодарностью отметили его важные заслуги; и история, конечно, не должна лишать его справедливой доли славы

— печальной славы того, что он больше, чем любой другой вождь Анауака, способствовал заковыванию цепей белого человека на шеи своих соотечественников.

Два столпа, на которых в основном зиждется история Завоевания, - это Хроники Гомары и Берналия Диаса, двух личностей, имеющих так же мало сходства друг с другом, как придворный и образованный церковник с неграмотным солдатом.

Первый из них, Франсиско Лопес де Гомара, был уроженцем Севильи. По возвращении Кортеса в Испанию после завоевания Гомара стал его капелланом, а после смерти своего покровителя продолжил службу его сыну, второму маркизу Долины. Именно тогда он написал свою Хронику; и обстоятельства, при которых она была создана, могут натолкнуть на предположение, что повествование не будет вестись на строгих принципах исторической беспристрастности. И такое предположение не лишено оснований. История Завоевания - это обязательно история великого человека, который его совершил. Но Гомара так рельефно изобразил характер своего героя, что он полностью затмил характер его храбрых товарищей по оружию; и, хотя он нежно опустил завесу над немощами своего любимца, он всегда старался показать его подвиги во всем блеске панегирика. Его положение может в какой-то степени оправдать его пристрастность. Но это не оправдывало его в глазах честного Лас Касаса, который редко заканчивает главу своего собственного повествования о Завоевании, не подвергнув Гомару основательной критике. Он даже заходит так далеко, что обвиняет капеллана в "откровенной лжи", уверяя нас, "что у него не было ни глаз, ни ушей, кроме того, что его покровитель решил ему продиктовать". То, что это не соответствует действительности буквально, очевидно из того факта, что повествование было написано только через несколько лет после смерти Кортеса. Действительно, Гомара черпал информацию из самых высоких источников; не только из семьи своего покровителя, но и от самых выдающихся действующих лиц великой драмы, с которыми его положение в обществе позволяло ему поддерживать близкие отношения.

Полученные таким образом материалы он расположил с симметрией, мало понятной летописцам того времени. Вместо их бессвязной бессвязности его стиль демонстрирует элегантную краткость; он столь же ясен, сколь и лаконичен. Если факты слишком плотно давят на читателя и слишком сильно занимают ум, чтобы размышлять, они, по крайней мере, все стремятся к определенной точке, и история, вместо того чтобы тянуть свое медленное течение до тех пор, пока наше терпение и интерес не иссякнут, неуклонно продолжает свое движение вперед. Короче говоря, исполнение этого произведения не только превосходит большинство современных повествований, но и, в определенной степени, может претендовать на звание классического произведения.

Благодаря этим обстоятельствам История Гомары вскоре получила широкое распространение и известность; и, хотя многие письма Кортеса и более сложные сочинения Овьедо и Лас Касаса так и остались в рукописи, труды Гомары печатались и переиздавались в его время и были переведены на различные языки Европы. Первое издание *Crónica de la Nueva-España* появилось в Медине в 1553 году; в следующем году оно было переиздано в Антверпене. С тех пор она была включена в коллекцию Барсии и, наконец, в 1826 году появилась по эту сторону океана в мексиканской прессе. Любопытны обстоятельства, связанные с этим последним изданием. Мексиканское правительство выделило небольшую сумму, чтобы покрыть расходы на перевод того, что должно было быть оригинальной хроникой Чималпейна, индийского писателя, жившего в конце шестнадцатого века. Забота о переводе была возложена на кропотливого Бустаманте. Но этот ученый не продвинулся далеко в своем труде, когда установил, что предполагаемый оригинал сам по себе был ацтекским переводом Хроники Гомары. Однако он упорствовал в своих редакторских трудах до тех пор, пока не представил широкой публике американское издание "Гомары". Еще более примечательным фактом является то, что редактор в своих различных сборниках постоянно ссылается на это же произведение как на "Хронику Чималпейна".

Другой авторитет, к которому я обратился, - это Берналь Диас дель Кастильо, уроженец Медина-дель-Кампо в Старой Кастилии. Он родился в бедной и скромной семье и в 1514 году приехал искать счастья в Новом Свете. Он отправился простым солдатом под командованием Кордовы в первую экспедицию на Юкатан. В следующем году он сопровождал Грихальву в том же квартале и, наконец, поступил на службу под знамена Кортеса. Он последовал за этим победоносным вождем в его первом походе по большому плато; спустился вместе с ним, чтобы предпринять штурм Нарваэса; разделил бедствия *трехдневной битвы*; и присутствовал при осаде и сдаче столицы. Короче говоря, за всю войну едва ли было хоть одно важное событие или акция, в которых он не принимал участия. Он участвовал в ста девятнадцати различных битвах и столкновениях, в нескольких из которых был ранен и более чем в одной чудом избежал попадания в руки врага. Во всем этом Берналь Диас проявил старую кастильскую доблесть и верность, которые сделали его стойким против мятежного духа, слишком часто нарушавшего гармонию в лагере. При каждом удобном случае он оказывался верен своему командиру и делу, в которое был вовлечен. И его верность подтверждается не только его собственным отчетом, но и решительными похвалами его генерала, который выбрал его по этой причине на доверенные и ответственные должности, что обеспечило будущему летописцу доступ к лучшим источникам информации о Завоевании.

При заселении страны Берналь Диас получил свою долю *репартименто* в виде земли и рабочих. Но эта договоренность его не удовлетворила, и он громко ропщет на эгоизм своего командира, слишком поглощенного заботой о собственном вознаграждении, чтобы думать о своих последователях. Дележ добычи - обычно неблагодарная должность. Диас слишком долго привык к жизни, полной приключений, чтобы довольствоваться вялой безопасностью. Он принимал участие в нескольких экспедициях, проводимых капитанами Кортеса, и сопровождал этого вождя в его ужасном путешествии по лесам Гондураса. Наконец, в 1568 году мы находим ветерана, признанного регидором города Гватемала, мирно занятым рассказом о доблестных достижениях своей юности. Тогда прошло почти полвека после завоевания. Он пережил своего генерала и почти всех своих старых товарищей по оружию. Из того доблестного отряда, сопровождавшего Кортеса в его экспедиции с Кубы, осталось всего пятеро; и эти пятеро, если воспользоваться словами старого хрониста, были "бедны, немолоды и немощны, дети и внуки искали у них поддержки, но едва имели средства обеспечить ее, — закончили свои дни, как и начали, в тяжелом труде и неприятностях". Такова была судьба завоевателей золотой Мексики.

Мотивы, побудившие Берналя Диаса взяться за перо в столь поздний период жизни, заключались в том, чтобы отстоять для себя и своих товарищей ту долю славы в Завоевании, которая по праву принадлежала им. Этого они были лишены, как он полагал, из-за преувеличенной репутации их генерала; без сомнения, отчасти из-за влияния сочинений Гомары. Однако только после того, как он переступил порог своей собственной работы, Диас встретился с работой капеллана. Контраст, создаваемый его собственной невзрачной дикцией с ясным и отточенным стилем его предшественника, вызвал у него такое отвращение, что он в отчаянии отбросил перо. Но когда он прочитал дальше и увидел грубые неточности и то, что он счел пренебрежением правдой в своем сопернике, он возобновил свои труды, полный решимости представить миру повествование, которое, по крайней мере, заслуживало точности. Таково было происхождение *Истории конкисты Новой Испании*.

Можно считать, что хронист преуспел в достижении своей цели. Читая его страницы, мы чувствуем, что, каковы бы ни были ошибки, в которые он впал, из-за забвения древних сделок, или из-за бессознательного тщеславия, которого у него было в полной мере, или из-за доверчивости, или по любой другой причине, нигде нет умышленного искажения истины. Если бы он действительно попытался это сделать, сама его простота выдала бы его. Даже по отношению к Кортесу, хотя он пытается установить истинный баланс между своими притязаниями и притязаниями своих последователей, и хотя он свободно демонстрирует свою хитрость или алчность, а иногда и жестокость, он отдает должное его великим и героическим качествам. При всех его недостатках ясно, что он считает своего вождя выше любого другого вождя древних или современных времен. В пылу протеста он всегда готов засвидетельствовать свою лояльность и личную привязанность. Когда клевета обрушивается на его командира или он испытывает незаслуженное пренебрежение или унижение, верный летописец незамедлительно выходит вперед и защищает его. Короче говоря, очевидно, что, как бы сильно он ни порицал Кортеса, он никому другому этого не позволит.

Берналь Диас, необразованное дитя природы, является самым верным и буквальным копиистом природы. Он переносит сцены реальной жизни с помощью своего рода, если можно так выразиться, процесса *дагерротипирования* на свои страницы. Среди хроникеров он то же, что Де Фо среди романистов. Он вводит нас в сердце лагеря, мы толпимся вокруг бивака вместе с солдатами, слоняемся с ними во время их утомительных переходов, слушаем их истории, их недовольный ропот, их завоевательные планы, их надежды, их триумфы, их разочарования. Все живописные сцены и романтические происшествия кампании отражены на его странице, как в зеркале. Прошедшие пятьдесят лет не имели власти над духом ветерана. Огонь юности горит в каждой строке его грубой истории; и, когда он вызывает сцены прошлого, воспоминания об ушедших храбрых товарищах придают картине, возможно, более теплую окраску, чем если бы она была создана в более ранний период. Время, размышления и опасения за будущее, которые могут подкрасться к концу жизни, не имеют власти над устоявшимися мнениями его прежних дней. У него нет никаких опасений ни по поводу права завоевания, ни по поводу справедливости жестокостей, причиняемых туземцам. Он по-прежнему воин Креста; и те, кто пал рядом с ним в битве, были мучениками за веру. "Где сейчас мои товарищи?" он спрашивает: "они пали в битве, или были съедены каннибалами, или были брошены на откорм диким зверям в их клетках! они, чьи останки скорее следовало бы сложить под памятниками, украшенными их достижениями, которые заслуживают того, чтобы их увековечили золотыми буквами; ибо они умерли на службе Богу и его Величеству и для того, чтобы дать свет тем, кто пребывал во тьме, — а также для того, чтобы приобрести то богатство, которого жаждет большинство людей". Последний мотив, столь запоздало и случайно высказанный, может быть сочтен некоторыми лучшим ключом к поведению Завоевателей, чем любой из предыдущих. Во всяком случае, это образец той *наивности*, которая придает неотразимое очарование старому хронисту и которая, помимо его воли, как бы открывает его душу и открывает ее взору читателя.

Может показаться странным, что после столь долгого перерыва события его кампаний так свежи в памяти. Но мы должны учитывать, что они носили самый странный и романтический характер, вполне подходящий для того, чтобы произвести

впечатление на молодое и восприимчивое воображение. Вероятно, ветеран снова и снова повторял их своей семье и друзьям, пока каждый эпизод войны не стал для него таким же знакомым, как "Сказание о Трое" для греческого рапсода или "нескончаемые приключения сэра Ланселота" или "Сэр Гавейн" для нормандского менестреля. Облекение его повествования в форму хроники было всего лишь повторением его еще раз.

Литературные достоинства произведения весьма скромны, как и следовало ожидать, учитывая состояние автора. Он даже не обладает искусством скрывать свое собственное вульгарное тщеславие, которое с поистине комической показухой прорывается на каждой странице повествования. И все же мы должны проявить милосердие к этому, когда обнаружим, что оно не сопровождается склонностью принижать заслуги других и что его проявление может быть частично отнесено к исключительной простоте этого человека. Он честно признается в своей немощи, хотя, на самом деле, извиняет ее. "Когда моя хроника была закончена, - говорит он, - я передал ее двум лиценциатам, которые пожелали прочесть эту историю и к которым я почувствовал все уважение, которое невежественный человек естественно испытывает к ученому. В то же время я умолял их не вносить никаких изменений или исправлений в рукопись, поскольку все там было изложено добросовестно. Прочитав работу, они очень похвалили меня за мою замечательную память. Язык, по их словам, был старым добрым кастильским, без каких-либо витиеватостей и изысков, столь характерных для наших замечательных писателей. Но они заметили, что было бы лучше, если бы я не хвалил себя и своих товарищей так щедро, а оставил это другим. На это я ответил, что соседи и родственники обычно доброжелательно отзываются друг о друге; и если мы не будем хорошо отзываться о себе, то кто же будет? Кто еще был свидетелем наших подвигов и наших битв, если, конечно, не облака в небе и птицы, которые летали над нашими головами?"

Несмотря на либеральные похвалы, высказанные лиценциатами стилю нашего автора, он очень домашний, изобилует разговорными варварствами и время от времени приправляется пикантными лагерными выходками. Однако его достоинство заключается в том, что он ясно передает мысли писателя и хорошо соответствует их простому характеру. Его повествование составлено с еще меньшим мастерством, чем обычно в его ремесле, и изобилует отступлениями и повторами, которые вульгарные сплетники склонны использовать, рассказывая свои истории. Но излишне критиковать произведение по правилам искусства, которое было написано явно при полном незнании этих правил и которое, как бы мы его ни критиковали, будет читаться и перечитываться ученым и школьником, в то время как сочинения более классических хроникеров безмятежно спят на своих полках.

В чем же тогда заключается очарование этой работы? В том духе правды, который пронизывает его; который показывает нам ситуации такими, какими они были, и чувства такими, какими они действительно существовали в сердце писателя. Именно это придает его рассказу живой интерес и чаще встречается в произведениях неопытного писателя, сосредоточенного исключительно на фактах, чем в произведениях зрелого и придирчивого ученого, занятого способом их выражения.

Лишь по чистой случайности эта неподражаемая хроника была спасена от забвения, в которое на полуострове кануло так много произведений с высокими претензиями. Более шестидесяти лет после своего создания рукопись пролежала в неизвестности частной библиотеки, когда была передана в руки отца Алонсо Ремона, генерального хрониста Ордена Милосердия. У него хватило проницательности обнаружить, несмотря на грубую внешность, его высокую ценность для иллюстрации истории Завоевания. Он получил лицензию на публикацию этого произведения, и под его руководством оно появилось в Мадриде в 1632 году — издание, использованное при подготовке этих томов.

КНИГА VI

ОСАДА И КАПИТУЛЯЦИЯ МЕКСИКИ

ГЛАВА I

Город тецкоко, вероятно, был лучшим местом, которое Кортес мог бы выбрать для размещения штаба армии. Он обеспечивал все помещения для размещения многочисленного контингента войск и все средства к существованию, характерные для большого и густонаселенного города.^[318] Кроме того, он предоставил множество ремесленников и чернорабочих для нужд армии. Его территории, граничащие с Тлашкаланцами, предоставляли ему удобный способ сношений со страной его союзников; в то время как его близость к Мексике позволяла генералу без особого труда следить за передвижениями в этой столице. Короче говоря, его центральное расположение открывало возможности для сообщения со всеми частями Долины и делало его отличным *пунктом назначения* для его будущих операций.

Первой заботой Кортеса было укрепиться в отведенном ему дворце и привести свои покои в такое состояние обороны, которое могло бы обезопасить их от внезапного нападения не только мексиканцев, но и самих тецкуканцев. После избрания нового правителя большая часть населения вернулась в свои дома, уверенная в личной защите и защите имущества. Но испанский генерал, несмотря на их демонстративную покорность, очень сомневался в ее искренности; ибо он знал, что многие из них были слишком тесно связаны с ацтеками браком и другими социальными отношениями, чтобы не проявить свои симпатии в их пользу.^[319] Однако молодой монарх, казалось, полностью отвечал его интересам; и, чтобы обезопасить его более эффективно, Кортес приставил к своей особе нескольких испанцев, в чью якобы компетенцию входило обучать его их языку и религии, но которые на самом деле должны были следить за его поведением и предотвращать его переписку с теми, кто мог быть недружественен испанским интересам.^[320]

Тецкоко стоял примерно в полумиле от озера. Необходимо было бы установить с ним сообщение, чтобы бригантины, собранные в столице, могли быть спущены на воду в его водах. Поэтому было предложено прорыть канал, идущий от садов Несауалькойотля, как они назывались по имени старого монарха, который их планировал, к краю бассейна. Небольшой ручей, или речушка, протекавшая в том направлении, должна была быть достаточно углублена для этой цели; и восемь тысяч индийских рабочих были немедленно наняты на эту великую работу под руководством молодого Икстлильшочитля.^[321]

Тем временем Кортес получил сообщения из нескольких мест по соседству, в которых говорилось об их желании стать вассалами его государя и быть взятыми под его защиту. Испанский командующий потребовал, взамен, чтобы они выдали каждого мексиканца, который ступит на их территорию. В результате в его руки попали несколько знатных ацтеков, которые были отправлены с миссией в эти города. Он воспользовался этим, чтобы нанять их в качестве носителей послания их повелителю императору. В нем он осуждал необходимость нынешних военных действий. Тех, кто больше всего ранил его, по его словам, уже не было среди живых. Он был готов забыть прошлое и предложил мексиканцам, своевременно подчинившись, спасти свою столицу от ужасов осады.^[322] Кортес не ожидал, что это обращение даст какой-либо немедленный результат. Но он подумал, что это может быть заложено в умах мексиканцев, и что, если среди них найдется партия, настроенная вести переговоры с ним, это может их ободрить, как свидетельство его собственной готовности сотрудничать с их взглядами. В то время, однако, в столице не было разделения во мнениях. Казалось, все население, как один человек, было охвачено духом сопротивления.

На предыдущей странице я упоминал, что план Кортеса состоял в том, чтобы, войдя в Долину, начать операции с захвата подчиненных городов, прежде чем нанести удар по самой столице, которая, подобно хорошему дереву, корни которого были подрезаны один за другим, осталась бы, таким образом, без опоры против ярости бури. Первым пунктом нападения, который он избрал,

был древний город Истапалапан; место, насчитывающее пятьдесят тысяч жителей, по его собственному свидетельству, и расположенное примерно в шести лигах от него, на узкой полоске суши, которая отделяет воды большого соленого озера от пресных. Это были частные владения последнего правителя Мексики; как читатель, возможно, помнит, он развлекал белых людей в ночь перед их вступлением в столицу и поразил их видом своих королевских садов. Этому монарху они не были обязаны доброй волей, поскольку он руководил операциями на *триумфальной ночи*. Его действительно больше не было, но жители его города всем сердцем разделяли его ненависть к чужеземцам и теперь были самыми верными вассалами мексиканской короны.

Через неделю после прибытия на новое место службы Кортес, оставив командование гарнизоном Сандовалю, выступил против этого индейского города во главе двухсот испанских пехотинцев, восемнадцати всадников и от трех до четырех тысяч тлашкаланцев. Их маршрут пролегал вдоль восточной границы озера, украшенного множеством ярких городов и деревушек, или, в отличие от его нынешнего состояния, затемненного нависающими рощами кипарисов и кедров, и иногда открывающего их взору широкое пространство, где Королева Долины величественно возвышается над водами, словно гордо сознавая свое превосходство над прекрасными городами вокруг нее. Дальше взгляд устремлялся вдоль темной линии дамбы, соединяющей Мексику с материком и вызывающей у испанцев множество горьких воспоминаний.

Они ускорили шаг и продвинулись на расстояние двух лиг от места назначения, когда столкнулись с сильным отрядом ацтеков, подтянувшимся, чтобы воспрепятствовать их продвижению. Кортес немедленно дал им бой. Варвары проявили свою обычную храбрость, но после нескольких ожесточенных боев были вынуждены уступить перед непоколебимой доблестью испанской пехоты, подкрепленной отчаянной яростью тлашкаланцев, которых вид ацтека, казалось, распалил почти до безумия. Враг в беспорядке отступал, за ним по пятам следовали испанцы. Когда они приблизились на расстояние в пол-лиги от Истапалапана, то увидели несколько каноэ, наполненных индейцами, которые, по-видимому, трудились на молу, окаймлявшем воды соленого озера. Охваченные волной преследования, они не обратили на это особого внимания, но, продолжив погоню, вместе с беглецами вошли в город.

Дома стояли, некоторые на сухой земле, некоторые на сваях в воде. Первые были покинуты жителями, большинство из которых переплыли озеро на каноэ, в спешке оставив свои пожитки. Тлашкаланцы сразу же бросились в пустующие жилища и нагрузились добычей, в то время как враг, прокладывая лучший путь через эту часть города, искал убежища в зданиях, возведенных над водой, или среди камышей, которые росли на ее мелком дне. В домах находилось также много горожан, которые все еще оставались со своими женами и детьми, не в состоянии найти способ убраться с места опасности.

Кортес, поддержанный своими людьми и теми союзниками, которых можно было заставить подчиниться его приказам, атаковал врага в этом последнем месте их отступления. Обе стороны сражались по пояс в воде. Завязлась отчаянная борьба; ацтеки сражались с яростью тигра, загнанного охотниками в бухту. Все было напрасно. Враг был побежден во всех кварталах. Гражданин разделил судьбу солдата, и безжалостная резня увенчалась успехом, независимо от пола или возраста. Кортес попытался остановить это. Но было бы так же легко отвести голодного волка от туши, которую он пожирал, как и тлашкаланца, однажды попробовавшего кровь врага. Согласно собственному заявлению Завоевателя, в ходе конфликта погибло более шести тысяч человек, включая женщин и детей. [\[323\]](#)

Тем временем наступила темнота, но ее в какой-то мере рассеивал свет горящих домов, подожженных войсками в разных частях города. Их изолированное положение, это правда, предотвращало распространение пламени от одного здания к другому, но одинокие массы людей бросали сильный и зловещий отблеск на их собственный район, что придавало сцене

дополнительный ужас. Поскольку сопротивление было прекращено, солдаты предали грабежу и вскоре забрали из жилищ все сколько-нибудь ценные вещи.

Во время этой разрушительной работы слышался рокот, похожий на хриплое журчание воды, и вскоре среди индейцев поднялся крик, что дамбы разрушены! Теперь Кортес понял, чем занимались люди, которых он видел в каноэ за работой на молу, ограждавшем большую впадину озера Тецкоко.^[324] Он был прорыт отчаявшимися индейцами, которые, таким образом, подвергли страну наводнению, позволив водам соленого озера распространиться по нижнему уровню через отверстие. Сильно встревоженный, генерал созвал своих людей и поспешил покинуть город. По его словам, если бы они продержались еще три часа, ни одна живая душа не смогла бы спастись.^[325] Они пришли, дрожа под тяжестью добычи, с трудом пробираясь по воде, которая быстро настигала их. На некотором расстоянии их путь был освещен отблесками горящих зданий. Но когда свет померк вдали, они неуверенными шагами брели, иногда по колено, иногда по пояс в воде, в которой они барахтались с величайшим трудом. Когда они достигли отверстия в плотине, ручей стал глубже и хлынул с такой силой, что мужчины не могли удержаться на ногах. Испанцы, преодолев наводнение, проложили себе путь; но многие индейцы, не умеющие плавать, были унесены водой. Вся добыча была потеряна. Порох был испорчен; оружие и одежда солдат пропитались рассолом, а холодный ночной ветер, обдувавший их, сковал их усталые конечности так, что они едва могли волочить их. На рассвете они увидели озеро, кишасщее каноэ, полными индейцев, которые предвидели свое несчастье и теперь приветствовали их градом камней, стрел и других смертоносных снарядов. Части легких войск, маячившие вдалеке, аналогичным образом беспокоили фланги армии. У испанцев не было желания сближаться с врагом. Они всего лишь хотели вернуться в свои удобные покои в Тецкоко, куда прибыли в тот же день, более безутешные и усталые, чем после многих долгих переходов и тяжелых сражений.^[326]

Завершение экспедиции, столь непохожее на ее блестящее начало, сильно разочаровало Кортеса. Его численные потери, действительно, были невелики; но это дело убедило его, как многого он должен опасаться от решимости народа, который с духом, достойным древних голландцев, был готов скорее похоронить свою страну под водой, чем покориться. И все же у врага было мало причин для поздравлений, поскольку, независимо от количества убитых, они стали свидетелями того, как один из их самых цветущих городов был разграблен и, по крайней мере частично, превращен в руины, — один из тех, которые в своих общественных работах демонстрировали ближайшее приближение к цивилизации. Таковы триумфы войны!

Экспедиция Кортеса, несмотря на сопутствовавшие ей бедствия, была благоприятна для дела Испании. Судьба Истапалапана повергла в ужас всю Долину. Последствия этого вскоре стали очевидны по депутациям, присланным из разных мест, стремящихся предложить свою покорность. Его влияние действительно было заметно за пределами гор. Среди прочих, жители Отумбы, города, близ которого испанцы одержали свою знаменитую победу, присягнули на верность и попросили защиты у могущественных чужеземцев. Они, как обычно, извинились за ту роль, которую сыграли в последних военных действиях, свалив вину на ацтеков.

Но самым важным местом, которое, таким образом, требовало их защиты, был Чалко, расположенный на восточной оконечности озера с таким названием. Это был древний город, населенный родственным племенем ацтеков и когда-то являвшийся их грозным соперником. Мексиканский император, не доверяя их лояльности, разместил в их стенах гарнизон, чтобы держать их в узде. Теперь правители города тайно послали Кортесу послание, предлагая взять себя под его защиту, если он позволит им изгнать гарнизон.

Испанский командующий не колебался, но немедленно выделил для этой цели значительные силы под командованием Сандовала. На марше с его арьергардом, состоящим из тлашкальцев, грубо расправились несколько легких отрядов мексиканцев. Но он взял реванш в ожесточенном сражении, которое произошло с основными силами противника недалеко от Чалко. Они стояли на ровной площадке, покрытой зелеными посевами кукурузы и магуэя. Поле пересекает дорога,

которая в наши дни ведет из последнего упомянутого города в Тецкоко.^[327] Сандовал, атаковав противника во главе своей кавалерии, привел их в беспорядок. Но они быстро сплотились, снова построились и возобновили битву с большим духом, чем когда-либо. Во второй попытке ему повезло больше; и, прорвав их ряды отчаянным натиском, храброму кавалеру удалось, после ожесточенной, но безрезультатной борьбы с их стороны, полностью обратить их в бегство с поля боя. Армия завоевателей продолжила свой марш к Чалько, который мексиканский гарнизон уже эвакуировал, и была с триумфом встречена асцобравшимися гражданами, которые, казалось, стремились засвидетельствовать свою благодарность за избавление от ига ацтеков. Приняв все возможные меры для обеспечения постоянной безопасности этого места, Сандовал вернулся в Тецкоко в сопровождении двух молодых городских лордов, сыновей покойного касика.

Кортес учтиво принял их и сообщил ему, что незадолго до этого их отец скончался в преклонных годах. На последнем вздохе он выразил сожаление, что не дожил до встречи с Малинче. Он верил, что белые люди были существами, предсказанными оракулами, которые однажды придут с Востока и завладеют землей,^[328] и он повелел своим детям, если чужаки вернутся в Долину, выразить им свое почтение и преданность. Молодые касики выразили готовность сделать это, но, поскольку это могло навлечь на них месть ацтеков, они умоляли генерала выделить достаточные силы для их защиты.^[329]

Кортес получил аналогичное заявление из различных других городов, которые были готовы, если бы это было безопасно, сбросить мексиканское иго. Но он был не в том положении, чтобы выполнить их просьбу. Теперь он острее, чем когда-либо, осознавал несостоятельность своих средств для осуществления задуманного. “Уверяю ваше величество, - пишет он в своем письме императору, - самое большое беспокойство, которое я испытываю, после всех моих трудов и изнурения, вызвано моей неспособностью помочь нашим индийским друзьям, верным вассалам вашего величества”.^[330] У него не было компетентных для этого сил, их едва хватало для собственной защиты. Его бдительный враг следил за всеми его передвижениями и, если бы он подорвал его силы, отослав слишком много отрядов или задействовав их на слишком большом расстоянии, незамедлительно воспользовался бы этим. До сих пор его единственные экспедиции проводились по соседству, где войска, нанеся какой-нибудь внезапный и решительный удар, могли быстро вернуться на свои позиции. Там поддерживалась предельная бдительность, и испанцы жили в такой постоянной подготовке к нападению, как если бы их лагерь был разбит под стенами Мексики.

Дважды генерал совершал вылазки и вступал в бой с врагом в окрестностях Тецкоко. Когда-то тысяча каноэ, наполненных ацтеками, пересекли озеро, чтобы собрать на его границах большой урожай почти созревшей индийской кукурузы. Кортес считал важным обеспечить это для себя. Соответственно, он выступил и дал бой врагу, изгнал их с поля и смел богатый урожай в житницы Тецкоко. В другой раз сильная группа мексиканцев обосновалась в нескольких соседних городах, дружественных их интересам. Кортес, предприняв еще одну вылазку, вытеснил их из их жилищ, разбил в нескольких стычках и привел населенные пункты к повиновению. Но эти предприятия требовали всех его ресурсов и не оставляли ему ничего лишнего для своих союзников. В этой чрезвычайной ситуации его плодотворный гений предложил способ восполнить недостаток его средств.

Некоторые из дружественных городов за пределами Долины, наблюдая за многочисленными сигнальными огнями в горах, пришли к выводу, что мексиканцы собирают большие силы и что испанцам, должно быть, приходится нелегко в их новых кварталах. Они послали гонцов в Тецкоко, выражая свои опасения и предлагая подкрепление, от которого генерал, отправляясь в поход, отказался. Он горячо поблагодарил за предложенную помощь; но, хотя для себя он отказался от нее за ненадобностью, он указал, каким образом их услуги могли бы быть эффективными для защиты Чалко и других мест, которые нуждались в его защите. Но его союзники-индейцы находились в смертельной вражде с этими местами, жители которых слишком

часто сражались под знаменами ацтеков, чтобы не участвовать в постоянных войнах с людьми за горами.

Кортес серьезно взялся за примирение этих разногласий. Он сказал враждующим сторонам, что они должны быть готовы забыть свои взаимные обиды, поскольку они вступили в новые отношения. Теперь они были вассалами одного и того же государя, участвующими в общем предприятии против грозного врага, который так долго втоптывал их в грязь. Поодиночке они мало что могли сделать, но объединившись, они могли защитить слабость друг друга и сдерживать своего врага до тех пор, пока испанцы не придут им на помощь. Эти доводы в конце концов возобладали, и политический генерал с удовлетворением увидел, что пылкие и враждебные племена отказались от своего давнего соперничества и, отказавшись от удовольствий мести, столь дорогих варварам, обнимают друг друга как друзья и поборники общего дела. Этой мудрой политике испанский военачальник был обязан не только своему оружию, но и своим последующим успехам. [\[331\]](#)

Таким образом, основы мексиканской империи ежечасно расшатывались, поскольку великие вассалы вокруг столицы, на которых она больше всего полагалась, один за другим отказывались от своей верности. Ацтеки, собственно так называемые, составляли лишь небольшую часть населения Долины. В основном это были родственные племена, члены одной и той же великой семьи науатлаков, которые пришли на плато почти в одно и то же время. Они были взаимными соперниками и были побеждены один за другим более воинственными мексиканцами, которые держали их в подчинении, часто открытой силой, но всегда страхом. Страх был великим принципом сплочения, который связывал воедино несогласных членов монархии; и теперь он быстро разрушался под влиянием державы, более могущественной, чем держава ацтеков. Это, правда, был не первый случай, когда покоренные расы пытались восстановить свою независимость. Но все подобные попытки провалились из-за отсутствия согласия. Командирский гений Кортеса должен был погасить их старую наследственную вражду и, объединив их разрозненную энергию, одушевить их общим принципом действия. [\[332\]](#)

Ободренный таким положением вещей, испанский генерал считал это благоприятным моментом для продолжения переговоров со столицей. Он воспользовался присутствием нескольких знатных мексиканцев, захваченных в недавнем бою с Сандовалем, чтобы отправить еще одно послание своему хозяину. По сути, это было повторением первого, с новыми заверениями в том, что, если город вернется к своей верности испанской короне, власть Гватемалосина должна быть подтверждена, а личности и имущество его подданных должны уважаться. На это сообщение ответа не последовало. Молодой индийский император обладал духом столь же бесстрашным, как и сам Кортес. На его голову обрушились все последствия той порочной системы правления, которая была завещана ему его предками. Но, видя, что его империя рушится прямо у него под носом, он стремился сохранить ее за счет собственной энергии и ресурсов. Он предвосхитил бегство некоторых вассалов, разместив гарнизоны в их стенах. Других он умиротворял, освобождая их от податей или значительно облегчая их бремя, или продвигая их на почетные и авторитетные посты в государстве. В то же время он продемонстрировал свою непримиримую враждебность к христианам, приказав, чтобы каждый, захваченный в пределах его владений, был немедленно отправлен в столицу, где его приносили в жертву со всеми варварскими церемониями, предписанными ритуалом ацтеков. [\[333\]](#)

Пока происходили эти события, Кортес получил долгожданное известие о том, что бригаантины закончены и ждут отправки в Тецкоко. Он выделил для этой службы отряд, состоящий из двухсот испанских пехотинцев и пятнадцати всадников, которым отдал командование Сандовалу. Этот кавалер с каждым днем повышался в глазах как генерала, так и армии. Хотя он был одним из самых молодых офицеров на службе, он обладал холодной головой и зрелым суждением, которые подходили ему для самых деликатных и трудных начинаний. Действительно, были и другие, как, например, Альварадо и Олид, чья неустранимость сделала их одинаково компетентными в

проведении блестящего *государственного переворота*. Но храбрость Альварадо слишком часто доходила до безрассудства или извращалась страстью; в то время как Олиду, темному и сомнительному по своему характеру, нельзя было полностью доверять. Сандовал был уроженцем Медельина, родины самого Кортеса. Он был горячо привязан к своему командиру и во всех случаях доказывал, что достоин его доверия. Он был немногословен, демонстрируя свою ценность скорее тем, что делал, чем тем, что говорил. Его честные, солдатские манеры сделали его любимцем солдат и оказали влияние даже на его врагов. К сожалению, он умер в расцвете сил своего возраста. Но он обнаружил таланты и военное мастерство, которые, если бы он дожил до более поздних лет, несомненно, внесли бы его имя в список величайших полководцев его нации.

Маршрут Сандовала должен был привести его через Золтепек, небольшой город, где, как уже было известно, произошла резня сорока пяти испанцев. Кавалер получил приказ найти виновных, если это возможно, и наказать их за их участие в сделке.

Когда испанцы прибыли на место, они обнаружили, что все жители, которые заранее заметили их приближение, разбежались. В заброшенных храмах они обнаружили многочисленные следы судьбы своих соотечественников; ибо, помимо их оружия и одежды, а также шкур их лошадей, были найдены головы нескольких солдат, подготовленные таким образом, чтобы их можно было хорошо сохранить, подвешенные в качестве трофеев победы. В соседнем здании, начертанном углем на стенах, они обнаружили следующую надпись на кастильском: “В этом месте был заключен в тюрьму несчастный Хуан Хусте, со многими другими из его компании”.^[334] Этот идальго был одним из последователей Нарваэса и пришел с ним в страну в поисках золота, но вместо этого нашел безвестную смерть. Глаза солдат наполнились слезами, когда они смотрели на мрачную летопись, и их груди наполнились негодованием, когда они подумали об ужасной участи пленников. К счастью, тогда жителям было не до них. Несколько человек, которые впоследствии попали к ним в руки, были заклеены как рабы. Но большую часть населения, которая самым жалким образом отдалась на милость завоевателей, возложив вину за случившееся на ацтеков, испанский командующий пощадил из жалости или презрения.^[335]

Теперь он возобновил свой поход на Тласкалу; но едва он пересек границы республики, как заметил развевающиеся знамена конвоя, перевозившего бригантины, пробиравшегося через горные ущелья. Велико было его удовлетворение от этого зрелища, поскольку он опасался, что ему придется задержаться в Тласкале на несколько дней, прежде чем можно будет завершить приготовления к походу.

Всего судов было тринадцать, разных размеров. Они были построены под руководством опытного кораблестроителя Мартина Лопеса с помощью трех или четырех испанских плотников и дружелюбных туземцев, некоторые из которых проявили немалую степень мастерства в подражании. Построенные бригантины были изрядно опробованы в водах Захуапана. Затем их разобрали на части, и, поскольку Лопес не терпел промедления, отдельные части, бревна, якоря, железные изделия, паруса и канаты были взвалены на плечи *таманеса*, и под многочисленным военным эскортом они таким образом продвинулись по пути в Тецкоко.^[336] Сандоваль отклонил часть индийского конвоя как излишнюю.

Он сохранил двадцать тысяч воинов, разделив их на два равных отряда для защиты *таманес* в центре.^[337] Свою собственную небольшую группу испанцев он распространял подобным образом. Тлашкаланцы в авангарде шли под командованием вождя, прославлявшего имя Чичемекатля. По какой-то причине Сандовал впоследствии изменил порядок марша и разместил эту дивизию в тылу — расположение, которое сильно обидело отважного воина, возглавлявшего ее, который отстаивал свое право на фронт, на место, которое он и его предки всегда занимали, как на опасный пост. Его несколько успокоило заверение Сандовала, что именно по этой причине его перевели в тыл, в квартал, который, скорее всего, подвергнется нападению противника. Но даже тогда он был очень недоволен, обнаружив, что испанский командующий должен идти рядом с ним, не желая, по-видимому, чтобы кто-то другой разделил с ним лавры.

Медленно и мучительно, обремененные своей тяжелой ношей, войска прокладывали себе путь по крутым возвышенностям и труднопроходимым горным перевалам, представляя, как можно предположить, на своем длинном пути множество уязвимых мест для врага. Но, хотя небольшие отряды воинов время от времени появлялись у них с флангов и тыла, они держались на почтительном расстоянии, не желая сталкиваться со столь грозным врагом. На четвертый день воинственный караван благополучно добрался до Тецкоко.

Их приближение было с радостью встречено Кортесом и солдатами, которые приветствовали это как сигнал к скорейшему окончанию войны. Генерал в сопровождении своих офицеров, одетых в самые богатые одежды, вышел поприветствовать конвой. Она растянулась на две лиги; и продвигалась она так медленно, что прошло шесть часов, прежде чем замыкающие колонны вошли в город. ^[338] Вожди тлашкаланцев продемонстрировали всю свою заслуженную храбрость в одежде, и весь отряд, состоящий из лучших представителей их воинов, выглядел блестяще. Они маршировали под звуки атабала и корнета и, проходя по улицам столицы под одобрительные крики солдат, оглашали город криками “Кастилия и Тлашкала, да здравствует наш государь император!” ^[339]

“Это было чудесное событие, — восклицает Завоеватель в своих Письмах, - которое мало кто видел или даже слышал о нем, - эта перевозка тринадцати боевых кораблей на плечах людей почти на двадцать лиг через горы!” ^[340] Это действительно было колоссальное достижение, которому нелегко найти аналог в древней или современной истории; такое, которое мог придумать только такой гений, как Кортес, или такой отважный дух, как у него, смогли бы столь успешно осуществить. Мало что предвидел он, когда отдавал приказ об уничтожении флота, который первым доставил его в страну, и со своим обычным прогнозом приказал сохранить железные изделия и такелаж, - мало что он предвидел о важных целях, для которых они должны были быть сохранены; настолько важных, что от их сохранения, можно сказать, зависел успех его великого предприятия. ^[341]

Он приветствовал своих индийских союзников с величайшей сердечностью, подтвердив свое понимание их заслуг теми почестями и вниманием, которые, как он знал, были бы весьма благодарны их честолубивому духу. “Мы пришли, - воскликнули отважные воины, - сражаться под вашими знаменами; отомстить за нашу общую ссору или пасть рядом с вами”; и со своим обычным нетерпением они убеждали его немедленно повести их против врага. “Подождите, - прямо ответил генерал, - пока не отдохнете, и у вас будут заняты руки”. ^[342]

ГЛАВА II

КОРТЕС ОСМАТРИВАЕТ СТОЛИЦУ—ЗАНИМАЕТ ТАКУБУ—СТЫЧКИ С ВРАГОМ— ЭКСПЕДИЦИЯ САНДОВАЛА—ПРИБЫТИЕ ПОДКРЕПЛЕНИЯ

1521

В течение трех или четырех дней испанский генерал предоставил тлашкальцам столь желанную возможность и позволил их кипучему духу проявиться в активных операциях. В течение некоторого времени он обдумывал экспедицию с целью рекогносцировки столицы и ее окрестностей и по пути наказать некоторые места, которые присылали ему оскорбительные послания о неповиновении и которые были особенно активны в своих враждебных действиях. Он раскрыл свой замысел лишь нескольким своим главным офицерам из-за недоверия к тецкуканам, которых подозревал в переписке с врагом.

Ранней весной он покинул Тецкоко во главе трехсот пятидесяти испанцев и всех сил своих союзников. Он взял с собой Альварадо и Олида и поручил командование гарнизоном Сандовалю. Кортес на практике убедился в некомпетентности первого из этих кавалеров на столь деликатном посту во время своего короткого, но катастрофического правления в Мексике.

Но все его предосторожности не помогли скрыть его замыслы от бдительного врага, который следил за каждым его движением; который, казалось, даже угадывал его мысли и был готов помешать их осуществлению. Он продвинулся всего на несколько лиг, когда его встретил значительный отряд мексиканцев, выстроившихся, чтобы оспорить его продвижение. Произошла острая перестрелка, в ходе которой враг был сбит с ног, и путь христианам был оставлен открытым. Они держали обходной путь на север, и их первым пунктом атаки был островной город Ксальтокан, расположенный на северной оконечности одноименного озера, ныне называемого Сан-Кристобаль. Город был полностью окружен водой и сообщался с основной сушей с помощью дамб тем же способом, что и столица Мексики. Кортес, ехавший во главе своей кавалерии, продвигался вдоль дамбы, пока не остановился, обнаружив в ней широкое отверстие, через которое лилась вода, совершенно непроходимое не только для конницы, но и для пехоты. Озеро было покрыто каноэ, наполненными воинами-ацтеками, которые, предвидя продвижение испанцев, пришли на помощь городу. Теперь они начали яростный обстрел нападавших камнями и стрелами, в то время как сами были сносно защищены от ружейного огня противника легкими фальшбортами, которыми для этой цели они укрепили свои каноэ.

Сильные залпы мексиканцев нанесли некоторый урон испанцам и их союзникам и начали приводить их в беспорядок, поскольку они были теснены на узкой дамбе, не имея возможности продвигаться вперед, когда Кортес приказал отступать. За этим последовали новые залпы ракет, сопровождавшиеся насмешками и яростными криками неповиновения. Боевой клич ацтеков, как и боевой клич североамериканских индейцев, по собственному признанию Завоевателя, звучал в ушах испанцев устрашающе.^[343] В этот момент генерал, к счастью, получил информацию от дезертира, одного из мексиканских союзников, о броде, по которому армия могла бы пересечь мелководное озеро и проникнуть в это место. Он немедленно отправил большую часть пехоты на службу, а сам с оставшимися силами и с конницей расположился у входа в проход, чтобы прикрывать атаку и не допустить перебоев в тылу.

Солдаты под руководством проводника-индейца перешли озеро вброд без особых трудностей, хотя в некоторых местах вода доходила им выше пояса. Во время перехода им досаждали вражеские снаряды; но когда они достигли сухого уровня, то отомстили как следует и быстро предали мечу всех, кто сопротивлялся. Большая часть вместе с горожанами спаслась на лодках. Теперь это место было брошено на разграбление. Войска нашли в нем много женщин, брошенных на произвол судьбы; и они вместе со значительным количеством хлопчатобумажных тканей, золота и съестных припасов попали в руки победителей, которые, подожгв опустевший город, с триумфом вернулись к своим товарищам.^[344]

Продолжая свой кружной путь, Кортес предстал последовательно перед тремя другими местами, каждое из которых было покинуто жителями в ожидании его прибытия.^[345] Главный из них, Аскапосалько, когда-то был столицей независимого государства. Теперь это был большой невольничий рынок ацтеков, куда привозили их несчастных пленников и выставляли их на публичную продажу. Это был также квартал, занимаемый ювелирами, и место, откуда испанцы брали ювелиров, которые переплавляли богатые сокровища, полученные от Монтесумы. Но они нашли там лишь небольшой запас драгоценных металлов или, по сути, чего-либо еще ценного, поскольку люди позаботились о том, чтобы убрать их имущество. Однако они пощадили здания, поскольку те не встретили сопротивления.

По ночам войска располагались бивуаками в открытом поле, соблюдая строжайшую бдительность, поскольку вся местность была охвачена вооружением, и на каждой вершине холма горели маяки, в то время как темные массы противника время от времени виднелись вдалеке. Испанцы теперь пересекали самый богатый регион Анауака. Города и деревни были разбросаны по холмам и долинам, вокруг них цвели возделанные земли, и все это свидетельствовало о плотном и трудолюбивом населении. В центре этой сверкающей окружности возвышался индийский мегаполис с его великолепной тиарой пирамид и храмов, притягивающих взгляд

солдата отовсюду, когда он огибает берег озера. Каждый дюйм земли, по которой ступала армия, был им знаком, знаком, как сцены детства, хотя и вызывал совсем другие ассоциации, потому что это было вписано в их память кровавыми знаками. Справа возвышался холм Монтесумы,^[346] увенчанный *теокалли*, под крышей которого были собраны остатки армии на следующий день после бегства из столицы. Впереди лежал город Такуба, по негостеприимным улицам которого они спешили в страхе и оцепенении, а к востоку от него тянулась унылая дамба.

Целью генерала было немедленно выступить на Такубу и пока обосноваться в этой древней столице. Он обнаружил сильное войско, расположенное лагерем под его стенами, готовое воспротивиться его вторжению. Не дожидаясь их наступления, он на полном скаку двинулся против них на своей маленькой лошадке. Аркебузы и арбалеты открыли оживленный залп по своим вытянутым флангам, и пехота, вооруженная мечами и копьями с медными наконечниками, при поддержке индейских батальонов последовала за атакой конницы с быстротой, которая вскоре обратила врага в бегство. Испанцы обычно начинали бой атакой кавалерии. Но, если бы наука ацтеков была равна их мужеству, они могли бы своими длинными копьями склонить чашу весов в битве, по крайней мере, иногда, в свою пользу; ибо именно с помощью того же грозного оружия швейцарские горцы, но за несколько лет до этого периода нашей истории, сломили и полностью разрушили знаменитый *ордонанс* Карла Смелого, лучшего кавалериста своего времени. Но варвары не знали о ценности этого оружия в противостоянии кавалерии. И действительно, ужасающий образ боевого коня и его всадника все еще имел таинственную власть над их воображением, что, возможно, в не меньшей степени, чем боевая мощь самой кавалерии, привело их в замешательство. Кортес без дальнейшего сопротивления ввел свои войска в пригород Такубы, древнего Тлакопана, где устроился на ночлег.

На следующее утро он застал неутомимых ацтеков снова при оружии, которые на открытой местности перед городом приготовились дать ему бой. Он выступил против них и после ожесточенной борьбы, хотя и недолгой, снова разгромил их. Они бежали по направлению к городу, но были прогнаны по улицам острием копья и вынуждены были вместе с жителями покинуть это место. Затем город был отдан на разграбление; и союзники-индейцы, не удовлетворившись разграблением домов со всем, что в них находилось, подожгли их, и за короткое время четверть города — вероятно, более бедные жилища, построенные из легких горючих материалов, — была объята пламенем. Кортес и его войска делали все, что было в их силах, чтобы остановить пожар, но тлашкальцы были свирепой расой, ими нелегко было управлять в любое время, и когда их страсти разгорались, даже самому генералу было невозможно их обуздать. Они были ужасным вспомогательным средством и из-за своего неподчинения порой были столь же ужасны как для друзей, так и для врагов.^[347]

Кортес предложил остаться в своих нынешних покоях на несколько дней, за это время он основал собственную резиденцию в древнем дворце правителей Тлакопана. Это был длинный ряд невысоких зданий, как и большинство королевских резиденций в стране, и предлагал хорошие условия для размещения испанских войск. Во время его привала здесь не было ни одного дня, когда армия не участвовала бы в одном или нескольких столкновениях с врагом. Они завершились почти единогласно в пользу испанцев, хотя и с большим или меньшим ущербом для них и их союзников. Одно столкновение, действительно, едва не привело к более фатальным последствиям.

Испанский генерал в пылу преследования позволил заманить себя в ловушку на большой дамбе, той самой, которая когда-то оказалась столь роковой для его армии. Он следовал за улетающим врагом, пока не оказался на дальней стороне ближайшего моста, который был отремонтирован после катастрофической акции "*Ночи триста*". Продвинувшись так далеко, ацтеки с быстротой молнии бросились на него, и он увидел у них в тылу большое подкрепление, все свежее на поле боя, готовое поддержать своих соотечественников. В то же время стаи лодок, незамеченные в пылу погони, казались, появились как по волшебству, покрывая воды вокруг. Испанцы оказались теперь под настоящим градом метательных снарядов, как с дамбы, так и с

озера; но они стояли неподвижно среди бури, когда Кортес, слишком поздно осознав свою ошибку, отдал приказ к отступлению. Медленно и с восхитительным хладнокровием его люди отступали, шаг за шагом, открывая врагу решительный фронт.^[348] Мексиканцы наступали со своим обычным криком, заставляя берега отзываться эхом на их боевые кличи, и наносили испанцам удары своими длинными пиками и шестами, к которым были прикреплены мечи, взятые у христиан. Кавалер по имени Воланте, несший знамя Кортеса, был сражен одним из их орудий и, упав в озеро, был подобран мексиканскими лодками. Это был человек мускулистого телосложения, и, когда враги тащили его прочь, ему удалось вырваться из их хватки и, сжимая в руке свой флаг, с отчаянным усилием прыгнул обратно на дамбу. Наконец, после нескольких ожесточенных боев, в которых многие испанцы были ранены, а многие их союзники убиты, войска вернулись на землю, где Кортес от всего сердца возблагодарил Небеса за то, что он вполне мог расценить как избавление providения.^[349] Это был полезный урок, хотя он вряд ли нуждался в нем так скоро после событий при Истапалапане, чтобы предупредить его о коварной тактике его врага.

Одной из главных целей Кортеса в этой экспедиции было добиться встречи, по возможности, с императором ацтеков или с кем-нибудь из знатных вельмож при его дворе и попытаться, если не удастся найти какие-либо средства для примирения, с помощью которых он мог бы избежать обращения к оружию. Повод для таких переговоров представился сам собой, когда однажды его войска столкнулись с силами противника, причем между ними был проложен разрушенный мост. Кортес, ехавший впереди своего народа, знаками намекал на свои мирные намерения и на то, что он хотел бы посоветоваться с ацтеками. Они с уважением отнеслись к сигналу, и с помощью своего переводчика он попросил, чтобы, если среди них есть какой-нибудь великий вождь, он вышел бы вперед и провел с ним переговоры. Мексиканцы с насмешкой ответили, что все они вожди, и велели ему говорить открыто все, что он должен им сказать. Поскольку генерал ничего не ответил, они спросили, почему он не нанес еще один визит в столицу, и насмешливо добавили: “Возможно, Малинче не ожидает найти там другого Монтесуму, столь же послушного его приказам, как первый”.^[350] Некоторые из них хвалили тлашкальцев, называя их *женщинами*, которые, по их словам, никогда бы не отважились подойти так близко к столице, если бы не защита белых мужчин.

Вражда двух народов не ограничивалась этими безобидными, хотя и горькими шутками, но проявлялась в регулярных столкновениях, которые ежедневно происходили между главными вождями. За ними последовали бои, в которых один или несколько чемпионов сражались на одной стороне, чтобы отстоять честь своих соответствующих стран. Воинам было предоставлено честное поле боя, которые вели эти бои *за границей* с тщательностью европейского турнира, демонстрируя доблесть, достойную двух самых смелых рас Анауака, и умение обращаться со своим оружием, вызвавшее восхищение испанцев.^[351]

Кортес находился в Такубе уже шесть дней. Его больше ничто не могло задерживать, поскольку он достиг главной цели своей экспедиции. Он подчинил себе несколько мест, которые были наиболее активны в своей враждебности; и он восстановил репутацию кастильского оружия, которая была сильно запятнана его прежними поражениями в этой части Долины. Он также ознакомился с состоянием столицы, которая, по его мнению, находилась в лучшем положении для обороны, чем он себе представлял. Все разрушения предыдущего года, казалось, были устранены, и даже для его опытного глаза не было никаких свидетельств того, что изнуряющая рука войны совсем недавно пронеслась по этой земле. Войска ацтеков, наводнившие Долину, казались хорошо оснащенными и демонстрировали непобедимый дух, как будто были готовы сопротивляться до последнего. Это правда, они терпели поражения в каждом столкновении. В открытом поле они не могли соперничать с испанцами, чью кавалерию они никогда не могли постичь и чье огнестрельное оружие легко пробивало хлопчатобумажные кольчуги, служившие самой надежной защитой индейского воина. Но, запутавшись в длинных улицах и узких переулках мегаполиса, где

каждый дом был цитаделью, испанцы, как показал опыт, во многом утратили бы свое превосходство. Поскольку мексиканский император был уверен в силе своих приготовлений, генерал видел, что нет никакой вероятности добиться компромисса. Он также понимал необходимость самых тщательных приготовлений со своей стороны — более того, он должен был напрячь все свои ресурсы до предела, — прежде чем он мог бы безопасно рискнуть разбудить льва в его логове.

Испанцы вернулись тем же путем, которым пришли. Их отступление было истолковано туземцами как бегство, которые держались в тылу армии, тщеславно хвастаясь и салютуя войскам градом стрел, что причинило некоторый вред. Кортес прибегнул к одной из их собственных уловок, чтобы избавиться от этого раздражения. Он разделил свою кавалерию на два или три небольших отряда и спрятал их в густом кустарнике, окаймлявшем обе стороны дороги. Остальная армия продолжила свой марш. Мексиканцы последовали за ними, не подозревая о засаде, когда конница, внезапно выскочив из своего укрытия, привела фланги противника в замешательство, и отступающие колонны пехоты, внезапно развернувшись, начали стремительную атаку, которая довершила их ужас. Это была широкая и ровная равнина, по которой охваченные паникой мексиканцы прокладывали лучший путь, не пытаясь оказать сопротивления; в то время как кавалерия, настигнув их и пронзив беглецов своими пиками, преследовала их на протяжении нескольких миль в том, что Кортес называет поистине красивым стилем.^[352] Армия больше не испытывала раздражения со стороны противника.

По прибытии в Тецкоко они были радостно встречены своими товарищами, которые не получали о них никаких известий в течение двух недель, прошедших с момента их отъезда. Тлашкальцы сразу же по возвращении попросили у генерала разрешения увезти в свою страну ценную добычу, которую они собрали во время своего набега, — просьбу, в которой, какой бы неприятной она ни была, он не мог отказать.^[353]

Войска не пробыли на квартирах более двух или трех дней, когда из Чалько прибыло посольство, снова просившее защиты у испанцев от мексиканцев, которые угрожали им из нескольких пунктов по соседству. Но солдаты были так измотаны непрерывными бдениями, форсированными маршами, сражениями и ранениями, что Кортес хотел дать им передышку для набора персонала, прежде чем отправиться в новую экспедицию. Он ответил на просьбу халканцев, разослав свои послания по союзным городам, призывая их выступить на помощь своему союзнику. Не следует предполагать, что они могли постичь значение его посланий. Но бумага с ее таинственными знаками служила ордером для офицера, который ее носил, в качестве переводчика приказов генерала.

Но, хотя им беспрекословно подчинились, халкийцы почувствовали опасность настолько острой, что вскоре повторили свою просьбу о том, чтобы испанцы лично прибыли им на помощь. Кортес больше не колебался, ибо он хорошо понимал важность Чалко не только из-за его самого по себе, но и из-за его положения, которое контролировало один из главных проспектов, ведущих в Тласкалу и Веракрус, сообщение с которым не должно было подвергаться риску прерывания. Поэтому, не теряя больше времени, ~~fore~~, он выделил отряд из трехсот испанских пехотинцев и двадцати всадников под командованием Сандовала для защиты города.,,

Этот деятельный офицер вскоре предстал перед Чалко и, подкрепленный подкреплением его собственных войск и войск городов конфедерации, направил свои первые операции против Уаштепека, довольно важного места, лежащего в пяти лигах или более к югу среди гор. Его удерживали сильные мексиканские силы, выжидавшие удобного случая для наступления на Чалько. Испанцы обнаружили, что враг расположился на некотором расстоянии от города, готовый встретить их. Местность была изрыта и заросла кустарником, неблагоприятным для кавалерии, которая, как следствие, вскоре пришла в беспорядок; и Сандовал, почувствовав себя сбитым с толку их передвижениями, приказал им, понеся некоторые потери, покинуть поле боя. На их место он выставил своих мушкетеров и арбалетчиков, которые открыли беглый огонь по

густым колоннам индейцев. Остальная пехота, вооруженная мечами и пиками, атаковала фланги противника, который, сбитый с толку потрясением, понеся значительные потери, беспорядочно отступил, оставив поле боя испанцам.

Победители предложили разбить там бивуак на ночь. Но, когда они были заняты приготовлениями к вечерней трапезе, их разбудил крик: “К оружию, к оружию! враг приближается к нам!” В одно мгновение кавалерист оказывался в седле, солдат хватался за свой мушкет или свой добрый "Тоledo", и схватка возобновлялась с еще большей яростью, чем прежде. Мексиканцы получили подкрепление из города. Но их вторая попытка оказалась не более удачной, чем первая, и победоносные испанцы, оттеснив перед собой своих противников, вошли в сам город и овладели им, жители которого уже были эвакуированы.^[354]

Сандовал поселился в доме хозяина этого места, окруженном садами, которые соперничали с садами Истапалапана по великолепию и превосходили их по размаху. Говорят, что они были двух лье в окружности, с домиками для увеселений и многочисленными аквариумами, наполненными различными видами рыб; и они были украшены деревьями, кустарниками и растениями, местными и экзотическими, одни отбирались за их красоту и аромат, другие - за их лечебные свойства. Они были организованы с научной точки зрения, и все заведение демонстрировало такой уровень садоводческого вкуса и знаний, аналогов которым в те дни было бы нелегко найти в более цивилизованных сообществах Европы.^[355] Таково свидетельство не только грубых Завоевателей, но и людей науки, посетивших эти прекрасные хранилища в дни их славы.^[356]

После двухдневного привала, чтобы освежить свои силы в этом приятном месте, Сандовал двинулся на Якапичтлу, примерно в двенадцати милях к востоку. Это был город, или, скорее, крепость, примостившаяся на скалистом возвышении, почти недоступном из-за своей крутизны. Там находился мексиканский гарнизон, который обрушил на нападавших, когда они пытались взобраться на высоту, огромные обломки скалы, которые, с грохотом обрушиваясь на края пропасти, несли разруху и запустение на своем пути. Индийские союзники в смятении отступили после этой попытки. Но Сандовал, возмущенный тем, что любое достижение должно быть слишком трудным для испанца, приказал своим кавалеристам спешиться и, заявив, что он “отвоюет это место или умрет при попытке”, повел своих людей вперед с ликующим криком “Св. Яго.”^[357] Теперь они с удвоенной храбростью последовали за своим доблестным лидером вверх по склону под градом более легких снарядов, смешанных с огромными каменными глыбами, которые, разлетаясь на щепки, опрокидывали нападавших и вносили ужасающий хаос в их ряды. Сандовал, который был ранен накануне, получил тяжелую контузию головы, в то время как более чем один из его храбрых товарищей был сражен сбоку от него. И все же они карабкались наверх, держась за кусты или выступающие куски скалы, и, казалось, заставляли себя двигаться вперед не только силой тела, но и силой воли.

После невероятных усилий они оказались на вершине, лицом к лицу с изумленным гарнизоном. На мгновение они остановились, чтобы перевести дух, затем яростно набросились на своих врагов. Борьба была короткой, но отчаянной. Большинство ацтеков пало от меча. Некоторые были сброшены вниз головой с зубчатой стены, а другие, бросившись в пропасть, были убиты на берегах небольшого ручья, который вился у ее подножия, воды которого были настолько загрязнены кровью, что победители не могли утолить ею свою жажду в течение целого часа!^[358]

Сандовал, достигнув теперь цели своей экспедиции, взяв крепости, которые так долго внушали чалканам благоговейный страх, с триумфом вернулся в Тецкоко. Тем временем император ацтеков, чье бдительное око внимательно следило за всем происходящим, подумал, что отсутствие стольких его воинов предоставляет благоприятную возможность для возвращения Чалко. С этой целью он отправил через озеро флотилию лодок с многочисленным войском под командованием нескольких своих самых доблестных вождей.^[359] К счастью, отсутствующие чалканцы достигли своего города до прибытия врага; но, несмотря на поддержку своих союзников-индейцев, они

были настолько встревожены размерами вражеского войска, что снова послали к испанцам, взывая к их помощи.

Гонцы прибыли одновременно с Сандовалем и его армией. Кортес был сильно озадачен противоречивыми сообщениями. Он заподозрил некоторую небрежность в поведении своего лейтенанта и, недовольный его поспешным возвращением при таком неурегулированном положении дел, приказал ему немедленно возвращаться с теми своими силами, которые были в боевом состоянии. Сандовал почувствовал себя глубоко оскорбленным этим поступком, но не сделал попытки оправдаться и, молча повинувшись своему командиру, встал во главе своих войск и предпринял быстрый контрмарш на индийский город.^[360]

Прежде чем он добрался туда, между мексиканцами и конфедератами произошло сражение, в котором последние, обретшие непривычную уверенность в своих недавних успехах, одержали победу. В ходе сражения в их руки попало несколько знатных ацтеков, которых они доставили Сандовалу для отправки в качестве пленников в Тецкоко. Прибыв туда, кавалер, уязвленный недостойным обращением, которому он подвергся, удалился в свои покои, не представ перед своим начальником.

Во время его отсутствия Кортес расспросил его о своем опрометчивом поведении и о большой несправедливости, которую он совершил по отношению к своему лейтенанту. В армии не было человека, заслуги которого он так высоко ценил, о чем ясно свидетельствовали ответственные ситуации, в которые он его ставил; и не было никого, к кому он, по-видимому, питал большее личное уважение. Поэтому по возвращении Сандовала Кортес немедленно послал за ним, чтобы тот присутствовал; когда он с солдатской откровенностью дал такое объяснение, которое успокоило раздраженный дух кавалера, что не составило большого труда, поскольку последний обладал слишком великодушной натурой и слишком искренней преданностью своему командиру и делу, ради которого они были призваны, чтобы таить в своей груди мелкое чувство обиды.^[361]

Во время этих событий работы на канале активно продвигались вперед, и бригаантины были готовы через две недели после их завершения. Тем временем требовалась величайшая бдительность, чтобы предотвратить их уничтожение противником, который уже предпринял три безуспешные попытки сжечь их на складах. Меры предосторожности, которые Кортес считал необходимым принять против самих тецкуканцев, немало усилили его смущение.

В это время он принимал посольства из разных индийских штатов, некоторые из них располагались на отдаленных берегах Мексиканского залива, предлагая свою помощи прося его защиты. Этим он был отчасти обязан добрым услугам Икстлильшочитля, который после смерти своего брата теперь перешел под власть Тецкоко. Это важное положение значительно повысило его уважение и авторитет в стране, которым он свободно пользовался, чтобы подчинить местных жителей испанскому владычеству.^[362]

В это же время генерал получил долгожданное известие о прибытии в Вилья-Рику трех судов с двумя сотнями человек на борту, хорошо обеспеченных оружием и амуницией, и с семьдесятю или восьмьдесятю лошадьми. Это было самое своевременное подкрепление. Неизвестно, откуда оно поступило; скорее всего, с Эспаньолы. Кортес, как следует помнить, посылал за припасами в это место; и власти острова, которые обладали общей юрисдикцией над делами колоний, не раз проявляли к нему благосклонность, вероятно, считая его при любых обстоятельствах более подходящим, чем любой другой человек, для завоевания страны.^[363]

Новобранцы вскоре добрались до Тецкоко, поскольку сообщение с портом теперь было открытым и беспрепятственным. Среди них было несколько уважаемых кавалеров, один из которых, Джулиан де Альдерете, королевский казначей, перешел на сторону короля, чтобы блюсти интересы короны.

Среди них также был монах-доминиканец, который принес несколько папских булл, предлагающих индульгенции тем, кто ведет войну против неверных. Солдаты не замедлили подкрепиться благосклонностью Церкви, и достойный отец, наладив процветающую торговлю

своими духовными товарами, по прошествии нескольких месяцев имел удовольствие вернуться домой, хорошо нагруженный, в обмен на более значительные сокровища Индии. [\[364\]](#)

ГЛАВА III

ВТОРАЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ—СРАЖЕНИЯ В СЬЕРРЕ—ЗАХВАТ
КУЭРНАВАКИ—СРАЖЕНИЯ При ХОЧИМИЛЬКО—КОРТЕСУ ЕДВА УДАЛОСЬ СПАСТИСЬ
—ОН ВХОДИТ В ТАКУБУ

1521

Н, НЕСМОТРЯ на помощь, оказанную жителям Чалко, она была настолько безрезультатной, что посланцы из этого города снова прибыли в Тецкоко с иероглифической картой, на которой были изображены несколько укрепленных пунктов по соседству с гарнизонами ацтеков, от которых они ожидали неприятностей. Кортес решил на этот раз взять дело в свои руки и прочесать страну настолько эффективно, чтобы обеспечить Чалко, если это возможно, состояние безопасности. Он не ограничился этой целью, но предложил до своего возвращения полностью обогнуть великие озера и произвести рекогносцировку местности к югу от них таким же образом, как он ранее проделал на западе. В ходе своего марша он направит свое оружие против некоторых укрепленных пунктов, из которых мексиканцы могли ожидать поддержки в осаде. До завершения строительства бригаantin должно пройти две или три недели; и, если экспедиция не принесет никакой другой пользы, это даст активное занятие его войскам, чей мятежный дух может вылиться в недовольство монотонным существованием в лагере.

Он отобрал для экспедиции тридцать всадников и триста испанских пехотинцев, а также значительный отряд воинов из тласкалы и тецкукана. Оставшийся гарнизон он оставил под командованием надежного Сандовала, который вместе с дружелюбным хозяином столицы должен был следить за строительством бригаantin и защищать их от нападений ацтеков.

Пятого апреля он выступил в поход и на следующий день прибыл в Чалко, где его встретили несколько вождей конфедерации. С помощью своих верных переводчиков, доньи Марины и Агилар, он объяснил им цели своей нынешней экспедиции, заявил о своей цели в ближайшее время усилить блокаду Мексики и потребовал от них содействия со всей силой их рекрутов. На это они охотно согласились, и вскоре он получил достаточное доказательство их дружеского расположения в войсках, присоединившихся к нему на марше, составивших, по словам одного из военнослужащих, больше, чем когда-либо прежде следовало под его знаменем.^[365]

Покинув Чалко, войска двинулись в южном направлении и углубились в дикую сьерру, которая своими ощетилившимися вершинами служит грозным частоколом, ограждающим прекрасную долину; в то время как в своих суровых объятиях она скрывает множество собственных зеленых и плодородных пастбищ. Когда испанцы проходили через его глубокие ущелья, они время от времени огибали подножие какого-нибудь огромного утеса или скалистой возвышенности, на которых жители строили свои города точно так же, как это делали народы Европы в феодальные эпохи; положение, которое, каким бы благоприятным оно ни было для живописности, вызывает чувство незащищенности как его причину, что может примирить нас с отсутствием этого поразительного придатка пейзажа в нашей собственной, более счастливой стране.

Обитатели этих воздушных вершин воспользовались своим положением, чтобы осыпать войска камнями и стрелами, когда те пробирались через узкие перевалы сьерры. Хотя Кортес был сильно раздосадован их непрекращающимися боевыми действиями, он продолжал свой путь, пока, обогнув подножие зубчатого утеса, занятого сильным гарнизоном индейцев, он не подвергся такому сильному давлению, что, по его мнению, пройти дальше, не наказав агрессоров, означало бы нехватку сил, что унизило бы его в глазах союзников. Поэтому, остановившись в Долине, он выделил небольшой отряд легких войск для восхождения на высоты, в то время как сам остался с основными силами армии внизу, чтобы обезопасить себя от внезапного нападения врага.

Нижняя часть скалистого возвышения была такой крутой, что солдатам было нелегко взобраться наверх, они карабкались, как могли, руками и коленями. Но когда они оказались на виду у гарнизона, последний скатил огромные каменные глыбы, которые, подпрыгивая по склону

и разбиваясь на куски, раздавили первых нападавших и ужасающим образом искалечили их конечности. И все же они пытались пробиться наверх, то пользуясь каким-нибудь оврагом, прорытым зимним потоком, то укрываясь за выступающим утесом, то за каким-нибудь раскидистым деревом, закрепившимся среди расщелин горы. Все это было напрасно. Ибо как только они снова вышли на открытое место, каменная лавина обрушилась на их головы с яростью, против которой стальные шлемы и кирасы были такой же слабой защитой, как паутина. Весь отряд был более или менее ранен. Восемь человек из этого числа были убиты на месте — потеря, которую маленький отряд не мог себе позволить, — а доблестный прапорщик Коррал, возглавлявший наступление, увидел, что знамя в его руке разорвано в клочья.^[366] Кортес, наконец, убедившись в неосуществимости попытки, по крайней мере, без более серьезных потерь, чем он был склонен понести, скомандовал отступление. Было самое время, ибо большой отряд врага на полном ходу пересекал долину, чтобы атаковать его.

Он не стал дожидаться их приближения, а, собрав свои разбитые ряды, возглавил свою кавалерию и смело бросился против них. На ровной равнине испанцы были на своей территории. Индейцы, не выдержав яростного натиска, сломались и отступили перед ним. Бегство вскоре превратилось в разгром, и пылкие кавалеристы, проносясь над ними на полном скаку или протыкая их насквозь своими пиками, в какой-то мере отомстили за свое недавнее поражение. Преследование продолжалось несколько миль, пока проворный враг не скрылся в труднопроходимых твердых сьерры, куда испанцы не захотели преследовать его. Погода стояла знойная, и, поскольку в стране почти не было воды, люди и лошади сильно страдали. Перед вечером они добрались до места, затененного рощицей дикой шелковицы, в которой несколько скудных источников давали армии ничтожный запас продовольствия.

Недалеко от этого места возвышалась другая скалистая вершина сьерры, охраняемая более сильным войском, чем то, с которым они столкнулись в первой половине дня; а неподалеку стояла вторая крепость на еще большей высоте, хотя и значительно меньших размеров, чем ее соседка. Это место также занимал отряд воинов, которые, как и те, кто находился на соседнем утесе, вскоре активно продемонстрировали свою враждебность, обрушив ракеты на войска внизу. Кортес, стремясь загладить утренний позор, приказал штурмовать более крупное и, как ему казалось, более практичное возвышение. Но, хотя две попытки были предприняты с большой решимостью, они были отбиты с потерями для нападавших. Скалистые склоны холма были искусственно срезаны и сглажены, чтобы значительно увеличить естественные трудности подъема. Сгустились вечерние сумерки, и Кортес отвел своих людей в тутовую рощу, где разбил свой бивуак на ночь, глубоко огорченный тем, что враг дважды сорвал его наступление в один и тот же день.

Ночью отряд индейцев, занявший соседнюю высоту, перешел к своим собратьям, чтобы помочь им в столкновении, которое, как они предвидели, возобновится на следующее утро. Как только испанскому генералу на рассвете стало известно об этом маневре, он со своей обычной быстротой воспользовался им. Он отрядил отряд мушкетеров и арбалетчиков занять опустевшее возвышение, намереваясь, как только это будет сделано, лично возглавить атаку против противника. Незадолго до того, как со скалистой вершины было замечено развевающееся кастильское знамя, генерал немедленно повел своих людей в атаку. И в то время как гарнизон решительно встречал их в этом квартале, отряд на соседних высотах поливал это место хорошо направленным огнем, который настолько огорчил противника, что через очень короткое время они выразили свою готовность капитулировать.^[367]

Войдя в это место, испанцы обнаружили, что равнина некоторой протяженности тянется вдоль гребня сьерры и что ее населяют не только мужчины, но и женщины со своими семьями и их пожитками. Победители не применяли насилия к имуществу или личностям побежденных, и знание об этой снисходительности побудило индийский гарнизон, оказавший утром предыдущего дня столь упорное сопротивление, выразить свою покорность.^[368]

После двухдневной остановки в этом изолированном регионе армия возобновила свой марш в юго-западном направлении на Уаштепек, тот самый город, который сдался Сандовалю. Здесь они были любезно приняты касиком и развлекались в его великолепных садах, которые Кортес и его офицеры, никогда прежде их не видевшие, сравнили с лучшими в Кастилии.^[369] Все еще блуждая по диким горным лабиринтам, армия прошла через Яухтепек и несколько других мест, которые были оставлены при их приближении. Однако, поскольку жители вооруженными отрядами нависали над их флангами и тылом, время от времени причиняя им какой-нибудь вред, испанцы отомстили, сжигая опустевшие города.

Таким образом, держась своего огненного следа, они спустились по крутому склону Кордильер, которые на юге гораздо более крутые, чем со стороны Атлантики. Действительно, однодневного путешествия достаточно, чтобы поместить путешественника на уровень на несколько тысяч футов ниже того, на котором он находился утром; таким образом, за несколько часов он оказывается в климате многих градусов широты. Маршрут армии пролегал через многие акры, покрытые лавой и почерневшими отложениями, проверяя вулканический характер региона; хотя это часто смягчалось участками зелени и даже участками расточительного плодородия, как будто природа желала этими экстраординарными усилиями компенсировать проклятие бесплодия, которое в других местах пало на землю. На девятый день своего марша войска подошли к укрепленному городу Куаунауак, или Куэрनावака, как с тех пор называют его испанцы.^[370] Это была древняя столица племени тлауикас и самое значительное место по богатству и численности населения в этой части страны. Он был данником ацтеков, и в его стенах был расквартирован гарнизон этого народа. Город был необычно расположен на выступающем участке земли, окруженном *барранкасами*, или огромными оврагами, за исключением одной стороны, которая выходила на богатую и хорошо возделанную местность. Ибо, хотя это место находилось на высоте от пяти до шести тысяч футов над уровнем моря, оно имело южную экспозицию, настолько защищенную горным барьером на севере, что климат здесь был таким же мягким и благодатным, как и в гораздо более низком регионе.

Испанцы, добравшись до города, предела их продвижения на юг, обнаружили, что их отделяет от него одна из замеченных ранее обширных барранкас, напоминающая одну из тех ужасных трещин, нередких в мексиканских Андах, которые, без сомнения, были результатом какого-то ужасного землетрясения в более ранние века. Скалистые склоны ущелья отвесно спускались вниз, такие голые, что на них едва виднелись даже следы кактусов или других выносливых растений, которыми природа в этих плодородных краях так изящно прикрывает свои уродства. Дно пропасти, однако, представляло разительный контраст с этим, будучи буквально заросшим богатой и спонтанной растительностью; ибо огромные скальные стены, которые окружают эти барранкас, хотя и укрывают их от холодных ветров Кордильер, отражают лучи вертикального солнца, создавая почти удушающую жару в ограждении, стимулируя плодородие почвы, сравнимое с *огненной землей*. Под действием этого, так сказать, принудительного устройства жители городов, расположенных на их окраинах, могут без труда добывать растительные продукты, которые можно найти в знойных низинах.

{*} [“Все́й этой системе” замечания Аламан“, - соглашается прекрасно с настоящим аспектом фотографии и *барранкас* , окружающих его.”—К.]

На дне ущелья виднелся небольшой ручей, который, вытекая из каменистых недр сьерры, журчал по своему узкому руслу и своей постоянной влагой способствовал буйному плодородию долины. Этот ручей, который в определенное время года разливался до бурного потока, был пересечен на некотором расстоянии ниже города, где пологие берега барранки обеспечивали более удобный переход, по двум грубым мостам, оба из которых были разрушены в ожидании прихода испанцев. Последние теперь оказались на краю пропасти, которая лежала между ними и городом. Она была, как уже отмечалось, небольшой ширины, и армия, выстроенная на ее границах, находилась непосредственно под обстрелом из лука гарнизона, на которого ее собственный огонь

не производил особого впечатления, поскольку они были защищены своими оборонительными сооружениями.

Генерал, раздраженный своим положением, послал отряд искать проход ниже, по которому войска могли бы высадиться на другой стороне. Но, хотя по мере того, как они спускались, берега оврага становились менее опасными, они не находили способа переправиться через реку, пока неожиданно не появилась тропинка, на которую, вероятно, никто раньше не отваживался идти.

Со скал на противоположных сторонах барранки поднимались на огромную высоту два огромных дерева и, наклоняясь друг к другу, переплетали свои ветви так, что образовывали своего рода естественный мост. По этой аллее, в воздухе, тлашкаланец предполагал, что перебраться на противоположный берег будет нетрудно. Смелому альпинисту это удалось, и вскоре за ним последовали еще несколько его соотечественников, обученных ловкости и силе среди родных холмов. Испанцы последовали их примеру. Вооруженному человеку было рискованно пробираться по этой воздушной дамбе, раскачиваемой туда-сюда ветром, где у него могло закружиться голова и где одно неверное движение руки или ноги могло низвергнуть его в пропасть внизу. Трое солдат ослабили хватку и упали. Остальные, состоявшие примерно из двадцати или тридцати испанцев и значительного числа тлашкаланцев, благополучно высадились на другом берегу.^[371] Поспешно построившись, они со всей скоростью двинулись на город. Неприятель, занятый сражением с кастильцами на противоположном краю ущелья, был захвачен врасплох, который, действительно, едва ли мог быть превзойден, если бы они увидели, как их противник падает с облаков на поле битвы.

Однако они оказали храброе сопротивление, когда, к счастью, испанцам удалось отремонтировать один из полуразрушенных мостов таким образом, чтобы позволить как кавалерии, так и пешим переправиться через реку, хотя и с большим опозданием. Конница под командованием Олида и Андреса де Тапия мгновенно прискакала на помощь своим соотечественникам. Вскоре за ними последовал Кортес во главе оставшихся батальонов, и враг, отброшенный от одного пункта к другому, был вынужден покинуть город и укрыться в горах. Здания в одном квартале города были быстро охвачены пламенем. Это место было брошено на разграбление, и, поскольку это был один из самых богатых рынков в стране, это с лихвой компенсировало победителям тяжелый труд и опасности, с которыми они столкнулись. Трепещущие касики, вернувшиеся вскоре после этого в город, предстали перед Кортесом и, чтобы смягчить его негодование, возложив вину, как обычно, на мексиканцев, отдались на его милость. Удовлетворенный их покорностью, он не допустил дальнейшего насилия над жителями.^[372]

Достигнув таким образом великой цели своего похода через горы, испанский командующий повернулся лицом на север, чтобы снова пересечь грозный барьер, отделявший его от Долины. Подъем, крутой и трудоемкий, был еще более затруднен из-за обломков скалы и рыхлых камней, которые загромождали перевалы. Склоны и вершины гор были покрыты густыми сосновыми лесами и низкорослыми дубами, которые навевали на регион меланхолический мрак, еще более усиливающийся в наши дни из-за того, что он является излюбленным пристанищем бандитов.

Погода стояла знойная, и, поскольку каменистая почва была почти лишена воды, войска сильно страдали от жажды. Некоторые из них действительно упали в обморок по дороге, а несколько союзников-индейцев погибли от истощения.^[373] Маршрут марша, должно быть, вел армию через восточное плечо горы, называемой *Крус-дель-Маркес*, или Крест маркиза, по огромному каменному кресту, установленному там для обозначения границы территорий, предоставленных короной Кортесу как маркизу Долины. Действительно, большая часть пути, недавно пройденного войсками, пролегла через княжеские владения, впоследствии закрепленные за Завоевателем.^[374]

С этих высот испанцам открылся вид, отличный от всех, которые они видели раньше, на Мексиканскую долину, несомненно, более привлекательный в их глазах по контрасту с дикими пейзажами, в которых они недавно побывали. Это был его самый приятный и густонаселенный

квартал, ибо нигде его города и деревни не скапливались в таком количестве, как вокруг озера пресной воды. Однако, с какой бы стороны ни смотреть, очаровательный регион представлял собой один и тот же аспект природной красоты и культивирования, с его цветущими виллами и прекрасным озером в центре, чья темная полированная поверхность блестела как зеркало, глубоко посаженное в огромную раму из порфира, в которую заключила его природа.

Точкой атаки, выбранной генералом, был Сочимилько, или “поле цветов”, как следует из его названия, из плавучих садов, которые, так сказать, стояли на якоре в соседних водах.^[375] Это был один из самых могущественных и богатых городов в Долине и верный вассал короны ацтеков. Он стоял, как и сама столица, частично в воде, и к нему в этом квартале можно было подойти по дамбам небольшой длины. Город состоял из домов, подобных домам в большинстве других мест подобной величины в стране, в основном из коттеджей или хижин, сделанных из глины и легкого бамбука, вперемешку с *теокаллисами* каменными зданиями, принадлежащими более богатым слоям населения.

По мере продвижения испанцев они были встречены перестрелочными отрядами противника, которые, выпустив легкий залп стрел, быстро отступили перед ними. Когда они двинулись в направлении Сочимилько, Кортес предположил, что они готовы оказать ему сопротивление значительными силами. Это превзошло его ожидания.

Пересекая главную дамбу, он обнаружил, что на дальнем конце она занята многочисленным отрядом воинов, которые, расположившись на противоположной стороне разрушенного моста, были готовы воспротивиться его переходу. Они соорудили временный барьер из частокола, который укрывал их от ружейного огня. Но вода по соседству была очень мелкой, и кавалеристы и пехотинцы, погрузившись в нее, вскоре добрались вплавь или вброд, как могли, под градом снарядов, к месту высадки близ города. Здесь они сошлись с врагом и врукопашную, после ожесточенной схватки, отбросили его назад к городу; однако некоторые из них направились в открытую местность, за ними последовала кавалерия. Огромная масса, горячо преследуемая пехотой, была отеснена через улицы и переулки без особого дальнейшего сопротивления. Кортес с несколькими сторонниками, отделившись от толпы, остался у въезда в город. Он пробыл там недолго, когда на него напал свежий отряд индейцев, которые внезапно появились в это место из соседней дамбы. Генерал со своим обычным бесстрашием бросился в гущу, надеясь остановить их продвижение. Но его собственных сторонников было слишком мало, чтобы поддержать его, и он был подавлен толпой сражающихся. Его лошадь оступилась и упала, а Кортес, получивший сильный удар по голове прежде, чем смог подняться, был схвачен индейцами и с триумфом утащен прочь. В этот критический момент один из тлашкаланцев, заметивший крайнее положение генерала, прыгнул, подобно одному из диких оцелотов в его родных лесах, в самую гущу нападавших и попытался вырвать его из их рук. Двое слуг генерала также быстро пришли на помощь, и Кортесу с их помощью и помощью храброго тлашкаланца удалось подняться на ноги и стряхнуть с себя врагов. Вскочить в седло и взмахнуть своим добрым копьём было делом одного мгновения. Быстро подошли другие его люди, и лязг оружия достиг ушей испанцев, которые бросились в погоню, они вернулись и после отчаянного столкновения вытеснили врага из города. Однако их отступление было перехвачено кавалерией, возвращавшейся из деревни, и, зажатые таким образом между противоположными колоннами, они были изрублены в куски или спаслись только тем, что бросились в озеро.^[376]

Это была величайшая личная опасность, с которой когда-либо сталкивался Кортес. Его жизнь была во власти варваров, и, если бы не их стремление взять его в плен, он, несомненно, потерял бы ее. К той же причине часто можно отнести сохранение испанцев в этих сражениях. Говорят, что на следующий день он разыскал тлашкаланца, который так смело пришел ему на помощь, и, поскольку ничего не смог узнать о нем, он возложил ответственность за его спасение на своего покровителя, святого Петра.^[377] Его вполне можно извинить за то, что он предположил, что вмешательство его доброго Гения оградит его от ужасной участи пленника, — участи, которая

вряд ли будет смягчена в его случае. Должно быть, это было действительно смелое сердце, которое из каких бы то ни было побуждений могло добровольно пойти навстречу такой опасности! Тем не менее, его последователи сделали то же самое, и это тоже за гораздо меньшую награду.

Период, который мы рассматриваем, все еще был эпохой рыцарства, той волнующей и полной приключений эпохой, о которой мы можем составить мало представления в наши дни трезвой, практической реальности. Испанец, с его прекрасным чувством чести, высокой романтичностью и гордым, тщеславным хвастовством, был истинным представителем той эпохи. Европейцы в целом еще не научились приспосабливаться к жизни, полной литературного труда, или к нудной торговле, или к терпеливой обработке земли. Они оставили их обитателю монастыря в капюшоне, скромному бюргеру и жалкому крепостному. Военное дело было единственной профессией, достойной благородной крови, — единственной карьерой, по которой отважный кавалер мог идти с честью. Новый Свет, с его странными и таинственными опасностями, представлял собой прекрасное место для осуществления его призвания, и испанец вступил в него со всем энтузиазмом паладина-романтика.

Другие нации тоже вступили в это, но с другими мотивами. Французы послали своих миссионеров поселиться среди язычников, которые в благом деле привлечения душ в Рай были довольны тем, что носили — нет, иногда казалось, что ухаживали — венец мученичества. У голландцев тоже была своя миссия, но она заключалась в мирской наживе, и они находили вознаграждение за тяжелый труд и страдания в прибыльной торговле с туземцами. В то время как наши собственные пуританские отцы, с истинно англосаксонским духом, покинули свои уютные дома за морем и разбили свои палатки в воющей пустыне, чтобы насладиться сладостями гражданской и религиозной свободы. Но испанец прибыл в Новый Свет в истинном духе странствующего рыцаря, ищущего приключений, какими бы опасными они ни были, ищущего опасности, как могло бы показаться, ради нее самой. С мечом и копьем он всегда был готов сражаться за Веру; и когда он поднял свой старый боевой клич “Святой Яго, — он воображал, что сражается под знаменем военного апостола, и чувствовал, что одной его рукой можно справиться с более чем сотней неверных! Это был уходящий век рыцарства; и Испания, романтическая Испания была страной, где его свет дольше всего задерживался над горизонтом.

Еще не наступили сумерки, когда Кортес и его сторонники вернулись в город; и первым делом генерал поднялся на соседний *теокалли* и осмотрел окружающую местность. Там он увидел зрелище, которое могло бы смутить более смелый дух, чем его. Поверхность соленого озера была затемнена каное, а дамба на протяжении многих миль была заполнена индейскими эскадронами, очевидно, направлявшимися к лагерю христиан. На самом деле, как только Куаутемозину сообщили о прибытии белых людей в Хочимилько, он собрал большие силы, чтобы освободить город. Теперь они были в пути и, поскольку столица находилась всего в четырех лигах от них, придут вскоре после наступления темноты. [\[378\]](#)

Кортес активно готовился к обороне своих апартаментов. Он разместил отряд пикинеров вдоль пристани, где ацтеки, вероятно, должны были высадиться. Он удвоил количество часовых и со своими главными офицерами в течение ночи неоднократно совершал обход. В дополнение к другим причинам для настороженности, болты у арбалетчиков были почти израсходованы, и лучники были усердно заняты подготовкой и прилаживанием стрел к медным наконечникам, которых в армии было припасено в большом количестве. В ту ночь в лагере почти не спали. [\[379\]](#)

Однако все прошло без помех со стороны врага. Хотя шторма и не было, было чрезвычайно темно. Но, хотя дежурившие испанцы ничего не могли разглядеть, они отчетливо слышали плеск множества весел по воде на небольшом расстоянии от берега. Однако те, кто находился на борту каное, не предпринимали попыток высадиться на берег, возможно, не доверяя приготовлениям к их приему или предупрежденные о них. С ранним рассветом они были при оружии и, не дожидаясь движения испанцев, ворвались в город и напали на них в их собственных кварталах.

Испанцы, собравшиеся вокруг одной из *теокаллис*, оказались в невыгодном положении в городе, где узкие переулки и улочки, многие из которых были покрыты гладким и скользким цементом, представляли очевидные препятствия для маневров кавалерии. Но Кортес поспешно сформировал своих мушкетеров и арбалетчиков и открыл такой живой, хорошо направленный огонь по рядам противника, что привел его в замешательство и вынудил отступить. Пехота со своими длинными пиками последовала за ударом; и конница, бросившаяся в атаку на полной скорости, когда отступающие ацтеки вышли из города, погнала их на несколько миль по суше.

Однако на некотором расстоянии их встретило сильное подкрепление из их соотечественников, и, сплотившись, ход сражения переломился, и кавалеристы, захваченные им, дали поводья своим коням и во весь опор поскакали обратно к городу. Они продвинулись не очень далеко, когда наткнулись на основные силы армии, быстро продвигавшиеся им на подмогу. Окрепшие таким образом, они снова вернулись в атаку, и хозяева-соперники встретились в полном составе, испытав шок от землетрясения. Какое-то время победа, казалось, висела на волоске, поскольку могучая толпа раскачивалась взад и вперед под напором противоположного порыва, и к небесам возносился смятенный крик, в котором боевой клич дикаря смешивался с боевым кличем христианина, - еще более странный звук на этих уединенных берегах. Но, в конце концов, кастильская доблесть, или, скорее, кастильское оружие и дисциплина, восторжествовали. Враг дрогнул, уступил и, отступая шаг за шагом, вскоре обратился в бегство, и испанцы, преследуя бегущего врага, изгнали его с поля боя с такой ужасной резней, что они больше не предпринимали попыток возобновить сражение.

Теперь победители были бесспорными хозяевами города. Это было богатое место, где хранились индийские ткани, хлопок, золото, изделия из перьев и другие предметы роскоши и обихода, дававшие солдатам богатую добычу. В то время как они были заняты грабежом, отряд врагов, высадившись из своих каноэ, напал на нескольких отставших, нагруженных товарами, и взял четверых из них в плен. Это произвело большую сенсацию среди солдат, чем если бы на поле боя пало в десять раз больше людей. Действительно, испанец редко позволял взять себя живым. В данном случае несчастные были застигнуты врасплох. Их поспешили доставить в столицу и вскоре после этого принесли в жертву; по приказу свирепого молодого вождя ацтеков им отрубили руки и ноги и разослали по разным городам с заверением, что такова будет участь врагов Мексики!^[380]

От пленных, взятых в последнем сражении, Кортес узнал, что силы, уже отправленные Гватемалосином, составляли лишь малую часть его новобранцев; что его политика заключалась в том, чтобы посылать отряд за отрядом до тех пор, пока испанцы, какими бы победоносными они ни были в схватке с каждым по отдельности, в конце концов не сдадутся от простого истощения и, таким образом, будут побеждены, так сказать, своими собственными победами.

Теперь, когда солдаты разграбили город, Кортес не хотел ждать дальнейших нападений врага в своих нынешних кварталах. На четвертое утро после своего прибытия он собрал свои силы на соседней равнине. Они пришли, многие из них шатались под тяжестью награбленного. Генерал наблюдал за этим с беспокойством. По его словам, они должны были пройти маршем по густонаселенной стране, все с оружием в руках, чтобы оспорить их проход. Чтобы обеспечить свою безопасность, они должны были двигаться как можно легче и без обременений. Вид такой обильной добычи разожег бы аппетит их врагов и привлек их внимание, подобно стае изголодавшихся орлов, преследующих свою добычу. Но его красноречие не подействовало на его людей, которые прямо сказали ему, что имеют право на плоды своих побед и что то, что они завоевали своими мечами, они достаточно хорошо знают, как ими защищать.

Видя, что они таким образом стремятся к своей цели, генерал не стал препятствовать их намерениям. Он приказал перегнать обоз в центр и разместил над ним часть кавалерии; оставшуюся часть разделил между фронтом и тылом, на последнем посту, как наиболее уязвимом для атаки, он также разместил своих аркебузир и арбалетчиков. Подготовившись таким образом,

он возобновил свой марш, но сначала поджег горючие здания Сочимилько в отместку за сопротивление, которое он там встретил.^[381] Свет горящего города струился высоко в воздух, распространяя свой зловещий отблеск далеко по водам и сообщая жителям на их окраинах, что роковые пришельцы, так долго предсказываемые их оракулами, спустились подобно всепожирающему пламени на их границы.^[382]

Иногда на расстоянии были замечены небольшие отряды противника, но они не рискнули атаковать армию на марше, которая еще до полудня привела их в Кохохуакан, большой город, расположенный примерно в двух лигах от Сочимилько. Едва ли можно было проехать такое расстояние по этому густонаселенному кварталу Долины, не встретив место значительных размеров, часто являющееся столицей того, что раньше было независимым государством. Жители, принадлежавшие к разным племенам и говорившие на несколько разных диалектах, принадлежали к одной и той же великой семье народов, пришедших из реального или воображаемого региона Ацтлан, расположенного далеко на Северо-западе. Собравшись вокруг берегов своего Альпийского моря, эти мелкие общины продолжали, после их присоединения к монархии ацтеков, поддерживать дух соперничества в своих отношениях друг с другом, что — как и в случае с городами Средиземноморья в феодальные эпохи — активизировало их умственную энергию и подняло Мексиканскую долину на более высокую ступень цивилизации, чем большинство других кварталов Анауака.

Город, к которому теперь подошла армия, был покинут жителями; и Кортес остановился там на два дня, чтобы восстановить свои войска и оказать необходимую помощь раненым.^[383] Он использовал это время для разведки окрестностей и, взяв с собой сильный отряд, спустился по дамбе, которая вела из Коджохуакана к большому проспекту Истапалапан.^[384] В точке пересечения, называемой Шолок, он обнаружил мощный барьер, или укрепление, за которым были укреплены мексиканские войска. Их стрельба из лука причинила испанцам некоторый вред, когда они оказались на расстоянии полета стрелы. Но последние, бесстрашно двинувшись вперед под градом стрел, ворвались в укрепления и после упорной борьбы выбили врага с их позиций.^[385] Затем Кортес продвинулся немного вперед по большой дамбе Истапалапан; но он увидел дальнюю оконечность, затемненную многочисленным отрядом воинов, и, поскольку он не хотел ввязываться в ненужные боевые действия, тем более что его боеприпасы были почти исчерпаны, он отступил и вернулся в свои покои.

На следующий день армия продолжила свой марш по дороге на Такубу, но в нескольких милях от нее. По пути она испытывала много неприятностей от разрозненных отрядов врага, которые, разъяренные видом добычи, которую уносили захватчики, предпринимали неоднократные атаки на их фланги и тыл. Кортесы ответили, как и во время предыдущей экспедиции, одной из своих собственных уловок, но с меньшим успехом, чем раньше; ибо, преследуя отступающего врага слишком горячо, он попал со своей кавалерией в засаду, которую они, в свою очередь, приготовили для него. Он еще не мог противостоять их коварной тактике. Испанские кавалеристы были в одно мгновение окружены своим коварным врагом и отделены от остальной армии. Но, пришпорив своих добрых коней и бросившись в атаку сплоченной колонной, им удалось прорваться сквозь строй индейцев и спастись бегством, за исключением двух человек, которые попали в руки врага. Это были личные слуги генерала, которые верно следовали за ним на протяжении всей кампании, и он был глубоко потрясен их потерей, которая становилась еще более удручающей при мысли о печальной участи, ожидавшей их. Когда маленький отряд присоединился к армии, которая, обеспокоенная их отсутствием, остановилась под стенами Такубы, солдаты были поражены удрученным видом своего командира, который слишком явно выдавал его волнение.^[386]

Солнце стояло еще высоко в небесах, когда они въехали в древнюю столицу тепанеков. Первой заботой Кортеса было подняться на главную *гору теокалли* и осмотреть окрестности. Это была замечательная точка обзора, откуда открывался вид на столицу, находившуюся чуть более

чем в лиге отсюда, и ее ближайшие окрестности. Кортеса сопровождал казначей Альдерете и несколько других кавалеристов, недавно присоединившихся к его знамени. Зрелище было для них все еще в новинку; и, когда они смотрели на величественный город с его широким озером, покрытым спешащими туда-сюда лодками и баржами, одни из которых были нагружены товарами или фруктами и овощами для рынков Теночтитлана, другие были переполнены воинами, они не могли сдержать своего восхищения жизнью и активностью этого места, заявляя, что ничто, кроме руки Провидения, не могло провести их соотечественников в целости и сохранности через сердце этой могущественной империи.^[387]

В кругу восхищенных было замечено, что только лоб Кортеса был омрачен, а вздохи, время от времени вырывавшиеся из его груди, свидетельствовали о мрачном течении его мыслей.^[388] “Утешьтесь, - сказал один из кавалеристов, подходя к своему командиру и желая в свойственной ему грубой манере утешить его в связи с недавней потерей. - Вы не должны принимать все это так близко к сердцу; в конце концов, это всего лишь удача войны”. Ответ генерала показал характер его размышлений. “Вы мой свидетель, - сказал он, - как часто я пытался убедить эту столицу мирным путем подчиниться. Меня наполняет печаль, когда я думаю о тяжелом труде и опасностях, с которыми еще предстоит столкнуться моим храбрым последователям, прежде чем мы сможем назвать это своим. Но пришло время, когда мы должны взяться за работу”.^[389]

Не может быть никаких сомнений в том, что Кортес, как и все остальные бойцы его армии, чувствовал, что участвует в священном крестовом походе, и что, независимо от личных соображений, он не мог послужить Небесам лучше, чем водрузив Крест на обгаренных кровью башнях языческой столицы. Но было естественно, что он испытывал некоторое раскаяние, глядя на эту прекрасную сцену и думая о надвигающейся буре и о том, как скоро распускающиеся цветы цивилизации, которые предстали его взору, должны увянуть под грубым дыханием войны. Это было поразительное зрелище - великий Завоеватель, вот так в молчании размышляющий над опустошением, которое он собирался принести на землю! Это, по-видимому, произвело глубокое впечатление на его солдат, не привыкших к подобным доказательствам его чувствительности; и это составляет основу некоторых из тех *романсов*, или национальных баллад, которыми кастильский менестрель в старину с удовольствием читал память любимых героев своей страны и которые, находясь на полпути между устной традицией и хроникой, были признаны таким же нетленным свидетельством, как и сама хроника.^[390]

Такуба была точкой, которой достиг Кортес во время своей предыдущей экспедиции по северной стороне долины. Таким образом, теперь он совершил полный обход великого озера; провел рекогносцировку нескольких подступов к столице и собственными глазами осмотрел расположение войск на противоположных сторонах для ее обороны. У него не было возможности продлевать свое пребывание в Такубе, окрестности которой в Мексике вскоре должны были привлечь к нему все воинственное население.

Рано утром следующего дня он возобновил свой поход, следуя маршрутом предыдущей экспедиции к северу от малых озер. Он столкнулся с меньшим раздражением со стороны противника, чем в предыдущие дни; это обстоятельство в какой-то степени, возможно, объяснялось состоянием погоды, которая была чрезвычайно бурной. Солдаты в отяжелевшей от влаги одежде с трудом пробивались по раскисшим дорогам, затопленным ливнями. Однажды, как сообщает нам их военный хронист, офицеры пренебрегли ночным обходом лагеря, а часовые - дежурством, полагаясь на ярость бури в качестве своей защиты. И все же судьба Нарваэса, возможно, научила их не полагаться на стихию.

В Аколмане, на территории Аколуана, их встретил Сандовал с дружелюбным касиком Тецкоко и несколькими кавалерами, среди которых были и недавно прибывшие с Островов. Они сердечно приветствовали своих соотечественников и сообщили весть о том, что строительство канала завершено и что бригантины, снаряженные и снаряженные, готовы к спуску на воду на дне озера. Таким образом, по-видимому, не было причин для более длительной отсрочки операций против

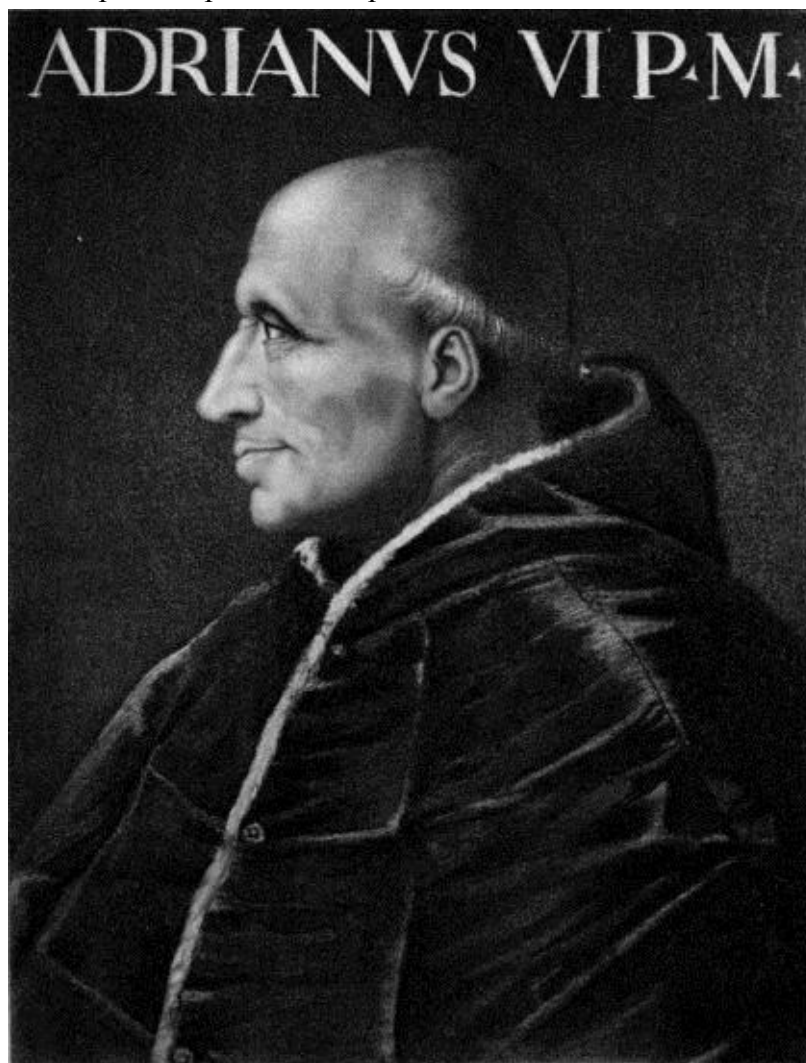
Мексики. С этим долгожданным известием Кортес и его победоносные легионы в последний раз вступили в столицу Аколхуаны, потратив всего три недели на то, чтобы обойти Долину.

ГЛАВА IV

ЗАГОВОР В АРМИИ—СПУЩЕНЫ НА ВОДУ БРИГАНТИНЫ—СБОР СИЛ—КАЗНЬ КСИКОТЕНКАТЛЯ—МАРШ АРМИИ—НАЧАЛО ОСАДЫ

1521

АВ то самое время, когда Кортес был занят разведкой долины, готовясь к осаде столицы, активная фракция в Кастилии работала над тем, чтобы подорвать его власть и полностью расстроить его завоевательные планы. Слава о его блестящих подвигах распространилась не только по Островам, но и по Испании и многим частям Европы, где всеобщее восхищение вызывала непобедимая энергия человека, который, так сказать, одной рукой мог так долго противостоять могущественной индийской империи. Отсутствие испанского монарха в его владениях и беды, охватившие страну, могут только объяснить полное безразличие, проявленное правительством к осуществлению этого великого предприятия. К тем же причинам можно отнести и то, что не было предпринято никаких действий в отношении исконных Веласкеса и Нарваэса, поскольку они были поддержаны таким могущественным защитником, как епископ Фонсека, президент Совета Индии. Бразды правления перешли к

АДРИАН УТРЕХТСКИЙ (папа АДРИАН VI.)

Гутиль и С°. Париж

руками Адриана Утрехтского, наставника Карла, а впоследствии папы римского, — человека образованного и не лишенного проницательности, но медлительного и робкого в своей политике и совершенно неспособного на те решительные действия, которые соответствовали смелому гению его предшественника, кардинала Хименеса.

Однако весной 1521 года Совет Индии принял ряд постановлений, которые поставили под угрозу важное нововведение в делах Новой Испании. Было постановлено, что Королевская аудиенция Эспаньолы должна прекратить разбирательство, уже возбужденное против Нарваэса за его обращение с комиссаром Айллоном; что этот несчастный командир должен быть освобожден из заключения в Вера-Крус; и что в Мексику должен быть направлен арбитр, уполномоченный расследовать дела и поведение Кортеса и вершить правосудие над губернатором Кубы. При дворе не было недостатка в людях, которые смотрели с неудовольствием на это разбирательство, как на недостойную награду за услуги Кортеса, и которые считали, что настоящий момент, во всяком случае, не самый подходящий для принятия мер, которые могли бы обескуражить генерала и, возможно, довести его до отчаяния. Но высокомерный нрав епископа Бургоса превзошел все возражения, и постановления, одобренные Регентством, были подписаны этим органом 11 апреля 1521 года. Человек по имени Тапия, один из функционеров Аудиенции в Сан-Доминго, был выбран в качестве нового комиссара для отправки в Вера-Крус. К счастью, возникли обстоятельства, которые отложили исполнение замысла на некоторое время и позволили Кортесу беспрепятственно продвигаться вперед в своей завоевательной карьере. ^[391]

Но, хотя ему, таким образом, было позволено оставаться, по крайней мере в настоящее время, у власти, он подвергся опасности ближе к дому, которая угрожала не только его власти, но и его жизни. Это был заговор в армии, более мрачного и опасного характера, чем любой из существовавших там до сих пор. Он был установлен простым солдатом по имени Антонио Виллафанья, уроженцем Старой Кастилии, о котором ничего не известно, кроме его доли в этой сделке. Он был одним из отряда Нарваэса — той закваски недовольства, которая осталась в армии, вспыхивающей недовольством по любому незначительному поводу и готовой в любой момент подняться на мятеж. Они добровольно продолжали служить после ухода своих товарищей в Тласкале; но это было сделано из тех же корыстных побуждений, с которыми они первоначально отправились в поход, — и в них им суждено было еще разочароваться. В них было мало истинного духа авантюризма, который отличал старых товарищей Кортеса, и они сочли бесплодные лавры победы всего лишь жалкой наградой за все свои труды и страдания.

К этим людям присоединились другие, у которых были причины для личного отвращения к генералу; и опять же, другие, которые с недоверием смотрели на результат войны. Мрачная судьба их соотечественников, попавших в руки врага, приводила их в уныние. Они чувствовали себя жертвами хищнического духа в своем лидере, который, имея такие неадекватные средства, доводил до крайности столь свирепого и грозного врага; и они с чем-то вроде опасения уклонялись от преследования врага в его собственных убежищах, где он наберется удесятенной энергии от отчаяния.

Эти люди охотно отказались бы от предприятия и вернулись на Кубу; но как они могли это сделать? Кортес контролировал весь маршрут от города до морского побережья, и ни одно судно не могло покинуть свой порт без его разрешения. Даже если бы его убрали с дороги, были другие, его главные офицеры, готовые занять его место и отомстить за смерть своего командира. Необходимо было также включить их в план разрушения; и поэтому было предложено вместе с Кортесом убить Сандовала, Олида, Альварадо и двух или трех других, наиболее преданных его интересам. Заговорщики тогда подняли бы крик о свободе и не сомневались, что к ним присоединится большая часть армии или, по крайней мере, достаточное количество, чтобы дать им возможность работать в свое удовольствие. Они предложили передать командование после смерти Кортеса Франсиско Вердуго, шурина Веласкеса. Он был благородным кавалером и не был посвящен в их замысел. Но они почти не сомневались, что он подчинится приказу, навязанному

ему таким образом, и это обеспечит им защиту губернатора Кубы, который, действительно, из-за своей ненависти к Кортесу был бы склонен снисходительно отнестись к их действиям.

Заговорщики даже зашли так далеко, что назначили подчиненных офицеров, *мэра альгвасила* вместо Сандовала, генерального квартирмейстера вместо Олида и некоторых других.^[392] Время, установленное для исполнения заговора, было вскоре после возвращения Кортеса из его экспедиции. Посылка, якобы доставленная только что прибывшим из Кастилии, должна была быть вручена ему за столом, и, когда он будет занят вскрытием писем, заговорщики должны были напасть на него и его офицеров и расправиться с ними кинжалами. Таков был незаконный план, разработанный для уничтожения Кортеса и экспедиции. Но чтобы заговор был успешным, особенно когда речь идет о численности, между его замыслом и исполнением должно пройти совсем немного времени.

За день до того, как было назначено совершение преступления, один из участников, испытывая естественные угрызения совести при совершении преступления, отправился в апартаменты генерала и попросил о личной беседе с ним. Он бросился к ногам своего командира и раскрыл все подробности, относящиеся к заговору, добавив, что во владении Вильяфаньи будет найден документ, содержащий имена его сообщников. Кортес, пораженный этим разоблачением, не теряя ни минуты, воспользовался им. Он послал за Альварадо, Сандовалем и одним или двумя другими офицерами, отмеченными заговорщиком, и, сообщив им о случившемся, сразу же отправился с ними в апартаменты Вильяфаньи в сопровождении четырех альгвасильцев.

Они застали его за беседой с тремя или четырьмя друзьями, которых немедленно вывели из квартиры и заключили под стражу. Вильяфанья, сбитый с толку этим внезапным появлением своего командира, едва успел выхватить из-за пазухи бумагу с подписями конфедератов и попытаться проглотить ее. Но Кортес перехватил его руку и выхватил листок. Быстро пробежав глазами по роковому списку, он был очень тронут, обнаружив там имена более чем одного человека, который мог претендовать на уважение в армии. Он разорвал свиток на куски и приказал взять Вильяфанью под стражу. Его немедленно судил наспех собранный военный трибунал, на котором председательствовал сам генерал. Похоже, в виновности этого человека не было никаких сомнений. Он был приговорен к смертной казни, и, после того как ему дали время на исповедь и отпущение грехов, приговор был приведен в исполнение через повешение в окне его собственной квартиры.^[393]

Те, кто не знал об этом деле, были поражены этим зрелищем; а остальные заговорщики пришли в ужас, когда увидели, что их заговор раскрыт, и ожидали подобной участи для себя. Но они ошиблись. Кортес больше не настаивал на этом. Немного поразмыслив, он убедился, что это вовлекло бы его в самые неприятные и даже опасные перипетии. И, как бы ни заслуживали смерти стороны, замешанные в столь мерзком деянии, он не мог позволить себе потерю даже виновных, учитывая его нынешнюю ограниченную численность. Поэтому он решил довольствоваться наказанием зачинщика.

Он созвал своих солдат и вкратце объяснил им природу преступления, за которое пострадал Вильяфанья. Он сказал, что не делал никаких признаний, и преступная тайна исчезла вместе с ним. Затем он выразил свое сожаление по поводу того, что в их рядах нашелся кто-то, способный на столь низменный поступок, и заявил, что он сам не подозревал, что причинил зло кому-либо из них; но, если он это сделал, он предложил им откровенно заявить об этом, поскольку он больше всего хотел предоставить им все возмещение, которое было в его силах.^[394] Но никто из его слушателей, каковы бы ни были его претензии, не захотел высказать свою жалобу в такой момент; меньше всего этого хотели сделать заговорщики, ибо они были слишком счастливы от того, что, как им казалось, избежали разоблачения, чтобы сейчас выступать в рядах недовольных. Таким образом, роман обошелся без дальнейших последствий.

Поведение Кортеса в этой деликатной ситуации демонстрирует большое хладнокровие и знание человеческой натуры. Если бы он допустил, чтобы его разоблачили или даже заподозрили

в причастности к преступлению, это поставило бы его во враждебные отношения с ними на всю оставшуюся жизнь. Это было разоблачение такого рода в начале правления Людовика Одиннадцатого, которому приписывались многие неприятности его последних лет.^[395] Маска однажды сорвана, и больше нет необходимости советоваться даже с внешностью. Дверь, похоже, закрыта для реформ. Отчуждение, которое могло бы быть изменено обстоятельствами или смягчено добротой, перерастает в глубокую и смертельную злобу. И Кортес был бы окружен врагами в своем собственном лагере, более непримиримыми, чем враги в лагере ацтеков.

Как бы то ни было, виновные солдаты испытывали слишком серьезные опасения, чтобы поспешно подвергать свои жизни подобной опасности. Напротив, они стремились демонстрацией лояльности и усердным выполнением своих обязанностей отвести от себя подозрения. Кортес, со своей стороны, старался сохранять свое естественное поведение, в равной степени лишенный недоверия и — что, возможно, было еще труднее — той нарочитой вежливости, которая столь же явно намекает на подозрительность по отношению к той стороне, которая является его объектом. Для этого требовалось немалое усердие. И все же он не забыл прошлого. Он, это правда, уничтожил свиток, содержащий список заговорщиков. Но человек, который однажды узнал имена тех, кто устроил заговор против его жизни, не нуждается в письменных свидетельствах, чтобы сохранить их свежими в своей памяти. Кортес следил за всеми их движениями и впоследствии не ставил их ни в какую ситуацию, где они могли бы причинить ему вред.^[396]

Это покушение на жизнь их командира вызвало сильную сенсацию в армии, где его многочисленные ослепительные качества и блестящие военные таланты сделали его всеобщим любимцем. Им не терпелось засвидетельствовать свое порицание столь мерзкого поступка, исходящего от их собственного тела, и они чувствовали необходимость принять некоторые эффективные меры для обеспечения безопасности того, с кем их собственная судьба, а также судьба предприятия, были так тесно связаны. Поэтому было решено, что ему будет предоставлена охрана из солдат, которые находились под руководством надежного кавалера по имени Антонио де Киньонес. Они составляли личную охрану генерала до конца кампании, наблюдая за ним день и ночь и защищая его от внутренней измены не меньше, чем от вражеского меча.

Как было сказано в конце предыдущей главы, испанцы, вернувшись на свои места, обнаружили, что строительство бригаنتين завершено и что они полностью снаряжены и готовы к эксплуатации. Канал также был закончен после того, как в нем почти два месяца находилось восемь тысяч человек.

Это была работа большого труда, ибо она простиралась на пол-лиги в длину, имела двенадцать футов в ширину и столько же в глубину. Стороны были укреплены частоколами из дерева или цельной каменной кладки. Через определенные промежутки времени были построены плотины и шлюзы, а часть отверстия была проделана в твердой скале. По этому пути бригаентины теперь могли быть безопасно доставлены на озеро.^[397]

Кортес решил, что столь знаменательное событие следует отпраздновать с должной торжественностью. 28 апреля войска были построены с оружием в руках, и все население Тецкоко собралось, чтобы присутствовать на церемонии. Была отслужена месса, и каждый военный служащий вместе с генералом исповедался и причастился. Отец Ольмедо вознес молитвы и произнес благословение над маленьким военно—морским флотом, первым — достойным этого названия - когда-либо спущенным на воду в американских водах.^[398] Сигнал был подан пушечной пальбой, когда суда, спускаясь по каналу один за другим, в полном порядке достигли озера; и когда они вышли на его широкую поверхность под звуки музыки и королевский флаг Кастилии, гордо развевающийся на их мачтах, крик восхищения вырвался из бесчисленных толп зрителей, который смешался с грохотом артиллерии и ружейной пальбы с судов и берега!^[399] Это было непривычное зрелище для простых туземцев; и они с удивлением смотрели на отважные корабли, которые, порхая, как морские птицы на своих белоснежных крыльях, легко носились по воде, словно радуясь своей стихии. Это тронуло суровые сердца Победителей вспышкой восторга, и,

поскольку они почувствовали, что Небеса благословили их предприятие, они по общему согласию разразились благородным гимном *Te Deum*. Но среди этого огромного множества не было никого, для кого это зрелище представляло больший интерес, чем для их командира. Ибо он смотрел на это как на дело своих собственных рук; и грудь его переполняла радость, поскольку он чувствовал, что теперь обладает властью, достаточной, чтобы повелевать озером и сотрясать надменные башни Теночтитлана.^[400]

Следующим шагом генерала было собрать свои силы на большой площади столицы. Он обнаружил, что их было восемьдесят семь всадников и восемьсот восемнадцать пеших, из которых сто восемнадцать были аркебузирами и арбалетчиками. У него было три больших полевых орудия из железа и пятнадцать более легких медных ружей или фальконетов.^[401] Более тяжелая пушка была перевезена из Вера-Крус в Тецкоко незадолго до этого верными тлашкальцами. Он был хорошо снабжен дробью и пулями, примерно десятью сотнями килограммов пороха и пятьюдесятью тысячами стрел с медными наконечниками, изготовленных по образцу, предоставленному им туземцам.^[402] Численность и назначения армии намного превысили то, что было в любое время после бегства из Мексики, и показали положительный эффект позднего прибытия с Островов. Действительно, принимая во внимание флот, Кортес никогда прежде не был в таком хорошем состоянии для проведения своих операций. Триста человек были посланы для укомплектования судов числом тринадцать или, скорее, двенадцать, причем одно из самых маленьких было признано на испытании слишком тупым парусником, чтобы быть полезным. Половина экипажей должна была управлять кораблями. Были некоторые трудности с поиском рабочих рук для этого, поскольку мужчины испытывали отвращение к подобной работе. Кортес отобрал тех, кто приехал из Палоса, Могера и других приморских городов, и, несмотря на их частые заявления об освобождении в качестве идалго от этой черной работы, он заставил их поступить на службу.^[403] На каждом судне было установлено тяжелое вооружение, и им командовал уважаемый офицер, которому Кортес изложил общие принципы работы структур правительства маленького флота, командование которым он предложил принять лично.

Он уже отправил письмо своим индейским союзникам, объявив о своем намерении немедленно осадить Мексику, и призвал их предоставить обещанные войска в течение максимум десяти дней. Тласкаланцам он приказал присоединиться к нему в Тецкоко; остальным надлежало собраться в Чалко, более удобном месте сбора для операций в южной части долины. Тласкаланцы прибыли в назначенное время во главе с младшим Ксикотенкатлем при поддержке Чичемекатля, того самого отважного воина, который сопровождал бригаантинцев в Тецкоко. По словам Кортеса, их было пятьдесят тысяч,^[404] они устроили блестящее шоу в своих военных нарядах и гордо маршировали вперед под большим национальным знаменем, украшенным распростертым орлом, гербом республики.^[405] Таким беспечным и мужественным шагом, как будто они направлялись на поле битвы, они прошествовали через ворота столицы, заставив ее стены звенеть от дружеских криков “Кастилия и Тлашкала”.

Наблюдения, сделанные Кортесом во время его последней рекогносцировочной поездки, побудили его начать осаду, разделив свои силы на три отдельных лагеря, которые он предложил разбить на концах основных дорог. Благодаря такому расположению войска получили бы возможность согласованно наступать на столицу и были бы в наилучшем положении для перехвата ее снабжения из окружающей страны. Первым из этих пунктов была Такуба, господствующая над роковой дамбой *noche triste*. Это было поручено Педро де Альварадо с войском, состоявшим, согласно собственному заявлению Кортеса, из тридцати всадников, ста шестидесяти восьми испанских пехотинцев и двадцати пяти тысяч тлашкаланцев. Кристофаль де Олид командовал второй армией, почти такой же по численности, которая должна была занять позиции в Кохохуакане, городе, как мы помним, возвышающемся над короткой дамбой, соединенной с Истапалапаном. Гонсало де Сандовал командовал третьей дивизией, равной по численности каждой из двух предыдущих, но которая должна была набирать рекрутов из индейцев

из сил, собранных в Чалько. Этот офицер должен был выступить на Истапалапан и завершить разрушение этого города, начатое Кортесом вскоре после его вступления в долину. Это был слишком внушительный пост, чтобы оставаться в тылу армии. Генерал намеревался поддержать атаку своими бригаantinaми, после чего последующие передвижения Сандовала будут определяться обстоятельствами.^[406]

Объявив офицерам о своих намерениях, испанский командующий созвал свои войска и произнес одну из тех кратких и волнующих речей, которыми он обычно в торжественных случаях зажигал сердца своих солдат. “Я сделал последний шаг, - сказал он. - я привел тебя к цели, к которой ты так долго стремился. Через несколько дней вы окажетесь перед воротами Мексики, столицы, из которой вас изгнали с таким позором. Но сейчас мы идем вперед под улыбкой Провидения. Кто-нибудь сомневается в этом? Пусть он только сравнит наше нынешнее положение с тем, в котором мы оказались меньше года назад, когда, разбитые и удрученные, искали убежища в стенах Тлашкалы; более того, с тем, в котором мы находились всего несколько месяцев назад, когда поселились в Тецкоко.^[407] С тех пор наши силы почти удвоились. Мы сражаемся в битвах Веры, сражаемся за нашу честь, за богатство, за месть. Я поставил тебя лицом к лицу с твоим врагом. Остальное делать вам”.^[408]

Ответом на обращение отважного вождя были громовые возгласы его последователей, которые заявили, что каждый человек выполнит свой долг под началом такого вождя; и они только просили, чтобы их повели против врага.^[409] Затем Кортес приказал еще раз зачитать войскам армейский устав, опубликованный в Тлашкале, с заверением, что они должны соблюдаться в точности.

Было решено, что индейские войска должны опередить испанцев на дневной переход и остановиться для своих союзников на границах территории Тецкукан. Вскоре после их отъезда произошло обстоятельство, которое послужило плохим предзнаменованием на будущее. В лагере у Тецкоко возникла ссора между испанским солдатом и тлашкальским вождем, в ходе которой последний был тяжело ранен. Его отправили обратно в Тласкалу, и дело замали, чтобы оно не дошло до ушей генерала, который, как было известно, не оставил бы это без внимания. Ксикотенкатль был близким родственником пострадавшей стороны, и на первом дневном привале он воспользовался возможностью покинуть армию с несколькими своими сторонниками и отправился в Тлашкалу. Названы и другие причины его дезертирства.^[410] Несомненно, что с самого начала он смотрел на экспедицию недобрыми глазами и предсказывал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Он согласился на это с неохотой, поскольку, по правде говоря, в глубине души ненавидел испанцев.

Его партнер по командованию немедленно отправил информацию об этом испанскому генералу, все еще стоявшему лагерем в Тецкоко. Кортес, который сразу понял пагубные последствия этого бегства в такое время, отправил за беглецом отряд тласкаланцев и индейцев тецкукана с инструкциями убедить его, если возможно, вернуться к исполнению своих обязанностей. Они догнали его на дороге и упрекали в его поведении, противопоставляя его поведению его соотечественников в целом и его собственного отца в частности, верного друга белых людей. “Тем хуже, - ответил вождь. - если бы они послушались моего совета, то никогда не стали бы жертвами вероломных чужеземцев”.^[411] Обнаружив, что их протесты воспринимаются только с гневом или презрительными насмешками, эмиссары вернулись, не достигнув своей цели.

Кортес не колебался в выборе курса, которым ему предстояло следовать. “Ксикотенкатль, - сказал он, - всегда был врагом испанцев, сначала на поле боя, а затем в зале совета; открыто или тайно, все равно один и тот же, — их непримиримый враг. Не было никакого смысла вести переговоры с этим лживосердечным индейцем. Он немедленно отправил небольшой отряд лошадей с альгуасилом, чтобы арестовать вождя, где бы его ни нашли, хотя бы на улицах Тлашкалы, и вернуть его в Тецкоко. В то же время он направил информацию о действиях Ксикотенкатля в сенат Тлашкалы, добавив, что дезертирство среди испанцев каралось смертью.

Эмиссары Кортеса пунктуально выполнили его приказы. Они арестовали беглого вождя — неизвестно, в Тласкале или в ее окрестностях, — и доставили его пленником в Тецкоко, где для его приема была приготовлена высокая виселица, воздвигнутая на большой площади. Его немедленно повели к месту казни; его приговор и причина, за которую он пострадал, были публично объявлены, и несчастный касик искупил свое преступление подлой смертью злоумышленника. Его обширное имущество, состоявшее из земель, рабов и некоторого количества золота, было конфисковано кастильской короной. [\[412\]](#)

Так погиб Ксикотенкатль в расцвете сил — самый бесстрашный воин, который когда-либо водил в бой индийскую армию. Он был первым вождем, который успешно сопротивлялся вооружению захватчиков; и если бы туземцы Анауака в целом были одушевлены духом, подобным его духу, нога Кортеса, вероятно, никогда бы не ступила в столицу Монтесумы. Он был одарен более ясным взглядом в будущее, чем его соотечественники, ибо видел, что европеец — враг, которого следует опасаться гораздо больше, чем ацтеков. И все же, когда он согласился сражаться под знаменем белых людей, он не имел права покинуть его и понес наказание, предусмотренное кодексом как диких, так и цивилизованных народов. Действительно, говорят, что сенат Тлашкалы помог в его задержании, предварительно ответив Кортесу, что его преступление карается смертной казнью по их собственным законам. [\[413\]](#) Однако казнить его таким образом среди его народа было смелым поступком. Ибо он был могущественным вождем, наследником одной из четырех сеньорий республики. Его рыцарские качества сделали его популярным, особенно среди более молодой части его соотечественников; после его смерти его одежда была разорвана в клочья и роздана им как священная реликвия. Тем не менее, не было оказано никакого сопротивления приведению приговора в исполнение, и за этим не последовало никаких волнений. Он был единственным тлашкаланцем, который когда-либо отказался от своей лояльности испанцам.

Согласно плану операций, разработанному Кортесом, Сандовал со своей дивизией должен был двигаться в южном направлении, в то время как Альварадо и Олид должны были совершить северный обход озер. Эти два кавалера, овладев Такубой, должны были продвинуться к Чаполтепеку и разрушить там большой акведук, снабжавший Мексику водой. Десятого мая они выступили в поход; но в Аколмане, где они остановились на ночь, между солдатами двух дивизий возник спор по поводу их расположения. От слов они перешли к дракам, и лидеры даже обменялись вызовами, которые вызвали гнев своих последователей. [\[414\]](#) Информация об этом вскоре была доведена до сведения Кортеса, который немедленно послал к пламенным вождям, умоляя их, из уважения к нему и общему делу, отложить в сторону свои разногласия, которые должны закончиться их собственной гибелью и гибелью экспедиции. Его протест возоблада, по крайней мере, настолько, что между сторонами установилась видимость примирения. Но Олид был не из тех, кого можно забыть или легко простить; а Альварадо, хотя и был откровенным и либеральным, обладал нетерпеливым характером, который гораздо легче возбудить, чем успокоить. Впоследствии они так и не стали друзьями. [\[415\]](#)

Испанцы не встретили никакого сопротивления на своем марше. Все главные города были покинуты жителями, которые ушли усиливать мексиканский гарнизон или укрылись со своими семьями в горах. Такуба также была покинута, и войска снова обосновались на своих старых квартирах в величественном городе тепанеков.^[416]

Их первым делом было перекрыть трубы, по которым вода из королевских ручьев Чаполтепека поступала в многочисленные резервуары и фонтаны, которые сверкали во дворах столицы. Акведук, частично построенный из кирпича, частично из камня и строительного раствора, был возведен на прочной, хотя и узкой дамбе, которая перебросила его через рукав озера; и все это сооружение было одним из самых приятных памятников мексиканской цивилизации. Индейцы, хорошо понимая его важность, разместили большой отряд войск для его защиты. Последовало сражение, в котором обе стороны значительно пострадали, но испанцы одержали победу. Часть акведука была разрушена, и во время осады вода больше не попадала в столицу по этому каналу.

На следующий день объединенные силы спустились по роковой дамбе, чтобы овладеть, по возможности, ближайшим мостом. Они обнаружили, что плотина покрыта толпой воинов, такой же многочисленной, как и в ночь их катастрофы, в то время как поверхность озера была темной от множества каноэ. Бесстрашные христиане пытались наступать под настоящим ураганом снарядов с воды и суши, но продвигались медленно. Баррикады, сооруженные поперек дамбы, сбивали с толку кавалерию и делали ее практически бесполезной. Борта индейских лодок были укреплены фальшбортами, которые защищали команды от аркебуз и арбалетов; и когда воины на плотине подвергались сильному давлению со стороны пикинеров, они бесстрашно бросались в воду, как будто это была их родная стихия, и, вновь появляясь по бокам плотины, отстреливали свои стрелы и дротики со смертельным исходом. После долгой и упорной борьбы христиане были вынуждены с позором отступить в свои кварталы и — включая союзников — понести почти такой же урон, какой они нанесли врагу. Олид, недовольный результатом сражения, обвинил своего товарища в том, что тот втянул их в это своей беспричинной безрассудностью, и на следующее утро отвел свои войска на свою базу в Кохохуакане.

Лагеря, разделенные всего двумя лигами, поддерживали легкую связь друг с другом. Они нашли себе изобильное занятие в добычании провизии в соседней стране и в отражении активных вылазок врага, которому они отомстили, перекрыв его поставки. Но их собственное положение было шатким, и они с нетерпением ожидали прибытия бригантин под командованием Кортеса. Это было во второй половине мая, когда Олид занял свою квартиру в Кохохуакане; и с этого времени можно датировать начало осады Мексики.^[417]

ШОСКИ:

[11] “Y mucho os ruego, pues á todos os es notorio todo esto, que assí como hasta aquí á mí me habeis tenido, y obedecido por Señor vuestro, de aquí adelante tengais, y obedescais á este Gran Rey, pues él es vuestro natural Señor, y en su lugar tengais á este su Capitan: y todos los Tributos, y Servicios, que fasta aquí á mí me haciades, los haced, y dad á él, porque yo assimismo tengo de contribuir, y servir con todo lo que me mandaré.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 97.

[2] “Lo qual todo les dijo llorando, con las mayores lágrimas, y suspiros, que un hombre podia manifestar; é assimismo todos aquellos Señores, que le estaban oiendo, lloraban tanto, que en gran rato no le pudieron responder.” Там же, лок. цит. по

[3] Солис рассматривает эту церемонию как передачу стране того, что раньше было неполноценным в титуле испанцев. The remarks are curious, even from a professed casuist: “Y siendo una como insinuacion misteriosa del título que se debió despues al derecho de las armas, sobre justa provocacion, como lo verémos en su lugar: circunstancia particular, que concurrió en la conquista de Méjico para mayor justificacion de aquel dominio, sobre las demas consideraciones generales que no solo hiciéron lícita la guerra en otras partes, sino legítima y razonable siempre que se puso en términos de medio necesario para la introduccion del Evangelio.” Conquista, lib. 4, cap. 3.

[4] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 101.—Solís, Conquista, loc. cit. Эрпера, История. генеральный, 2 декабря, библиотека 9, глава. 4. Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., загл. 87. Овьедо считает горе Монтесумы достаточным доказательством того, что его почтение, отнюдь не добровольное, было вызвано необходимостью. Историк, по-видимому, видел ход событий более ясно, чем некоторые действующие лица в них. “Y en la verdad si como Cortés lo dice, ó escrivió, passó en efecto, mui gran cosa me parece la conciencia y liberalidad de Montezuma en esta su restitucion é obediencia al Rey de Castilla, por la simple ó cautelosa informacion de Cortés, que le podia hacer para ello; Mas aquellas lágrimas con que dice, que Montezuma hizo su oracion, é amonestamiento, despojándose de su señorío, é las de aquellos con que les respondiéron aceptando lo que les mandaba, y exortaba, y á mi parecer su llanto queria decir, ó enseñar otra cosa de lo que él, y ellos dixéron; porque las obediencias que se suelen dar á los Príncipes con riza, é con cámaras; é diversidad de Música, é leticia, enseñales de placer, se suele hacer; é no con lucto ni lágrimas, é sollozos, ni estando preso quien obedece; porque como dice Marco Varron: Lo que por fuerza se da no es servicio sino robo.” Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 9.

[5] Гомара, Крона, кап. 92. Клавиджеро, Стоп. del Messico, tom. ii. p. 256.

[6] “Pareceria que ellos comenzaban á servir, y Vuestra Alteza tendria mas concepto de las voluntades, que á su servicio mostraban.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 98.

[7] Питер Мартир, не доверяя некоторой экстравагантности в этом заявлении Кортеса, счел его полностью подтвержденным свидетельствами других. “Referunt non credenda. Credenda tamen, quando vir talis ad Cæsarem et nostri collegii Indici senatores audeat exscribere. Adde insuper se multa prætermittere, ne tanta recensendo sit molestus. *Idem affirmant qui ad nos inde regrediuntur.*” De Orbe Novo, 5 декабря, глава 3.

[8] “Las quales, demas de su valor, eran tales, y tan maravillosas, que consideradas por su novedad, y estrañeza, no tenian precio, ni es de creer, que alguno de todos los Príncipes del Mundo de quien se tiene noticia, las pudiesse tener tales, y de tal calidad.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 99.—See, also, Oviedo, Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 9.—Берналь Диас, хист. de la Conquista, cap. 104.

[9] “Dezilde en vuestros anales y cartas: Esto os embia vuestro buen vassallo Monteçuma.” Берналь Диас, ubi, указано выше.

[10]

“Fluctibus auri

Expleri calor ille nequit.”

КЛАВДИАН, В Ruf., lib. 1.

[11] “Y quando aquello le oyó Cortés, y todos nosotros, estuvímos espantados de la gran bondad, y liberalidad del gran Monteçuma, y con mucho acato le quitámos todos las gorras de armas, y le dixímos, que se lo teniamos en merced, y con palabras de mucho amor,” etc. Берналь Диас, ubi, указано выше.

[12] См. Раздел de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 99.— Эта оценка королевской пятой части подтверждается (за исключением четырехсот унций) показаниями ряда свидетелей, приведенных от имени Кортеса, чтобы показать количество сокровища. Среди этих свидетелей мы находим несколько самых уважаемых имен в армии, таких как Олид, Ордас, Авила, священники Ольмедо и Диас, — последний, можно добавить, не слишком дружил с генералом. Инструмент без даты находится в коллекции Варгаса Понсе. *Probanza fecha á pedimento de Juan de Lexalde*, MS.

[13] “Eran tres montones *de oro*, y pesado hubo en ellos sobre *seis cientos mil pesos*, como adelante diré, sin la plata, é otras muchas riquezas.” Хист. de la Conquista, cap. 104.

[14] Количество серебра, добытого на американских рудниках, превысило количество золота в соотношении сорок шесть к одному. (Humboldt, *Essai politique*, tom. iii. p. 401.) Ценность последнего металла, говорит Клеменсен, которая при открытии Нового Света была всего в одиннадцать раз выше стоимости первого, теперь возросла в шестнадцать раз. (*Memorias de la Real Acad.* история. том. vi. Илюст. 20.) Это существенно не отличается от оценки Смита, сделанной после середины прошлого века. (“Богатство народов”, книга 1, глава I. 11.) Разница была бы гораздо более значительной, если бы не возросший спрос на серебро для украшения и использования.

[15] Доктор Робертсон, отдавая предпочтение авторитету, по-видимому, Диаса, говорит о стоимости сокровища в 600 000 *песо*. (История Америки, том ii. стр. 296, 298.) Стоимость *песо* равна унции серебра, или доллару, который, с учетом обесценивания серебра, во времена Кортеса почти в четыре раза превышал его стоимость в наши дни. Но стоимость *песо de oro* была почти в три раза больше, или одиннадцати долларов шестидесяти семи центов. (См. *ante*, книга II, глава 6, примечание 18.) Робертсон приводит свою собственную оценку, значительно заниженную ниже первоначальной, в качестве аргумента в пользу сомнения в существовании в стране в сколь угодно большом количестве золота или серебра. Объясняя нехватку первого металла в этом аргументе, он впадает в ошибку, утверждая, что золото не было одним из стандартов, по которым оценивалась стоимость других товаров в Мексике. Сост. *ante*, том i, стр. 161.

[16] Многие из них, действительно, мало чем могли похвастаться в своей казне. Максимилиан Немецкий и более благоразумный Фердинанд испанский едва ли оставили достаточно денег, чтобы покрыть расходы на похороны. Даже в начале следующего столетия мы видим, как Генрих IV Французский с восторгом обнимает своего министра Сюлли, когда тот сообщает ему, что благодаря большой экономии в его казне имеется 36 000 000 ливров — около 1 500 000 фунтов стерлингов. See *Mémoires du Duc de Sully*, tom. iii. liv. 27.

[17] “Por ser tan poco, muchos soldados huuo que no lo quisiéron recibir.” Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 105.

[18] “Палабрас муй мелифлуас; ... razones mui bien dichas, que las sabia bien proponer.” Берналь Диас, ubi, указано выше.

[19] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 105, 106.—Gomara, Crónica, cap. 93.—Herrera, Hist. общие положения, декабрь 2, библиотека 8, глава 5.

[20] “Ex jureconsulto Cortesius theologus effectus”, - говорит Мученик в своей лаконичной манере. De Orbe Novo, 5 декабря, глава 4.

[21] Согласно Икстлильшочитлю, Монтесума продвинулся на пути к обращению так далеко, как *Credo* и *Ave Maria*, которые он мог повторить, но его крещение было отложено, и он умер, не получив его. То, что он когда-либо соглашался его получить, крайне маловероятно. I quote the historian’s words, in which he further notices the general’s unsuccessful labors among the Indians: “Cortés comenzó á-dar órden de la conversión de los Naturales, deciéndoles, que pues eran vasallos del Rey de España que se tornasen Cristianos como él lo era, y así se comenzáron á Bautizar algunos aunque fuéron muy pocos, y Motecuhzoma aunque pidió el Bautismo, y sabia algunas de las oraciones como eran el Ave María, y el Credo, se dilató por la Pasqua siguiente, que era la de Resurreccion, y fué tan desdichado que nunca alcanzó tanto bien, y los Nuestros con la dilacion y aprieto en que se viéron, se descuidáron, de que pesó á todos mucho muriese sin Bautismo.” Ист. Чич., ср., гл. 87.

[22] “O Malinche, y como nos quereis echar á perder á toda esta ciudad, porque estarán mui enojados nuestros Dioses contra nosotros, y aun vuestras vidas no sé en que pararán.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 107.

[23] Разные авторы описывают эту транзакцию с большим расхождением, чем обычно. Кортес уверяет императора, что он захватил храм и силой изгнал ложных богов, несмотря на угрозы мексиканцев. (См. раздел, А. п. Лоренцана, стр. 106.) Невероятность этого донкихотского подвига поражает Овьедо, который, тем не менее, сообщает об этом. (История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 10.) Действительно, очень похоже, что генерал слишком стремился подчеркнуть свой воинственный пыл, чтобы извлечь выгоду в глазах своего хозяина. Утверждения Диаса и других хронистов, соответствующие тому, что содержится в

тексте, кажутся гораздо более вероятными. Сост. Диас, История. de la Conquista, ubi supra,—Herrera, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека 8, глава 6,—Ардженсола, Аналес, библиотека 1, глава 88.{*}

{*} [По словам Андреса де Тапия, очевидца, чей отчет был недоступен Прескотту, Кортес действительно применил насилие, захватив храм и изгнав ложных богов. Две часовни, в Уицилопочтли и Тецкатлипопоке, были отведены отдельно для использования христианами. Тот факт, что изображение первого бога было найдено в этой часовне во время более поздней осады, легко объясним. Он был восстановлен в своем старом положении, когда захватчики были вынуждены покинуть город.— М.]

[24] “Para mí yo tengo por marabilla, é grande, la mucha paciencia de Montezuma, y de los Indios principales, que assí viéron tratar sus Templos, é Idolos: Mas su disimulacion adelante se mostró ser otra cosa viendo, que vna Gente Extrangera, é de tan poco número, les prendió su Señor é porque formas los hacia tributarios, é se castigaban é quemaban los principales, é se aniquilaban y disipaban sus templos, é hasta en aquellos y sus antecesores estaban. Recia cosa me parece soportarla con tanta quietud; pero adelante, como lo dirá la Historia, mostró el tiempo lo que en el pecho estaba oculto en todos los Indios generalmente.” Oviedo, Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 10.

[25] По словам Эрреры, это был сам дьявол, который сообщил об этом Монтесуме, и он сообщает суть диалога между сторонами. (Хист. general, dec. 2, lib. 9, cap. 6.) Действительно, появление сатаны в его собственном телесном присутствии в этом случае стойко поддерживается большинством историков того времени. Oviedo, a man of enlarged ideas on most subjects, speaks with a little more qualification on this: “Porque la Misa y Evangelio, que predicaban y decian los christianos, le [al Diablo] daban gran tormento; y débese pensar, si verdad es, que esas gentes tienen tanta conversacion y comunicacion con nuestro adversario, como se tiene por cierto en estas Indias, que no le podia á nuestro enemigo placer con los misterios y sacramentos de la sagrada religion christiana.” Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 47.

[26] “E Cortés proveió de maestros é personas que entendiesen en la labor de los Navíos, é dixo despues á los Españoles desta manera: Señores y hermanos, este Señor Montezuma quiere que nos vamos de la tierra, y conviene que se hagan Navíos. Id con estos Indios é córtese la madera; é entretanto Dios nos proveherá de gente é socorro; por tanto, poned tal dilacion que parezca que haceis algo y se haga con ella lo quo nos conviene; é siempre me escrivid é avisad que tales estáis en la Montaña, é que no sientan los Indios nuestra disimulacion. E así se puso por obra.” (Oviedo, Hist. de Las Ind., ср., библиотека 33, глава 47.) Итак, также Гомапа. (Crónica, глава 95.) Диас отрицает наличие каких-либо подобных секретных приказов, утверждая, что Мартин Лопес, главный строитель, заверил его, что они сделали все возможное для экспедиции, поставив три корабля на стапель. Хист. de la Conquista, cap. 108.

[27] “Я могу сказать, не хвастаясь, - замечает наш добросердечный старый хронист Берналь Диас, - что я настолько привык к такому образу жизни, что со времени завоевания страны мне ни разу не удавалось лечь раздетым или в постель; однако я сплю так крепко, как будто лежу на мягчайшем пуху. Даже когда я совершаю обход своей *энкомьенды*, я никогда не беру с собой постель, разве что в компании других кавалеров, которые могли бы списать это на скупость. Но даже тогда я набрасываюсь на него прямо в одежде. Еще я должен добавить, что я не могу долго спать по ночам, не вставая, чтобы посмотреть на небо и звезды, и побыть некоторое время на открытом воздухе, и это без шляпы или какого-либо покрытия на голове. И, слава Богу, я не получил от этого никакого вреда. Я упоминаю об этих вещах, чтобы мир мог понять, из какого материала были сделаны мы, истинные Завоеватели, и насколько хорошо мы были обучены владению оружием и наблюдению”. История. de la Conquista, cap. 108.

[28] В коллекции рукописей, составленной Доном Варгасом Понсе, бывшим президентом Исторической академии, находится Мемориал того же Бенито Мартина императору, в котором рассказывается о заслугах Веласкеса, неблагодарности и бунте Кортеса и его последователей. Документ без даты; написан после прибытия послов, вероятно, в конце 1519 года или в начале следующего года.

[29] Сандовал, действительно, приводит единственную причину — он находится недалеко от побережья, чтобы дать возможность Къевру и другим фламандским кровопийцам внезапно сбежать, если понадобится, со своими нечестно добытыми сокровищами, из страны. История. де Карлос Квинто, том. i. стр. 203, изд. Памплона, 1634.

[30] Смотрите письмо Питера Мученика своему благородному другу и ученику маркизу де Мондехару, написанное через два месяца после прибытия судна из Вера-Крус. Opus Epist., ep. 650.

[31] Zuñiga, Anales eclesiásticos y seculares de Sevilla (Madrid, 1677), fol. 414.—Herrera, Hist. общие положения, декабрь 2, библиотека 5, глава 14; библиотека 9, глава 17 и др.

[32] Оказывается, Веласкес отправил домой отчет о действиях Кортеса и о судне, которое прибыло с сокровищами на Кубу, еще в октябре 1519 года. Carta de Velasquez al Lic. Фигероа, мисс, 17 ноября 1519г.

[33] “Под громкую музыку кларнетов и флейт и с большой демонстрацией радости они подняли якорь и развернули свои паруса по ветру, оставив несчастную Испанию, угнетенную печалью и несчастьями”. Сандовал, Хист. de Cárlos Quinto, tom. i. p. 219.

[34] Документ датирован Барселоной 13 ноября 1518 года. Кортес покинул Сан-Яго 18 числа того же месяца. Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека 3, глава 11.

[35] Гомара (Крона, кап. 96) и Робертсон (“История Америки”, том ii, стр. 304, 466) считают, что новое достоинство *аделантадо* побудило губернатора к этому предприятию. Судя по письму, написанному им самим в коллекции Муньоса, он начал свою деятельность за несколько месяцев до получения уведомления о своем назначении. Carta de Velasquez al Señor de Xêvres, Isla Fernandina, MS., Octubre 12, 1519.

[36] Хартия Веласкеса в Оригине. Фигероа, мисс, 17 ноября 1519г.

[37] Личность Нарваэса так причудливо описана Диасом: “Он был высоким, крепко сложенным, с большой головой и рыжей бородой, приятной осанкой, голосом глубоким и звучным, как будто доносился из пещеры. Он был хорошим и отважным наездником”. История. de la Conquista, cap. 205.

[38] Опасность такого результата особо подчеркивается в меморандуме лицензиата Айллона. Carta al Emperador Guaniguanico, Marzo 4, 1520, MS.

[39] Processo y Pesquisa hecha por la Real Audiencia de la Española, Santo Domingo, Diciembre 24, 1519, MS.

[40] Подробнее. Ayllon al Adelantado Diego Velasquez, Isla Fernandina, 1520, MS.

[41] Отношение к делу. Айлон, Санто-Доминго, 30 де Агосто, 1520 год, ср.—Processo y Pesquisa для реальной аудитории, ср.— По словам Диаса, количество боеприпасов составило двадцать пушек. Хист. de la Conquista, cap. 109.

[42] Великий флот под командованием Овандо, 1501 год, на котором Кортес намеревался отправиться в Новый Свет. Эррера, История. общие сведения, 1 декабря, библиотека. 4, глава. 11.

[43] “De allí seguimos el viage por toda la costa de la Isla de Yucatan.” Relacion del Lic. Эйллона, МИСС

[44] “La cual tierra sabe é ha visto este testigo, que el dicho Hernando Cortés tiene pacífica, é le sirven é obedecen todos los Indios; é que cree este testigo que lo hacen por cabsa que el dicho Hernando Cortés tiene preso á un Cacique que dicen Montesuma, que es Señor de lo mas de la tierra, á lo que este testigo alcanza, al cual los Indios obedecen, é facen lo que les manda, é los Cristianos andan por toda esta tierra seguros, é un solo Cristiano la ha atravesado toda sin temor.” Processo y Pesquisa hecha por la Real Audiencia de la Española, MS.

[45] Отношение к делу. Ayllon, MS.—Demanda de Zavillos en nombre de Narvaez, MS.

[46] Этот отчет можно найти среди рукописей Варгаса Понсе в архиве Королевской академии истории. Он занимает сто десять страниц-фолиантов и озаглавлен “Процесс и поиски истины для настоящей аудитории Испании на новой земле”. Para el Consejo de su Majestad.”

[47] “E iban espantados de que veian tãtas ciudades y pueblos grandes, que les traian de comer, y vnos los dexavan, y otros los tomavan, y andar por su camino. Dizê que iban pensando si era en cantamiento, ó sueño.” Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, глава 111. — Требование де Завальоса, МИСС

[48] “Ya auia tres dias que lo sabia el Montecuma, y Cortés no sabia cosa ninguna.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 110.

[49] Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава. 47.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 117-120.

[50] “наш командир сказал, что так много добрых слов для них”, - говорит Диас“, и помазал их пальцы настолько обильно с золотом, которые, хоть и пришли, как рыкающие львы, они отправились домой абсолютно ручные!” Хист. de la Conquista, cap. 111.

[51] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 112.

[52] Там же, глава 111.—Овьедо говорит, что Монтесума созвал совет своей знати, на котором было решено впустить войска Нарваэса в столицу, а затем сокрушить их одним ударом вместе с войсками Кортеса! (История. de las Ind., ср., lib. 33. cap. 47.) Учитывая благоговейный трепет, с которым мексиканцы относились только к последнему, более невероятной истории придумать было невозможно. Но нет ничего слишком невероятного для истории, хотя, согласно Максиму Буало, это может быть и для художественной литературы.

[53] В мексиканском издании “Писем Кортеса” она называется “пятьсот человек”. (См. раздел, А. п. Лоренцана, стр. 122.) Но это было больше, чем все его испанские силы. В версии Рамузио того же письма, напечатанной еще в 1565 году, номер указан так же, как и в тексте. (Навигация и Виаджи, стр. 244.) В документе без даты, содержащем показания некоторых свидетелей относительно управления королевским пятым полком Кортесом, говорится, что в столице под командованием Альварадо

оставалось сто пятьдесят солдат. (Судебная практика новой Испании в мар-Океано, история Хуана Очоа де Лексальде, по прозвищу Эрнандо Кортес, MS.) Сообщение в мексиканском издании, несомненно, является ошибкой.

[54] Carta de la Villa de Vera Cruz á el Emperador, Ср. Это письмо без даты, вероятно, было написано в 1520 году.—Смотрите также предыдущие страницы, Probanza fecha á pedimento de Juan Ochoa, ср., -Herrera, Hist. генерал, декабрь 2, библиотека 9, главы 1, 21; библиотека 10, глава 1, —Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 119, 120, —Берналь Диас, История. Конкиста, глава 112-115,—Овьедо, История. де лас Индж., СР., либр. 33, глава 47.

[55] So says Oviedo,—and with truth: “Si aquel capitan Juan Velasquez de Leon no estuviera mal con su pariente Diego Velasquez, é se pasara con los 150 Hombres, que havia llevado á Guaçacalco, á la parte de Pánfilo de Narvaez su cuñado, acabado oviera Cortés su oficio.” Hist. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 12.

[56] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 123, 124.—Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава 115-117.—Овьедо, История. де лас Индж., СР., библиотека 33, глава 12.

[57] Но, хотя длинная пика немца была неотразима против кавалерии, она оказалась несравнимой с коротким мечом и щитом испанца в великой битве при Равенне, произошедшей за несколько лет до этого, в 1512 году. Макиавелли делает несколько замечательных рассуждений о сравнительных достоинствах этого оружия. Arte della Guerra, lib. 2, ap. Опера, том iv. стр. 67.

[58] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 118.—“Tambien quiero dezir la gran necesidad que teniamos de armas, que por vn peto, ó capacete, ó casco, ó babera de hierro, dieramos aquella noche quãto nos pidiera por ello, y todo quãto auiamos ganado.” Cap. 122.

[59] “Yo les respondí, que no via provision de Vuestra Alteza, por donde le debiesse entregar la Tierra; é que si alguna trahia, que la presentasse ante mí, y ante el Cabildo de la Vera Cruz, segun órden, y costumbre de España, y que yo estaba presto de la obedecer, y cumplir; y que hasta tanto, por ningun interese, ni partido haria lo que él decia; ántes yo, y los que conmigo estaban, moririamos en defensa de la Tierra, pues la habiamos ganado, y tenido por Vuestra Magestad pacífica, y segura, y por no ser Traydores y desleales á nuestro Rey.... Considerando, que morir en servicio de mi Rey, y por defender, y amparar sus Tierras, y no las dejar usurpar, á mí, y á los de mi Compañía se nos seguia farta gloria.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, pp. 125-127.

[60] Таковы естественные размышления Овьедо, размышляющего по этому поводу несколько лет спустя. “E tambien que me parece donaire, ó no bastante la escusa que Cortés da para fundar é justificar su negocio, ques es decir, que el Narvaez presentase las provisiones que llevaba de S. M. Como si el dicho Cortés oviera ido á aquella tierra por mandado de S. M. ó con mas, ni tanta autoridad como llebaba Narvaez; pues que es claro é notorio, que el Adelantado Diego Velasquez, que embió á Cortés, era parte, segun derecho, para le embiar á remover, y el Cortés obligado á le obedecer. No quiero decir mas en esto por no ser odioso á ninguna de las partes.” Хист. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 12.

[61] Мариана упоминает в истории Испании более одного примера этой уловки, хотя точные отрывки ускользнули из моей памяти.

[62] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 119.

[63] “E assimismo mandaba, y mandé por el dicho Mandamiento á todas las Personas, que con el dicho Narvaez estaban, que no tubiessen, ni obedeciessen al dicho Narvaez por tal Capitan, ni Justicia; ántes, dentro de cierto término, que en el dicho Mandamiento señalé, pareciessen ante mí, para que yo les dijesse, lo que debian hacer en servicio de Vuestra Alteza: con protestacion, que lo contrario haciendo, procederia contra ellos, como contra Traydores, y alevos, y malos Vasallos, que se rebelaban contra su Rey, y quieren usurpar sus Tierras, y Señoríos.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 127.

[64] “Y aun llouia de rato en rato, y entonces salia la Luna, que quãdo allí llegámos hazia muy oscuro, y llouia, y tambien la escuridad ayudó.” Хист. de la Conquista, cap. 122.

[65] Прокурор Нарваэса в своей жалобе в корону подробно описывает дьявольскую чудовищность этих инструкций. “El dho Fernando Corttés como traidor aleboso, sin apercibir al dho mi partte, con un diabólico pensam^o é infernal osadía, en contemtto é menosprecio de V. M. ó de sus provisiones R.^s, no mirando ni asattando la lealtad q^e debia á V. M., el dho Corttés dió un Mandamiento al dho Gonzalo de Sandobal para que prendiese al dho Pánfilo de Narvaez, é si se defendiese q^e lo mattase.” Demanda de Zavillos en nombre de Narvaez, MS.

[66] Овьедо, История. де Лас Индиан, СР., библиотека 33, главы 12, 47.—Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава 122.—Эррера, история. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, глава 1.

[67] “Что такое hazeis, что такое mui descuidado? pensais que Malinche, y los Teules que trae cõsigo, que son assí como vosotros? Pues yo os digo, que quãdo no os cataredes, será aquí, y os matará.” Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 121.

[68] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 128.—Овьедо, История. де Лас Инд., ср., библиотека. 33, глава. 47.—Эррера, История. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, главы 2, 3.

[69] “Ya que se acercaban al Aposento de Narvaez, Cortés, que andaba reconociendo, i ordenando á todas partes, dixo á la Tropa de Sandoval: Señores, arrímaos á las dos aceras de la Calle, para que las balas del Artillería pasen por medio, sin hacer daño.” Herrera, Hist. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, глава 3.

[70] Требование де Завальоса в номбре де Нарваэса, МИСС Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 47.

[71] “Como hazia tan oscuro auia muchos cocayos (ansí los llaman en Cuba) que relumbrauan de noche, é los de Narvaez creyéron que era muchas de las escopetas.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 122.

[72] Нарваес, или, скорее, его адвокат, значительно увеличивает количество убитых на своей стороне. Но это был намек на то, чтобы преувеличить зло, причиненное его работодателем. Сопоставление этого рассказа с рассказами Кортеса и его последователей дает наилучшее приближение к истине. “E allí le mattáron quinze hombres q^e muriéron de las feridas q^e les diéron é les quemáron seis hombres del dho Incendio q^e despues pareciéron las cabezas de ellos quemadas, é pusiéron á sacomano todo quantto ttenian los que benian con el dho mi partte como si fueran Moros y al dho mi partte robáron é saqueáron todos sus vienes, oro, é Platta é Joyas.” Demanda de Zavallos en nombre de Narvaez, MS.

[73] “Entre ellos venia Andres de Duero, y Agustin Bermudez, y muchos amigos de nuestro Capitã, y assí como veniã, ivan á besar las manos á Cortés, q̃ estaua sentado en vna silla de caderas, con vna ropa larga de color como narājada, cō sus armas debaxo, acōpañado de nosotros. Pues ver la gracia con que les hablaua, y abraçaua, y las palabras de tãtos cumplimiētos que les dezia, era cosa de ver que alegre estaua: y tenia mucha razon de verse en aquel pūto tan señor, y pujãte: y assí como le besauã la mano, se fuérō cada vno á su posada.” Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 122.

[74] Ibid., loc. cit.—“Dixose que como Narvaez vido á Cortés estando así preso le dixo: Señor Cortés, tened en mucho la ventura que habeis tenido, é lo mucho que habeis hecho en tener mi persona, ó en tomar mi persona. E que Cortés le respondiô, é dixo: Lo menos que yo he hecho en esta tierra donde estais, es haberos prendido: é luego le hizo poner á buen recaudo é le tubo mucho tiempo preso.” Oviedo, Hist. de лас Инд., ср., библиотека 33, глава 47.

[75] Овьедо говорит, что военные обсуждали, должен ли Веласкес де Леон подчиняться командам Кортеса, а не его родственника, губернатора Кубы. Они приняли решение в пользу первого на том основании, что он получил свои полномочия непосредственно от него. “Visto he platicar sobre esto á caballeros é personas militares sobre si este Juan Velasquez de Leon hizo lo que debia, en acudir ó no á Diego Velasquez, ó al Pánfilo en su nombre; E combienen los veteranos milites, é á mi parecer determinan bien la question, en que si Juan Velasquez tubo conducta de capitan para que con aquella Gente que él le dió ó toviere en aquella tierra como capitan particular le acudiese á él ó á quien le mandase. Juan Velasquez faltó á lo que era obligado en no pasar á Pánfilo de Narvaez siendo requerido de Diego Velasquez, mas si le hizo capitan Hernando Cortés, é le dió él la Gente, á él havia de acudir, como acudió, excepto si viera carta, á mandamiento expreso del Rey en contrario.” Hist. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 12.

[76] Это возвышение вдумчивый Овьедо относит к своим ослепительным и либеральным манерам, столь сильно контрастирующим с манерами губернатора Кубы. “En lo demas valerosa persona ha seido, é para mucho; y este deseo de mandar juntamente con que fué mui bien partido é gratificador de los que le viniéron, fué mucha causa juntamente con ser mal quisto Diego Velasquez, para que Cortés se saliese con lo que emprendió, é se quedase en el oficio, é governacion.” История. de las Ind., CP., lib. 33, cap. 12.

[77] Это было в разговоре с самим Овьедо в Толедо в 1525 году, в котором Нарваес, что было естественно, с большой горечью отозвался о поведении своего соперника. Сплетня, которая никогда не появлялась в печати, может представлять некоторый интерес для испанского читателя. “Que el año de 1525, estando Cesar en la cibdad de Toledo, ví allí al dicho Narvaez, é publicamente decia, que Cortés era vn traidor: E que dándole S. M. licencia se lo haria conocer de su persona á la suya, é que era hombre sin verdad, é otras muchas é feas palabras llamándole alevoso é tirano, é ingrato á su Señor, é á quien le havia embiado á la Nueva España, que era el Adelantado Diego Velasquez á su propia costa, é se le havia alzado con la tierra, é con la Gente é Hacienda, é otras muchas cosas que mal sonaban. Y en la manera de su prision la contaba mui al reves de lo que está dicho. Lo que yo noto de esto es, que con todo lo que oí á Narvaez, (como yo se lo dixe) no puedo hallarle desculpa para su descuido, porque ninguna necesidad tenia de andar con Cortés en pláticas, sino estar en vela mejor que la que hizo. E á esto decia él que le havian vendido aquellos de quien se fiaba, que Cortés le havia sobornado.” Oviedo, Hist. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 12.

[78] Эррера, Hist. генерал, декабрь. 2, библиотека. 10, глава. 6.—Овьедо, История. де лас Индж., CP., библиотека. 33, глава. 47. Берналь Диас, историк. de la Conquista, cap. 123.

[79] Diaz, who had often listened to it, thus notices his eloquence: “Comenzó vn parlamento por tan lindo estilo, y plática, tãbiẽ dichas cierto otras palabras mas sabrosas, y llenas de ofertas, q̃ yo aquí no sabré escriuir.” Там же, глава 122.

[80] Капитан Диас получил в качестве своей доли добычи филистимлян, как он сообщает нам, очень хорошего коня со всем своим снаряжением, пару мечей, три кинжала и щит - очень красивое снаряжение для кампании. Приказы генерала, естественно, были ему совсем не по вкусу. Там же, глава 124.

[81] Нарваес утверждает, что Кортес ограбил его имущество на сумму 100 000 кастельно золотом! (Требование де Завальоса в номбре де Нарваэса, ср.) Если это так, то разграбление лидера, возможно, дало рядовым возможность проявить щедрость.

[82] Требование де Завальоса в номбре де Нарваэса, МИСС—Берналь Диас, Hist. de la Conquista, глава 124.—Овьедо, История. де лас Индж., СР., либр. 33, глава. 47.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 130.—Камарго, История. де Тлашкала, ср. —Визит Нарваэса оставил у местных меланхолические следы, которые надолго запомнились. Негр из его свиты привез с собой оспу. Болезнь быстро распространилась в этой части страны, и вскоре большое количество населения Индии стало ее жертвами. Эррера, История. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, глава 6.

[83] “Se perdía la mejor, y mas Noble Ciudad de todo lo nuevamente descubierto del Mundo; y ella perdida, se perdía todo lo que estaba ganado, por ser la Cabeza de todo, y á quien todos obedecían.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 131.

[84] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 131.—Овьедо, История. де Лас Инд., ср., библиотека 33, главы 13, 14.—Берналь Диас, хист. де ла Конкиста, главы 124, 125.—Питер Мартир, De Orbe Novo, 5 декабря, глава 5.—Камарго, История. де Тласкала, МИСС

[85] Гомара, Крона, глава 103.—Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека 10, глава 7. —Берналь Диас увеличивает количество до 1300 пеших и 96 конных. (История. de la Conquista, глава 125.) Кортес сокращает это число менее чем вдвое. (Rel. Seg., ubi supra.) Оценка, приведенная в тексте двумя предыдущими источниками, почти соответствует оценке, уже приведенной в официальных документах сил Кортеса и Нарваэса до соединения.

[86] “Las sierras altas de Tetzcuco á que le mostrasen desde la mas alta cumbre de aquellas montañas y sierras de Tetzcuco, que son las sierras de Tlallocan altísimas y humbrosas, en las cuales he estado y visto, y puedo decir que son bastante para descubrir el un emisferio y otro, porque son los mayores puertos y mas altos de esta Nueva España, de árboles y montes de grandísima altura, de cedras, cipreses y pinares.” Камарго, Хист. де Тласкала, ср.

[87] The historian partly explains the reason: “En la misma Ciudad de Tezcucó habia algunos apasionados de los deudos y amigos de los que mataron Pedro de Alvarado y sus compañeros en México.” Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 88.

[88] “En todo el camino nunca me salió á recibir ninguna Persona de el dicho Mutezuma, como ántes lo solían hacer; y toda la Tierra estaba alborotada, y casi despoblada: de que concebí mala sospecha, creyendo que los Españoles que en la dicha Ciudad habían quedado, eran muertos.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 132.

[89] “Y como asomó á la vista de la Ciudad de México, parecióle que estaba toda yerma, y que no parecía persona por todos los caminos, ni casas, ni plazas, ni nadie le salió á recibir, ni de los suyos, ni de los enemigos; y fué esto señal de indignación y enemistad por lo que había pasado.” Sahagun, Hist. Нуэва-Испания, СР., библиотека 12, глава 19.

[90] “Pontes ligneos qui tractim lapideos intersecant, sublatos, ac vias aggeribus munitas reperit.” P. Martyr, De Orbe Novo, dec. 5, cap. 5.

[91] Probanza á pedimento de Juan de Lexalde, MS.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 133.—“Esto causó gran admiracion en todos los que venían, pero no dejaron de marchar, hasta entrar donde estaban los Españoles acorralados. Venían todos muy cansados y muy fatigados y con mucho deseo de llegar á donde estaban sus hermanos; los de dentro cuando los vieron, recibieron singular consolacion y esfuerzo y recibieronlos con la artillería que tenían, saludándolos, y dándolos el parabien de su venida.” Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека. 12, глава. 22.

[92] “E así los Indios, todos Señores, mas de 600 desnudos é con muchas joyas de oro é hermosos penachos, é muchas piedras preciosas, é como mas aderezados é gentiles hombres se pudieron é supieron aderezar, é sin arma alguna defensiva ni ofensiva bailaban é cantaban é hacían su areito é fiesta segun su costumbre.” (Oviedo, Hist. де лас Инд., ср., стр. 33, загл. 54.) Некоторые авторы доводят это число до восьмисот или даже тысячи. Лас Касас, с более скромным, чем обычно, преувеличением, увеличивает их число всего до двух тысяч. Библия отношений, стр. 48.

[93] “Sin duelo ni piedad Christiana los acuchilló, i mató.” Gomara, Crónica, cap. 104.

[94] “Fué tan grande el derramamiento de Sangre, que corrian arroyos de ella por el Patio, como agua cuando mucho llueve.” Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека. 12, глава. 20.

[95] [В процессе, возбужденном против Альварado, это массовое убийство является одним из самых важных обвинений. Там его обвиняют в убийстве четырехсот представителей высшей знати и огромного числа простых людей, из которых, как утверждается, более трех тысяч собрались, чтобы отпраздновать праздник в честь своего бога войны. “Ynbio al patyo donde todos baylaban y syn cabsa ni razon alguna dieron sobrellos y mataron todos los mas de los señores que estaban presos con el dicho Motenzuma y mataron cuatro cientos señores e prencipales que con el estaban e mataron mucho numero de yndios que estaban baylando en mas cantydad de tres mill personas.” (Procesos de Residencia, instruidos contra Pedro de Alvarado y Nuño de Guzman, p. 53.) Общественность в большом долгу перед лицензиатом доном Игнасио Районом за обнаружение этого важного документа, который более трех

столетий хранился в Генеральных архивах Мексики. У нас едва ли меньше оснований поблагодарить его за то, что он передал рукопись в руки такого компетентного ученого, как дон Хосе Фернандо Рамирес, чтобы обогатить ее запасами своей критической эрудиции. Публикация "процесса" состоялась только через несколько лет после публикации моей собственной "истории завоевания Мексики". Но, поскольку в нем содержится подробное описание различных обвинений против Альварадо и его собственной защиты, это дает мне возможность исправить любые ошибки, в которые я впал в отношении этого командира, и в то же время, я могу добавить, подтверждает общий смысл утверждений, которые я почерпнул из современных хроникеров.]

[96] “Y de aquí á que se acabe el mundo, ó ellos del todo se acaben, no dexarán de lamentar, y cantar en sus areytos, y bayles, como en romances, que acá dezimos, aquella calamidad, y perdida de la sucession de toda su nobleza, de que se preciauan de tantos años atras.” Лас Касас, Руководство по отношениям, стр. 49.

[97] Смотрите ответ Альварадо на запросы Кортеса, как сообщает Диас (Hist. de la Conquista, глава 125), с некоторыми дополнительными подробностями в книге Торквемады (Монарх. Инд., библиотека 4, глава 66), Солис (Конкиста, библиотека 4, глава 12) и Эррера (История. general, 2 декабря, библиотека 10, глава. 8), которые, похоже, согласны с версией Альварадо по этому вопросу. Я не нахожу другого авторитетного источника в том же благотворительном ключе.

[98] Овьедо упоминает разговор, который состоялся у него через несколько лет после этой трагедии с благородным испанцем доном Тоаном Кано, который прибыл в поезд Нарваэса и присутствовал при всех последующих операциях армии. Он женился на дочери Монтесумы и поселился в Мексике после завоевания. Овьедо описывает его как человека разумного и честного. В ответ на вопросы историка о причине восстания он сказал, что Альварадо бессмысленно учинил резню из чистой жадности; и ацтеки, разгневанные такой неспровоцированной и незаслуженной жестокостью, восстали, как только могли, чтобы отомстить за это. (История. de las Ind., ср., lib. 33, cap. 54.) Смотрите оригинальный диалог в Приложении, часть 2, № 11.

[99] “Verdaderamente dió en ellos por metelles temor.” Хист. de la Conquista, cap. 125.

[100] Таково, действительно, утверждение Икстлильшочитля, заимствованное, по его словам, у местных летописцев Тецкукана. По их словам, тлашкальцы, побуждаемые своей ненавистью к ацтекам и жадной грабежа, убедили Альварадо, что зная замышляет восстание по случаю этих празднеств. The testimony is important, and I give it in the author's words: “Fué que ciertos Tlascaltecas (segun las Historias de Tescuco que son las que lo sigo y la carta que otras veces he referido) por envidia lo uno acordándose que en semejante fiesta los Mexicanos solian sacrificar gran suma de cautivos de los de la Nacion Tlascalteca, y lo otro que era la mejor ocasion que ellos podian tener para poder hinchir las manos de despojos y hartar su codicia, y vengarse de sus Enemigos (porque hasta entonces no habian tenido lugar, ni Cortés se les diera, ni admitiera sus dichos, porque siempre hacia las cosas con mucho acuerdo) fuéron con esta invencion al capitan Pedro de Albarado, que estaba en lugar de Cortés, el qual no fué menester mucho para darles crédito porque tan buenos filos, y pensamientos tenia como ellos, y mas viendo que allí en aquella fiesta habian acudido todos los Señores y Cabezas del Imperio y que muertos no tenian mucho trabajo en sojuzgarles.” Ист. Чич., ср., глава 88.

[101] В защиту своего поведения, которое является частью процесса, Альварадо указывает на один из источников слухов о восстании ацтеков, говоря, что существование такой схемы имело общественную известность среди тлашкальцев. Он добавляет, что получил более точные сведения от двух или трех индейцев, одного тецкуканца, другого раба, которого он спас от жертвоприношения, на которое его обрекли ацтеки; что эти последние под прикрытием празднеств спланировали восстание против испанцев, в ходе которого все он и его соотечественники должны были быть истреблены. В то же время они решили снести изображение Девы Марии, которое было установлено в храме, и заменить его изображением своего бога войны Уицилопочтли. Монтесуму обвинили в причастности к этому заговору. Проинструктированный таким образом, Альварадо, как он утверждает, привел своих людей в готовность оказать сопротивление врагу, который после короткого столкновения был отброшен с резней, при этом один испанец был убит, а он сам с несколькими другими тяжело ранен (Proceso, стр. 66, 67). Но хотя приводится множество свидетелей, большинство из которых, вероятно, его старинные друзья и товарищи, подтверждающие его заявление, у того, кто размышляет о духе покорности, который до сих пор проявлял не только Монтесума, но и его подданные в своих отношениях с испанцами, и противопоставляет его свирепому и беспринципному нраву, проявленному Альварадо, не возникнет сомнений в том, на чьей голове должна лежать вина за резню; и, похоже, этого не чувствовало большинство писателей того времени, рассказывавших об этом деле.

[102] Мученик хорошо резюмирует эти жалобы, показывая, что таковыми они казались в глазах самих испанцев - по крайней мере, тех, чье суждение не было искажено долей в сделках. “Emori statuerunt malle, quam diutius ferre tales hospites qui regem suum sub tutoris vitæ specie detineant, civitatem occupent, antiquos hostes Tascaltecanos et alios prætere in contumeliam ante illorum oculos ipsorum impensa conseruent; ... qui demum simulachra deorum confregerint, et ritus veteres ac ceremonias antiquas illis abstulerint.” De Orbe Novo, 5 декабря, глава 5.

[103] Камарго, История. де Тласкала, ср.—Овьедо, Хист. де лас Индиан, ср., библиотека 33, главы 13, 47.—Гомара, Крона, глава 105.

[104] При своем отъезде из Мексики он оставил в гарнизоне 140 испанцев и около 6500 тласкаланцев, включая нескольких сempoallанских воинов. Предположим, что пятьсот из них — щедрое пособие — погибли в бою и в противном случае, все равно останется некоторое количество, которое с учетом приведенного сейчас подкрепления увеличит количество до указанного в тексте.

[105] “Видя, что все пошло вопреки его ожиданиям и что мы по-прежнему не получили никаких припасов, он чрезвычайно опечалился и показал себя по отношению к испанцам раздражительным и высокомерным”. Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 126.

[106] Об этой сцене сообщает Диас, который присутствовал при этом. (История. de la Conquista, cap. 126.) Смотрите также Хронику Гомары, капеллана Кортеса. (Глава 106.) Это также подтверждается очевидцем доном Тоаном Кано в его разговоре с Овьедо. См. Приложение, часть 2, № 11.

[107] Эрпера, Hist. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, глава 8.

[108] “El qual Mensajero bolvió dende á media hora todo descalabrado, y herido, dando voces, que todos los Indios de la Ciudad venian de Guerra y que tenian todas las Puentes alzadas; é junto tras él da sobre nosotros tanta multitud de Gente por todas partes que ni las calles ni Azoteas se parecian con Gente; la qual venia con los mayores alaridos, y grita mas espantable, que en el Mundo se puede pensar.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 134.—Oviedo, Hist. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 13.

[109] “Eran tantas las Piedras, que nos echaban con Hondas dentro en la Fortaleza, que no parecia sino que el Cielo las llovía; é las Flechas, y Tiraderas eran tantas, que todas las paredes y Patios estaban llenos, que casi no podíamos andar con ellas.” (Отв. Сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 134.) Неудивительно, что они столкнулись с некоторыми трудностями, пробираясь сквозь стрелы, если отчет Эрперы верен, что *сорок повозок* из них были собраны и сожжены осажденными каждый день! История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 10, глава 9.

[110] “Luego sin tardanza se juntaron los Mexicanos, en gran copia, puestos á punto de Guerra, que no parecia, sino que habian salido debajo de tierra todos juntos, y comenzaron luego á dar grita y pelear, y los Españoles les comenzaron á responder de dentro con toda la artillería que de nuevo habian traído, y con toda la gente que de nuevo habia venido, y los Españoles hicieron gran destrozo en los Indios, con la artillería, arcabuzes, y ballestas y todo el otro artificio de pelear.” (Саагун, История. новой Испании, ср., либр. 12, загл. 22.) Добрый отец становится красноречивым в своем описании сцены битвы.

[111] Противник представлял собой настолько легкую мишень, говорит Гомара, что артиллеристы заряжали и стреляли, почти не утруждая себя наведением своих орудий. “Tan recio, que los artilleros sin asestar jugaban con los tiros.” Crónica, cap. 106.

[112] “Hondas, que eran la mas fuerte arma de pelea que los Mejicanos tenian.” Камарго, Хист. де Тласкала, ср.

[113] “En la Fortaleza daban tan recio combate, que por muchas partes nos pusieron fuego, y por la una se quemó mucha parte de ella, sin la poder remediar, hasta que la atajámos, cortando las paredes, y derrocando un pedazo que mató el fuego. E si no fuera por la mucha Guarda, que allí puse de Escopeteros, y Ballesteros, y otros tiros de pólvora, nos entraran á escala vista, sin los poder resistir.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 134.

[114] Там же, ubi выше.—Гомара, Крона, глава 106.—Овьедо, История. инд., ср., либр. 33, загл. 13.—Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., либр. 12, загл. 22.—Gonzalo de las Casas, Defensa, MS., Parte 1, cap. 26. Берналь Диас, историк. de la Conquista, cap. 126.

[115] Исполнительная карта, СР.

[116] “Están todas en el agua, y de casa á casa vna puente leuadiza, passalla á nado, era cosa muy peligrosa; porque desde las açuteas tirauan tanta piedra, y cantos, que era cosa perdida ponernos en ello. Y demas desto, en algunas casas que les poníamos fuego, tardaua vna casa en se quemar vn dia entero, y no se podia pegar fuego de vna casa á otra; lo vno, por estar apartadas la vna de otra el agua en medio; y lo otro, por ser de açuteas.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 126.

[117] “Мексиканцы сражались с такой яростью, - говорит Диас, - что, если бы в тот день нам помогли десять тысяч гекторов и столько же Орландо, мы не произвели бы на них никакого впечатления. Было несколько наших солдат, - добавляет он, - которые служили в итальянских войнах, но ни там, ни в сражениях с турками они никогда не видели ничего подобного отчаянию, проявленному этими индейцами”. Хист. de la Conquista, cap. 126. Смотрите также последние страницы, см. раздел de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 135, —Ixtlilxochitl, Relaciones, ср.,—Probanza á pedimento de Juan de Lexalde, ср., —Oviedo, Hist. де лас Индиан, СР., библиотека 33, глава 13,—Гомара, Крона, глава 196.

[118] Эрпера, Hist. генерал, 2 декабря, глава 10, глава 9.—Торквемада, монарх. Ind., глава 4, глава 69.

[119] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, глава 126.—Овьедо, История. де лас Индж., СР., либр. 33, глава. 13.—Gomara, Crónica, cap. 107.

[120] Кортес послал Марину узнать у Монтекумы имя доблестного вождя, которого можно было легко увидеть со стен, вдохновляющего и направляющего своих соотечественников. Император сообщил ему, что это был его брат Куитлауа, предполагаемый наследник его короны, и тот самый вождь, которого испанский командующий освободил несколькими днями ранее. Эррера, история. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, глава 10.

[121] “¿Que quiere de mí ya Malinche, que yo no deseo vivir ni oír? pues en tal estado por su causa mi ventura me ha traído.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 126.

[122] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, см. выше.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., СР., глава 88.

[123] Акоста сообщает о предании, согласно которому Куаутемозин, племянник Монтекумы, который сам впоследствии унаследовал трон, был человеком, выпустившим первую стрелу. Библиотека 7, глава 26.

[124] Я описал это трагическое событие и сопутствующие ему обстоятельства в том виде, в каком они изложены, более или менее подробно, но по существу одинаково, наиболее авторитетными авторами того и последующего времени, — некоторые из них были очевидцами. (См. Берналь Диас, История. Конкисты, глава 126.—Овьедо, История. лас Индиана, СР., библиотека 33, глава. 47.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 136.—Камарго, История. де Тласкала, СР.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., СР., глава 88.—Эррера, Хист. генерал, 2 декабря, библиотека 10, глава 10. —Торквемада, монарх. Ind., lib. 4, cap. 70.—Акоста, ubi выше.—Мученик, De Orbe Novo, 5 декабря, cap. 5.) Это также подтверждается Кортесом в документе о предоставлении любимой дочери Монтекумы определенных поместий в качестве приданого. (См. Приложение, № 12.) Дон Тоан Кано, действительно, женившийся на этой принцессе, заверил Овьедо, что мексиканцы уважали личность монарха до тех пор, пока видели его, и не знали, когда они выпускали свои снаряды, что он присутствовал, будучи скрытым от посторонних глаз щитами испанцев. (См. Приложение, № 11.) Это невероятное утверждение повторяет капеллан Гомара. (Crónica, cap. 107.) Однако Овьедо отвергает это, утверждая, что Альварado, сам присутствовавший на месте происшествия, в разговоре с ним впоследствии недвусмысленно подтвердил рассказ, приведенный в тексте. (История. де лас Инд., ср., стр. 33, загл. 47.) Мексиканцы представили совсем другой отчет об этой сделке. Согласно им, Монтекума вместе с лордами Тецкоко и Тлателолко, которые затем содержались испанцами в крепости в качестве пленников, были задушены с помощью *гарроты*, а их мертвые тела переброшены через стены своим соотечественникам. Я цитирую оригинал отца Саагуна, который собрал эту историю у самих ацтеков:

“De esta manera se determinaron los Españoles á morir ó vencer varonilmente; y así hablaron á todos los amigos Indios, y todos ellos estuvieron firmes en esta determinacion: y lo primero que hicieron fué que diéron garrote á todos los Señores que tenían presos, y los echaron muertos fuera del fuerte: y antes que esto hiciesen les dijéron muchas cosas, y les hicieron saber su determinación, y que de ellos habia de comenzar esta obra, y luego todos los demas habian de ser muertos á sus manos, dijéronles, no es posible que vuestros Idolos os libren de nuestras manos. Y desde que les hubieron dado garrote, y vieron que estaban muertos, mandáronlos echar por las azoteas, fuera de la casa, en un lugar que se llama Tortuga de Piedra, porque allí estaba una piedra labrada á manera de Tortuga. Y desde supieron y vieron los de á fuera, que aquellos Señores tan principales habian sido muertos por las manos de los Españoles, luego tomaron los cuerpos, y les hicieron sus exequias, al modo de su Idolatría, y quemaron sus cuerpos, y tomaron sus cenizas, y las pusieron en lugares apropiadas á sus dignidades y valor.” История. de Nueva-España, ср., lib. 12, cap. 23.

Вряд ли есть необходимость комментировать абсурдность этого чудовищного обвинения, которое, однако, нашло одобрение у некоторых более поздних авторов. Независимо от всех других соображений, испанцы не торопились бы со смертью индийского монарха, поскольку, как справедливо замечает тецукан Икстлильшочитль, это был самый смертельный удар, который мог обрушиться на них, поскольку были разорваны последние узы, связывавшие их с мексиканцами. Хист. Чич., ср., ubi выше.

[125] “Salí fuera de la Fortaleza, aunque manco de la mano izquierda de una herida que el primer día me habían dado: y liada la rodela en el brazo fuí á la Torre con algunos Españoles, que me siguieron.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 138.

[126] См. том ii. стр. 320-323.—Я рискнул повторить здесь описание храма, поскольку важно, чтобы читатель, который, возможно, не обратится к предыдущим страницам, представил себе его отчетливый образ в своем воображении, прежде чем приступить к рассказу о битве.

[127] Многие ацтеки, по словам Саагуна, видя судьбу своих товарищей, попавших в руки испанцев на узких террасах внизу, добровольно бросались очертя голову с высокой вершины и разбивались вдребезги о мостовую. “Y los de arriba viendo á los de abajo muertos, y á los de arriba que los iban matando los que habían subido, comenzaron á arrojarlos del cu abajo, desde lo alto, los cuales todos morían despenados, quebrados brazos y piernas, y hechos pedazos, porque el cu era muy alto; y otros los mismos Españoles los arrojaban de

lo alto del cu, y así todos cuantos allá habian subido de los Mexicanos, murieron mala muerte.” Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека. 12, глава. 22.

[128] Среди прочего см. Herrera, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека 10, глава 9, —Торквемада, монарх. Ind., lib. 4, cap. 69, — и Солис, как обычно, очень подробно, Конкиста, lib. 4, cap. 16. Первый из этих авторов имел доступ к некоторым современным источникам, например, к хронике старого солдата Охеды, с которой сейчас никто не встречается. Странно, что о столь доблестном подвиге не сообщил сам Кортес, которого нельзя обвинить в неуверенности в себе в подобных вопросах.

[129] Капитан Диас, иногда немного грубоватый, настойчиво восхваляет доблесть, проявленную его командиром в этом случае. “Здесь Кортес показал себя настоящим мужчиной, таким, каким он всегда был. О, какая битва, какая напряженная битва у нас была! Было незабываемо видеть нас, истекающих кровью и полных ран, и более сорока убитых солдат”. (История. de la Conquista, cap. 126.) Перья старых хронистов не отстают от их мечей в описании этого блестящего подвига: “colla penna e colla spada”, столь же удачный. See Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 138.—Gomara, Crónica, cap. 106.—Sahagun, Hist. Нуэва-Испания, ср., библиотека. 12, глава. 22.—Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека. 10, глава. 9. Овьедо, История. де лас Индиана, СР., библиотека 33, глава. 13.—Торквемада, монарх. Изд., библиотека 4, глава 69.

[130] Архиепископ Лоренцана придерживается мнения, что это изображение Богородицы такое же, какое сейчас можно увидеть в церкви *Нуэстра Сеньора де лос Ремедиос*! (Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 138, nota.) Каким образом Пресвятая Дева пережила разграбление города и снова появилась на свет, он нам не сообщает. Но чем труднее объяснить, тем несомненное чудо.

[131] Ни одно достижение на войне не внушало мексиканцам большего благоговения, чем этот штурм великого храма, в котором белые люди, казалось, в равной степени бросили вызов силам Бога и человека. После завоевания среди туземцев часто встречались иероглифические рисунки, напоминающие об этом. Чувствительный капитан Диас намекает, что те, кого он видел, настолько полно описывали раны и потери христиан, насколько того требовали факты. (История. de la Conquista, ubi supra.) Это был единственный способ, которым побежденные могли отомстить.

[132] “Sequenti nocte, nostri erumpentes in vna viarum arcu vicina, domos combussère tercentum: in altera plerasque e quibus arcu molestia fiebat. Ita nunc trucidando, nunc diruendo, et interdum vulnera recipiendo, in pontibus et in viis, diebus noctibusque multis laboratum est utrinque.” (Мученик, De Orbe Novo, 5 декабря, глава 6.) В количестве действий и их общем результате, а именно в победах, бесплодных победах христиан, все авторы согласны. Но что касается времени, места, обстоятельств или порядка, то здесь нет ничего общего. Как историку наших дней создать гармоничную ткань из этих пестрых и разноцветных нитей?

[133] Это имя, под которым она до сих пор прославляется в популярной мексиканской песне менестрелей. Была ли знаменитая гора Глашкалан, *сьерра-де-Малинче*, в древности называвшаяся “Маталькуэйе”, названа в честь индийской девушки? Во всяком случае, это была заслуженная честь от ее приемных соотечественников.

[134] По словам Кортеса, они хвастались, в несколько более высоком тоне, что могут выложить двадцать пять тысяч за одного: “морир вейнт и синко мил де элос, и один из лос-нуэстрос”. Отв. Сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 139.

[135] “Que todas las calzadas de las entradas de la ciudad eran deshechas, como de hecho passaba.” Ibid., loc. cit.—Oviedo, Hist. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 13.

[136] “Pues tambien quiero dezir las maldiciones que los de Narvaez echauan á Cortés, y las palabras que dezian, que renegauan dél, y de la tierra, y aun de Diego Velasquez, que acá les embió, que bien pacíficos estauan en sus casas en la Isla de Cuba, y estavan embelesados, y sin sentido.” Бернал Диас, Хист. de la Conquista, ubi supra.

[137] Несмотря на это, в петиции или письме из Вера-Крус, адресованном армией императору Карлу V. После завоевания настойчивость солдат прямо указана в качестве основного мотива, который в конце концов побудил их генерала покинуть город. Carta del Ejército, MS.

[138] “Дефицит был таков, что рацион индейцев составлял небольшую лепешку, а испанцев - пятьдесят зерен маиса”. Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека. 10, глава. 9.

[139] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 135.—Гомара, Крона, глава 106.—Доктор Берд в своем живописном романе “Калавар” хорошо использовал эти *манты*, действительно, лучше, чем это может быть разрешено историку. Он претендует на привилегию романтика; хотя следует признать, что он не злоупотребляет этой привилегией, поскольку с большой тщательностью изучил костюм, манеры и военные обычаи туземцев. Он сделал для них то, что Купер сделал для диких племен Севера, — придал их грубым чертам яркую окраску поэтической фантазии. Ему также повезло в описании живописных пейзажей страны. Если он был менее удачлив в попытке возродить античный диалог испанского кавалера, мы не должны удивляться. Нет ничего сложнее,

чем искусно выполнить современный антиквариат. Требуется весь гений и ученость Скотта, чтобы выполнить его так, чтобы знаток не обнаружил подделку.

[140] Carta del Ejército, MS.—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 140.—Gomara, Crónica, cap. 109.

[141] Клавиджеро ошибается, называя эту улицу Истапалапан. (Стр. del Messico, tom. iii. p. 120.) Это была не та улица, по которой испанцы вошли, а та, по которой они в конце концов покинули город, и Лоренцана правильно указал ее как улицу Тлакопан, или, скорее, Такуба, название которой испанцы извратили. См. том ii. стр. 322, примечание.

[142] Именно Овьедо находит параллель для своего героя в римском воине; тот же самый, если процитировать волнующую душу легенду о Маколее,

- кто так хорошо держал мост

В доблестные старые времена.

“Mui digno es Cortés que se compare este fecho suyo desta jornada al de Oracio Cocles, que se tocó de suso, porque con su esfuerzo é lanza sola dió tanto lugar, que los caballos pudieran pasar, é hizo desembarazar la puente é pasó, á pesar de los Enemigos, aunque con harto trabajo.” Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 13.

[143] Это был отличный прыжок для рыцаря и коня в доспехах. But the general's own assertion to the emperor (Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 142) is fully confirmed by Oviedo, who tells us he had it from several who were present: “Y segun lo que yo he entendido de algunos que presentes se halláron, demas de la resistencia de aquellos havia de la vna parte á la otra casi vn estado de saltar con el caballo sin le faltar muchas pedradas de diversas partes, é manos, é por ir el, é su caballo bien armados no los hiriéron; pero no dexó de quedar atormentado de los golpes que le diéron.” Хист. de las Ind., MS., ubi supra.

[144] Воистину, “dignus vindice nodus”! Вмешательство небесного рыцарства в этих случаях засвидетельствовано многими уважаемыми авторитетами самым безоговорочным образом. Поучительно наблюдать за борьбой, происходящей в сознании Овьедо между велениями здравого смысла и превосходной образованности и велениями суеверий того времени. В шестнадцатом веке это была неравная битва с крайне неблагоприятными для первых шансами. Я цитирую этот отрывок как характерный для того времени. “Afirmar que se vido el Apóstol Santiago á caballo peleando sobre vn caballo blanco en favor de los Christianos; é decian los Indios que el caballo con los pies y manos é con la boca mataba muchos dellos, de forma, que en poco discurso de tiempo no pareció Indio, é reposáron los Christianos lo restante de aquel día. Ya sé que los incrédulos ó poco devotos dirán, que mi ocupacion en esto destos miraglos, pues no los ví, es superflua, ó perder tiempo novelando, y yo hablo, que esto é mas se puede creer, pues que los gentiles é sin fê, Idólatras escriben, que ovo grandes misterios é miraglos en sus tiempos, é aquellos sabemos que eran causados é fechos por el Diablo, pues mas fácil cosa es á Dios é á la immaculata Virgen Nuestra Señora é al glorioso Apóstol Santiago, é á los santos é amigos de Jesu Christo hacer esos miraglos, que de suso estan dichos, é otros maiores.” История. de las Ind., CP., lib. 33, cap. 47.

[145] “Multi restiterunt lapidibus et iaculis confossi, fuit et Cortesius grauitur percussus, pauci evaserunt incolumes, et hi adeò languidi, vt neque lacertos erigere quirent. Postquam vero se in arcem receperunt, non commode satis conditas dapes, quibus reficerentur, inuenerunt, nec forte asperi maiicij panis bucellas, aut aquam potabilem, de vino aut carnibus sublata erat cura.” (Мученик, De Orbe Novo, 5 декабря, глава 6.) Смотрите также, о тяжелых боях, описанных на последних страницах, Овьедо, История. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 13,—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, pp. 140-142,—Carta del Ejército, MS.,—Gonzalo de las Casas, Defensa, MS., Parte 1, cap. 26,—Herrera, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека 10, главы 9, 10, —Гомара, Крона, глава 107.

[146] Это чувство с необычайной энергией выражено в стихах Вольтера:

“Mais renoncer aux dieux que l'on croit dans son cœur,

C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur;

C'est trahir à la fois, sous un masque hypocrite,

Et le dieu qu'on préfère, et le dieu que l'on quitte;

C'est mentir au Ciel même, à l'univers, à soi."

ALZIRE, acte 5, sc. 5.

[147] Камарго, новообращенный тлашкаланец, говорит, что несколько завоевателей рассказали ему, что Монтесума крестился по собственному желанию в последние минуты своей жизни, и что Кортес и Альварадо выступили спонсорами этого события. "Muchos afirman de los conquistadores que yo conocí, que estando en el artículo de la muerte, pidió agua de bautismo é que fué batizado y murió Cristiano, aunque en esto hay grandes dudas y diferentes pareceres; mas como digo que de personas fidedignas conquistadores de los primeros desta tierra de quien fuimos informados, supimos que murió batizado y Cristiano, é que fueron sus padrinos del bautismo Fernando Cortés y Don Pedro de Alvarado." (Hist. де Тлашкакала, ср.) По словам Гомары, мексиканский монарх пожелал креститься до прибытия Нарваэса. Церемония была отложена до Пасхи, чтобы ее можно было провести с большим эффектом. Но в спешке и суматохе последующих сцен это было забыто, и он умер, так и не смыв с себя пятна неверности. (Crónica, cap. 107.) Торквемада, который не часто бывает пирронистом в том, что касается чести веры, отвергает эти рассказы как несовместимые с последующим молчанием самого Кортеса, а также Альварадо, которые были бы громогласны, если бы провозгласили событие, которого они так долго и тщетно добивались. (Монарх. Изд., библиотека. 4, глава. 70.) Критика отца сильно подкрепляется тем фактом, что ни одно из предыдущих свидетельств не подтверждается сколько-нибудь авторитетными авторами, в то время как они противоречат нескольким, популярной традиции и, можно добавить, друг другу.

[148] "Respondió, Que por la media hora que le quedaba de vida, no se queria apartar de la religion de sus Padres." (Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 10, глава 10.) "Ya he dicho," says Diaz, "la tristeza que todos nosotros huvimos por ello, y aun al Frayle de la Merced, que siempre estaua con él, y no le pudo atraer á que se bolviesse Christiano." Hist. de la Conquista, cap. 127.

[149] *Aunque no le pesaba dello*; буквально "хотя он и не раскаивался в этом". Но утверждать это было бы чересчур для человеческой натуры; и, вероятно, язык индийского принца претерпел небольшие изменения, поскольку он был просеян при интерпретации Марины. Испанский читатель найдет оригинал беседы, переданный самим Кортесом, в примечательном документе в Приложении № 12. Генерал добавляет, что он добросовестно выполнил просьбу Монтесумы, приняв его дочерей после Завоевания в свою семью, где, *согласно желанию их царственного отца, они были крещены* обучены доктринам и обычаям христианской веры. Впоследствии они вышли замуж за кастильских идалго, и правительство выделило им солидное приданое. См. Примечание 36 к этой главе.

[150] Я принимаю хронологию Клавиджеро, которая не может быть далека от истины. (История. дель Мессико, том iii, стр. 131.) И все же есть основания предполагать, что он умер по крайней мере на день раньше.

[151] “De suerte que le tiraron una pedrada con una honda y le diéron en la cabeza, de que vino á morir el desdichado Rey, habiendo gobernado este nuevo Mundo con la mayor prudencia y gobierno que se puede imaginar, siendo el mas tenido y reverenciado y adorado Señor que en el mundo ha habido, y en su linaje, como es cosa pública y notoria en toda la maquina deste Nuevo Mundo, donde con la muerte de tan gran Señor se acabaron los Reyes Culhuaques Mejicanos, y todo su poder y mando, estando en la mayor felicidad de su monarquía; y así no hay de que fiar en las cosas desta vida sino en solo Dios.” История. де Тласкала, ср.

[152] “Y Cortés lloró por él, y todos nuestros Capitanes, y soldados: é hombres hubo entre nosotros de los que le conocíamos, y tratauamos, que tan llorado fué, como si fuera nuestro padre, y no nos hemos de maravillar dello, viendo que tan bueno era.” Хист. de la Conquista, cap. 126.

[153] “Он любил христиан, - говорит Эррера, - настолько, насколько можно было судить по внешнему виду”. (История. общие положения, 2 декабря, библиотека 10, глава 10.) “Говорят, ” замечает капеллан генерала, “ что Монтесума, хотя его часто призывали к этому, никогда не соглашался ни на смерть испанца, ни на увечье Кортеса, которого он чрезвычайно любил. Но есть те, кто оспаривает это”. (Гомара, Crónica, глава 107.) Дон Тоан Кано заверил Овьедо, что во время всех неприятностей испанцев с мексиканцами, как в отсутствие Кортеса, так и после его возвращения, император делал все возможное, чтобы снабдить лагерь провизией. (См. Приложение, № 11.) И, наконец, сам Кортес в уже упоминавшемся документе, датированном шестью годами после смерти Монтесумы, убедительно свидетельствует о доброй воле, которую он проявил к испанцам, и, в частности, оправдывает его в какой-либо причастности к позднему восстанию, которое, как говорит Завоеватель, “я надеялся подавить с его помощью”. (См. Приложение, № 12.) — Испанские историки, в целом, — несмотря на случайные намеки на сомнения относительно его добросовестности по отношению к их соотечественникам, — почтительно упоминают многие превосходные качества индийского принца. Солис, однако, самый выдающийся из всех, опровергает рассказ о своей смерти замечанием, что “его последние часы были потрачены на то, чтобы извергать месть и проклятия против своего народа; пока он не отдал сатане, с которым он часто общался при жизни, вечное владение своей душой!” (Conquista de México, lib. 4, cap. 15.) К счастью, историограф индейцев мог знать о судьбе Монтесумы в загробном мире так же мало, как он, по-видимому, знал о ней в этом. Был ли это фанатизм или желание выставить характер своего собственного героя в более ярком свете, что побудило его столь недостойно затемнить характер своего индийского соперника?

[154] “Dicen que venció nueve Batallas, i otros nueve Campos, en desafio vno á vno.” Gomara, Crónica, cap. 107.

[155] Согласно Клавиджеро, на ацтекских картинах изображен только один из его предшественников, Тизок, принадлежавший к этому рыцарскому ордену. Stor. del Messico, tom. ii. p. 140.

[156] “Эра каутелозо, ардидозо, ке валерозо. En las Armas, y modo de su gobierno, fué muy justiciero; en las cosas tocantes á ser estimado y tenido en su Dignidad y Majestad Real de condicion muy severo, aunque cuerdo y gracioso.” Ixtlilxochitl, Hist. Чич., ср., глава 88.

[157] Полный адрес приведен Торквемадой, монархом. Изд., библиотека 4, глава 68.

[158]

“Τέχνη δ’ ἀνάγκης ἀσθενεστέρα μακρῶ.

Τίς οὖν ἀνάγκης ἐστὶν οἰακοστρόφος;

Μοῖραι τρίμορφοι μνήμονές τ’ Ἑρινύες.

Τούτων ἄρα Ζεὺς ἐστὶν ἀσθενέστερος;

Οὐκ οὖν ἂν ἐκφύγοι γε τὴν πεπρωμένην.”

[159] Сеньор де Кальдерон, покойный испанский посланник в Мексике, сообщает мне, что он не раз проходил мимо индейского жилища, где индейцы из его свиты оказывали почтение, говоря, что в нем жил потомок Монтесумы.

[160] Этот сын, при крещении получивший имя Педро, происходил от одной из королевских наложниц. У Монтесумы было две законные жены. От первого из них, по имени Тесалко, у него был сын, погибший при бегстве из Мексики, и дочь по имени Текуичпо, принявшая христианство и получившая имя Изабелла. В очень юном возрасте она вышла замуж за своего двоюродного брата Куаутемозина и прожила достаточно долго после его смерти, чтобы отдать свою руку четырем кастильцам, все из благородной семьи. От двух из них, дона Тоана Кано и дона Хуана Андрады, произошли прославленные семьи Кано и Андрады Монтесума. От последнего произошли графы Миравалле, замеченные Гумбольдтом ("Очерки политики", том ii, стр. 73, примечание). См. Аламан, Исторические исследования, том ii, стр. 325. —Монтесума от своей второй жены, принцессы Акатлан, оставил двух дочерей, названных в честь их обращения Марией и Леонорой. Первый умер, не оставив потомства. Донья Леонор вышла замуж за испанского кавалера Кривоалеа де Вальдerrамы, от которого произошло семейство Сотелос де Монтесума.Королевская генеалогия подробно представлена в Мемориале, излагающем претензии внуков Монтесумы на определенную собственность по праву их соответствующих матерей. Документ без даты находится среди рукописей Муньоса.

[161] Интересно знать, что потомок императора ацтеков, дон Хосе Сармьенто Вальядарес, граф Монтесума, правил в качестве вице-короля с 1697 по 1701 год владениями своих варварских предков. (Гумбольдт, "Очерки политики", том ii, стр. 93, примечание.) {*} Солис говорит об этом благородном доме, гранде Испании, который смешал свою кровь с кровью Гусманов и Мендоса. Клавиджеро проследил их происхождение от сына императора Иохуаликауа, или дома Педро Монтесумы (как его называли после крещения), вплоть до конца восемнадцатого века. (См. Солис, "Конкиста", книга 4, 15.—Клавиджеро, Рассказ. del Messico, tom. i. p. 302, tom. iii. p. 132.) Титул графа был пожалован главе семьи Филиппом Вторым в 1556 году. В 1765 году, при Карле Третьем, граф Монтесума стал грандом Испании и получал ежегодную пенсию в размере 40 000 *песо*. (Alaman, Disertaciones históricas, tom. i. p. 159.) Последний из рода, о ком мне удалось получить какие-либо сведения, умер незадолго до этого в этой стране. Он был очень богат, у него были большие поместья в Испании, но, как оказалось, не отличался особой мудростью. Когда ему исполнилось семьдесят или более лет, он перебрался в Мексику в тщетной надежде, что нация из уважения к его происхождению сможет посадить его на трон его индейских предков, столь недавно занятый самонадеянным Итурбиде. Но современные мексиканцы, при всей их ненависти к старым испанцам, не проявляли никакого уважения к королевской крови ацтеков. Несчастный дворянин удалился в Новый Орлеан, где вскоре после этого положил конец своему существованию, вышибив себе мозги, — однако не из честолюбия, если верить слухам, а из разочарованной любви!

{*} [Сеньор Аламан в примечании к этому отрывку говорит, что это был не вице-король, а его жена, донья Мария Херонима Монтесума, которая была потомком императора ацтеков. Она была третьей графиней Монтесума по праву, титул ее мужа был герцогом Атликско.—К.]

[162] Гомара, Крона, глава 107.—Эррера, история. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, глава 10.

[163] Торквемада, монарх. Изд., библиотека. 4, глава. 7.

[164] Овьедо, История. de las Ind., ср., lib. 33, cap. 47.—Астролог предсказал, что Кортес будет доведен до величайшего отчаяния, а впоследствии достигнет больших почестей и богатства. (Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 128.) Он проявил себя таким же хитроумным в своем искусстве, как вест-индская сивилла, предсказавшая судьбу несчастной Жозефины.

[165] "Pues al astrólogo Botello, no le aprouechó su astrología, que tambien allí murió." Берналь Диас, ubi, указано выше.

[166] Местонахождение сокровища было указано с некоторыми расхождениями, хотя все согласны относительно его окончательной судьбы. Сам генерал не избежал обвинения в халатности и даже казнокрадстве, причем совершенно необоснованного, со стороны своих врагов. Изложенное в тексте подтверждается показаниями под присягой самых уважаемых участников экспедиции, приведенными в документе, на который уже неоднократно ссылались. "Hizo sacar el oro é joyas de sus Altezas é le dió é entregó á los otros oficiales Alcaldes é Regidores, é les dixo á la rason que así se lo entregó, que todos viesen el mejor modo é manera que habia para lo poder salvar, que él allí estaba para por su parte hacer lo que fuese posible é poner su persona á qualquier trance é riesgo que sobre lo salvar le viniese.... El qual les dió para ello una muy buena yegua, é quatro ó cinco Españoles de mucha confianza, á quien se encargó la dha yegua cargado con el otro oro." Probanza á pedimento de Juan de Lexalde.

[167] "Desde aquí se lo doi, como se ha de quedar aquí perdido entre estos perros." Берналь Диас, История. de la Конкиста, глава 128.—Овьедо, История. de Лас Индиана, СР., либр. 33, глава 47.

[168] Капитан Диас рассказывает нам, что он удовлетворился четырьмя *чалчивитлями*— зелеными камнями, столь ценными туземцами, — которые он хитроумно выудил из королевской казны до того, как мажордом Кортеса успел их достать. Премия оказала ему большую услугу, предоставив ему средства для получения еды и медикаментов в случае крайней необходимости впоследствии от жителей страны. Там же., лок. cit.

[169] Овьедо, История. de las Ind., MS., ubi supra.

[170] Гомара, Крона, глава 109.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 143.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, главы 13, 47.

[171] Существует некоторая трудность в установлении точной даты их ухода, как, впрочем, и большинства событий Конкисты; старые хронисты считали внимание к хронологии несколько излишним. Икстлильшочитль, Гомара и другие устанавливают дату на 10 июля. Но это полностью противоречит письму Кортеса, в котором говорится, что армия достигла Тлашкалы восьмого июля, а не десятого, как его неверно цитирует Клавиджеро (Stor. дель Мессико, том iii. стр. 135, 136, примечания); и из точного отчета генерала об их ежедневном продвижении следует, что они покинули столицу в последнюю ночь июня, или, скорее, утром 1 июля. Он также добавляет, что это было ночью, последовавшей за делом о мостах в городе. Сост. Отв. ред. А. П. Лоренцана, стр. 142-149.

[172] [Это второе нарушение, говорит Рамирес, “место разгрома и резни испанцев находилось перед *Сан-Ипполито*, где в память об этом событии была построена часовня, посвященная *мученикам*, — хотя, несомненно, никто из тех, кто там пал, не претендовал на мученический венец”. Notas y Esclarecimientos, p. 104.]

[173] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 143.—Камарго, История. де Тласкала, СР.—Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава 128.—Овьедо, История. инд., ср., либ. 33, главы 13, 47.—Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., либ. 12, главы. 24.—Мученик, De Orbe Novo, 5 декабря, глава. 6.—Эррера, История. генерал, 2 декабря, либр. 10, глава. 4.—Probanza en la Villa Segura, MS.

[174] “Pues la grita, y lloros, y lástimas q̃ deziã demãdando socorro: Ayudadme, q̃ me ahogo, otros: Socorredme, q̃ me matã, otros demãdando ayuda á N. Señora Santa María, y á Señor Santiago.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 128.

[175] “В этом бою Мария де Эстрада, не обращая внимания на свой пол, проявила себя самой доблестной и, вооруженная мечом и щитом, совершила удивительные подвиги, ворвавшись в гущу врага с отвагой и духом, равными мужеству храбрейшего из мужчин.... Эта дама стала женой Педро Санчеса Фарфана, и деревня Тетела была дарована им *в качестве энкомьенды*”. Торквемада, монарх. Изд., библиотека 4, глава 72.

[176] Камарго, История. де Тласкала, МИСС—Берналь Диас, истор. de la Conquista, cap. 128.—“Por la gran priesa que daban de ambas partes de el camino, comenzaron á caer en aquel foso, y cayeron juntos, que de Españoles, que de Indios y de caballos, y de cargas, el foso se hinchó hasta arriba, cayendo los unos sobre los otros, y los otros sobre los otros, de manera que todos los del bagage quedaron allí ahogados, y los de la retaguardia pasaron sobre los muertos.” Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека. 12, глава. 24.

[177] “E los que habian ido con Narvaez arrojaronse en la sala, é cargaronse de aquel oro é plata quanto pudieron; pero los menos lo gozaron, porque la carga no los dexaba pelear, é los Indios los tomaban vivos cargados; é á otros llevaban arrastrando, é á otros mataban allí; E así no se salvaron sino los desocupados é que iban en la delantera.” Oviedo, Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 47.

[178] Эррера, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека. 10, глава. 11.—Овьедо, История. де лас Индж., СР., библиотека. 33, глава. 13. Берналь Диас, историк. de la Conquista, cap. 128.

[179] “Luego encontraron con Pedro de Alvarado bien herido con vna lança en la mano á pie, que la yegua alaçana ya se la auian muerto.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 128.

[180] “Y los amigos vista tan gran hazaña quedaron maravillados, y al instante que esto vieron se arrojaron por el suelo postrados por tierra en señal de hecho tan heroico, espantable y raro, que ellos no habian visto hacer á ningun hombre, y ansi adoraron al Sol, comiendo puñados de tierra, arrancando yervas del campo, diciendo á grandes voces, verdaderamente que este hombre es *hijo del Sol*.” (Camargo, Hist. de Tlaşkala, ср.) Этот автор ознакомился с процессом, возбужденным наследниками Альварадо, в котором они изложили заслуги своего предка, засвидетельствованные самыми доблестными военачальниками народа Тлашкала, присутствовавшими при Завоевании. *Возможно*, что знаменитый прыжок был одним из тех “достоинств”, о которых говорит историк. Так считает М. де Гумбольдт, цитируя Камарго. (Essai politique, tom. ii. p. 75.) Это сделало бы больше, чем что-либо другое, для установления факта. Но язык Камарго, как мне кажется, не обязательно оправдывает такой вывод.

[181] “Se llama aora la puente del salto de Alvarado: y platicauamos muchos soldados sobre ello, y no hallavamos razon, ni soltura de vn hombre que tal saltasse.” Хист. de la Conquista, cap. 128.

[182] Гомара, Крона, глава 109.—Камарго, История. де Тласкала, ubi выше.—Овьедо, История. де лас Индж., СР., библиотека 33, глава. 47. Последний автор, однако, откровенно говорит, что многие, видевшие это место, заявляли, что оно показалось им невозможным. “Fué tan estremado de grande el salto, que á muchos hombres que han visto aquello, he oído decir que parece cosa imposible haberlo podido saltar ninguno hombre humano. En fin él lo saltó é ganó por ello la vida, é perdiéronla muchos que atras quedaban.”

[183] На это место указывают каждому путешественнику. Это место, где канава небольшой ширины пересекается небольшим мостом недалеко от западной оконечности Аламеды. Недавно построенный там дом может несколько помешать размышлениям антиквара. (Alaman, Disertaciones históricas, tom. i. p. 202.) Поскольку это место получило свое название во времена Альварадо, он вряд ли мог пренебречь этой историей. Но, поскольку длина прыжка, как ни странно, нигде не указана, читатель не может иметь возможности вынести свое собственное суждение о его вероятности. [К несчастью для любителей чудесного, теперь приводится другая версия рассказа о побеге Альварадо, которая лишает его славы, которую ему принес этот поразительный подвиг. В процессе против него, который был раскрыт только через несколько лет после публикации настоящей работы, одно из обвинений заключалось в том, что он бежал с поля боя, бросив своих солдат на произвол судьбы, и спасся с помощью балки, которая уцелела после разрушения моста и все еще тянулась через пропасть с одной стороны на другую. Вождь в своем ответе сказал, что он не только не бросил своих людей, но и они бросили его, и что он не бежал, пока не был ранен, а его лошадь не была убита под ним, когда он перебрался через брешь, был схвачен конным всадником с другой стороны и выведен из боя. То, что ему не следовало упоминать о способе своего побега, гораздо менее славном, чем то, что обычно приписывают ему, может привести нас к выводу, что это было слишком правдиво, чтобы его оспаривать. Таково суждение сеньора Рамиреса, который в своем отчете об этом деле сообщает нам, что побег Альварадо отнюдь не был предметом восхищения, в свое время он был признан заслуживающим наказания как акт дезертирства, стоивший жизни многим храбрым последователям, которых он оставил после себя. (См. "Процесс Альварадо", стр. 53, 68, с едкими замечаниями Рамиреса, стр. xiv, 288 и далее.) Естественно, что потомок покоренной расы питает особое отвращение к самому жестокому преследователю ацтеков.]

[184] “Fué Dios servido de que los Mejicanos se ocupasen en recojer los despojos de los muertos, y las riquezas de oro y piedras que llevaba el bagage, y de sacar los muertos de aquel acequia, y á los caballos y otros bestias. Y por esto no siguiéron el alcance, y los Españoles pudieron ir poco á poco por su camino sin tener mucha molestia de enemigos.” Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека. 12, глава. 25.

[185] Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека. 33, глава. 47.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 89.—Гомара, Крона, глава 109.

[186] Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека. 10, глава. 12.

[187] “Такуба, ” говорит этот интересный путешественник Латроб, - лежит у подножия холмов и в наши дни известна главным образом большой и благородной церковью, которую построил там Кортес. И совсем рядом вы видите очертания испанского лагеря. Я не рискую утверждать, но может показаться совпадением, что именно эту позицию выбрал Кортес для укрепления после только что упомянутого отступления и перед тем, как он начал свой мучительный путь к Отумбе ”. (Рамблер в Мексике, Письмо 5.) Из нашего текста очевидно, что Кортес не смог бы создать здесь укреплений, по крайней мере, при отступлении из столицы.

[188] Лоренцана, Виаж, стр. xiii.

[189] Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека. 12, глава. 24.—Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава. 128.—Камарго, История. де Тласкала, СР.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., СР., глава 89.

[190] Приведенная ниже таблица может дать читателю некоторое представление о расхождениях в числовых оценках даже среди очевидцев и писателей, которые, имея доступ к действующим лицам, пользуются почти равным авторитетом:

Убитые и пропавшие без вести.				
Кортес, ап. Лоренцана, стр. 145,	150	испанцев,	2000	индейцев
Кано, ап. Овьедо, библиотека 33, глава 54,	1170	“	8000	“
Пробанза и т.д.,	200	“	2000	“
Овьедо, История. de las Ind., библиотека 33, глава 13,	150	“	2000	“
Камарго,	450	“	4000	“
Гомара, глава 109,	450	“	4000	“
Икстлильшочитль, История. Чич., глава 88,	450	“	4000	“

Саагун, библиотека 12, глава 24,	300	“	2000	“
Эррера, 2 декабря, библиотека 10, глава 12,	150	“	4000	“

Берналь Диас не утруждает себя согласием с самим собой. Указав, что тыл, на который пришлось самые тяжелые потери, состоял из 120 человек, он добавляет в том же абзаце, что 150 из них были убиты, и это число увеличивается до 200 через несколько строк! Люди Фальстафа в мешковине! Смотрите историю. de la Conquista, глава 128. — Оценка Кано, правда, охватывает тех — но их число было сравнительно небольшим, — кто впоследствии погиб во время похода. Тот же источник утверждает, что 270 человек из гарнизона, не зная о предполагаемом уходе своих соотечественников, были вероломно оставлены во дворце Аксаякатль, где они сдались на определенных условиях, но впоследствии все были принесены в жертву ацтеками! (См. Приложение, № 11.) Невероятность этой чудовищной истории, согласно которой армия со всем своим снаряжением могла покинуть цитадель без ведома стольких своих товарищей, — и это тоже допустимо в условиях, когда сотрудничество каждого человека так важно, — слишком очевидна, чтобы требовать опровержения. Эррера сообщает, что гораздо более вероятно, что Кортес отдал особые приказы капитану Охеде проследить, чтобы в спешке никто из спящих или раненых не остался незамеченным в их каютах. История. общие сведения, 2 декабря, библиотека. 10, глава. 11.

[191] “Pues de los de Narvaez, todos los mas en las puentes quedáron, cargados de oro.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 128.

[192] По словам Диаса, часть золота, доверенного *тлашкаланскому* конвою, была сохранена. (История. de la Conquista, cap. 136.) Из уже процитированного документа, — Probanza de Villa Segura, MS., — выясняется, что за это отвечал кастильский охранник.

[193] Gomara, Crónica, cap. 109.—Oviedo, Hist. de las Ind., ср., стр. 33, загл. 13. Испытание на Вилле Сегура, МИСС—Берналь Диас, истор. de la Conquista, cap. 128.

[194] Лоренцана, Виаж, стр. xiii.

[195] Последний случай, я полагаю, прямого вмешательства Пресвятой Девы в защиту метрополии был в 1833 году, когда ее привезли в город, чтобы предотвратить холеру. Однако она отказалась провести ночь в городе, но на следующее утро была найдена в своем собственном убежище в Лос-Ремедиос, и судя по грязи, которой она была обильно забрызгана, она, должно быть, преодолела расстояние - несколько лиг — по болотистым тропам пешком! См. Latrobe, Rambler в Мексике, Письмо 5.

[196] Эпитет, которым, по словам Диаса, местные жители постоянно обращались к кастильцам и который — правильно это или нет — он интерпретирует как *богов* или *божественных существ*. (См. Hist. de la Conquista, cap. 48, et alibi.) Одна из строф "Эрсиллы" намекает на существование аналогичного заблуждения у южноамериканских индейцев — и аналогичного средства от него:

“Por dioses, como dixen, eran tenidos

de los Indios los nuestros; pero oliéron

que de muger y hombre eran nacidos,

y todas sus flaquezas entendieron:

viéndolos á miserias sometidos,

el error ignorante conocieron,

ardiendo en viva rabia avergonzados

por verse de mortales conquistados.”

LA ARAUCANA, Parte 1, Canto 2.

[197] Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 147. — По словам Овьедо, голод снабдил их соусом, который придавал их конине такой же вкус, как знаменитым неаполитанским сосискам, нежному козленку из Авилы или пикантной телятине из Сапаросы! “Con la carne del caballo tubieron buen pasto, é se consoláron ó mitigáron en parte su hambre, é se lo comieron sin dexar cuero, ni otra cosa dél sino los huesos, é las vñas, y el pelo; é aun las tripas no les pareció de menos buen gusto que las sobreasados de Nápoles, ó los gentiles cabritos de Abila, ó las sabrosas Terneras de Zaragoza, segun la estrema necesidad que llevaban; por que despues que de la gran cibdad de Temixtitan havian salido, ninguna otra cosa comieron sino mahiz tostado, é cocido, é yervas del campo, y desto no tanto quanto quisieran ó ovieran menester.” История. de las Ind., CP., lib. 33, cap. 13.

[198] Эррера упоминает одного солдата, которому удалось унести свое золото стоимостью в 3000 *кастельянос* через дамбу, а затем выбросить его по совету Кортеса. “Дьявол забери твое золото, ” прямо сказал ему командир, “ если это будет стоить тебе жизни”. Хист. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, глава 11.

[199] Gomara, Crónica, cap. 110.

[200] Значение слова *Тлашкала*, и назван так из-за обилия кукурузы, выращиваемой в стране. Ботурини, Идея, стр. 78.

[201] “Empero la Nacion nuestra Española sufre mas hambre que otra ninguna, i estos de Cortés mas que todos.” Gomara, Crónica, cap. 110.

[202] Предыдущие страницы см. в Camargo, Hist. de Тласкала, CP., —Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава 128,— Овьедо, История. де лас Индиан, CP., библиотека 33, глава 13, —Гомара, Крона, выше, —Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 89, —Мученик, De Orbe Novo, 5 декабря, глава 6, —Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 147, 148, —Саагун, История. Нуэва-Испания, CP., библиотека 12, главы 25, 26.

[203] “Su nombre, que quiere decir *habitacion de los Dioses*, y que ya por estos tiempos era ciudad tan famosa, que no solo competia, pero excedia con muchas ventajas á la corte de Tollan.” Вейтия, История. антиг., том. i. глава. 27.

[204] Пирамида Микерина имеет высоту 280 футов только у основания и 162 фута в высоту. Великая пирамида Хеопса имеет 728 футов в основании и 448 футов в высоту. См. Денон, "Иллюстрированный египет" (Лондон, 1825), стр. 9.

[205] “Требуется определенная позиция, “ говорит мистер Тюдор, - объединенная с некоторой долей веры, чтобы вообще открыть пирамидальную форму”. (Турне по Северной Америке, том ii, стр. 277.) И все же мистер Буллок говорит: “Общая форма квадрата столь же совершенна, как великая египетская пирамида”. (Шесть месяцев в Мексике, том ii, глава 26.) Очевидцы - оба! Историку часто приходится довольствоваться повторением, выражаясь словами старофранцузского светского человека, —

*“Si com je l’ai trové escrita,
Vos conterai la vérité.”*

[206] Это мнение М. де Гумбольдта. (См. его "Эссе политики", том ii, стр. 66-70.) Он также обсуждал эти интересные памятники в своих книгах о Кордильерах, стр. 25, и далее.

[207] Латроб дает описание этой полости, в которую он и его попутчики проникли. Рамблер в Мексике, Письмо 7.

[208]

*“Et tot templa deūm Romæ, quot in urbe sepulcra
Heroum numerare licet: quos fabula manes
Nobilitat, noster populus veneratus adorat.”*
PRUDENTIUS, Contra Sym., lib. 1.

[209] Размеры приведены Буллоком ("Шесть месяцев в Мексике", том ii, глава ii). 26), который иногда видел то, что ускользало от глаз других путешественников.

[210] Таков отчет, предоставленный кавалером Ботурини. Идея, стр. 42, 43.

[211] “И Иштлильшочитль, и Ботурини, которые посетили эти памятники, один в начале семнадцатого, другой в первой половине восемнадцатого века, свидетельствуют о том, что они видели остатки этой статуи. Они полностью исчезли к 1757 году, когда Вейтия исследовал пирамиду. История. антиг., том. i. глава. 26.

[212]

“Agricola, incurvo terram molitus aratro,

Exesa inveniet scabra rubigine pila,” etc.

ГЕОРГ., lib. i.

[213] “Y como iban vestidos de blanco, parecia el campo nevado.” Herrera, Hist. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, глава 13.

[214] “Vistosa confusion,” says Solís, “de armas y penachos, en que tenian su hermosura los horrores.” (Конкиста, библиотека 4, глава 20.) На его картине видна рука великого художника, которым он, безусловно, был. Но ему не следовало давать огнестрельное оружие в руки своих соотечественников в этом случае.

[215] “Y cierto creímos ser aquel el último de nuestros días.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 148.

[216] Камарго, История. де Тласкала, ср.—Овьедо, История. де лас Инд., СР., библиотека 33, глава. 14.—Берналь Диас, история. Конкиста, глава 128.—Саагун, История. Новая Испания, СР., либр. 12, глава. 27. Кортес мог бы обратиться к своим войскам, как

Наполеон в знаменитой битве с мамлюками: “Вон с тех пирамид сорок веков смотрят на вас сверху вниз”. Но положение испанцев было слишком серьезным для театральной демонстрации.

[217] It is Sahagun's simile: “Estaban los Españoles como una Isleta en el mar, combatida de las olas por todas partes.” (История. новой Испании, ср., lib. 12, cap. 27.) Достопочтенный миссионер собрал подробности этого действия, как он сообщает нам, у нескольких человек, присутствовавших при нем.

[218] Вдохновенный портрет молодого воина Тукапеля, созданный эпическим бардом Эрсиллой, может быть применен к Сандовалю без применения насилия, как описано кастильскими хронистами:

“Cubierto Tucapél de fina malla

saltó como un ligero y suelto pardo

en medio de la tímida canalla,

haciendo plaza el bárbaro gallardo:

con silvos grita en desigual batalla:

con piedra, palo, flecha, lanza y dardo

le persigue la gente de manera

como si fuera toro, ó brava fiera.”

LA ARAUCANA, Parte 1, canto 8.

[219] Эррера, Hist. общие сведения, 2 декабря, библиотека 10, глава. 13.—“Este caballo harriero,” says Camargo, “le sirvió en la conquista de Méjico, y en la última guerra que se dió se le matáron.” История. де Тласкала, ср.

[220] Впоследствии император Карл V разрешил храброму кавалеру присвоить этот трофей своему гербу в память о его подвиге. Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 128.

[221] Все историки единодушны в праздновании этого славного подвига Кортеса, который, заключает Гомара, “одной рукой спас всю армию от уничтожения”. См. Crónica, глава 110.—Также Sahagun, История. de Nueva-España, CP., lib. 12, глава. 27.—Camargo, История. де Тласкала, CP.—Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава 128.—Овьедо, История. де Лас Инд., ср., библиотека. 33, глава. 47.—Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека. 10, глава. 13. Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 89.—Краткое и чрезвычайно скромное уведомление об этом событии в собственном письме генерала составляет прекрасный контраст со стилем панегириков других: “В этом трудном сражении мы потратили большую часть дня, пока Богу не было угодно, чтобы в их рядах был убит человек, имевший такое значение, что его смерть положила конец битве”. Отв. Разд., ап. Лоренцана, стр. 148.

[222] “Pues á nosotros,” says the doughty Captain Diaz, “no nos dolian las heridas, ni teniamos hambre, ni sed, sino que parecia que no auíamos auido, ni passado ningun mal trabajo. Seguimos la vitoria matando, é hiriendo. Pues nuestros amigos los de Tlascala estavan hechos vnos leones, y con sus espadas, y montantes, y otras armas que allí apañáron, hazíanlo muy biē y esforçadamente.” Хист. de la Conquista, loc. cit.

[223] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, ubi supra.

[224] Воинственный апостол Святой Иаков, ехавший, как обычно, на своем молочно-белом скакуне, пришел на помощь по этому случаю; событие, ознаменованное посвящением ему скита по соседству. (Камарго, История. de Tlascala.) Диас, в прошлом скептик, признает свою несомненную правоту в этом вопросе. (История. de la Conquista, ubi supra.) Согласно тецкуканскому

хронисту, его поддерживали Пресвятая Дева и святой Петр. (Hist. Чич., ср., глава 89.) Voltaire sensibly remarks, “Ceux qui ont fait les relations de ces étranges événemens les ont voulu relever par des miracles, qui ne servent en effet qu’à les rabaisser. Le vrai miracle fut la conduite de Cortés.” Voltaire, Essai sur les Mœurs, chap. 147.

[225] См. Овьедо, История. де Лас Инд., ср., библиотека. 33, глава. 47.—Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека. 10, глава. 13.—Gomara, Crónica, cap. 110.

[226] Не тот ли это фонтан, о котором Торибио почетно упоминает в своем топографическом описании страны? “Nace en Tlaxcala una fuente grande á la parte del Norte, cinco leguas de la principal ciudad; nace en un pueblo que se llama Azumba, que en su lengua quiere decir *cabeza*, y así es, porque esta fuente es cabeza y principio del mayor rio de los que entran en la mar del Sur, el cual entra en la mar por Zacatula.” Хист. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 16.

[227] “El qual pensamiento, y sospecha nos puso en tanta afliccion, quanta trahiamos viniendo peleando con los de Culúa.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 149.

[228] “Y mas dixo, que tenia esperança en Dios que los hallariamos buenos, y leales: é que si otra cosa fuesse, lo que Dios no permita, que nos han de tornar á andar los puños con coraçones fuertes, y braços vigorosos, y que para esso fuessemos muy apercibidos.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 128.

[229] Кортес назвал Gualipan. (Отв. разд., ап. Лоренцана, стр. 149.) Ацтеку было бы трудно проследить маршрут своих врагов по их маршрутам.

[230] Там же, ubi выше.—Однако Тоан Кано, один из военнослужащих, отрицает это и утверждает, что местные жители приняли их как своих детей и не потребовали никакой компенсации. (См. Приложение, № 11.)

[231] “Y que tubiesse por cierto, que me serian muy ciertos, y verdaderos Amigos, hasta la muerte.” Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 150.

[232] Камарго, История. де Тласкала, МИСС—Берналь Диас, истор. de la Conquista, ubi supra.—“Sobreviniéron las mugeres Tlascaltecas, y todas puestas de luto y llorando á donde estaban los Españoles, las unas preguntaban por sus maridos, las otras por sus hijos y hermanos, las otras por sus parientes que habian ido con los Españoles, y quedaban todos allá muertos: no es menos, sino que de esto llanto causó gran sentimiento en el corazon del Capitan, y de todos los Españoles, y él procuró lo mejor que pudo consolarles por medio de sus Intérpretes.” Саагун, История. Нуэва-Испания, СР., библиотека. 12, глава. 28.

[233] “Ваше усвоение вопроса о манко де дос дедос де ла мано искьерда” — это собственное выражение Кортеса в его письме императору. (Отв. разд., А. П. Лоренцана, стр. 152.) Дон Тоан Кано, однако, чьи симпатии — возможно, из-за его союза с индейцами — похоже, были в равной степени на стороне ацтеков, чем на стороне его собственных соотечественников, заверил Овьедо, который оплакивал потерю генерала, что он может не сожалеть об этом, поскольку у Кортеса в тот час было столько же пальцев на руке, сколько и тогда, когда он приехал из Кастилии. (См. Приложение, № 11.) Не может ли слово *манков* его письме быть переведено как “искалеченный”?

[234] “Hiriéron á Cortés con Honda tan mal, que se le pasmó la Cabeça, ó porque no le curáron bien, sacándole Cascos, ó por el demasiado trabajo que pasó.” Gomara, Crónica cap. 110.

[235] Эррера, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека. 10, глава. 13. —Берналь Диас История. de la Conquista, ubi supra.

[236] Отв. сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 150.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., стр. 33, загл. 15. Эррера приводит следующую надпись, вырезанную на коре дерева кем-то из этих несчастных испанцев: “По этой дороге проходили Хуан Хусте и его несчастные спутники, которые были так измучены голодом, что были вынуждены отдать солидный слиток золота весом в восемьсот дукатов за несколько лепешек маисового хлеба”. Hist. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, глава 13.

[237] Вспоминается похожее замечание, сделанное ему солдатами Александра по достижении Гистасписа, — но с большим успехом; что, действительно, было разумно. Ибо Александр продолжал продвигаться вперед, руководствуясь амбициями бесконечных завоеваний, в то время как Кортес был настроен только на осуществление своего первоначального предприятия. То, что было безумием в одном, было героизмом в другом.

[238] “Acordándome, que siempre á los osados ayuda la fortuna, y que eramos Christianos y confiando en la grandíssima Bondad, y Misericordia de Dios, que no permitiria, que del todo pereziessemos, y se perudiesse tanta, y tan noble Tierra.” Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 152.

[239] Этот ответ, восклицает Овьедо, показал человека непобедимого духа и высокого предназначения: “Паразитируй на спасении дио Эрнандо Кортеса, как хизо в бою, как коза непобедимого врага, как путь мученической смерти и доблести”. История. de las Ind., СР., lib. 33, cap. 15.

[240] “E no me hable ninguno en otra cosa; y él que desta opinion no estubiere váyase en buen hora, que mas holgaré de quedar con los pocos y osados, que en compañía de muchos, ni de ninguno cobarde, ni desacordado de su propia honra.” Хист. de las Ind., MS., loc. cit.

[241] Овьедо расширил речь Кортеса на несколько страниц, в ходе которой оратор цитирует Ксенофонта и в значительной степени заимствует из старой еврейской истории, стиль красноречия, в котором гораздо больше привкуса скрытности, чем лагеря. Кортес не был педантом, а его солдаты не были учеными.

[242] Описание этой бурной транзакции см. В Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 129,—Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 152,—Oviedo, Hist. de las Indias, CP., библиотека 33, глава 15,—Гомара, Крона, главы 112, 113,—Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 10, глава. 14.—Диас чрезвычайно разгневан на капеллана Гомару за то, что он не делает различий между старыми солдатами и новобранцами Нарваэса, которых он в равной степени вовлекает в грех мятежа. Версия самого капитана кажется справедливой, и поэтому я следовал ей в тексте.

[243] Овьедо, История. де Лас Инд., ср., библиотека 33, глава. 15.—Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 10, глава. 14.—Саагун, История. Нуэва-Испания, CP., библиотека. 12, глава. 29.

[244] Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека. 33, глава. 47.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 166.—Саагун, История. de Nueva-España, ср., lib. 12, главы 27, 29. — Или, скорее, это было “по наущению великого Дьявола, предводителя всех дьяволов, называемого Сатаной, который регулировал все в Новой Испании по своей свободной воле и удовольствию до прихода испанцев”, согласно отцу Саагуну, который начинает свою главу этим красноречивым примером.

[245] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 88.—Саагун, История. де Нуэва-Эспанья, CP., библиотека 12, глава 29.—Эррера, История. общие положения, декабрь 2, библиотека 10, глава 19.

[246] О разбирательствах в сенате Тлашкалы более или менее подробно, но по существу аналогично, сообщает Camargo, Hist. de Tlaxcala, ср., —Саагун, История. де Нуэва-Испания, CP., библиотека 12, глава 29,—Эррера, История. general, 2 декабря, библиотека 12, глава. 14.—См. также Берналя Диаса, Hist. de la Conquista, cap. 129,—Gomara, Crónica, cap. 111.

[247] Индейское название столицы, такое же, как и название провинции, —*Тепехакак*, было искажено испанцами в *Тепеака*. Следует признать, что он выиграл от коррупции.

[248] “Y como aquello vió Cortés, comunicólo con todos nuestros Capitanes, y soldados: y fué acordado, que se hiziesse vn auto por ante Escriuano, que diesse fe de todo lo passado, y que se diessen por esclauos.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 130.

[249] Хронисты оценивают его армию в 50 000 воинов; половина, по словам Торибио, располагаемых вооруженных сил республики. “De la cual (Tlascala), como ya tengo dicho, solian salir cien mil hombres de pelea.” Хист. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 16.

[250] “В ту ночь, - говорит доверчивый Эррера, рассказывая о кутежах, последовавших за одной из их побед, - союзники-индейцы устроили грандиозный ужин из ног и рук; ибо, помимо невероятного количества жаркого на деревянных вертелах, у них было пятьдесят тысяч горшочков тушеного человеческого мяса”! (История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 10, глава. 15.) Такой банкет не показался бы пикантным ноздрям Кортеса.

[251] “Y allí hizieron hazer el hierro con que se auian de herrar los que se tomauan por esclauos, que era una G., que quiere decir guerra.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 130.

[252] Солис, Конкиста, библиотека 5, глава 3.

[253] Называется испанцами *Уакачулаи* пишется со всеми мыслимыми вариациями древними авторами, которым можно простить то, что они спотыкаются из-за такой путаницы согласных.

[254] “Y toda la Ciudad está cercada de muy fuerte Muro de cal y canto, tan alto, como quatro estados por de fuera de la Ciudad: é por de dentro está casi igual con el suelo. Y por toda la Muralla va su petril, tan alto, como medio estado, para pelear, tiene quatro entradas, tan anchas, como uno puede entrar á Caballo.” Rel. Seg., p. 162.

[255] Имя этого кавалера обычно пишется летописцами по-русски. В копии его собственной подписи я нахожу надпись Oli.

[256] “Я был бы очень рад захватить кого-нибудь живым, - говорит Кортес, - кто мог бы сообщить мне о том, что происходило в великом городе, и кто был там хозяином после смерти Монтесумы. Но мне удалось спасти только одного; и он был скорее мертв, чем жив”. Отв. Сег. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 159.

[257] “Y á ver que cosa era aquella, los quales eran mas de treinta mil Hombres, y la mas lúcida Gente, que hemos visto, porque trahian muchas Joyas de Oro, y Plata, y Plumajes.” Там же, стр. 160.

[258] “Alcanzando muchos por una Cuesta arriba muy agra; y tal, que quando acabámos de encumbrar la Sierra, ni los Enemigos, ni nosotros podíamos ir atras, ni adelante: é assí caieron muchos de ellos muertos, y ahogados de la calor, sin herida ninguna.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 160.

[259] “Porque demas de la Gente de Guerra, tenían mucho aparato de Servidores, y fornecimiento para su Real.” Ibid., p. 160.

[260] История захвата этого укрепленного поста рассказана капитаном Диасом совсем по-другому. По его словам, Олид, когда он отступил к Чолуле из-за отказа своих людей наступать из-за сильного подозрения, которое они питали в каких-то нечестных действиях со стороны своих союзников, получил от Кортеса такой язвительный выговор, что вынудил свои войска возобновить марш и, атаковав врага “с яростью тигра”, полностью разбил их. (Хист. de la Conquista, cap. 132.) Но эта версия случившегося, насколько мне известно, не подтверждается ни одним современником. Кортес настолько скрупулезен в своем отчете, что часто бывает необходимо дополнить упущения подробностями других авторов. Но там, где он позитивен в своих заявлениях, — если только нет каких—либо оснований подозревать предвзятость, — его практика писать на месте и особые возможности для получения информации, предоставляемые его должностью, делают его, безусловно, лучшим авторитетом.

[261] Кортес, менее чувствительный к живописности, чем его великий предшественник на пути открытий, Колумб, был столь же быстр в определении возможностей почвы. “Tiene un Valle redondo muy fertil de Frutas, y Algodon, que en ninguna parte de los Puertos arriba se hace por la gran frialdad; y allí es Tierra caliente, y cáusalo, que está muy abrigada de Sierras; todo este Valle se riega por muy buenas Azequias, que tienen muy bien sacadas, y concertadas.” Rel. Seg. de Cortés, ap. Lorenzana, pp. 164, 165.

[262] По словам Кортеса, их было так много, что они покрыли холмы и долины, насколько хватало глаз, собрав более ста двадцати тысяч человек! (Там же, стр. 162.) Когда Завоеватели попытаются произвести что-либо похожее на точную нумерацию, с таким же успехом можно будет заменить “множество”, “великая сила” и т.д., Доверив количество собственному воображению читателя.

[263] О военных действиях с индейскими племенами, замеченных на предыдущих страницах, см., в дополнение к так часто цитируемому Письму Кортеса, Овьедо, Hist. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 15,—Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека 10, главы 15, 16,—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 90,—Берналь Диас, хист. Конкиста, главы 130, 132, 134,—Гомара, Крона, главы 114-117,—П. Мученик, Новая Орбита, 5 декабря, глава 6,—Камарго, История. де Тласкала, МИСС

[264] “La primera fué de viruela, y comenzó de esta manera. Siendo Capitan y Governador Hernando Cortés al tiempo que el Capitan Pánfilo de Narvaez desembarcó en esta tierra, en uno de sus navíos vino un negro herido de viruelas, la cual enfermedad nunca en esta tierra se habia visto, y esta sazon estaba esta nueva España en extremo muy llena de gente.” Торибио, Привет. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 1.

[265] “Мориан комо чинчес-а-монтонес”. (Торибио, История. de los Indios, ubi supra.) “Число умерших от этой болезни было так велико, что похоронить их не было возможности, и в Мексике мертвых бросали в каналы, затем наполняли водой, пока воздух не отравлялся зловонием разлагающихся тел”. Саагун, История. новая Испания, библиотека 8, глава 1.

[266] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 136.

[267] История. de la Conquista, ubi supra.—Herrera, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека 10, глава 19.—Саагун, История. Нуэва-Испания, CP., библиотека 12, глава 39.

[268] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 131.

[269] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, главы 131, 133, 136.—Эррера, История. общие сведения, ubi выше.—Отв. ред. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 154, 167.—Овьедо, История. de las Ind., ср., библиотека 33, глава 16.

[270] Отв. сег. де Кортес, А. п. Лоренцана, стр. 156.

[271] Клавиджеро, Stop. del Messico, tom. iii. p. 153.

[272] “E creo, como ya á Vuestra Magestad he dicho, que en muy breve tomará al estado, en que antes yo la tenia, é se restaurarán las pérdidas pasadas.” Rel. Seg., ap. Lorenzana, p. 167.

[273] “Me pareció, que el mas conveniente nombre para esta dicha Tierra, era llamarse *la Nueva España del Mar Océano*: y assí en nombre de Vuestra Magestad se le puso aqueste nombre; humildemente suplico á Vuestra Alteza lo tenga por bien, y mande, que se nombre assí.” (Там же, стр. 169.) Название “Новая Испания”, без других дополнений, было ранее дано Грихальвой Юкатану. *Анте*, Книга 2, Глава 1.

[274] It was dated, “De la Villa Segura de la Frontera de esta Nueva-España, á treinta de Octubre de mil quinientos veinte años.” Но из-за потери корабля, который должен был доставить его, письмо было отправлено только весной следующего года, оставив нацию все еще в неведении о судьбе отважных искателей приключений в Мексике и о масштабах их открытий.

[275] О чувствах, вызванных этими открытиями, можно судить по переписке Питера Мученика, проживавшего в то время при кастильском дворе. Посмотрите, в частности, его послание, датированное мартом 1521 года, своему благородному ученику маркизу де Мондехару, в котором он с безграничным удовлетворением рассказывает обо всех богатых запасах науки, которые открыла миру экспедиция Кортеса. *Opus Epistolarum*, ep. 771.

[276] Этот мемориал находится в той части моей коллекции, которую создал бывший президент Испанской академии Варгас Понсе. Он подписан четырьмя сотнями сорока четырьмя именами; и примечательно, что в этом списке, включающем все остальные известные имена в армии, нет имени Берналя Диаса дель Кастильо. Это может быть объяснено только его болезнью; как он говорит нам, примерно в это время он был прикован к постели лихорадкой. *Historia de la Conquista*, cap. 134.

[277] Отн. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 179.—Эррера, *Historia*. генерал, 2 декабря, библиотека 10, глава 18. — Алонсо де Авила отправился с депешами в Сан-Доминго. Берналь Диас, который время от времени не прочь подшутить над своим командиром, говорит, что Кортес был готов избавиться от этого галантного кавалера, потому что тот был слишком независимым и прямолинейным. *Hist. de la Conquista*, cap. 136.

[278] Берналь Диас, *Hist. de la Conquista*, глава 136.—Эррера, *Historia*. генерал, 2 декабря, библиотека. 10, глава 19.

[279] *Ibid.*, *ubi supra*.—“Niçolo,” says Herrera, “i armóle caballero, al vso de Castilla; i porque lo fuese de Jesu-Christo, le hiço, bautiçar, i se llamó D. Lorenzo Maxiscatzin.”

[280] Чтобы узнать, каким образом Монтаньо и его отважные товарищи раздобыли эту статью, см. Том ii., стр. 227.

[281] “Ansí se hicieron trece bergantines en el barrio de Atempa, junto á una hermita que se llama San Buenaventura, los quales hizo y otro Martin Lopez uno de los primeros conquistadores, y le ayudó Neguez Gomez.” *Historia de Tlascala*, cp.

[282] Солис отмечает этого принца замечанием, “что он правил всего несколько дней; однако достаточно долго, чтобы его лень и апатия стерли память о его имени в народе”. (Конкиста, библиотека 4, глава. 16.) Откуда историограф Индии позаимствовал колорит для этого портрета, я не могу догадаться; конечно, не у древних авторитетов, которые единообразно описывают характер и поведение правителя ацтеков в том свете, в каком они представлены в тексте. Кортес, которому следовало бы знать, описывает его “как очень мудрого и доблестного”. Отв. разд., ап. Лоренцана, стр. 166. — Смотри также, Саагун, *Historia*. Нуэва-Испания, ср., библиотека 12, глава 29,—Эррера, *Historia*. генерал, 2 декабря, библиотека 10, глава 19, —Икстлильшочитль, *Historia*. Чич., СР., глава 88,—Овьедо, *Historia de las Indias*, ср., библиотека 33, глава 16,—Гомара, Крона, глава 118.

[283] Читатель, владеющий испанским, увидит, что в приведенной в тексте версии я сжал оригинал, который изобилует тавтологиями и повторами, характерными для произведений грубого народа. “Señor nuestro, ya V. M. sabe como es muerto nuestro N.: ya lo habeis puesto debajo de vuestros pies: ya está en su recogimiento, y es ido por el camino que todos hemos de ir y á la casa donde hemos de morar, casa de perpetuas tinieblas, donde ni hay ventana, ni luz alguna: ya está en el reposo donde nadie le desasosegará.... Todos estos señores y reyes rigieron, gobernaron, y gozaron del señorío y dignidad real, y del trono y sitial del imperio, los cuales ordenaron y concertaron las cosas de vuestro reino, que sois el universal señor y emperador, por cuyo albedrio y motivo se rige todo el universo, y que no teneis necesidad de consejo de ningun otro. Ya estos dichos dejaron la carga intolerable del gobierno que tragieron sobre sus hombros, y lo dejaron á su sucesor N., el cual por algunos pocos dias tuvo en pie su señorío y reino, y ahora ya se ha ido en pos de ellos al otro mundo, porque vos le mandásteis que fuese y le llamásteis, y por haberle descargado de tan gran carga, y quitado tan gran trabajo, y haberle puesto en paz y en reposo, está muy obligado á daros gracias. Algunos pocos dias le lográmos, y ahora para siempre se ausentó de nosotros para nunca mas volver al mundo.... ¿Quien ordenará y dispondrá las cosas necesarias al bien del pueblo, señorío y reino? ¿Quien elegirá á los jueces particulares, que tengan carga de la gente baja por los barrios? ¿Quien mandará tocar el atambor y pífano para juntar gente para la guerra? ¿Y quien reunirá y acaudillará á los soldados viejos, y hombres diestros en la pelea? Señor nuestro y amparador nuestro! tenga por bien V. M. de elegir, y señalar alguna persona suficiente para que tenga vuestro trono, y lleve á costas la carga pesada del régimen de la república, regocige y regale á los populares, bien así como la madre regala á su hijo, poniéndole en su regazo.... O señor nuestro humanísimo! dad lumbre y resplandor de vuestra mano á esto reino!... Hágase como V. M. fuere servido en todo, y por todo.” Sahagun, *Hist. nueva España*, библиотека 6, глава 5.

[284] Испанцы, по-видимому, изменили *Qua*, с которой начинаются ацтекские имена, на *Gua* таким же образом, как на метрополии они изменили *Wad* в начале арабских имен на *Guad*. (См. Condé, *El Nubiense*, Описание Испании, notas, passim.) Ацтекский *тзин* добавлялся к именам суверенов и великих лордов в знак почтения. Таким образом, Куитлахуа назывался Куитлахуацин. Это окончание, обычно опускаемое испанцами, было сохранено случайно или, возможно, ради благозвучия в имени Гватемозин.

[285] “Mancebo de hasta veynte y cinco años, bien gentil hombre para ser Indio, y muy esforçado, y se hizo temer de tal manera, que todos los suyos temblauan dél; y estaua casado con vna hija de Montecuma, bien hermosa muger para ser India.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 130.

[286] Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека. 10, глава. 19.

[287] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 134.

[288] Можно вспомнить прекрасное обращение, которое Расин вложил в уста Джоуда:

“Venez, cher rejeton d’une vaillante race,

Remplir vos défenseurs d’une nouvelle audace;

Venez du diadème à leurs yeux vous couvrir,

Et périssez du moins en roi, s’il faut périr.”

АТАЛИЯ, акт 4, сцена 5.

[289] Отн. Терсера де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 183. —Большинство, если не все, представителей власти — что заслуживает внимания — согласны с такой оценкой испанских сил.

[290] “Y como sin causa ninguna todos los Naturales de Colúa, que son los de la gran Ciudad de Temixtitan, y los de todas las otras Provincias á ellas sujetas, no solamente se habian *rebelado* contra Vuestra Magestad.” Ibid., ubi supra.

[291] Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 184.—“Porque demas del premio, que les davia en el cielo, se les seguirian en esto mundo grandíssima honra, riquezas inestimables.” Икстлильшочитль, История. Чичимека, ср., глава 91.

[292] “Причина смерти, “ говорит отец Саагун, не называя точной цифры, - в кантиде и в апарехосе льва”. История. Нуэва-Испания, библиотека 12, глава 30, СР.

[293] Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека. 10, глава. 20.

[294] Ibid., ubi supra.

[295] Эррера, История. генерал, местный житель.

[296] “Que su principal motivo é intencion sea apartar y desarraigar de las dichas idolatrías á todos los naturales destas partes y reducirlos ó á lo menos desear su salvacion y que sean reducidos al conocimiento de Dios y de su Santa Fe católica: porque si con otra intencion se hiciese la dicha guerra seria injusta y todo lo que en ella se oviese Onoloxio é obligado á restitucion.” Ordenanzas militares, MS.

[297] “E desde ahora protesto en nombre de S. M. que mi principal intencion é motivo es facer esta guerra é las otras que ficiere por traer y reducir á los dichos naturales al dicho conocimiento de nuestra Santa Fe é creencia; y despues por los sozjugar é supeditar debajo del yugo é dominio imperial é real de su Sacra Magestad, á quien juridicamente el Señorío de todas estas partes.” Ordenanzas militares, MS.

[298] “Ce n’est qu’en Espagne et en Italie,” says the penetrating historian of the Italian Republics, “qu’on rencontre cette habitude vicieuse, absolument inconnue aux peuples protestants, et qu’il ne faut point confondre avec les grossiers juremens que le peuple en tout pays mêle à ses discours. Dans tous les accès de colère des peuples du Midi, ils s’attaquent aux objets de leur culte, ils les menacent, et ils accablent de paroles outrageantes la Divinité elle-même, le Rédempteur ou ses saints.” Sismondi, Républiques Italiennes, cap. 126.

[299] Лусио Маринео, который был свидетелем всех ужасных последствий этой национальной склонности при кастильском дворе, где он проживал в то время, разражается следующим оживленным апострофом против нее: “Игрок - это тот, кто желает и замышляет смерть своих родителей, тот, кто ложно клянется Богом и жизнью своего короля и повелителя, тот, кто убивает свою собственную душу и бросает ее в ад. Чего только не сделает игрок, когда ему не стыдно потерять свои деньги, свое время, свой сон, свою репутацию, свою честь и даже саму жизнь? Так что, учитывая, как велико число людей, постоянно вовлеченных в игру, мне кажется вполне обоснованным мнение тех, кто говорит, что *ad plenum игроков*”. Cosas memorables de España (ed. Севилья, 1539), стр. 165.

[300] Эрпера, Солис, Клавиджеро и другие сообщают об этих правилах с большим единообразием, но с такой очевидной неточностью, что становится ясно, что они никогда не могли видеть оригинальный инструмент. Экземпляр, находящийся в моем распоряжении, был взят из коллекции Муньоса. Поскольку этот документ, хотя и любопытный и в высшей степени интересный, никогда не публиковался, я привел его полностью в Приложении № 13.

[301] Эрпера, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека 10, глава 20.—Берналь Диас, историк. de la Conquista, cap. 127. Первый историк утверждает, что число индейских союзников, следовавших за Кортесом, составляло восемьдесят тысяч; последний - десять тысяч! ¿*Quien sabe?*

[302] Эту гору, которая вместе со своим соседом Попокатепетлем образует великий барьер — *колонну Геркулеса* — в Мексиканской долине, причудливо сравнивают, исходя из ее длинного спинного выступа, со спиной дромадера. (Турне Тюдора по Северной Америке, 22 июня.) Он возвышается намного выше пределов вечных снегов в тропиках, а его огромный гребень и борта, окутанные серебристой драпировкой, образуют один из самых ярких объектов в великолепном *перевороте*, представленном жителям столицы.

[303] “Y prometimos todos de nunca de ella salir, sin Victoria, ó dejar allí las vidas. Y con esta determinacion ibamos todos tan alegres, como si fuéramos á cosa de mucho placer.” Rel. Терц., А. п. Лоренцана, стр. 188.

[304] “Y yo torné á rogar, y encomendar mucho á los Españoles, que hiciessen, como siempre habian hecho, y como se esperaba de sus Personas; y que nadie no se desmandasse, y que fuessen con mucho concierto, y órden por su Camino.” Ibid., ubi supra.

[305] “E como la Gente de pie venia algo cansada, y se hacia tarde, dormimos en una Poblacion, que se dice Coatepeque.... E yo con diez de Caballo comenzé la Vela, y Ronda de la prima, y hice, que toda la Gente estubiesse muy apercebida.” Rel. Терц., А. П. Лоренцана, стр. 188, 189.

[306] Предыдущие страницы, содержащие отчет о марше, помимо письма Кортеса, которое так часто цитируется, см. Гомара, Крона, глава 121,—Овьедо, История. де Лас Индиан, СР., библиотека 33, глава 18, —Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава 137,—Камарго, История. де Тласкала, МИСС,—Эрпера, Хист. general, dec. 2, lib. 10, cap. 20,—Ixtlilxochitl, Relacion de la venida de los Españoles y Principio de la Ley Evangélica (México, 1829), p. 9.

[307] См. ante, стр. 210.—Шкуры тех, кого приносили в жертву на жертвенном камне, были обычным подношением в индийских храмах, и безумные жрецы отмечали многие из своих праздников публичными танцами, закутавшись в эти отвратительные трофеи своих жертв. Увидимся с Саагуном, Хист. de Nueva-España, passim.

[308] Отн. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 187.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 19.

[309] Теццоко, название чичимеков, согласно Икстлильшочитлю, означающее “место заключения или отдыха”, потому что различные племена с Севера останавливались там при входе в Анауак. Ист. Чич., ср., глава 10.

[310] “La qual es tan grande, que aunque fuéramos doblados los Españoles, nos pudieramos aposentar bien á placer en ella.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 191.

[311] “De tal manera que se quemáron todos los Archivos Reales de toda la Nueva-España, que fué una de las mayores pérdidas que tuvo esta tierra, porque con esto toda la memoria de sus antiguayas y otras cosas que eran como Escrituras y recuerdos perecieron desde este tiempo. La obra de las Casas era la mejor y la mas artificiosa que hubo en esta tierra.” Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 91.

[312] Историк Икстлильшочитль отдает нижеследующую высокую дань уважения характеру своего царственного родственника, которого звали Текокол. Странно, что это имя не встречается — за исключением работы Саагуна — ни в одной современной записи! “Fué el primero que lo fué en Tezcoco, con harta pena de los Españoles, porque fué nobilísimo y los quiso mucho. Fué D. Fernando Tecocoltzin muy gentil hombre, alto de cuerpo y muy blanco, tanto quanto podia ser cualquier Español por muy blanco que fuese, y que mostraba su persona y término descender, y ser del linage que era. Supo la lengua Castellana, y así casi las mas noches despues de haber cenado, trataban él y Cortés de todo lo que se debia hacer acerca de las guerras.” Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, pp. 12, 13.

[313] Восшествие на престол Текоколя, как, впрочем, и его существование, остается незамеченным некоторыми историками, а другие упоминают его настолько двусмысленно — его индийское имя опущено, — что очень сомнительно, что имеется в виду кто-то другой, кроме его младшего брата Икстлильшочитля. Тецуканский хронист, носящий это последнее мелодичное имя {*}, единственный сообщил подробности своей истории. Я следил за ним, поскольку, благодаря его личным связям, имел доступ к лучшим источникам информации; хотя, следует признать, он слишком готов принимать все на веру, чтобы всегда быть лучшим авторитетом.

{*} [Это название, “которое, — говорит м—р Тайлор, - ”застревает в горле у читателей Прескотта“, означает ”ванильное лицо“, составленное из *ixtli*, ”лицо“, и *tlilxochitl*, ”ваниль“, причем последнее само по себе является соединением *tlilli*, ”черный“, и *xochitl*, ”цветок“.—Buschmann, ”Об ацтекском ортнамене“, С. 681.—К.]

[314] “Él respondió, que era por demas ir contra lo determinado por el Dios Criador de todas las cosas, pues no sin misterio y secreto juicio suyo le daba tal Hijo al tiempo y quando se acercaban las profecías de sus Antepasados, que haviase venir nuevas Gentes á poseer la Tierra, como eran los Hijos de Quetzalcoatl que aguardaban su venida de la parte oriental.” Ixtlilxochitl, Hist. Чич., ср., глава 69.

[315] “Con que el Rey no supo con que ocacion poderle castigar, porque lo parecieron sus razones tan vivas y fundadas que su parte no habia hecho cosa indebida ni vileza para poder ser castigado, mas tan solo una ferocidad de ánimo; pronóstico de lo mucho que habia de venir á saber por las Armas, y así el Rey dijo, que se fuese á la mano.” Ixtlilxochitl, Hist. Чич., ср., глава 69.

[316] Там же, выше. — Среди других записанных анекдотов о раннем развитии юного принца есть один, в котором он, когда ему было всего три года, сбросил свою няню в колодец, когда она набирала воду, чтобы наказать ее за определенные нарушения поведения, свидетелем которых он был. Но я избавляю читателя от перечисления этих поразительных свидетельств раннего развития, поскольку весьма вероятно, что его тяга ко всему чудесному может отставать от тяги летописца из Тецкоко.

[317] Ante, том ii., стр. 8.

[318] “Así mismo hizo juntar todos los bastimentos que fueron necesarios para sustentar el Ejército y Guarniciones de Gente que andaban en favor de Cortés, y así hizo traer á la Ciudad de Tezcoco el Maiz que habia en las Troxes y Graneros de las Provincias sugetas al Reyno de Tezcucio.” Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 91.

[319] “No era de espantar que tuviese este recelo, porque sus Enemigos, y los de esta Ciudad eran todos Deudos y Parientes mas cercanos, mas despues el tiempo lo desengañó, y vido la gran lealtad de Ixtlilxochitl, y de todos.” Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 92.

[320] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 137.

[321] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, см. выше.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 91.

[322] “Los principales, que habian sido en hacerme la Guerra pasada, eran ya muertos; y que lo pasado fuesse pasado, y que no quisiessen dar causa á que destruyesse sus Tierras, y Ciudades, porque me pesaba mucho de ello.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 193.

[323] “Muriéron de ellos mas de seis mil ánimas, entre Hombres, y Mugerres, y Niños; porque los Indios nuestros Amigos, vista la Victoria, que Dios nos daba, no entendian en otra cosa, sino en matar á diestro y á siniestro.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 195.

[324] “Estándolas quemando, pareció que Nuestro Señor me inspiró, y trujo á la memoria la Calzada, ó Presa, que habia visto rota en el Camino, y representóseme el gran daño, que era.” Rel. Terc. de Cortés, loc. cit.

[325] “Y certifico á Vuestra Magestad, que si aquella noche no pasaramos el Agua, ó aguardaramos tres horas mas, que ninguno de nosotros escapara, porque quedabamos cercados de Agua, sin tener paso por parte ninguna.” Ibid., ubi supra.

[326] Собственное письмо генерала императору настолько полно и точно, что оно является наилучшим источником информации об этом событии. Эту историю рассказывает также Берналь Диас, историк. де ла Конкиста, глава 138.—Овьедо, историк. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 18,—Икстлильшочитль, История. Чич., СР., глава 92,—Эррера, История. общие положения, декабрь 3, библиотека 1, глава 2 и др. aliis.

[327] Lorenzana, стр. 199, примечание.

[328] “Porque ciertamente sus antepasados les auian dicho, que auian de señorear aquellas tierras hombres que vernian con barbas de hazia donde sale el Sol, y que por las cosas que han visto, eramos nosotros.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 139.

[329] Там же, ubi выше.—Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 200.—Gomara, Crónica, cap. 122.—Venida de los Españoles, p. 15.

[330] “Y certifico á Vuestra Magestad, allende de nuestro trabajo y necesidad, la mayor fatiga, que tenia, era no poder ayudar, y socorrer á los Indios nuestros Amigos, que por ser Vasallos de Vuestra Magestad, eran molestados y trabajados de los de Culúa.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 204.

[331] Отн. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 204, 205.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 19.

[332] Овьедо в своем восхищении своим героем разражается следующим панегириком его политике, благоразумию и военной науке, которые, как он верно предсказывает, должны сделать его имя бессмертным. Это прекрасный образец манеры проникательного старого летописца. “Sin dubda alguna la habilidad y esfuerzo, é prudencia de Hernando Cortés mui dignas son que entre los cavalleros, é gente militar en nuestros tiempos se tengan en mucha estimacion, y en los venideros nunca se desacuerden. Por causa suya me acuerdo muchas veces de aquellas cosas que se escriven del capitan Viriato nuestro Español y Estremeño; y por Hernando Cortés me ocurren al sentido las muchas fatigas de aquel espejo de caballería Julio César dictador, como parece por sus comentarios, é por Suetonio é Plutarco é otros autores que en conformidad escriviéron los grandes hechos suyos. Pero los de Hernando Cortés en un Mundo nuevo, é tan apartadas provincias de Europa, é con tantos trabajos é necesidades é pocas fuerzas, é con gente tan innumerable, é tan bárbara é bellicosa, é apacentada en carne humana, é aun habida por excelente é sabroso manjar entre sus adversarios; é faltándole á él ó á sus milites el pan é vino é los otros mantenimientos todos de España, y en tan diferenciadas regiones é aires é tan desviado é léjos de socorro é de su príncipe, cosas son de admiracion.” История. de las Ind., СР., lib. 33, cap. 20.

[333] Среди других вождей, к которым Куаутемозин обратился за помощью в опасном положении своих дел, был Тангапан, сеньор Мичоакана, независимого и могущественного государства на Западе, которое так и не было покорено мексиканской армией. Отчеты, которые император ацтеков передал ему через своих послов о белых людях, были настолько тревожными, по словам Икстлильшочитля, который рассказывает эту историю, что сестра короля добровольно уморила себя голодом из-за опасений прихода ужасных чужеземцев. Ее тело, как обычно, было помещено в склепы, отведенные для королевского двора, до тех пор, пока не будут сделаны приготовления к его сожжению. На четвертый день служители, которые заботились об этом, были поражены, увидев, что к трупам возвращаются признаки жизни. Восстановленная принцесса, к которой вернулась речь, попросила о присутствии своего брата. Когда он пришел, она умоляла его не думать о том, чтобы не задеть и волоска на головах таинственных посетителей. По ее словам, ей было позволено увидеть судьбу усопших в загробном мире. Души всех своих предков, которых она видела, металась в неугасимом огне; в то время как те, кто принял веру чужеземцев, были во славе. В доказательство правдивости своего утверждения она добавила, что ее брат видел на большом празднике неподалеку молодого воина, вооруженного факелом ярче солнца в одной руке и пылающим мечом, подобным тому, что носят белые люди, в другой, проходящего с востока на запад над городом. Ждал ли монарх этого видения или вообще когда-либо видел его, историк нам не сообщает. Но, полагаясь, возможно, на чудо ее воскрешения как на вполне достаточный залог, он распустил очень мощное войско, которое собрал на равнинах Авалоса для поддержки своего брата из Мексики. Это повествование, изобилующее нештатными происшествиями, которые нет необходимости повторять, было отмечено в фотографических записях Мичоакана и передано историку Тецкоко самим внуком Тангапана. (См. Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 91.) Кто бы ни сообщил ему об этом, в нем нетрудно проследить те же самые благочестивые пальцы, которые создали так много полезных легенд на благо Церкви на Старом Континенте и которые теперь, благодаря доверчивости Новых людей, собрали богатую жатву для того же благочестивого дела.

[334] “Aquí estuvo preso el sin ventura de Juā luste cō otros muchos que traia en mi compañía.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 140.

[335] Там же, ubi выше.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 19.—Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 206.

[336] “Y despues de hechos por orden de Cortés, y probados en el rio que llaman de Tlaxcalla Zahuapan, que se atajó para probarlos los bergantines, y los tornáron á desbaratar por llevarlos á cuestras sobre hombros de los de Tlaxcalla á la ciudad de Tetzcuco, donde se echáron en la laguna, y se armáron de artillería y municion.” Камарго, Хист. де Тласкала, ср.

[337] Отн. Терц. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 207.—Берналь Диас говорит о шестнадцати тысячах. (История. de la Conquista, ubi supra.) Между несколькими кастильскими авторами существует замечательное согласие относительно численности войск, порядка марша и событий, которые на нем произошли.

[338] “Estendíase tanto la Gente, que dende que los primeros comenzáron á entrar, hasta que los postreros hobiéron acabado, se pasáron mas de seis horas; sin quebrar el hilo de la Gente.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 208.

[339] “Dando voces y silvos y diziendo: Viua, viua el Emperador, nuestro Señor, y Castilla, Castilla, y Tlascala, Tlascala.” (Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 140.) Подробнее об экспедиции Сандовала читайте также в "Овьедо", Hist. де лас Индиан, СР., библиотека 33, глава 19.—Гомара, Крона, глава 124, —Торквемада, монарх. Инд., библиотека 4, глава 84, —Икстлильшочитль, Хист. Чич., СР., глава 92,—Эррера, Хист. общие положения, декабрь 3, библиотека 1, глава 2.

[340] “Que era cosa maravillosa de ver, y assí me parece que es de oír, llevar trece Fustas diez y ocho leguas por Tierra.” (Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 207.) “En rem Romano populo,” exclaims Martyr, “quando illustrius res illorum vigeant, non facilem!” De Orbe Novo, 5 декабря, глава 8.

[341] Зафиксированы два запоминающихся примера подобной транспортировки судов по суше, один в древней, другой в современной истории; и оба, что достаточно странно, в одном и том же месте, Таренте, в Италии. Первое произошло при осаде этого города Ганнибалом (см. Полибий, lib. 8); последнее - примерно семнадцатью веками позже, Великим полководцем Гонсалво де Кордова. Но расстояние, на которое их перенесли, было незначительным. Более аналогичный пример - история Бальбоа, смелого первооткрывателя Тихого океана. Он распорядился, чтобы четыре бригантин были перевезены на расстояние двадцати двух лиг через Дариенский перешеек, что было колоссальным трудом и не совсем успешным, поскольку только две достигли пункта назначения. (См. Herrera, Hist. general, 2 декабря, lib. 2, глава 11.) Это произошло в 1516 году, так сказать, по соседству с Кортесом, и, возможно, натолкнуло его предприимчивый дух на мысль о его собственном более успешном и масштабном предприятии.

[342] “Y ellos me dijéron, que trahian deseo de se ver con los de Culúa, y que viesse lo que mandaba, que ellos, y aquella Gente venian con deseos, y voluntad de se vengar, ó morir con nosotros: y yo les di las gracias, y les dije, que reposassen, y que presto les daria las manos llenas.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 208.

[343] “De lejos comenzáron á gritar, como lo suelen hacer en la Guerra, que cierto es cosa espantosa oílos.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 209.

[344] Там же, цит. по.—Берналь Диас, История. де ла Конкиста, глава 141.—Овьедо, История. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 20.—Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, pp. 13, 14.—Idem, Hist. Чич., ср., загл. 92.—Gomara, Crónica, cap. 125.

[345] Этим городам нравились мелодичные названия Тенахокоан, Квоутитлан и Аскапосалько. Я постоянно старался избавить читателя от ненужного скопления мексиканских имен в тексте, которые, как он уже знает, не обладают даже краткостью, позволяющей рекомендовать их. [Аламан, не без справедливости, замечает, что эти имена кажутся немелодичными английскому писателю, который не знает, как их произносить, по той же причине, по какой английские имена показались бы немелодичными мексиканцу. Conquista de Méjico (trad. de Bera), том ii, стр. 115.]

[346] [Холм Лос Ремедиос. Conquista de Méjico (trad. de Bera), том ii, стр. 116.]

[347] They burned this place, according to Cortés, in retaliation of the injuries inflicted by the inhabitants on their countrymen in the retreat: “Y en amaneciendo los Indios nuestros Amigos comenzáron á saquear, y quemar toda la Ciudad, salvo el Aposento donde estabamos, y pusieron tanta diligencia, que aun de él se quemó un Quarto; y esto se hizo, porque quando salimos la otra vez desbaratados de Temixtitan, pasando por esta Ciudad, los Naturales de ella juntamente con los de Temixtitan nos hicieron muy cruel Guerra, y nos matáron muchos Españoles.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 210.

[348] “Luego mandó, que todos se retraxessen; y con el mejor concierto que pudo, y no bueltas las espaldas, sino los rostros á los contrarios, pie contra pie, como quien haze represas.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 141.

[349] “Desta manera se escapó Cortés aquella vez del poder de México, y quando se vió en tierra firme, dió muchas gracias á Dios.” Ibid., ubi supra.

[350] “Pensais, que hay agora otro Mutezuma, para que haga todo, lo que quisieredes?” Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 211.

[351] “Y peleaban los unos con los otros muy hermosamente.” Rel. Terc. de Cortés, ubi supra.—Oviedo, Hist. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 20.

[352] “Y comenzamos á lanzear en ellos, y duró el alcance cerca de dos leguas todas llanas, como la palma, que fué muy hermosa cosa.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 212.

[353] Подробности этой экспедиции Кортеса см., помимо его собственных комментариев, которые так часто цитируются, в Oviedo, Hist. de las Ind., ср., либр. 33, глава 20, —Торквемада, монарх. Ind., lib. 4, cap. 85,—Gomara, Crónica, cap. 125,—Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, pp. 13, 14,—Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 141.

[354] Отн. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 214, 215.—Гомара, Крона, глава 146.—Берналь Диас, История. Конкиста, глава 142.—Овьедо, История. де лас Индж., СР., либр. 33, глава 21.

[355] “Эти сады, - говорит Кортес, который впоследствии провел там целый день, - самые большие, свежие и красивые, которые когда-либо видели. Их протяженность составляет две лиги, и через середину протекает очень приятный ручей с водой. На расстоянии двух выстрелов из лука находятся здания, окруженные территорией, засаженной фруктовыми деревьями различных видов, множеством кустарников и ароматных цветов. Поистине, все это место замечательно своей приятностью и обширностью.” (Отн. Терс., ар. Lorenzana, стр. 221, 222.) Берналь Диас не менее выразителен в своем восхищении. История. de la Conquista, cap. 142.

[356] Выдающемуся натуралисту Эрнандесу часто приходилось замечать этот сад, который предоставил ему множество образцов для его великой работы. Ему посчастливилось сохраниться после завоевания, когда особое внимание уделялось его лекарственным растениям, для использования в большой больнице, основанной по соседству. См. Клавиджеро, Stor. del Messico, tom. ii. p. 153.

[357] “E como esto vió el dicho Alguacil Mayor, y los Españoles, determináron de morir, ó subilles por fuerza á lo alto del Pueblo, y con el apellido de *Señor Santiago*, comenzáron á subir.” Rel. Терц., ап. Лоренцана, стр. 214.—Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 21.

[358] Так говорит *Конкистадор*. (Отн. Терс., ар. Lorenzana, стр. 215.) Диас, который никому не позволит гиперболизировать, кроме себя, говорит: “Столько, сколько нужно, чтобы произнести “Аве Мария”!” (История. де ла Конкиста, глава 142.) Ни тот, ни другой не присутствовали.

[359] Доблестный капитан Диас, который демонстрирует трезвость в своих собственных оценках, что часто приводит его к пренебрежению оценками капеллана Гомары, говорит, что силы состояли из 20 000 воинов в 2000 каноэ. Хист. de la Conquista, loc. cit.

[360] “El Cortés no le quiso escuchar á Sandoual de enojo, creyendo que por su culpa, ó descuido, recibía mala obra nuestros amigos los de Chalco; y luego sin mas dilacion, ni le oyr, le mandó bolver.” Ibid., ubi supra.

[361] Помимо авторитетных источников, уже приведенных в отношении экспедиции Сандовала, см. Гомара, Крона, глава 126,—Ixtlilxochitl, Hist. Чич., ср., глава 92,—Торквемада, монарх. Изд., либр. 4, глава 86.

[362] “Ixtlilxochitl procuraba siempre traer á la devocion y amistad de los Cristianos no tan solamente á los de el Reyno de Tezcucó sino aun los de las Provincias remotas, rogándoles que todos se procurasen dar de paz al Capitan Cortés, y que aunque de las guerras pasadas algunos tuviesen culpa, era tan afable y deseaba tanto la paz que luego al punto los recibiría en su amistad.” Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 92.

[363] Кортес говорит об этих судах как о прибывающих в одно и то же время, но не указывает, с какой стороны. (Отн. Терс., ар. Lorenzana, стр. 216.) Берналь Диас, который замечает только одно, говорит, что оно пришло из Кастилии. (Hist. de la Conquista, cap. 143.) Но старый солдат писал намного позже событий, которые он вспоминает, и, возможно, перепутал истинный порядок вещей. Кажется маловероятным, что столь важное подкрепление прибыло из Кастилии, учитывая, что Кортес еще не получил королевского покровительства или даже санкции, которые побудили бы авантюристов в метрополии встать под его знамена.

[364] Берналь Диас, Hist. Конкиста, глава 143.—Овьедо, История. де лас Индиана, СР., библиотека 33, глава 21.—Эррера, История. общие положения, декабрь 3, библиотека 1, глава 6.

[365] “Viniéron tantos, que en todas las entradas que yo auia ido, despues que en la Nueva España entré, nunca ví tanta gente de guerra de nuestros amigos, como aora fuéron en nuestra compañía.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 144.

[366] “Todos descalabrados, y corriendo sangre, y las vanderas rotas, y ocho muertos.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, ubi supra.

[367] О штурме скал, топографию которых невозможно проверить по рассказам завоевателей, см. Bernal Diaz, Hist. де ла Конкиста, глава 144, — Отн. Терс. де Кортés, ар. Lorenzana, pp. 218-221,—Gomara, Crónica, cap. 127,—Ixtlilxochitl, Venida de los Españoles, pp. 16, 17,—Oviedo, Hist. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 21.

[368] Кортес, по словам Берналя Диаса, приказал войскам, овладевшим второй крепостью, “не трогать ни зернышка кукурузы, принадлежащего осажденным”. Диас, придав этому весьма вольное толкование, немедленно нагрузил свой индийский *таманес* всем, кроме кукурузы, в качестве изрядной добычи. Однако его труды были прерваны капитаном отряда, который дал более узкую

формулировку приказам своего генерала, к большому неудовольствию последнего, если мы можем доверять доблестному хронисту. Ibid., ubi supra.

[369] “Adonde estaua la huerta que he dicho, que es la mejor que auia visto en toda mi vida, y así lo torno á dezir, que Cortés, y el Tesorero Alderete, desde entonces la viéron, y passeáron algo de ella, se admiráron, y dixéron, que mejor cosa de huerta no auian visto en Castilla.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 144.

[370] Старые хронисты искажают это варварское индейское имя во всех возможных вариациях. Вскоре город получил от испанцев название, которое он носит сейчас, Куэрнавака, и которым он обозначен на современных картах. “Prevalse poi quello di *Cuernabaca*, col quale è presentemente conosciuta dagli Spagnuoli.” Клавиджеро, Стоп. del Messico, tom. iii. p. 185, nota.

[371] Храбрый Диас был одним из тех, кто совершил этот опасный подвиг, хотя, по его словам, у него так кружилась голова, что он едва понимал, как ему удастся это делать. “Porque de mí digo, que verdaderamente quando passaua, q lo ví mui peligroso, é malo de passar, y se me desvanecia la cabeça, y todavía passé yo, y otros veinte, ó treinta soldados, y muchos Tlascaltecas.” Хист. de la Conquista, ubi supra.

[372] Предыдущий отчет о взятии Куэрнаваки см. Берналь Диас, ubi выше,—Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 21,—Икстлильшочитль, История. Чич., СР., глава 93,—Эррера, История. генерал, 3 декабря, библиотека 1, глава 8, — Торквемада, монарх. Ind., библиотека 4, глава 87, — Отн. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 223, 224.

[373] “Una Tierra de Pinales, despoblada, y sin ninguna agua, la qual y un Puerto pasámos con grandísimo trabajo, y sin beber: tanto, que muchos de los Indios que iban con nosotros pereciéron de sed.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 224.

[374] Город Куэрнавака считался вотчиной герцогов Монтелеоне, потомков и наследников *Конкистадора*. Испанцы в своем походе на север, вероятно, не сильно отклонились от большой дороги, которая сейчас ведет из Мексики в Акапулько, все еще демонстрируя в этой верхней части те же характерные черты, что и в период Завоевания.

[375] Клавиджеро, Стоп. del Messico, tom. iii. p. 187, nota.

[376] “Отн. Терк. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 226.—Эррера, История. общие сведения, 3 декабря, библиотека. 1, глава. 8. Овьедо, История. de las Ind., СР., lib. 33, cap. 21.—Это собственный отчет генерала по этому вопросу. Диас, однако, говорит, что своим спасением он был обязан кастильцу по имени Олеа, которого поддерживали несколько тлашкальцев, и что его спаситель сам получил при этом три тяжелых ранения. (Хист. de la Conquista, cap. 145.) Однако это было дело, в котором Кортес должен был быть осведомлен лучше, чем кто-либо другой, и, более того, такое, которое вряд ли могло ускользнуть из его памяти. Старый солдат, вероятно, перепутал это с другим подобным приключением своего командира.

[377] “Otro Dia buscó Cortés al Indio, que le socorrió, i muerto, ni vivo no pareció; i Cortés, por la devocion de San Pedro, juzgo que él le avia ayudado.” Herrera, Hist. общие положения, декабрь 3, библиотека 1, глава 8.

[378] “Por el Agua á una muy grande flota de Canoas, que creo, que pasaban de dos mil; y en ellas venian mas de doce mil Hombres de Guerra; é por la Tierra llegó tanta multitud de Gente, que todos los Campos cubrian.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 227.

[379] “Y acordóse que huviesse mui buena vela en todo nuestro Real, repartida á los puertos, é azequias por donde auian de venir á desembarcar, y los de acauallo mui á punto toda la noche ensillados y enfrenados, aguardando en la calçada, y tierra firme, y todos los Capitanes, y Cortés con ellos, haziendo vela y ronda toda la noche.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 145.

[380] Diaz, who had an easy faith, states, as a fact, that the limbs of the unfortunate men were cut off *before* their sacrifice: “Manda cortar pies y braços á los tristes nuestros compañeros, y las embia por muchos pueblos nuestros amigos de los q̃ nos auian venido de paz, y les embia á dezir, que antes que bolvamos á Tezcuco, piensa no quedará ninguno de nosotros á vida, y con los coraçones y sangre hizo sacrificio á sus ídolos.” (История. де ла Конкиста, глава 145.) — Это не очень вероятно. Ацтеки, в отличие от наших североамериканских индейцев, пытали своих врагов не из простой жестокости, а в соответствии с предписанными правилами своего ритуала. Пленник был религиозной жертвой.

[381] “Y al cabo dejándola toda quemada y asolada nos partimos; y cierto era mucho para ver, porque tenia muchas Casas, y Torres de sus Ídolos de cal y canto.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 228.

[382] Для получения других подробностей о действиях в Хочимилко см. Овьедо, История. де лас Инд., ср., библиотека 23, глава 21,—Эррера, История. генерал, 3 декабря, библиотека 1, главы 8, 11, — Икстлильшочитль, Венеция Испании, стр. 18, — Торквемада, монарх. Инд., библиотека 4, главы 87, 88, —Берналь Диас, хист. de la Conquista, глава 145. —Собственный отчет Завоевателя об этих сражениях не отличается его обычной пронциательностью, возможно, из-за его краткости. Более чем обычная путаница, действительно, преобладает в различных сообщениях о них, даже тех, которые исходят от современников, что чрезвычайно затрудняет сбор вероятного повествования от авторитетных источников, противоречащих не только друг другу, но и самим себе. Редко бывает, чтобы два описания битвы совпадали во всех отношениях; диапазон наблюдений для каждого человека неизбежно настолько ограничен и различен, и так трудно вообще сделать хладнокровное наблюдение в спешке и в пылу конфликта. Любой, кто беседовал с выжившими, легко поймет это и будет склонен заключить, что, где бы он ни искал истину, она вряд ли будет на поле боя.

[383] Это место, рекомендованное необычайной красотой своего расположения, после Завоевания стало любимой резиденцией Кортеса, который основал в нем женский монастырь и в своем завещании повелел перевезти туда его кости из любой части света, где он мог умереть: “К чему этот уэсос—лос-льевен-а-ля-ми-Вилла-де-Койоакан, и весь лес огненной земли в Монастыре Монхас, к чему мандо хасер и эдификатор-ан-диха-ми-Вилла”. Testamento de Hernan Cortés, MS.

[384] Это, по словам архиепископа Лоренцаны, была современная *кальсада-де-ла-Пьедад*. (Отн. Terc. de Cortés, p. 229, nota.) Но нелегко согласовать это с подробной картой долины, которую дал М. де Гумбольдт. Короткий рукав, тянувшийся от этого города во времена ацтеков, косо касался большого южного проспекта, по которому испанцы впервые вошли в столицу. Поскольку воды, которые когда-то полностью окружали Мексику, сжались в своем узком бассейне, облик страны претерпел большие изменения, и, хотя основы основных дамб все еще сохранились, не всегда легко различить остатки древних проспектов.

{*} [Ла—кальсада-де-Истапалапан, - говорит Аламан, внимательно изучивший топографию, - это Ла-де-Сан-Антонио-Абад, в поисках Сан-Августин-де-лас-Куэвас-о-Тлалпам”. - К.]

[385] “Мы подошли к стене, которую они построили поперек дамбы, и пехотинцы начали атаковать ее; и хотя она была очень толстой и надежно защищенной, и десять испанцев были ранены, в конце концов они взяли ее, убив многих врагов, хотя у мушкетеров не было пороха, а у лучников - стрел”. Отн. Terc., ubi supra.

[386] “Y estando en esto viene Cortés, con el qual nos alegrámos, puesto que él venia muy triste y como lloroso.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 145.

[387] “Pues quando viéron la gran ciudad de México, y la laguna, y tanta multitud de canoas que vnas ivan cargadas con bastimentos, y otras ivan á pescar, y otras valdías, mucho mas se espantáron, porque no las auian visto, hasta en aquella saçon: y dixéron, que nuestra venida en esta Nueva España, que no eran cosas de hombres humanos, sino que la gran misericordia de Dios era quiē nos sostenia.” Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 145.

[388] “En este instante suspiró Cortés cō vna muy grā tristeza, mui mayor q̃ la q̃ de antes traia.” Ibid., loc. cit.

[389] “Y Cortés le dixo, que ya veia quantas vezes auia embiado á México á rogalles con la paz, y que la tristeza no la tenia por sola vna cosa, sino en pensar en los grandes trabajos en que nos auiamos de ver, hasta tornar á señorear; y que con la ayuda de Dios presto lo poniamos por la obra.” Ibid., ubi supra.

[390] Диас приводит вступительные слова *редондильяса к роману*, которые я не смог найти ни в одном из печатных сборников:

“En Tacuba está Cortés,

кто такой эскадрон эсфорсаду,

triste estaua, y muy penoso,

triste, y con gran cuidado,

la vna mano en la mexilla,

y la otra en el costado,” etc.

Таким образом, это может быть превращено в довольно буквальную болтовню:

В Такубе стоял Кортес,

Со многими заботливыми противниками,

К нему пришли мысли о прошлом,

И он склонил свой надменный гребень.

Он приложил одну руку к своей щеке,

Другой у него на груди,

В то время как его доблестные эскадрильи окружают его и т.д.

[391] Эрпера, Hist. общие сведения, 3 декабря, библиотека 1, глава. 15.—Relacion de Alonso de Verzara, Escrivano Público de Vera Cruz, MS., dec. 21.

[392] “Haziā Alguazil mayor é Alférez, y Alcaldes, y Regidores, y Contador, y Tesorero, y Ueedor, y otras cosas deste arte, y aun repartido entre ellos nuestros bienes, y cauалlos.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 146.

[393] Берналь Диас, Hist. Конкиста, глава 146.—Овьедо, История. де лас Индиана, СР., библиотека 33, глава 48.—Эрпера, История. общие положения, декабрь 3, библиотека 1, глава 1.

[394] Эрпера, история. генеральный, ubi выше.

[395] So says M. de Barante in his picturesque *rifacimento* of the ancient chronicles: “Les procès du connétable et de monsieur de Némours, bien d’autres révélations, avaient fait éclater leur mauvais vouloir, ou du moins leur peu de fidélité pour le roi; ils ne pouvaient donc douter qu’il désirât ou complotât leur ruine.” Histoire des Ducs de Bourgogne (Paris, 1838), tom. xi. p. 169.

[396] “Y desde allí adelante, aunque mostraua gran voluntad á las personas que eran en la cōjuraciō, siempre se rezelaua dellos.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 146.

[397] Икстлильшочитль, Венеция Испании, стр. 19.—Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 234.—“Obra grandíssima,” exclaims the Conqueror, “y mucho para ver.”—“Fuéron en guardе de estos bergantines,” adds Camargo, “mas de diez mil hombres de guerra con los maestros dellas, hasta que los armáron y echáron en el agua y laguna de Méjico, que fué obra de mucho efecto para tomarse Méjico.” История. де Тласкала, ср.

[398] Бригантины еще долго после завоевания можно было увидеть сохранившимися как драгоценные памятники на верфях Мексики. Торибио, История. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 1.

[399] “Dada la señal, soltó la Presa, fuéron saliendo los Vergantines, sin tocar vno á otro, i apartándose por la Laguna, desplegaron las Vандeras, tocó la Música, disparáron su Artillería, respondió la del Ejército, así de Castellanos, como de Indios.” Эрпера, История. общие сведения, 3 декабря, библиотека 1, глава 6.

[400] Там же, ubi выше.—Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 234.—Ixtilxochitl, Venida de los Españoles, p. 19.—Oviedo, Hist. de las Ind., ср., lib. 33, cap. 48. — Последний упомянутый хронист испытывает немалый прилив ликования по поводу этого достижения своего героя, которое, по его мнению, бросает тень на хваленые подвиги великого Сесостриса. “Otras muchas é notables cosas, cuenta

este actor que he dicho de aqueste Rey Sesori, en que no me quiero detener, ni las tengo en tanto como esta tranchea, ó canja que es dicho, y los Vergantines de que tratamos, los quales diéron ocasion á que se oviesen mayores Thesoros é Provincias, é Reynos, que no tuvo Sesori, para la corona Real de Castilla por la industria de Hernando Cortés.” Там же, библиотека 33, глава 22.

[401] Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 234.

[402] Берналь Диас, Hist. de la Conquista, cap. 147.

[403] Берналь Диас, Hist. конкиста, см. выше.—*Идальгия*, помимо своих законных привилегий, принесла своему обладателю и некоторые причудливые; если, конечно, можно считать привилегией лишение его многих скромных, но честных занятий, с помощью которых бедняк мог бы зарабатывать себе на хлеб. (Забавный рассказ об этом см. В Письмах Добладо из Испании, let. 2.) Ни в одной стране *бедный джентльмен* не давал такой богатой темы для сатирика, как это в изобилии демонстрируют произведения Лесажа, Сервантеса и Лопе де Веги.

[404] “Y los Capitanes de Tascaltecal con toda su gente, muy lúcida, y bien armada, ... y segun la cuenta, que los Capitanes nos diéron, pasaban de cinquenta mil Hombres de Guerra.” (Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 236.) “I toda la Gente,” adds Herrera, “tardó tres Dias en entrar, segun en sus Memoriales dice Alonso de Ojeda, ni con ser Tezcucó tan gran Ciudad, cabian en ella.” История. общие сведения, 3 декабря, библиотека 1, глава 13.

[405] “Y sus vaderas tēdidas, y el aue blāca q̃ tienen por armas, q̃ parece águila, con sus alas tendidas.” (Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 149.) Клавиджеро считает гербом республики распростертого золотого орла. (Клавиджеро, Stor. del Messico, tom. ii. p. 145.) Но, поскольку Берналь Диас называет его “белым”, возможно, это была белая цапля, принадлежавшая дому Ксикотенкатль.

[406] Точное количество каждой дивизии, указанное Кортесом, составляло— в Альварадо - 30 кавалерийских, 168 кастильских пехотинцев и 25 000 тлашкаланцев; в Олиде - 33 кавалерийских, 178 пехотных, 20 000 тлашкаланцев; и в Сандовале - 24 кавалерийских, 167 пехотных, 30 000 индейцев. (Отн. Terc., ap. Lorenzana, стр. 236.) Диас сокращает численность местных войск до одной трети. История. de la Conquista, cap. 150.

[407] “Que se alegrassen, y esforzassen mucho, pues que veian, que nuestro Señor nos encaminaba para haber victoria de nuestros Enemigos: porque bien sabian, que quando habiamos entrado en Tesaico, no habiamos trahido mas de quarenta de Caballo, y que Dios nos habia socorrido mejor, que lo habiamos pensado.” Rel. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 235.

[408] Овьедо расширяет то, что он, тем не менее, называет “кратким и субстанциональным оракулом” Кортеса, второе увеличивая его длину, как это можно найти на страницах самого генерала; в чем ему подражает большинство других хронистов. История. de las Ind., CP., lib. 33, cap. 22.

[409] “Y con estas últimas palabras cesó; y todos respondieron sin discrepancia, é á una voce dicentes: Sirvanse Dios y el Emperador nuestro Señor de tan buen capitan, y de nosotros, que así lo harémos todos como quien somos, y como se debe esperar de buenos Españoles, y con tanta voluntad, y deseo, dicho que parecia que cada hora les era perder vn año de tiempo por estar ya á las manos con los Enemigos.” Oviedo, Hist. de las Ind., MS., ubi supra.

[410] По словам Диаса, желание завладеть землями его товарища Чичемекатля, который остался с армией (Hist. de la Conquista, глава 150); по словам Эрреры, это была любовь, которая привела его домой. (История. general, 3 декабря, lib. 1, глава. 17.) И те, и другие сходятся во мнении об отвращении вождя к испанцам и войне.

[411] “Y la respuesta que le embió á dezir fué, que si el viejo de su padre, y Masse Escaci le huvieran creído, que no se huvieran señoreado tanto dellos, que les haze hazer todo lo que quiere: y por no gastar mas palabras, dixo, que no queria venir.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 150.

[412] Так говорит Эррера, у которого был мемориал Охеды, одного из испанцев, нанятых для задержания вождя. (История. генерал, 3 декабря, библиотека 1, глава 17, и Торквемада, монарх. Инд., библиотека 4, глава 90.) Берналь Диас, с другой стороны, говорит, что вождь тлашкаланцев был схвачен и казнен по дороге. (История. de la Conquista, cap. 150.) Но последний хронист, вероятно, отсутствовал в то время в дивизии Альварадо, в которой он служил. Солис, однако, предпочитает свои показания на том основании, что Кортес не рискнул бы казнить Ксикотенкатля на глазах у его собственных войск. (Конкиста, библиотека 5, глава 19.) Но тлашкальцы были уже далеко на пути к Такубе. Лишь очень немногие могли остаться в Тецкоко, который был оккупирован горожанами и кастильской армией, — ни один из них, скорее всего, не стал бы вмешиваться в защиту заключенного. Казнить его там было бы проще, чем на территории Тлашкалы, куда он, вероятно, добрался до своего задержания.

[413] Эррера, Hist. генерал, 3 декабря, часть 1, глава. 17.—Торквемада, монарх. Указ. соч., часть 4, глава 90.

[414] “Y sobre ello ya auíamos echado mano á las armas los de nuestra Capitanía contra los de Christóval de Oli, y aun los Capitanes desafiados.” Берналь Диас, Хист. de la Conquista, cap. 150. {*}

{*} [Когда они приближались к городу, Олид выслал вперед отряд солдат для охраны жилья. Когда Альварадо вошел, он обнаружил, что каждый дом в этом месте уже украшен зеленой веткой на крыше, что указывало на то, что он уже заселен. По словам Бэнкрофта, Альварадо и Олид начали свой марш 22 мая. Он настаивает, что Прескотт был введен в заблуждение ошибкой в Кортесе, Картас, 208.—М.]

[415] Берналь Диас, Hist. де ла Конкиста, глава 150. —Отн. Terc. de Cortés, ap. Lorenzana, p. 237.—Gomara, Crónica, cap. 130.—Oviedo, Hist. де лас Инд., ср., библиотека 33, глава 22.

[416] Столица Тепанека, лишенная своего древнего великолепия, теперь интересна только своими историческими ассоциациями. “Эти равнины Такубы, ” говорит энергичный автор книги “Жизнь в Мексике“, - когда-то бывшие театром ожесточенных и кровавых конфликтов и где во время осады Мексики Альварадо ‘прыжок’ разбил свой лагерь, теперь представляют собой очень спокойную сцену. Сама Такуба сейчас представляет собой небольшую деревушку из глинобитных хижин с несколькими прекрасными старыми деревьями, несколькими старыми разрушенными домами, разрушенной церковью и некоторыми следами здания, которое, как нас заверили, было дворцом их последнего монарха; в то время как другие заявляют, что это было место испанского лагеря”. Том i. let. 13.

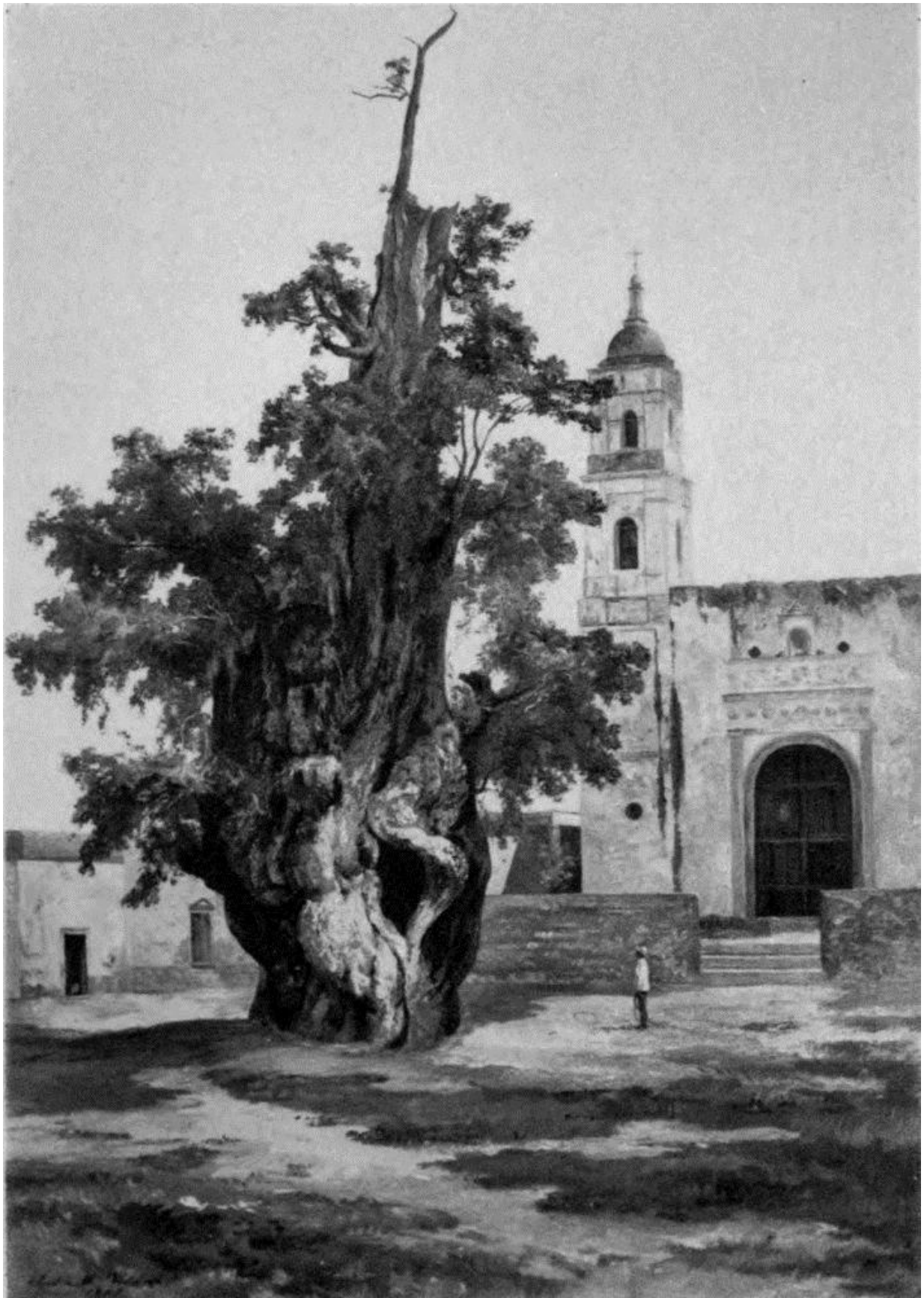
[417] Отн. Терц. де Кортес, ап. Лоренцана, стр. 237-239.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 94.—Овьедо, История. де лас Индиан, СР., библиотека 33, глава. 22.—Берналь Диас, История. Конкиста, сар. 50.—Гомара, Крона, сар. 130.—Клавиджеро назначает эту дату на день Тела Христова, 30 мая. (Клавиджеро, Stor. del Messico, tom. iii. p. 196.) Но, по словам Кортеса, испанцы покинули Тецкоко 10 мая; и между их отъездом и занятием Кохоуакана не могло пройти и трех недель. Клавиджеро, правда, устраняет эту трудность, датируя начало своего похода 20-м, а не 10 мая; следуя хронологии Эрреры, а не Кортеса. Несомненно, генерал является лучшим авторитетом из них двоих.

[Назад](#)

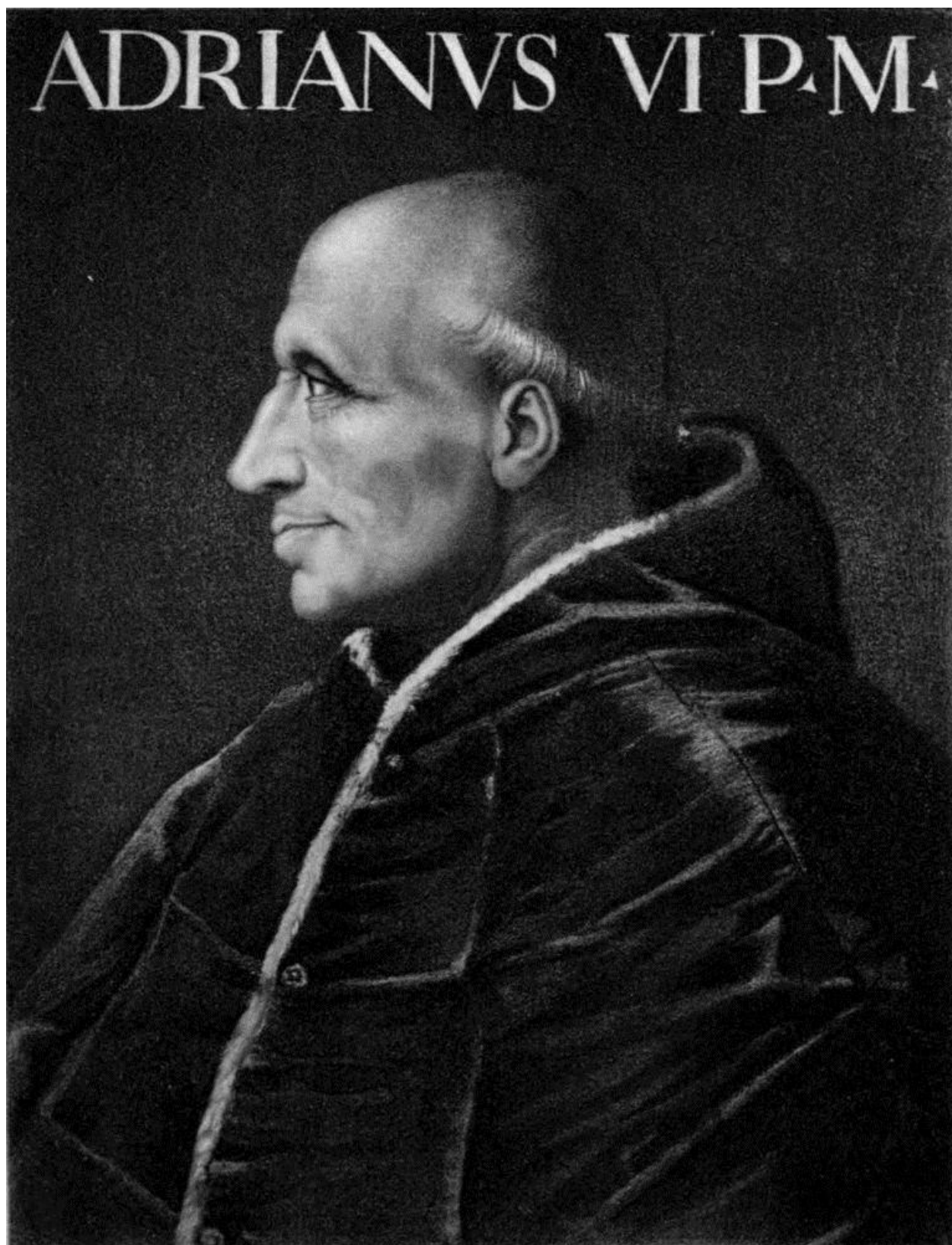
[Назад](#)

[Назад](#)

[Назад](#)

[Назад](#)